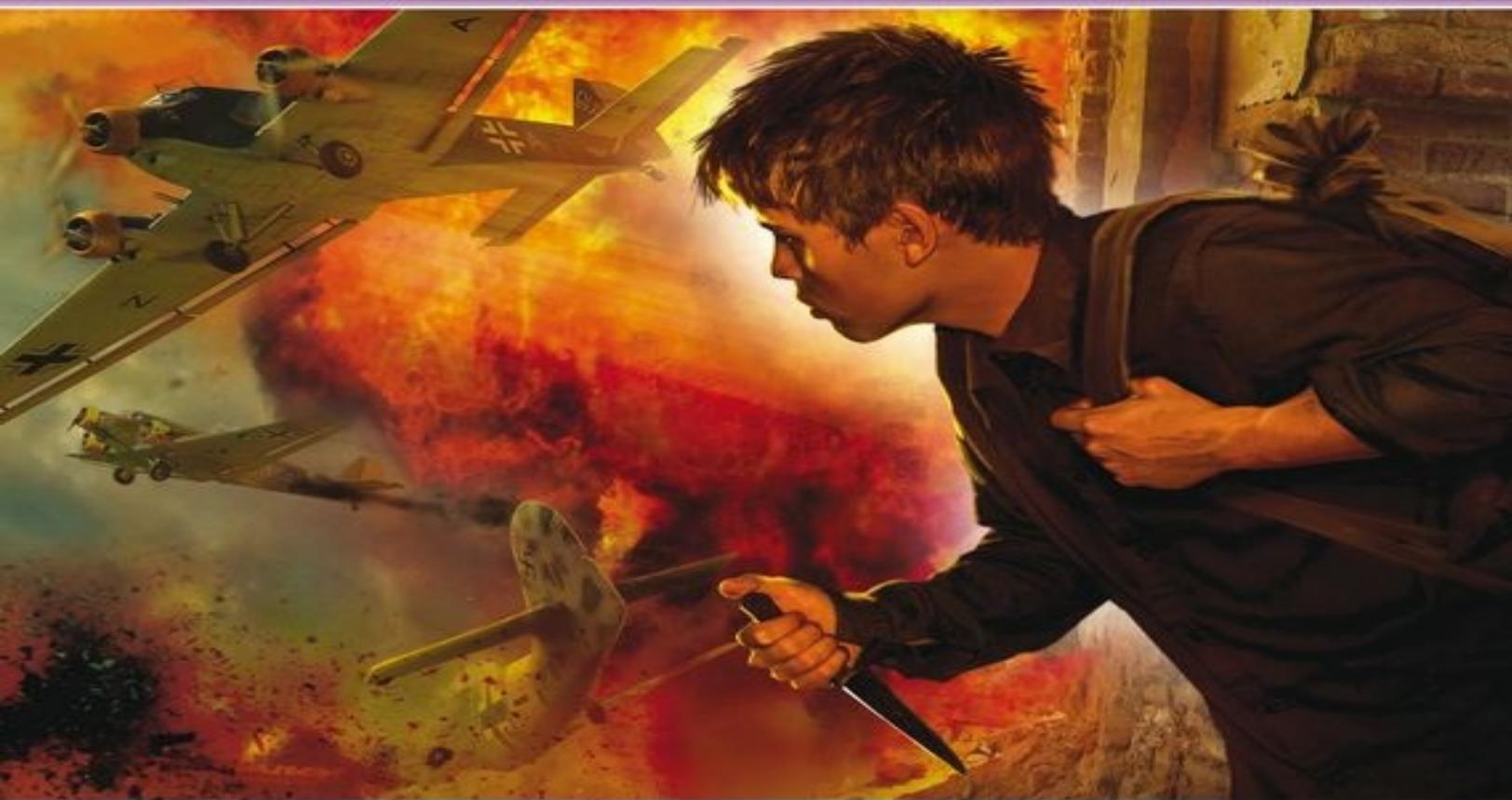




СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Владимир ПОСЕЛЯГИН



# ДИТЁ ПОСРЕДНИК

Новый мир — новая смерть

**Владимир Поселягин**

**Дитё: Посредник**

© Владимир Поселягин, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

\* \* \*

Подобранная дубинка оказалась неплохой чесалкой. Конечно, гибкость конечностей ко мне вернулась из-за молодости, но этой толстой хворостиной можно было дотянуться даже до самых труднодоступных мест. Вот я на ходу этим и занимался, пока шёл на выстрелы. Видимо, после перемещения я лежал без сознания недолго, однако этого хватило, чтобы меня изрядно искусали муравьи. Муравейника рядом не было, поэтому я предположил, что лежал на муравьиной тропе.

Долго двигаться по лесу на звуки выстрелов у меня не получилось, они стихли.

– Хм, – остановился я и ожесточённо почесал чуть выше пятой точки. – А что мне там вообще делать?

Судя по листве, был или конец весны, или начало лета: несмотря на то что я находился в лесу, да ещё и обнажённым, прохлады я особо не ощущал, – что же на открытых участках творится? Впрочем, если встретится водоём, то вполне можно искупаться. Муравьёв я стряхнул с себя, но кожа зудела: те изрядно успели потоптаться на мне и наставить синяков. Микроскопических, но всё же. Как только не забили, как того слонятку?

– Что мы имеем? – я прислонился плечом к стволу дуба с избородённой трещинами корой. – Перенос произошёл почти штатно, мне четырнадцать лет, и я молод и здоров, память при мне. Правда, у меня украли все мои возможности. Ну, да ладно, убьют, снова перемещусь, хоть и придётся полагаться только на свои умения.

Теперь по тому миру, куда я попал. Ось перемещения – это отражения ветки Земли, мне это ясно сказали. Значит, это один из временных участков Земли. Зная любовь закидывать меня в трудные моменты истории, сделаю вывод, это или Империалистическая, или Отечественная война. Только там активно использовались мосинские винтовки. Надеюсь всё же, что это именно Отечественная, всё же книги о попаданцах я читал именно по ней. Первый раз не свезло, надеюсь, сейчас повезёт... Ладно, гадать не будем, сходим и проверим, скрестив пальцы на удачу.

Этот тренинг помог мне немного прийти в себя после встречи с Богом и с архангелами, поэтому, настроившись, я уверенно направился дальше, двигаясь от дерева к дереву быстрым стелющимся шагом. Так перемещаться меня учили индейцы-следопыты из спецподразделений моей армии, когда я был Чёрным императором. А что, как сдал свои управленческие дела сыну, так и занялся тренировками, да не как раньше – по паре часов, а учился по пять-шесть, уходя в походы с индейцами не на дни, на месяцы. Так что опыта у меня хоть попой ешь. Жаль только, сейчас

я вернулся к розовой нежной коже подошв, в прошлой жизни, даже правильнее в позапрошлой, подошвы, из-за привычки ходить босиком, у меня были хорошо натоптаны, хоть по углям ходи. Ничего, и тут набью, главное сейчас о сучок не повредить.

Буквально через полтора километра движения по лесу, ладно хоть без буреломов – так всего десяток упавших деревьев встретилось, я заметил впереди какое-то движение, поэтому, удвоив осторожность, направился дальше. Причём я не только видел, но и слышал неизвестных, правда плохо, то громко, то тихо, но было ясно, что поют неизвестную мне маршевую песню, ну а когда приблизился, стало отчётливо видно, что по лесной дороге идёт подразделение солдат.

– Свезло, – широко улыбнулся я.

До воинского подразделения было метров сто, знаков различия, конечно, не рассмотреть, но форму, оружие и амуницию я видел отчётливо. Шёл взвод в пятьдесят человек. Это не в будущем, где во взводе по тридцать бойцов, нет, тут ещё не пришли через боя и кровь к знаниям, что держать во взводном штате такое количество красноармейцев расточительно, да и управлять ими сложно. По местному уставу, в отделении должно быть примерно пятнадцать бойцов, а во взводе три или четыре отделения. Так что шёл стрелковый взвод, я в этом был уверен. Впереди вышагивал командир. Я только покачал головой: синие бриджи, зелёная гимнастёрка, кобура с личным оружием на правом боку и фуражка на голове – первейшая цель для снайпера. Он бы ещё мишень на спине нарисовал для полноты комплекта!

Был ли взводным младший лейтенант или просто лейтенант, я, естественно, разглядеть не мог, да меня это и не интересовало: возвращается взвод в расположение после учебных стрельб, и ладно. Подождав, когда солдаты скроются из глаз, я поднялся и побежал в противоположную сторону. Тут мне ловить нечего. Пищу для размышлений я получил, так что, пока пересекаю лес, стоит всё обдумать.

Что мы имеем на данный момент? Точно не скажу, началась ли уже война. Все солдаты были без погон с петлицами, как и командир, а погоны введут в сорок третьем. У всех бойцов винтовки, даже пулемётов не было, ни одного ППШ, значит, всё же или довоенное время, или начало войны. Судя по лесу, предположу, что первое. Вокруг тишина, это хорошо. Теперь основная задача: добыть одежду, средства выживания, ну и естественно, узнать дату и определиться на местности. Дальше уже будем думать. Ха, по иронии судьбы меня должно было занести куда-нибудь к границе западных областей. Посмотрим... Только в одном я уверен на все сто:

к местному главе государства меня не заманишь ни за какие коврижки, плавали – знаем.

Я бежал по лесу, изредка перепрыгивая через упавшие деревья. Один раз у меня под ногами мелькнула чёрная извивающаяся лента. Даже не напугала, я искал их глазами. У индейцев змеи считались деликатесом, поэтому на бегу я подхватил гадюку, оторвал ей голову и подвесил вниз обрубком, чтобы кровь стекала. Пока огня у меня не было, да и распотрошить змею было нечем, но меня учили есть их сырыми, да и на будущее пригодится.

Пробежал я порядка десяти километров, по счастливой случайности избежав повреждения стоп и других неприятностей, но это потому, что очень внимательно смотрел под ноги, выбирая себе путь. Как бы то ни было, впереди показался просвет – это была опушка.

Я остановился и осмотрелся, изучая обстановку вокруг и прислушиваясь. Не показалось, где-то вдали надрывно выл двигатель.

– Хм, это что же так подвыывает? Полуторка? – задумался я на пару секунд и рванул дальше.

Предчувствие меня не обмануло. Когда я залег в кустарнике на опушке – рядом с пробегала полевая дорога, – на повороте показалось угловатое чудо местного автопрома. Погромыхивая тарой в кузове и завывая, как боевой кот перед дракой, грузовик проехал мимо и удалился под моим задумчивым взглядом. Техника, конечно, раритет, да и ушатана до предела, но гражданская. В кабине сидели водитель и сопровождающий, а в кузове, среди десятка жестяных бидонов, двое мальчишек лет десяти, в светлой одежде и, что примечательно, с красными пятнами галстуков на шеях.

Машина уже давно скрылась за очередным вывертом дороги, но я все лежал на траве. В кожу больно впивались мелкие сучки, а я размышлял, что делать дальше. И так понятно, сообщать о себе всем подряд не стоит: хрен его знает, те два Посредника переместились в этот мир или другой, а мы враги и будем уничтожать друг друга, главное, чтобы Гриша к немцам не перебежал, этот может. Хотя с другой стороны, чтобы их найти, нужно вызвать огонь на себя, сделать громкое дело и ждать на месте или моих недругов, или их людей, что дадут след.

Пока я размышлял, следом за полуторкой показалась длинная змея детской пешей колонны. Когда та приблизилась, я рассмотрел, что воспитателей было всего пятеро, а вот детей почти две сотни, от восьми до десяти лет. Половина в галстуках.

– Хм, пионерский лагерь, что ли, где-то рядом? – задумчиво проводил

я их взглядом.

В это время шагавший впереди ведущий скомандовал запевать – по-русски, кстати, что тоже порадовало, – и малышня грянула довольно бодрую песню: даже соловьи были, что с присвистом провожали каждый припев. Молодцы, могут. Они тут все только колоннами да под песни ходят, или это мне так свезло?

После недолгого колебания следовать за пионерами я не стал, хотя те явно шли к своему лагерю с купания: у многих были влажные полотенца, да и, судя по солнцу, вечерело уже. А не пошёл следом потому, что делать мне с ними было нечего, ладно бы постарше детишки были, утянул бы какую-нибудь одежду, а эта мне не подходила: рост как у взрослого, хотя плечи пока и узкие – через полгода и они раздадутся, – но всё равно одежду мне подобрать непросто. Ничего, придумаю что-нибудь. Главное, я теперь знал, в какой стороне водоём, значит, неподалёку должен быть какой-нибудь населённый пункт, а там разберёмся. Говорю же, не хочу привлекать к себе внимание. Пока не хочу, не отошёл ещё от предательства русского императора.

Когда дети скрылись за поворотом дороги, я неторопливо встал, стряхнул налипший на кожу мусор и побежал вдоль опушки в сторону пляжа. Как оказалось, до него было недалеко, меньше двух километров, и водоём был не озером, как я предполагал, а довольно широкой речкой, метров сто точно.

От моей змейки за это время остался один хвост. Пальцами освежевав упругое длинное тело, я медленно на бегу принимал калории, так что даже успел насытиться.

У реки остановился и стал с интересом рассматривать город, что расположился на берегу, и двухпролётный железнодорожный мост. Тот был пустой, эшелонов не наблюдалось, лишь охрана лениво прогуливалась рядом, однако дотов или чего-то подобного я не заметил, только сторожки. У охраны были не пилотки, как у встреченного стрелкового взвода, а фуражки. Странно. Это или сотрудники НКВД, или бойцы железнодорожных войск для охраны подобных сооружений.

Далеко, до моста километр, особо не разглядишь, но часовых двое, это точно. Похоже, те военные сюда и направлялись. Видимо, где-то в городе у них казармы.

Закончив изучение моста, я стал разглядывать город. С моего места он просматривался не весь, но по примерным прикидкам, жителей было тысяч пятьдесят, не меньше. Высоток нет, максимум пятиэтажки, но вдали виднелись корпуса какого-то завода и железнодорожная станция. В центре

высотные дома, по окраинам раскинулись частные подворья. До ближайшей улицы метров триста. Железная дорога пробежала по окраине городка, к счастью как раз с моей стороны. На дороге не сказать что было пусто: пока я хмурил в размышлениях лоб, из города и в город проехало десятка два жителей, кто на автобусе, кто в кузове грузовика, кто на телеге, пяток так вообще на велосипедах. Военных не было, все гражданские, город явно жил по мирному времени, похоже, войны ещё нет.

Пока я не определился, подойдёт мне это или нет. Цели я достиг: всё, что мне нужно, можно получить в этом городе. Конечно, можно ограбить и допросить обычного жителя, но оставлять свидетелей мне претило, диверсантская жилка грызла, поэтому требовались языки из той среды, которую не жаль уничтожить. Всё правильно, я о социальных элементах, то есть о бандитах, ворах и урках. Это идеальный путь вживания в здешнюю жизнь. Местные власти обо мне в этом случае ещё до-о-олго не узнают. Заодно выясню, где нахожусь и в каком времени. Правда, об альтернативном варианте я тоже помнил: когда вешаешь на себя всех собак и смотришь, кто первым прибежит на шум полюбопытствовать.

Вечерело быстро, но ждать я не стал. Дело в том, что мне было видно несколько десятков участков с задней стороны частных домов. Во многих были натянуты веревки для белья, и только на двух из них что-то сушилось. Они-то меня и заинтересовали.

Между опушкой и лесом проходил овраг, над ним был проложен деревянный автомобильный мост, на другой стороне стояли уже крайние дома. Оставив недоеденную змею на опушке, я по-пластунски прополз через овраг и заскользил к штакетнику забора. Гремя ведром, по тропинке пробежали в сторону реки трое мальчишек с удочками на плече, однако меня не заметили. Переметнувшись через тропинку – тут местность открытая, – я перемахнул через забор и упал между невысокими кустами картошки и пополз дальше. В двух соседних огородах возились хозяйки, но меня они не засекли.

Оставив поле с картошкой позади, я прополз мимо грядок с капустой и, вскочив, одним рывком добрался до сарая: между ним и домом и были натянуты верёвки с бельём. С этой стороны дома было окно, но я старался двигаться так, чтобы меня изнутри не было видно, пока сарай совсем не скрыл меня.

Видимо, хозяйева были на работе, потому как с подворья, кроме кудахтанья кур и повизгивания свиньи из сарая, ничего не было слышно, но я всё равно остерегся, мало ли соседи разглядят и поднимут крик. К сожалению, местная хозяйка предпочитала стирать постельное бельё

и занавески – именно так я подумал, разглядывая то, что висело на верёвках, но всё же одежда была. В основном детская, но это и понятно, дети больше пачкаются, однако и взрослая тоже. Судя по платицам и штанам, в семье было двое детей, мальчик и девочка, однако меня больше привлекла рубаха. Простая, серого цвета мужская рубаха, которая давно высохла. Сняв её с верёвки и сложив в тюк, я так же быстро покинул территорию этого подворья. Следующий участок с бельём находился через четыре двора.

Народу стало прибавляться: вечер, люди с работы идут, – поэтому проникнуть на второе подворье я не рискнул. Но кое-что удалось взять, и то хлеб. Я заметил, что многие направляются к речке, и только досадливо скривился. Стоило так рисковать, когда можно просто позаимствовать одежду у купальщиков! Правда, и рубаха может пригодиться, сэкономит мне время.

Направлялся я к речке по дну небольшого оврага, с мой рост глубиной. Шагал уверенно: накинутая рубаха была мне до середины бёдер. Не особо скрываясь, я вышел к местному пляжу. Часть его была песчаной, часть земляной, как остальной берег. Семьи располагались в основном на песке, на полотенцах или покрывалах, а молодёжь устраивалась кто где. Присев в тени кустарника, я внимательно наблюдал за пляжем, выбирая цели. Брать я решил с миру по ниточке, так сказать. С кого штаны, с кого обувь или головной убор.

Кстати, оказалось, мост вообще не имел охраны, те, кого я принял за часовых, были ремонтниками, что проверяли мост. Они и теперь выправляли что-то кувалдами. Железная дорога не сказать что была пуста. Когда я занимался рубахой, шныряя между грядками, в город заполз поезд, постоял на вокзале и ушёл дальше. Судя по солнцу, на запад. И только сейчас, пока я сидел в тени кустарника, прошла открытая дрезина с тремя пассажирами, следом за ушедшим поездом. Она была на механическом ходу: слышался перестук бензинового движка.

В это время моё внимание привлекла группа парней лет пятнадцати, что вышли к берегу и стали раздеваться, весело гомоня. Одежду они развешивали на ветках кустарника. Судя по следам, эти ветки часто использовались как вешалки. Почти у всех – чёрные боксёрские трусы, лишь у двоих нательное бельё было светлым, но той же формы. Белые майки были у всех.

Меня порадовало, что кустарник находился всего в пятидесяти метрах от точки моего наблюдения. Поэтому я с усмешкой посмотрел, как с криками и гиканьем молодёжь полезла в воду. Кто они, не знаю: или

школьники, или студенты одного из местных техникумов. Я, кстати, до сих пор не выяснил, где нахожусь, никакого указателя на дороге и в помине не было, так что разведка продолжалась.

Когда парни полностью погрузились в водные игры – одни наперегонки рванули к противоположному берегу, другие с интересом за ними наблюдали, – я встал, отряхнул ноги от налипшей листвы и другого мусора, после чего неторопливо направился к нужному кустарнику, переступая через одежду или покрывала других отдыхающих.

Ещё когда парни раздевались, я прикинул и заметил, где лежит одежда мне по размеру, поэтому знал, что брать. Шёл спокойно, рубашка позволяла мне гулять, укрывая достаточно от нескромных взглядов отдыхающих. Подойдя к кустарнику, я присел в его тени и стал примерять обувь по ноге. Это единственное, что мне издали не удалось прикинуть по размеру. Дальше просто: аккуратно снял с ветки чёрные штаны, оставив рубашку и кепку, натянул их, застегнул ремень и, закатав штанины до колен, с обувью в руках неторопливо направился по тропинке к ближайшей улице. На меня так никто и не посмотрел, большая часть отдыхающих была в воде. Мне, кстати, тоже не помешает окунуться, но позже. Не тут.

Свернул на улицу, я тут же присел и надел обувь – это были полуботинки на шнуровке. Раскатал штанины и заправил рубашку внутрь – и превратился из отдыхающего в простого советского паренька.

Я зашагал в сторону железнодорожной станции. Деньги были, хотя и не много: я успел пошарить по всем ближайшим карманам. Нашёл, в основном мелочью, шесть рублей, или семь – не до подсчёта было.

Как я уже говорил, станция находилась с этой стороны городка, поэтому добрался до места я быстро. Первая неожиданность: город назывался Серпухов. Оказалось, всё это время я находился под Москвой. Тут до столицы всего ничего. Пройдя мимо касс, я подошёл к стенду со свежими газетами и первым делом изучил заголовки с датами.

Прелестно, просто прелестно. Содержание газет меня не заинтересовало, я пока плохо ориентировался в местной жизни. Главное, я узнал дату: на части газет было тринадцатое число, но у трети уже четырнадцатое. Думаю, сегодня именно четырнадцатое.

– Восемь дней до войны, – пробормотал я, отходя от стенда.

Теперь появилось время уже более детально осмотреться в здании вокзала. Народу хватало, всё же в городе более десяти тысяч населения. Даже сотрудник милиции был в синих галифе и белой гимнастёрке. Сержант, судя по треугольникам в петлицах. Я насчитал в здании человек двадцать, и снаружи почти столько же.

В кассах открыто было одно окошко из двух. Я встал в небольшую очередь. Бумажка с расценками на билеты висела у окошка кассы, поэтому, пока двигалась очередь, я успел ее изучить. До Москвы проезд стоил всего рубль шестьдесят копеек. Побренчав мелочью в кармане, я сообщил пожилой кассирше, куда собираюсь, узнал, что ближайшая *электричка* будет только через два часа, купил билет и, убрав жёсткий картонный квадратик в карман рубахи, вышел на улицу. Я решил немного подкупить запасов еды на дорогу у бабулек. Змея, конечно, хорошо, но пирожки лучше.

Я был чист лицом, хотя и не купался: ополоснулся в бадье для полива в огороде, где позаимствовал рубаху, так что ходил я спокойно.

Бабулек – а торговали в основном женщины, лишь один дед притулился с краю – было не больше десятка. И сидели они не зря: подходили к ним купить то одно, то другое. Я тоже подошёл. Мне раньше казалось, что в этом времени их должны гонять, но нет, спокойно торгуют. В основном тем, что с огорода, но были и простые вещи из обихода: дед, например, сидел на самодельном раскладном стульчике у открытого чемодана. Там не было еды, только то, что пригодится в дороге. Бывает же, что-то нужное забудешь, вот он такой мелочью всякой и торговал. Ну, это и понятно, старикан молодец, видимо, изучил конъюнктуру, ничего лишнего не таскал, зато все необходимое проезжим имелось. Кстати, в город как раз вползал очередной пассажирский поезд, и шёл он как раз на Москву, но мой-то позже будет.

– Здорово, дед, – весело поздоровался я, присаживаясь перед лоточником на корточки и обегая взглядом многочисленную мелочь, сложенную в чемодане.

– И тебе поздорову, – с интересом посмотрел тот на меня из-под кустистых бровей.

– Московский? – с интересом кивнул я на подходивший к перрону поезд.

– С Тулы идёт, – согласился тот, внимательно наблюдая, как я откладываю в сторону заинтересовавшие меня вещи.

А отобрал я в сторону действительно нужные вещи. Первым делом перочинный нож с отличным, остро заточенным лезвием, потом бумажную вытянутую коробку с новенькой, не пользованной зубной щёткой, круглую жестяную коробку зубного порошка, расчёску и небольшое карманное зеркальце.

– Сколько? – указал я на отложенное.

– Три рубля, – быстро сказал тот.

– Рупь, – покачал я головой, заодно поглядывая вокруг.

– Мало, два восемьдесят...

Мы медленно снижали планку, пока не остановились на двух рублях пятнадцати копейках. Думаю, не переплатил. Я распихал по карманам покупки и направился на перрон, после чего вскочил на подножку начавшего движение поезда, показав проводнице квадратик билета. И та пропустила меня. Ждать свой поезд я не хотел, решил направиться в Москву на этом. Пантомима с предъявлением билета помогла, та, даже не взглянув на него, пропустила меня в плацкартный вагон, куда я и метил.

Ошибка в том, что я сел не на тот поезд, выяснилась через десять минут, но состав уже набирал скорость на окраине Серпухова, и проводница с глухой руганью все-таки устроила меня на свободное место. Чая, естественно, не предложила. Жаль, что я не успел купить пирожков, зато покупки были стоящие, ими топырились карманы моих брюк и рубахи.

Откинувшись на спинку сиденья у окна, я бездумно смотрел в окно. Первый этап прошёл, теперь у меня уже есть возможность осмыслить дальнейшие шаги. Направиться к Сталину? Я что, на идиота похож? Нет уж, повторяюсь, хватит с меня встреч с местными правителями. Так что остаётся одно – у меня по телу пробежала дрожь предвкушения – воевать. Да-да, я собирался несколько дней погулять по ещё мирной Москве, а уж после двинуть к границе. Думаю, за пару дней успею добраться – как раз к началу войны. Посмотрим, действительно ли птенцы Геринга расстреливали пассажирские поезда. Я столько читал об этом времени всяких фантастических книг, что хотелось увидеть своими глазами.

Планы у меня были просты. Я, конечно, ещё та сволочь, но всё же помочь местному руководству хотелось. Так что в Москве у меня стояло две задачи: подготовиться к войне, то есть оснаститься и создать пару лежбищ в столице, ну и написать, как это ни странно, Сталину письмо на предмет возможного будущего. Встречаться я не желал, а написать было можно, душа требовала хоть так помочь нашим. Это, конечно же, наметки, но пока я буду им следовать.

Я устроился на полке и размышлял, разглядывая пейзаж за окном. Судя по часам на вокзале в Серпухове, был седьмой час, надеюсь, к восьми мы до Москвы доберёмся.

Я ошибся. Это чудо местных конструкторов ползло к столице все два часа, уже солнце начало закатываться, когда поезд, наконец, встал у перрона. Получается, что если бы я сел на свой поезд, то прибыл бы

в Москву уже ночью? Весело.

На вокзале я с интересом крутил головой. Мне нужны были местные карманники, чтобы начать работу повышения своего благосостояния сразу же. Времени на разведку местной территории не было, поэтому я собирался импровизировать. Проще говоря, найти карманников, определить старшего и отследить его до малины. Там уж разберусь.

Часы на вокзале показывали без десяти девять. Было достаточно светло. Однако, жуя в стороне кусок ватрушки, купленной в привокзальном буфете, я за десять минут наблюдения не засёк ни одного карманника. Или они тут не работали, или их здесь повывели как вид, в чём я сомневался. Если бы они были, я бы их засёк, меня этому учили ещё в спецшколе. Ментов и военных хватало, однако я на них мало обращал внимания, но фиксировал боковым зрением перемещение людей на площади. Ну не видел я карманников, и всё тут! Вполне возможно, они раньше прекратили работу и уже отдыхали.

День терять не хотелось, но пришлось. Закончив с ватрушкой, я допил чай, отнёс стакан буфетчице и, покинув Курский вокзал, направился в сторону одной из улиц. Пока я был сыт, одет-обут, а дальше посмотрим. Вскочив на подножку проезжающего мимо трамвая, я покатил в центр Москвы.

Искать место для постоя я не стал: зачем платить, когда есть готовое. Нет, я не про гостиницы и съёмные квартиры, тем более найти нормальное место – очень трудная задача, Москва переполнена. Просто я решил воспользоваться опытом из прошлой жизни. Аккуратно вскрыл замок детского сада, там даже сигнализации не было, и, совместив четыре кровати, накидал подушек и направился в санузел. Там я не только сделал все свои дела, проигнорировав детские горшки, но и полностью помылся, не забыв причесаться и почистить зубы купленной щёткой. Жаль, у старика полотенца не было, закончились. Пришлось воспользоваться местными. После водных процедур под раковиной я прошёл в зал и устроился поперек на кроватях и уснул.

Внутренние часы разбудили меня ранним утром – с моим-то опытом это было не трудно... Я быстро умылся, почистил зубы и, поставив кровати как были, покинул садик. Было шесть часов, но я надеялся, что колхозный рынок уже открылся. Если нет, то, пока добираться, заработает. Главное, узнать, где он находится. Ничего, язык до Киева доведёт, спрошу у прохожих.

Так и поступив, я сел на нужный трамвай и после двух пересадок

оказался на месте. Полчаса, и я у ворот колхозного рынка. Тот уже работал: воскресенье пятнадцатого июня – самый, можно сказать, рабочий день. Трамвай, несмотря на раннее время и выходной, был переполнен, и меня прижали к одной фигуристой, но некрасивой девице, причём так, что я прижимался к ее спине и просто не мог не отреагировать на ягодичы, что тёрлись о мои брюки. Та почувствовала, что что-то не так, но что именно, сообразила не сразу, смущенно захихикала и, покраснев, пыталась отодвинуться, да куда там, от её возни он ещё больше встал. Так она и ехала с красным, как помидор, лицом, изредка смущенно хихикая под мою широкую улыбку. Двигая бёдрами, чтобы отодвинуться от меня, она меня так завела, что пришлось принять некоторые меры, чтобы ничего не было видно, когда я покидал трамвай, ну и попку её потискал, деваться ей всё равно некуда было, да и мне нужно было получить компенсацию за все её действия. Была мысль, прямо там стоя её и обиходить, но похоже, девица была на грани смущения и могла поднять крик. Да и не было у меня опыта иметь девушек в общественном транспорте, когда тебя стиснули со всех сторон. До её довольно крупной груди я так и не дотянулся, другому мужику повезло. Она, стараясь отодвинуться от того, что упиралось ей в ягодичы, затыркала грудями в спину мужика. Он как раз выходил со мной, и на остановке платком вытирал пот на лбу, хотя было не так уж и жарко, да и со штанами у него был не порядок. Вот девица молодец, двух мужиков довела до... в общем та ещё оторва, похоже, хотя и строит из себя невинную овечку. Правда, судя по её виду, это был последний раз, когда она едет в переполненном трамвае.

Заходить на территорию рынка я не стал. Хотя продавцы и покупатели уже гомонили, но собрались ещё немногие. Покидая подножку трамвая – пятак всего за проезд, – я заметил точку общепита с открытыми дверями, и теперь направился к ней. Я уже пришел в порядок и неторопливо шагал, поглядывая вокруг. Второй мужик, облагодетельствованный девицей, сидел на остановке и лишь потом куда-то двинул.

Столовая обслуживала рабочих ближайшей фабрики, поэтому открывалась уже в шесть утра и готовых блюд уже хватало. Зал был плотно заполнен, несмотря на выходной. Я сделал заказ и занял место за столиком. Стульев не было, предполагалось есть стоя, как в пивнушках. За моим столиком уже питались двое, они были не против компании. Судя по виду, фабричные работники, обоим лет по тридцать.

Плотно наесться я не собирался, предстояла серьезная работа, но лёгкий завтрак для поддержания сил был необходим. Именно поэтому я заказал бутерброды с колбасой и сладкий чай. Официанток тут не было,

полное самообслуживание, поэтому когда мой заказ был готов, я сходил за ним и вернулся за столик. Неторопливо завтракая, из-под длинных ресниц я разглядывал контингент вокруг. В основном тут действительно были рабочие – видимо, сегодняшняя смена на фабрике. Остальные – кто местные, кто с рынка зашёл. Ничего интересного, люди как люди, и я из их круга не выбивался. Держался как все.

Во время еды я размышлял: пора приниматься за дело – ещё ничего не предпринял, а в карманах уже шаром покати, остался всего рубль с мелочью. Нужно найти карманников, дожждаться, когда они пополнят свою кассу, и аккуратно отобрать её у них. По возможности ещё, если повезёт, ствол отобрать. Если будет, конечно. Обычно они с ножами ходят. В принципе, оружие мне особо не нужно, у границы будет достаточно возможностей добыть его, а вот нож, особенно с хорошим балансом, нужен позарез. С перочинным я, конечно, тоже серьёзный противник, но нужен именно боевой нож, та же боевая финка подойдёт, главное, чтобы её знающий мастер делал.

Пока я завтракал, за соседним столом четверо рабочих с фабрики начали спорить, будет война или нет. Остальной словесный мусор я пропускал мимо ушей, а тут заинтересовался, как и остальные посетители. Хоть время скоротал, слушая этих спорщиков. Один говорил, что войны точно не будет, пакт подписан, другой твердил, что немцам верить нельзя, чем вызывал у меня одобрительное кивание.

Чем закончился спор, я не дослушал, так как уже позавтракал – видимо, спор продлится долго. Сдав посуду в приёмное окно, я покинул помещение общепита и направился ко входу на рынок – до ворот метров сто всего: перейти улицу, пересечь трамвайные пути, и всё, ты у входа.

Дальше я просто гулял по рядам, поглядывая на товары, выставленные на продажу, и прикидывая на будущее, что брать, а главное, искал карманников. Повезло мне через час, я засёк тринадцатилетнего карманника, правда, быстро выяснилось, что работал тот без команды, детдомовский, видимо, на себя шакалил. Вот в следующий раз действительно повезло, заметил уже спаянную команду. Работали те любо-дорого посмотреть. Шесть наблюдателей ищут жирных клиентов, и трое парней непосредственно работают. Потом они передавали украденное одному из наблюдателей, и тот доставлял ценные вещи и деньги старшему. Но держал тот всё награбленное не на себе, а в школьной сумке десятилетнего парнишки, что ходил за ним по пятам. Умный сукин сын, ментам его взять было не на чем, а пацан по возрасту не подсуден. Уверен, что у старшего и ножа при себе нет.

Я прикидывал свои дальнейшие действия, поглядывая за старшим со стороны. Нашёл я его сразу. Вернее, меня к нему почти сразу привели. Дело-то простое: как только был взят пухлый кошель у мужичка в чиновничьем френче, то один из наблюдателей доставил добычу старшему, и меня к нему привёл. Дальше карманники меня не интересовали, я контролировал их главу. При этом я заметил двух громил, видимо это были боевики для силовой акции, на случай, если что пойдёт не так. Говорю же, всё продумано у местных.

Долго ждать не пришлось, уже к полудню старшой в сопровождении пацана направился к выходу, чтобы скинуть взятый хабар в схрон. Остальные карманники рассосались, видимо на сегодня они отработали. Боевики вот не ушли, а со стороны сопровождали своего старшого. Малина и схрон меня, конечно же, тоже интересовали, поэтому я не стал их брать сразу, хотя улочка, куда свернули воры, была практически пуста. Выходной, кто на пляже, кто на огороде, тем более солнце жарило очень прилично.

Всё же воры были не так и плохи, даже проверялись от возможности слежки, но делали это несколько топорно. Сорок минут путешествий по узким улочкам старого города, и мы вышли к пятиэтажке из красного кирпича. В один из подъездов и шмыгнули старшой с пацаном, боевики остались снаружи, только закурили, переговариваясь. Дворик был пуст, и лавочки пусты, и территория. Время обеденное, все по домам разошлись.

Когда из подъезда выскочил паренёк, что таскал сумку с награбленным, правда уже без неё, и направился в сторону проулка, я последовал за ним. Пять этажей, в какую квартиру зашёл старшой, я не знал, так что нужно получить сведения, и паренёк на это подходил как никто другой. Я, конечно, детей не любил пытать, да и не собирался, думаю, пары щелбанов хватит, так что двинул следом.

Догнал я его быстро, осмотрелся и, вырубив одним лёгким ударом по затылку, затащил в густые кусты. На моё счастье, кто-то из дворовых детей тут сделал шалаш, и тот был пуст. Устроив внутри пацана, я быстро привёл его в чувство и задал первый вопрос. Я был готов в мгновение заткнуть парню рот, если он попытается закричать. Обыск ничего мне не дал, кроме мелочи и большого ключа, видимо от замка дома или квартиры, где он жил, в карманах было пусто.

Молчать тот не стал. Как только я взял в щепотку его кожу на ноге, чтобы сделать гусиный укус, он, размазывая слёзы и сопли, выложил всё как на духу. К счастью, паренёк оказался приметливым, поэтому о двух схронах в квартире он знал. Квартира была на третьем этаже, крайняя

справа. Не верить ему у меня причин не было. Его учили противодействовать милиции, убеждая, что те ему ничего не сделают, даже бить не имеют права. В принципе, правильно говорили, но я-то не милиция – я страшным голосом сообщил, что с ним сделаю и куда расчленённое тело деду, вот он и поплыл. Так что в достоверности сведений я был уверен, осталось только провести акцию. К тому же парень сообщил, что в квартире были трое: его старший брат, тот самый старшой у карманников, глава местной колды, которому подчинён со своей шайкой его брат, ну и подручный главы. А гоблины – ну, боевики, что их сопровождали со стороны – уже должны были уйти: им не давали из окна отмашку подняться.

Вырубив воришку, причём надолго, я выбрался из зарослей и направился к нужному дому. Я не опасался, что пацанчик меня опознает в будущем: вырубил я его со спины и завязал глаза, так что он только слышал мой голос. Шансов найти меня у местных воров не будет.

Гоблинов, как и ожидалось, не было, зато народ вышел на прогулку после обеда. Они мне не мешали, поэтому я спокойно поднялся на третий этаж, проверил замки и, достав перочинный ножик, просто отжал язычок замка и приоткрыл дверь. Беспечность бандитов меня не удивила, я знал о внутренней цепочке, поэтому сквозь щель осмотрел коридор. Тот был пуст. Просунув руку, я с некоторым трудом открыл цепочку. Думаю, будь моя рука чуть толще, вряд ли бы и у меня это получилось. Второй вариант – рывком порвать её – был у меня в запасе, но к счастью, шуметь не пришлось.

Торопливо прикрыв дверь – сверху кто-то спускался, судя по шагам, немалого веса, – я снова накинул цепочку и, прислушавшись, направился дальше. Воров я нашёл в первом же помещении. На кухне. Они обедали за большим столом, звеня ложками о дно тарелок. Судя по запаху, на первое у них был борщ. Пахло изумительно. У меня даже живот забурчал.

– Тихо, – скомандовал вор в широких штанах, тапках на босу ногу и майке, которая оставляла на виду многочисленные зоновские наколки. – Слышали?

– Нет, ничего, – после полуминутного напряжения слуха покачал головой второй, тоже с наколками. Видимо, подручный старого вора Чиж. Брат паренька был тут же.

– Вроде заурчало что-то, как кот.

Я уже успел изучить кухню, прикинул, что и как, поэтому, как только жильцы снова принялись за еду, быстрым шагом вошёл на кухню и взял скалку с буфета и разделочную доску с кухонного стола у плиты. Та была

хороша, из дуба да с рукояткой. Естественно, меня заметили сразу, вскочили, опрокинув посуду, но было поздно: ребром разделочной доски я ударил в висок Чижа, сразу насмерть: тот потянулся к ножу. Потом скалкой проломил голову брату паренька – этот тоже наглухо. Доской отбил выпад финки местного пахана и скалкой сломал ему руку. Куда ему со своим ножичком против профессионального фехтовальщика, который не раз в сече участвовал! Сломав разделочной доской вторую руку матерящемуся вору, я вырубил его и, осмотрев лежавшее тело, пробормотал:

– А без ускорения даже интереснее воевать.

Нужно было торопиться. Быстро обыскав тела, я сложил найденный хабар на стол: в основном мелочёвка, лишь две самодельные, неплохо изготовленные финки выбивались из всякого мусора. Конечно, сигареты меня не интересовали, но я их тоже взял, вместе со спичками и единственной зажигалкой. Серебряной, между прочим.

Связав вора его же штанами, которые я порезал на лоскутки одной из остро заточенных финок, я начал шмон квартиры. Со схронами тот паренёк не ошибся, видать, действительно смог приметить, куда прячут награбленное. Из-под половицы у шкафа я достал тяжёлый свёрток. В нем должно было быть в основном золото и серебро, но для них он был тяжеловат. Второй схрон был сделан классически: под подоконником спальни. Квартиру, кстати, я не забыл обыскать, после чего перенёс все находки на кухню, где на столе и распотрошил все свёртки. В первом, к моему удивлению, кроме рыжья было оружие. То-то мне почудился запах оружейной смазки! В свёртке были два ТТ и наган. И боеприпас имелся. К ТТ по два запасных магазина и по двадцать патронов россыпью, оружие было в снаряжённом состоянии, к нагану – три десятка патронов. Кроме этого, в свёртке в отдельных мешочках были разные ювелирные украшения, даже два портсигара, серебряный и золотой, а уж колец не сосчитать, даже часов шесть пар, четыре серебряных и двое золотых. Все на длинных цепочках, какие-то луковицы дореволюционные. Наручные часы у меня уже были, новенькие, снял с Чижа, поэтому я снова завернул находки в один свёрток.

В другом были деньги, бумажные купюры. Ни кошелёй, ничего иного, лишь перетянутые бечёвкой деньги. Видимо, весь снятый карманниками хабар. Вытащив пачку разномастных денег, убрал их в карман рубахи – это на покупки. Пришлось сворачивать их, купюры были непривычно большие.

Потом я снова пробежался и нашёл в шкафу полупустой армейский

сидор с какими-то тряпками. Вот туда я всё и сложил, даже свои карманы освободил, оставив лишь расчёску и зеркальце.

Вор к моему возвращению уже очнулся. Я подошёл, ударил его ногой по почкам, выдернул кляп и спросил:

– Будем говорить или болезненно умирать?

– Пошёл ты, – прохрипел тот.

– Другого я и не ожидал, – хмыкнул я и, вернув кляп на место, взялся за разделочную доску.

Когда я ему начал дробить кости второй ноги, тот «вдруг» скончался. Сердце не выдержало. Однако всё же кое-что рассказать он успел. Например, о третьем схроне. Его личном.

Сдох, и ладно. Оставив его связанным на месте, я сходил в зал – квартира была трёхкомнатной – и вскрыл третий схрон. Спрятан тот действительно был хорошо, с искусством, в рояле. Там находился ещё один наган, но уже новый, муха не сидела. Он был в пушечном сале, да и патронов шестьдесят штук. Кроме оружия было пять десятков золотых царских червонцев и крупная сумма, почти такая же, что и под подоконником.

Убрав эти находки в сидор, я пробежался и стёр кухонным полотенцем все свои отпечатки – я помнил, где чего касался. Совершив уборку, я снял цепочку и, так же протерев ручки и саму дверь, запер замок. Придерживая висящий на правом плече сидор, я неспешно направился вниз.

Судя по наручным часам, было полвторого. Время ещё оставалось, поэтому я решил найти временное жильё на пару дней и закупиться на рынке. Рынок можно и на завтра перенести, а вот билет в сторону Минска я решил купить сейчас же, а то раскупят, придётся на перекладных ехать, чего очень бы не хотелось. Нужно было отдохнуть перед началом боёв, там уже некогда будет.

Пока я уничтожал воров, конечно же, несколько капель крови попали на мои брюки, но я отстирал их. Не страшно, даже подсохнуть успели. Ничего больше из квартиры я решил не брать. Да и одежды там было не так много и всё не по размеру.

Покинув этот квартал, я осмотрелся и направился в сторону ближайшей трамвайной остановки. Язык и тут вырубил. У женщин я вызнал адрес, где можно спокойно снять комнату, и направился на трамвае в нужную сторону. Сдавали комнату в коммуналке. Дорого, но мне сойдёт, главное, вся комната моя. В Москве действительно острый дефицит жилплощади, и сдавали ее за бешеные деньги.

Подсказавшая адрес женщина жила в той самой коммуналки и дала

адрес хозяйки. Та на лето переехала к дочке на окраину столицы, помогала с огородом, и на это время сдавала свою комнату. Мне вполне подходило. Правда, хозяйка хотела сдать на длительное время, а я собирался задержаться лишь на несколько дней, но думаю, договоримся, тем более комната у неё пустует вот уже неделю. Больно уж цену она загнула.

Так и получилось. Хозяйка недолго думала, сообщила цену, с которой я, после недолгого торга, согласился, и мы от дома дочки направились в центр – оказалось, комната находилась в центре столицы.

Дальше меня познакомили с жильцами, из-за выходного дня большая часть была дома, и вручили ключ. Комната была двадцать квадратов – довольно приличный размер. Шкаф, панцирная кровать, стол, радиоприёмник, буфет и небольшой ковёр на стене – вот и всё, что нажила хозяйка. Постельное бельё она мне застелила, так что можно было жить. Показала, где можно хранить продукты, пыталась объяснить очерёдность готовки на кухне, но я сказал, что питаться буду не дома. Плату за неделю вперёд я ей вручил, хотя собирался прожить тут меньше, так что вернулась к дочке она довольная. Я же убрал сидор в шкаф, проверил, всё ли при мне, запер комнату и направился к ближайшей трамвайной остановке. Меня интересовал Белорусский вокзал.

В том, что я снова стал четырнадцатилетним, были свои плюсы и минусы, хозяйка комнаты долго расспрашивала, что я делаю один в Москве. Ей солгал, что готовлюсь к вступительным экзаменам в техникум. А вот кассирша на вокзале была упрямее, всё не соглашалась продать билет на Минск, мол, я ещё молод и должен ездить с сопровождающими. Пришлось пойти на хитрость: сказал, что родители в санатории, а я еду к бабушке в Берёза-Картузск, что находится между Брестом и Минском. Она немного покочевряжилась, но всё же продала мне билет на поезд, который отходил девятнадцатого вечером. Прибыть к месту назначения я должен был двадцать второго в девять утра. Вот такие дела.

После я до темноты гулял по городу. Заходя в магазины и небольшие кафе – в общем, до самого вечера рассматривал город. Тот действительно был красив.

Вернувшись к себе, я достал из небольшой сумки с наплечным ремнём толстую тетрадь и конверты – письменные принадлежности также имелись – и приступил к написанию письма Сталину. Сумку я купил в одном магазине, хотя правильнее её было назвать котомкой, но пригодилась, удобная штука, пойдёт в комплекте с сидором. Как я заметил, такие сумки у прохожих были обычным делом.

Писал до полуночи за столом при свете ночника. Потом посетил туалет, почистил зубы в общей ванной, – полотенце мне дала хозяйка комнаты, хотя пора и своим обзаводиться – разделся и лёг спать. Обнажённым лёг, нижнего белья у меня не было. Завтра на рынок, многое прикупить надо, так что дел хватит. Ну, а вечером снова гулять по Москве и писать письма. Думаю, конвертов на пять напишу. Лишь бы рука не устала, но думаю, не устанет.

\* \* \*

Паровоз свистнул, проходя очередной небольшой полустанок. Я открыл глаза и сел. Полка была верхняя, поэтому двигался я осторожно. Мягко спрыгнув на пол купе, я посмотрел на тушу капитана-артиллериста на нижней полке, что выдыхала во сне устойчивый запах перегара, и потряс за плечо женщину, спавшую с четырёхлетней девочкой с моей стороны.

– Что? – спросила та, открыв глаза.

– Одевайтесь, сейчас нас бомбить будут, – посоветовал я ей и начал быстро одеваться. При этом будил агронома с полки над капитаном. Не сказать что поезд был переполнен, но свободных мест практически не было.

Честно говоря, попутчики меня не поняли. Хлопали растерянно глазами на то, как я быстро надеваю штаны, рубаху, наматываю портянки и вбиваю ноги в крепкие командирские сапоги. Когда я стал доставать с багажной полки сидор, котомку и куртку с кепкой, прозвучал первый вопрос.

– Чего бомбить? – спросил командировочный-агроном, возвращавшийся в свой колхоз из Москвы. Как ни странно, все мои попутчики ехали от самой Москвы, так что за трое суток мы плотно познакомились.

– Я говорю, началась война, сейчас немецкие лётчики будут бомбить наш поезд, – мельком посмотрев на наручные часы, снова пояснил я.

Стрелки на часах показывали полпятого, так что время у нас ещё было. Барановичи мы покинули пару часов назад и удалились километров на пятьдесят, немцы же больше часа используют авиацию, но скоро и до нас доберутся. У них вроде специально для этого группы самолётов выделены, чтобы атаковать транспортные магистрали, включая железную дорогу. Только мосты им трогать запретили.

Накинув куртку, я поправил кепку и посмотрел на лишь сейчас проснувшегося капитана.

– Что за кипеж? – принимая сидячее положение и обводя купе

налитыми кровью глазами, прохрипел он.

– Вот, Артур говорит, что война началась, сейчас наш поезд бомбить будут, – со смехом пояснил агроном, он первый пришёл в себя.

– А, юмор, уважаю юмор, – буркнул капитан, снова улёгся и захрапел.

В отличие от агронома, Юля, мать девочки, быстро одевала дочку. Вот она мне поверила, не знаю почему, может, материнское чутьё подсказало. Всё сделаю, а этих двоих я вытащу.

Теперь я обращался в основном к Юлии:

– Как загрохочут бомбы и поезд остановится, если не слетит с рельсов, сразу бегите прочь от него. Хотя бы на полкилометра, потом просто ложитесь на землю и дожидайтесь, пока немцы не улетят. К поезду не возвращайтесь, идите к ближайшей дороге. Документы держите при себе.

Агроном, в отличие от капитана, не стал продолжать прерванный сон, а с интересом следил за нами. Оставив вещи в купе, я сбегал в туалет по-маленькому. Проводница спала, но я всё равно поднял её. Она так же сонно хлопала ресницами, когда я сообщил, что нас скоро будут бомбить. Я велел принести в наше купе чай на троих, можно с печеньем. Печенья желательнее побольше, лучше всё, что есть в наличии. Я знал, что проводница им приторговывает.

Когда я вернулся в купе, агроном уже одевался. Я занял полку Юлии и надел котомку. А сидор поставил рядом у стенки со стороны коридора. У окна устроилась девочка Дина. Недовольная проводница принесла чаю, агроном сразу заказал для себя – я брал только нам с Юлией и Диной. Также я принял два пакета печенья. Один убрал в котомку, хотя та и так была переполнена настолько, что топырилась, другой передал Юлии, велел убрать в сумку. Мол, пригодится в будущем. За всё уплатил я. Потом пили чай, соседи спокойно, я же напряжённо прислушивался к каждому звуку.

– Самолётики, – указала Дина пальчиком в окно. Там уже давно рассвело, поэтому отчётливо виднелась стайка самолетов.

– Минск бомбить полетели, – сказал я.

– Что за чушь, это же наши! – возмутился агроном и снова разбудил капитана.

– Ошибаешься, – хмыкнул я. – Это немецкие бомбардировщики.

Все попутчики чуть не расплющили носы о стекло, разглядывая чужие самолёты.

– Не припомню я у наших соколов машины с такими силуэтами, – капитан озадаченно отстранился от стекла.

В это время раздался грохот, и состав содрогнулся, вставая дыбом. Я-то ладно, подготовился: опёрся ногами о противоположную полку, – и удар перенёс нормально, вот другие полетели вверх тормашками. Говорил же, приготовьтесь, несколько раз повторил, нет, не верили. Взрослым я не помогал, а вот Дину попридержал, чтобы её остальные не раздавили. Едва успел.

Как только вагон замер, причём как-то скособочившись, я вскочил, закинул за спину сидор, поправил ляжки и рывкнул:

– Чего стоите, быстро из вагона, пока они на второй заход идут! – и первым рванул из купе, таща ревущую от испуга девочку на руках. За мной следом, пошатываясь, побежала Юлия, не забыв прихватить свою сумку со всеми документами. Ага, видать, не зря я ей вдалбливал, чтобы не забыла ее в горячке бомбёжки.

Дверь в тамбуре была открыта, из нашего вагона убегали прочь проводница и несколько пассажиров. Нам ещё повезло, сутолоки не было. Многие просто не понимали, что случилось. А проводница молодец, быстро среагировала. Спрыгнув на насыпь, я поставил Дину на землю и развернулся, помогая Юлии спуститься. На ее лбу была ссадина, лицо в крови: видимо, кто-то из попутчиков заехал, или сама обо что-то ударилась.

– Как ты? – я поставил ее на землю, и мы втроем побежали в чистое поле.

Ни одной роши вблизи я не заметил. Кстати, вагон передней парой действительно сошёл с рельс, перед ним нагромождение двух мятых вагонов, большая воронка и... уходящий вдаль поезд. Видимо, бомба попала в середину состава, наш вагон был предпоследним, поезд рванул дальше, а мы остались. Три вагона на рельсах и три вагона в виде груды железа. Один начал гореть, до нас сквозь шум моторов возвращающихся самолётов доносились крики и вой заживо сгорающих людей.

– Грудь болит и лицо, – ответила Юлия и поморщилась.

Бежала она, уцепившись сзади за мою куртку, и ее болтало в разные стороны. Ничего, это нормально, стресс и испуг, да ещё придавили. Пройдёт.

– Ничего, отбежим подальше, посмотрю, что там у тебя.

Быстро осмотревшись, я снизил скорость и перешёл на шаг, спуская Дину с рук.

– Что случилось? – тут же спросила её мать.

– Всё нормально. Это, оказывается, бомбардировщики были, а не штурмовики, вот те твари опасные... Ложимся! – скомандовал я и первым рухнул на землю, закрыв собой снова захныкавшую Дину: третий бомбардировщик повторно заходил на цель. Мы удалились от вагонов метров на четыреста. Я мысленно прикинул расстояние, разлёт осколков и велел ложиться. Мы вышли за зону гарантированного покрытия.

Из вагонов всё выпрыгивали и выпрыгивали люди, некоторые даже в окна лезли, да и на поле их хватало, но тут вагоны накрыло градом бомб, кажется, это были сотки, и всё потонуло в грохоте разрывов. Теперь не было слышно ни криков людей, ни воя бомбардировщика. Я сбросил с себя Юлию и поднялся. Та зашевелилась, потом бросилась к дочке. Я же осмотрелся, прочищая уши. Грохнуло знатно, но, к счастью, меня не сильно оглушило, я заранее по привычке открыл рот. Слух вернулся быстро, вместе с рёвом моторов удаляющегося бомбардировщика и криками людей, но уже не такими многоголосыми – погибших было много.

Как оказалось, это было ещё не всё. Бомбардировщик разнёс остатки вагонов и разворачивался для повторного захода. Он, конечно, не штурмовик и пушек не имеет, но прочесать из пулемётов поле в состоянии, чем явно собирался заняться.

– Тварь, – с ненавистью прошипел я. – Видишь же, что тут гражданские, это не воинский эшелон.

Конечно, в вагонах военных хватало, я бы даже сказал, их была почти половина, но всё же это беспредел.

– Бежим? – испуганно спросила Юля.

– Нет, – покачал я головой, пристально отслеживая все движения бомбардировщика. – Он не на нас заходит. Левее. Если побежим, как раз под очередь попадём.

Я с безразличием посмотрел, как мимо пронёсся агроном из нашего купе с выпученными от ужаса глазами, и как он упал изломанной куклой под длинной очередью немца. На земле поднялся ряд фонтанчиков буквально метрах в тридцати от нас. Я не ошибся, очередь прошла в стороне.

– Всё-таки Бог скотина, раз лишил меня моих умений. Лечить я теперь не могу, – пробормотал я, оглядываясь.

Раненых было не просто много, а множество, они корчились на земле,

слышались крики и стоны. Самое страшное, было несколько детей, вот на них даже я смотреть не мог. Помочь я им ничем не мог, но виноватым в этом себя не чувствовал. Виновен был тот, кто лишил меня силы лечить людей. Чтобы ему там икалось наверху.

– Вот теперь бежим, – подняв Юлю под локоть, я помог ей бежать, не забыв подхватить Дину. Не успели мы отбежать метров на триста, как бомбардировщик пошёл на третий заход. Причём прямо на нас.

Развернувшись, я потянул попутчиков за собой, мы успели выйти из-под обстрела, и досталось основной массе беженцев. После этого бомбардировщик повернул к своим, медленно набирая скорость.

– Номер тридцать семь, я запомнил тебя, мразь, – зло прошипел я, провожая немца глазами.

– Что теперь будет? – устало спросила Юля.

– Вы сейчас идёте за мной к дороге, после чего возвращаетесь к Минску, садитесь на ближайший поезд и двигаетесь в Москву. Ее немец не возьмёт. Нигде не задерживайтесь, немец быстро будет захватывать наши территории.

– Откуда ты всё это знаешь? – стараясь не глядеть вокруг, спросила Юля.

– Потому что знаю. Всё, идём. Тут много людей выжило. Вон, медики имеются, есть кому людям помочь. У тебя задача сохранить дочь, у меня другая, не менее важная.

– Тебе не страшно смотреть вокруг? Ты совершенно спокоен, – продолжала задавать вопросы Юлия.

– Да нет, для меня зрелище привычное, видал картины и похуже. Неприятно, конечно, но не критично.

Юлия плакала, а я закрывал Дине глаза рукой. Мы миновали разрубленное почти надвое тело нашей проводницы и направились дальше в поле. Тут мертвецов уже не было, только вдали виднелись спины удирающих пассажиров, которые не могли остановиться.

Отойдя от места катастрофы на полтора километра, я осмотрелся и, подмяв пяточок во ржи, велел садиться. Сняв сидор, я развязал горловину и достал флягу. У меня таких было две: стандартная красноармейская из толстого стекла и жестяная двухлитровая, лужёная, которая осталась в сидоре. В лужёной была вода, вечером залил на остановке, в этой – неразбавленный спирт.

Я вынул литровую кружку, купленную, чтобы варить чай, и плеснул на дно грамм пятьдесят, разбавил водой на глаз и протянул Юлии:

– Пей, я потом осмотрю тебя.

Та залпом опрокинула кружку и лишь поморщилась, но протянутую печенку взяла. Поставив флягу и кружку рядом, я шлёпнул по потянувшейся к ним руке Дины – той хотелось пить, – достал бинт, отрезал финкой кусок, промокнул его в остатке жидкости на дне кружки и стал стирать кровь с лица девушки. Очистив рану, я прикинул, что зашивать не требуется, так зарастёт, но повязку на лоб всё же наложил, предохраняя рану от пыли и пота. Потом пощупал бок и выяснил, что переломов нет, но возможна трещина в одном из ребер. Посоветовал не напрягать этот бок. У Дины, кроме царапин, ничего не было, я так вообще не пострадал. Когда все напились из лужёной фляги – кружку я предварительно ополоснул, – я сложил все вещи на место и, не обращая внимания на удивлённый взгляд Юлии, достал пистолет и сунул его за пояс под рубаху, запасные магазины убрал в карманы брюк. Мне сейчас требовалось автоматическое оружие.

– Передохнули? – спросил я и, после ответных кивков, встал и закинул сидор за спину. – Тогда идём. Наша дорога только начинается.

На поле мы были не одни, я видел потерянно бредущих с десятков гражданских. Военных не имелось, видимо, они вернулись к остаткам поезда. Мы же довольно скоро вышли на дорогу, и я подошёл к семье с тремя детьми, которым повезло выжить, и попросил их принять в свою компанию Юлию с дочкой: они тоже возвращались в Минск.

Стоя на обочине полевой дороги, я махал Дине и Юлии, удаляющимся неспешным шагом. Естественно, я мог поделиться с бывшими попутчиками припасами и другими средствами выживания, но мне они были нужны самому, поэтому хватит и перевязки. Лишь одно я сделал без колебаний: незаметно передал девушке наган с запасом патронов. Она жена красного командира, разберётся. Та подтвердила, что хорошо владеет этим типом оружия, хотя у её мужа был ТТ.

Как только пассажиры разгромленного поезда скрылись из виду, я развернулся на каблуках и энергично зашагал в сторону границы.

С момента моего пробуждения в поезде всё как-то времени не было рассказать, что происходило со мной за предыдущие дни, но сейчас, думаю, пора, тем более не знаю, сколько мне идти по этой дороге. Несмотря на утреннее время, прохлады не было. Сняв сидор и котомку, я расстегнул куртку, свернул её и закрепил на сидоре. Снова накинув лямки сидора и сумки на плечи, я продолжил путь. Теперь я был в одной рубахе да в майке под ней, про штаны и трусы и не говорю.

Так вот, устроившись тогда в Москве в своей комнате, я энергично взялся за дела. Первое – письма. Насочинял на восемь плотно набитых листами конвертов, подписал так: «Товарищу Сталину. Совершенно

секретно. Лично в руки. Экземпляр номер один». Остальные были соответственно пронумерованы. Чтобы они не затерялись, я в каждый вложил бумажку с сообщением, сколько всего было писем и сколько пронумерованных листков в каждом. А положил их в потовый ящик здания на Лубянке – ещё и в щель пролезать не хотели, еле запихнул. Через несколько часов я покину столицу и направлюсь в сторону Минска, так что пусть ищут.

В письмах Сталину я изложил краткий курс истории до развала СССР, особенно подробно, естественно, период Отечественной войны. Ещё хотел написать, как развивалась техника, но решил оставить это на потом. И других Посредников сдал, причём сознательно. Описал, кто это такие, что означает Ось миров, ну и остальное, дал детальное описание внешнего вида и характеров двух других Посредников. Ну, Мэй-то я плохо знал, а вот Гришу описал точно и предупредил, что тот может перевернуться к немцам. Знал Гриша немного, всё-таки он больше политик, экономист, но направить немцев по правильному пути в состоянии. Русских он ненавидит. Надеюсь, информация пойдёт впрок. О себе я написал так: третий Посредник, русский, на контакт не пойду, не интересуется. Вот и всё.

Набег на рынок я совершил следующим утром. Купил себе бельё в двух экземплярах из трусов и маек, широкие, очень крепкие штаны, удобные и для схваток, и для долгих дорог, думаю, лето они выдержат. Ещё взял большое полотно мягкой ткани на портянки, крепкие сапоги, причём не для форса, а реально для дорог. Рубаху новую подобрал, тёмно-серую; коричневого цвета лёгкую куртку и кепку. Вот и всё из одежды. Я же на себе её таскать собираюсь, лишнее мне без надобности. Брал только то, что долго прослужит. Теперь по остальному. Купил трёхлитровый котелок без крышки, литровую кружку, мешочки с купами, пять банок с мясными консервами, килограмм соли, смешанной с перцем, – сам такую мешал, привык к ней, – два бруска мыла, небольшое полотенце, две фляги, и главная покупка – это новенький бинокль в чехле. Он точно пригодится, поэтому и расположил я его в котомке под рукой. Также две немаловажные вещи – это небольшой, но крепкий топорик с отличным лезвием, долго не затупится, и настоящая армейская плащ-палатка. От идеи купить палатку я в итоге отказался – тяжела, а вот плащ-палатка – самое то. Ещё набрал всякой мелочи вроде иголок с нитками, точильного бруска и средства для ухода за оружием – это прикупил из-под прилавка. Остальное добуду уже по ходу дела. Ах да, забыл упомянуть ремень – у меня был настоящий командирский.

Спустя час с того момента, как расстался с попутчиками, я присел на

обочину, чтобы поменять свой обычный ремень на командирский. Заодно повесил на него красноармейскую флягу в защитном чехле. Оружие у меня было не на виду, пистолет под рубахой вместе с флягой и ремнем, сунуть руку под неё – и всё, вооружён. Собравшись, я двинул дальше, километр бегом, километр быстрым шагом для отдыха. Так и двигался несколько часов без остановок.

Естественно, я не забывал активно крутить головой. В небе висели самолёты, непонятно, свои или немецкие, бинокль в этом не помогал. Я лишь один раз с уверенностью опознал наши «ястребки»: И-16 трудно с чем-то спутать. Два звена по три самолёта ушли в сторону границы, больше я их не видел, надеюсь, они вернулись другим маршрутом. Один раз со спины заметил поднятую пыль, и полчаса лежал в поле, укрываясь от проходившей мимо армейской моторизованной колонны. Даже танки были. «Тридцатьчетвёрок» или КВ я не рассмотрел, а вот Т-26 разглядел отчётливо, были танки и с другими силуэтами. Всего танков было немного, полтора десятка, и около полусотни набитых бойцами грузовиков. Пушки тоже были, а вот зенитки не заметил ни одной, даже счетверённых «максимов» не было.

После ухода колонны в воздухе ещё долго висела мелкая пыль. Я выбрался на дорогу и продолжил свой путь к Бресту.

Так вот, закончив в Москве с покупками, я в свободное время – а было у меня всего три дня – занялся организацией схронов. Один организовал в парке: ночью вырыл и замаскировал тайник. Там укрылась часть золота, один из ТТ с запасом патронов и деньги. Другой сделал уже за территорией Москвы, также прикопав под деревьями в парке. Там спрятал кроме драгоценностей деньги и наган, так что отправлялся на войну я с двумя единицами оружия. После щедрого подарка Юлии я остался с одним только ТТ.

Дальше прошёл процедуру обилечивания, познакомился с попутчиками. К нам, трём мужикам, подселили женщину с ребёнком, но та особо не рефлексировала по этому поводу. А то ведь есть такие, что постоянно нос задирают и смотрят на всех как на быдло. Это и была Юлия, жена старлея пограничника с фамилией Юртаев. Агроном прозывался Малиновский Андрей Викторович, а капитан Тимонин был начальником штаба гаубичного дивизиона. Правда, в купе он приходил только спать – гужбанил у соседей, таких же артиллеристов.

Вот, в принципе, и всё. Конверты, надеюсь, ушли по адресу, всё же Лубянка; всё необходимое при мне, тылы обеспечил, так что можно спокойно работать.

Немцы летали регулярно, бомбили часто, я постоянно слышал взрывы, но звук канонады до меня ещё не доходил – далековато пока что. Отсюда до границы около ста километров, думаю, доберусь к завтрашнему дню.

Впереди, буквально километрах в трёх, шестёрка немецких штурмовиков – это явно не «лаптёжники», нет характерных шасси. Очевидно, это были сто двадцать девятые «Хейнкели», что-то штурмовали в той стороне, куда я направлялся. Оттуда поднимались в небо чёрные столбы – от горевшей техники. Не думаю, что это обогнавшая меня колонна, та дальше должна была уйти, если не встала на привал, что маловероятно.

На дороге стало появляться большое количество разной техники, и, наконец, я заметил первых беженцев, торопящихся мне навстречу. Многие ехали на телегах, велосипедах или машинах. Похоже, началось. Я уже не прятался, а шёл по обочине, ловя удивлённые взгляды. Мол, куда прёшь, там же немец гремит орудиями! Впрочем, слышалась по-прежнему только постоянная бомбёжка, а не работа артиллерии. К обеду я оставил по правому плечу Берёза-Картузск и зашагал дальше.

На обед я задерживаться не стал, хотя уже чувствовал усталость, просто остановился на пятнадцать минут – присел, давая отдохнуть натруженным ногам, – после чего печеньем и водой из лужёной фляги утолил голод. Пока достаточно, а нормального супчику вечером сварю. Горячего хотелось.

Устроился я метрах в пятидесяти от дороги в тени дуба. Уже появились знаменитые белорусские леса, дальше виднелся тёмный массив, когда вдруг два «мессера» налетели на санитарную колонну грузовиков, что шла от фронта в тыл, и начали их расстреливать из пулемётов и пушек. При этом сбрасывали и бомбы, я слышал небольшие разрывы в начале колонны. Водители и сопровождающие бросили машины и разбежались в разные стороны, а вот раненым деваться было некуда.

– Твою мать, ушлёпки! – ругнулся я, заметив стоящий на дороге ЗИС с ДШК на зенитной треноге, и никого рядом. То ли убило, то ли сбежали. Когда массово бегут, это действует на подсознание и хочется присоединиться.

Оставив свои вещи у кустарника, я рванул к грузовику, моля Творца, чтобы пулемёт был готов к бою. Я систему ДШК знал, добрый пулемёт, приходилось таким работать, трофейным, естественно. Да и из зенитного доводилось пострелять. Хорошо я тогда проредил наркокараван боевиков, ох, хорошо, причём из их же пулемёта с вырезанного поста.

Взлетев в кузов, я мигом проверил снаряжённость. Короба были полны.

Развернув тонкий ствол в сторону истребителей, что шли на второй заход, положил большие пальцы на гашетки, бормоча:

– Поближе давайте, твари, поближе.

Мне не разъедал глаза дым горевших машин, от которых доносились даже не крики, а вой сгорающих заживо раненых. Я был спокоен как удав, лишь в холодном бешенстве. Так что на минимальном расстоянии, когда «мессеры» открыли огонь, я нажал на гашетки. Передний истребитель практически сам влез на мою очередь, отчего бронебойно-зажигательные пули вспороли обшивку от кока винта до хвоста. Не выходя из пике атаки, «мессер» врезался в землю метрах в ста за моей спиной, а я уже разворачивал пулемёт и бил следом по второму, не успевая всего на мгновение. Но тот ушёл. Не думаю, что я в него попал, вёрткий, гад, да и я не профессиональный зенитчик – так, подучился слегка. Отпустив пулемёт, я посмотрел на руки – те не дрожали, хотя адреналина хватало – и присел на боковую лавку.

Расчёт этого пулемёта ругал я зря, не знаю, где водитель, дверь кабины была открыта, но расчёт из трёх человек лежал на дне изувеченного многочисленными пулевыми отверстиями и щепами кузова. Видимо, немцы с первым же заходом подавали пулемёт, уничтожив из бортового вооружения расчёт. Сейчас обратно бежали те, кто драпал от налёта, и принимались тушить горевшие машины, часть, в основном командиры, направились ко мне. Однако дойти они не успели, хотя и пытались криками предупредить об опасности.

Чтобы убрать остатки адреналина, в короткий промежуток отдыха я делал глубокую гимнастику лёгких, однако бдительности не терял. Поэтому мгновенно подскочил к пулемёту и открыл огонь по вернувшемуся «мессеру». Тот ушёл за деревья и сделал вид, что пошёл к своим, а сам со стороны солнца атаковал именно мою машину. Мстил, тварь, за товарища.

Огонь мы открыли одновременно, оба не попали, но прицел друг другу сбили, я снова стрелял вслед уходящему истребителю и, похоже, снова не попал. Когда пулемёт вдруг стих, я понял, что боезапас подошёл к концу. Перезарядиться было можно, в кузове стояли ящики с боеприпасами, но делать я этого не собирался. Отогнал охотников от колонны, и ладно.

Сняв флягу с тела одного зенитчика – моя была со спиртом на крайний случай, – я одним махом выдул полфляги, больше там не было. Скачок адреналина вызвал жажду, и я старался удовлетворить запросы своего организма. Больше ничего в кузове я не трогал, хотя там было три мосинских карабина, но флягу прихватил с собой, лишней воды не бывает.

– Стой! – окликнул меня какой-то командир и прибавил шагу, когда я покинул кузов и направился обратно к своим вещам.

Я обернулся, терпеливо ожидая, когда тот подойдёт. Командир был в тёмно-синих галифе, вызывавших у меня в основном иронию, зелёной гимнастёрке с нашивками на рукавах и в фуражке с васильковым околышем. Я такие уже видел у здания Лубянки, чекист сто процентов. В петлицах по три кубаря – старший лейтенант или майор, если он сотрудник НКВД. Я купил книжицу современного устава, а также по званиям родов войск, так что более или менее ориентировался. Успел пролистать, пока скучал в поезде.

– Так это ты истребитель сбил? – подойдя, он неожиданно сграбастал меня в объятия и похлопал по плечам. – Ну, ты даёшь, мы уж думали, всё.

– Стрелял я, сбил тоже я, – приглушённо просипел я. – Отпусти, задавиш-ш-шь.

– Где так стрелять научился? – отстраняясь, задал он следующий вопрос.

– Отчим комполка, в полку своим считаюсь, там многому научили. А ДШК я с закрытыми глазами собираю и разбираю. Не одну сотню патронов выпустил из него на полигоне. Стреляю лучше, чем многие расчёты.

– Я заметил. Как звать-то? – с улыбкой спросил командир, наблюдая, как я кепкой вытираю мокрое от пота лицо. Жарило серьёзно, как бы тепловой удар не получить.

К нам начали подходить и другие выжившие. Где можно, потушили, где нельзя, уже всё сгорело. Раздавались команды, колонна готовилась выдвигаться дальше. Сгоревшие обломки отодвигали на обочину, освобождая дорогу.

– Артур Александров. Москвич, – добавил я после секундной заминки. Казанцем лучше не представляться, а так я хоть погулял по столице.

– Отчим где служит, воюет?

– Погиб в Финскую.

– Бывает, – нахмурился тот. – Документы какие есть?

– Откуда? – искренне удивился я. Приобрести комсомольский билет не озаботился, отложил это на потом, а сейчас пригодился бы! – Мне только в декабре пятнадцать будет. Нет у меня никаких документов, даже комсомольский билет получить не успел, а вот ваших я до сих пор не видел. Можно посмотреть?

– Конечно, – кивнул тот, потянувшись к нагрудному карману.

В это время ко мне подбежали ещё с десятков бойцов и командиров, так что меня буквально захлопали, выбивая пыль из рубахи на плечах и спине.

У многих в петлицах были эмблемы медслужбы, но зелёные петлицы были только у двоих: военфельдшера, как я его определил, и военврача, у того две шпалы было. Видимо, это был старший колонны.

– Сколько лет? – первым делом спросил военврач, а на ответ сморщился, как будто укусил лимон. – У меня единственная зенитка в прикрытии, и расчёт выбит, а заменить некем.

– Поставьте пулемётчиков из легкораненых на перезарядку, – пожал я плечами. – Стрелять какой-нибудь командир сможет, их этому учат.

– Спасибо тебе, парень, за помощь, – пожал мне уже болевшую от рукопожатий руку военврач, после чего скомандовал грузиться и отправляться дальше. Половину машин и раненых они потеряли, но следует доставить до госпиталя выживших.

Мне предлагали отправиться с ними, но я отказался, мест у них и так немного, все раненые занимали. Мы лишь успели пообщаться с тем старлеем, который всё же оказался майором. Он не был особистом, а служил в республиканском управлении НКГБ в Минске, тут был по каким-то своим делам и возвращался попутным транспортом, свою «эмку» он потерял ещё утром во время налёта. Документы я у него всё же посмотрел, пока он торопливо в блокнот записывал мои данные. Всё было на месте, включая следы от скрепок. Настоящий командир, не подстава. А то об этих «Бранденбургах» и «Нахтигальях» столько понаписано, поневоле остерегаться начнёшь.

Когда колонна ушла, я посмотрел на ряд обожжённых тел, от которых пахло сгоревшей человечины – никто их закапывать не стал, сложили на обочине, оставив для похоронных команд, – и, подхватив свои вещи, – прихваченную флягу я повесил на пояс, а свою со спиртом убрал в сидор, – зашагал своим путем. Через сорок минут я наполнил флягу в чистом ручье рядом с дорогой.

Дальше дорог мне пришлось сторониться, они были плотно забиты войсками и беженцами, часто появлялись немецкие стервятники, – погибнуть там легче лёгкого, вот и шёл я лесными тропками точно к рухнувшему фронту. Даже канонаду к вечеру начал слышать. Неплохо немцы за первый день продвинулись! По моим прикидкам, до Буга оставалось порядка пятидесяти-шестидесяти километров. Карты у меня не было, но я купил учебник географии за десятый класс и воспользовался иллюстрациями, чтобы определиться на местности. До границы действительно осталось чуть больше пятидесяти километров.

Как только я услышал далёкие раскаты артиллерии, то, грустно вздохнув, сошёл со звериной тропки и направился в сторону немного

расступившихся деревьев. Оттуда тянуло свежестью, значит, там вода. До наступления темноты осталось около часа, пора готовить лагерь для ночёвки и наконец поесть горячего.

С водой я не ошибся, вышел к болотистому озерцу. Нашёл укромное место на берегу – пришлось пройти ещё метров сто. Стоянка для лагеря действительно вышла незаметной со стороны. Сняв все вещи, стал готовиться к ночёвке. Достал топорик, вырыв небольшую ямку – пора обзаводиться пехотной лопаткой! – разжёг костёр. Сухостой подобрал заранее и нёс на плече хворостину, теперь её нарубил и оставил разгораться, подвесив на самодельной треноге котелок с чистой родниковой водой: родник нашёл метрах в сорока дальше, заодно запасы воды пополнил. Потом сходил и нарубил лапник на лежанку – до ёлок пришлось далековато бегать, метров триста будет – и натянул сверху плащ-палатку. Дождя не предвидится, но нужно набить руку в организации стоянок, чтобы в дальнейшем меньше времени тратить на это.

Пока похлёбка варилась, я даже окунуться успел, смыл пот и грязь прошедшего дня, наконец надел чистое бельё, а грязное оставил у берега отмокать, потом постираю. Через несколько минут, прямо из котелка, я уже хлебал мясную похлёбку, наблюдая, как закипает вода в кружке. Скоро и чайку попью. Хлеба у меня не было, но имелся килограмм сухарей, вот их я и размачивал в бульоне и спокойно ел. Надолго запасов, естественно, не хватит, но я не переживал, трофеи – моё всё.

После ужина, когда уже почти стемнело, я сидел с кружкой чая у краснеющих углей и прислушивался к далёкой канонаде и гулу автомашин с дороги, которая находилась в километре от моего лагеря. Слышно было слабо, деревья заглушали, но всё равно слышно. Вылив остатки чая на угли, я проверил маскировку и пошёл заниматься стиркой. Дальше развесил бельё сушиться и полез в кустарник, где соорудил себе берлогу. Нужно достать пяток гранат на растяжки, чтобы ко мне не подобраться было, но это планы на следующие дни.

**Москва. Лубянка.**  
**Кабинет наркома Берии.**  
**1941 год, 22 июня, 23 часа 27 минут**

Совещание длилось уже два часа, с той самой минуты, как нарком прибыл из Кремля со срочного совещания правительства Советского Союза.

Лаврентий Павлович, сидевший с хмурым лицом во главе стола, нет-нет да поглядывал на своего сотрудника, начальника секретного отдела. По старой чекистской привычке отслеживать реакцию всех присутствующих, он заметил, что тот нервничает, и с каждым новым докладом о ситуации на границе и последствиях нападения – все больше.

Сводки, поступающие оттуда, действительно не радовали, но майор как-то слишком нервно себя вёл, и Берия сделал для себя пометку пообщаться с ним. Возможность представилась чуть позже, когда уже был час ночи двадцать третьего июня.

– Товарищ Пименов, вас я попрошу остаться, – велел Берия, когда последнее сообщение было закончено и сотрудники наркомата стали собираться. Кто домой отсыпаться, а кто и на узлы связи, нужна точная обстановка на фронтах по всей западной границе.

Майор немедленно исполнил приказ и сел на место, преданно глядя в глаза наркому, но быстро стушевался, побледнел и уткнул взгляд в столешницу. Берия понял, что тот действительно имеет какие-то очень важные сведения, и судя по нервозности, они серьёзно запоздали. Причём, вполне возможно, по приказу самого майора.

– Докладывайте, – приказал Берия.

Вздвогнув, майор несколько беспомощно поглядел на наркома, но быстро взял себя в руки.

– Утром восемнадцатого июня неизвестный подошёл к почтовому ящику у нашего центрального входа и бросил восемь конвертов, пометив адрес отправления как «лично товарищу Сталину» и «совершенно секретно». Все восемь конвертов были немедленно извлечены, занесены в журнал и отправлены в мой отдел, согласно внутренним инструкциям. Их изучил сперва дежурный отдела, лейтенант Арбузов, потом и я. Я своей властью запретил отправление их дальше. Наши специалисты ещё работают. Я думал, это чья-то шутка или бредни сумасшедшего.

– Что было в этих конвертах? – ровным голосом спросил Берия.

– Предупреждение о войне. Страшной и долгой. Которая начнется двадцать второго июня в три часа тридцать минут по московскому

*времени с налётов армад немецких бомбардировщиков на наши города, аэродромы и другие важные узлы обороны. Закончится война в мае сорок пятого в Берлине.*

*– В чём не прав был отправитель? Неправильно назвал дату начала войны или то, что будет происходить на границе? – сухо спросил нарком, от чего майор ещё более побелел и попытался расстегнуть ворот френча, но наткнувшись на злой взгляд начальства, стушевался.*

*– Я-я... мне... Мне показалось, что информация в письмах недостоверная и требует серьёзной проверки, – сглотнув, сообщил тот.*

*– Всю информацию мне на стол, направить следователей к почтовому ящику и опросить дежурного командира. Может, кто-то видел принесшего эти конверты.*

*– Есть, – вскочил майор. – Разрешите выполнять?*

*– Не подведи меня в этот раз, майор. Чтобы через минуту все восемь писем были здесь. Всё, иди.*

Проснулся я перед самым рассветом. Поел подогретой похлебки, запил крепким чаем с печеньем, привычно почистил зубы щёткой и стал собираться. Уже в шесть утра я покинул место лагеря и, поправляя лямки сумок, энергично шагал по лесу в сторону границы.

Чем дальше я шел, тем болотистее становилась местность. Через час после того, как покинул лагерь, я обнаружил первые свидетельства войны: мёртвый немецкий лётчик висел в шести метрах от земли, зацепившись стропами парашюта за ветви. Пришлось лезть, мне была нужна карта, что виднелась в планшете, заодно позаимствовал настоящие наикрутейшие лётные очки с зеркальным напылением, документы и вальтер. Ну, и по карманам пошарить не забыл, трофеи – это святое. Не путайте с мародёрством: встречу того, кто сбил этого парня, отдам всё, что снял с тела, а нет – так пусть у меня побудет.

Карта меня порадовала, там было много обозначений, и я смог определиться на местности. Еще больше меня порадовал компас. Я, конечно, и без него могу ориентироваться, но с компасом надёжнее. Теперь на одной руке у меня часы, на другой компас.

Двигаться дальше по лесу было смерти подобно, впереди виднелась трясина. Поэтому я решил вернуться к дороге. Меня беспокоил только автомобильный мост через пять километров. Пропускают там или нет? Беженцев-то понятно, а в обратную сторону? Ладно, совру что-нибудь.

Собравшись, я двинул дальше по краю болота. Чуть позже мне встретились серебристые обломки самолета с красной звездой, а недалеко

от дороги – труп красноармейца. Судя по трём треугольникам в петлицах, он был старшим сержантом, стрелком, а по лицу понятно, что из Средней Азии. Документов при нём не было, только винтовка, пахнувшая сгоревшим порохом, с затвором в открытом состоянии и с пустым казёнником. Патронов у него тоже не было, чехлы на поясе были пусты. Ни вещмешка, ни каски, ни сидора не наблюдалось. Странно. Ранение было тяжёлым. Судя по следам, он сам сюда пришёл, причём от дороги.

Всё выяснилось, когда я дошёл до обочины. Дорога была переполнена беженцами, виднелись остовы сгоревший армейской техники, даже танков. Похоже, раненый сержант бежал сюда, пока не упал от кровопотери и не умер. Чуть левее трое солдат копали большую могилу, чтобы похоронить павших. Рядом уже был один свежий холм. Я подошел к уставшему младшему сержанту и сообщил об обнаруженном теле. Тот кивнул и пообещал похоронить с однополчанами.

– Вас побили? – спросил я, кивнув на технику и погибших.

– Наша часть, – ответил тот и закурил, ловко свернув козью ножку.

– В одни ворота?

– Нет, штурмовик мы сбили, – покачал тот головой и, сделав насколько затяжек, передал самокрутку другому бойцу.

– Там немец мёртвый висел, лётчик. Раз ваши трофеи, то держи. Документы его, планшет, компас и пистолет, вот и мелочь всякая из карманов. Очки, извини, не отдам, это мне за работу, – я тактично не сообщил, что и карта осталась у меня. Мне больше была нужна, очень уж подробная.

Сержант кивал, принимая снятое с немца, и обещал передать начальству, ну а я отправился в сторону западной границы.

Людской поток был таким, что идти ему навстречу было бессмысленно, поэтому я обходил сгоревшую технику по обочине. Дел полно, расслаживаться мне тут ни к чему. Да, я больше зритель в этой трагедии, которая будет определена как Великая Отечественная война, но я собирался побывать во всех более-менее важных схватках, я хотел быть свидетелем всех этих дел, но всё же статистом быть тоже не хочу. Главная моя цель, если убрать поиск других Посредников в сторону, это немецкие лётчики. Не самолёты, не техники, а те, кто пилотирует, убийцы, вот их я резать собираюсь по полной. Начну с того экипажа бомбардировщика с бортовым номером «37», а там как карта ляжет. Главное, пленного добыть из их когорты, а уж я его поспрошаю, где их аэродром.

Из всего доступного транспорта мне на первоначальном этапе нужен был велосипед. Если найду, заберу себе, это повысит скорость

перемещения. Дальше я собирался прибраться к рукам самолёт, У-2 меня вполне устраивал, как взлётной массой, так и возможностью сесть на пятачок. Не найду его, позаимствую прототип у немцев.

Расстрелянная на лесной дороге колонна осталась позади, и я по освободившейся обочине зашагал дальше. Поток беженцев не ослабевал, но меня это мало волновало. Лавируя между усталыми людьми, я приближался к мосту. Кстати, ту колонну немцы очень ловко поймали: дорожная насыпь, в кюветах болотистая вода – деться некуда. Подбили машины в начале и в конце колонны, потом уже и до остальных добрались. Я был рад, что голы были не в одни ворота, наши отвечали. Летчик, найденный мной на дереве, по документам, служил в штафеле штурмовиков, был пилотом «лаптёжника». Да и по времени его смерть совпадала с налётом.

Среди беженцев было большое количество военных. С усталыми лицами, где поодиночке, а где группами они отступали от стремительно откатывающегося фронта.

Заметив в кювете велосипед, я спустился и, осмотрев окрестности, поднял его. На вид вполне ничего, шины накачаны, трупов рядом нет. Кто бросил в это время дорогу по меркам беженцев вещь? Странно. Да и судя по следу, его просто столкнули с дороги, и он сам скатился в канаву. Разбитые бомбёжкой телеги, трупы лошадей и людей – всякого насмотрелся на дорогах, но велосипед, тем более целый, мне попался впервые. Можно сказать, подарок с небес. Подумал о нём пару часов назад – и пожалуйста, блестит спицами в кустах.

Заняв седло, я оттолкнулся и покатил по дороге к мосту. У его опор суетились красноармейцы. Видно, готовили его к подрыву.

Беженцев становилось всё меньше, поэтому я катил спокойно. А когда на мосту раздались первые сдвоенные взрывы гранат, я, в отличие от остальных, отреагировал сразу: повернул к обочине и съехал в кювет, доставая пистолет. А на мосту уже разгорался стрелковый бой. Кто и с кем, не ясно, немцев я не разглядел, но одно понятно, в этой схватке я хочу поучаствовать.

Оставив велосипед, я достал бинокль и полез повыше, чтобы присмотреться к бою на мосту.

– Ну, и кто там у нас безобразничает?

При первом же взгляде стало ясно, что прямо на моих глазах те самые спецы батальона «Бранденбург» захватывают стратегически важный мост. На ближайшие сорок километров это единственный, судя по карте немца, крепкий автомобильный мост.

Было видно, что защитники продержатся недолго: как говорится, их застали со спущенными штанами, сразу уничтожив охранение и подавив пулемёты. В это время к мосту по дороге мимо меня прогрохотал сапогами и ботинками десяток бойцов – я их видел в колонне беженцев. Видно, спешили на помощь. Впереди бежал боец со старшинской пилой, он и командовал. До моста было метров двести, их заметили и открыли огонь. Двое упали на дорогу, обливаясь кровью, остальные попрыгали в противоположный кювет и открыли ответный огонь.

– О, «светка», – заметил я у одного из убитых на дороге бойцов СВТ-40. Мне нужно было дальнобойное оружие. Приготовившись к рывку, я осмотрелся. – Хм, а куда все беженцы делись, только что на виду около сотни было?

Подхватив винтовку и бойца за пояс, я вернулся в кювет. Под огнём снимать с него пояс с боеприпасом смертельно опасное дело. Раны я его не осматривал, он точно был мёртв, пулей снесло полголовы. Избавив погибшего от боеприпаса и не забыв единственную гранату – РГД, но хоть что-то, – я проверил оружие и стал красться ближе к мосту. Двести метров для меня ничто, но было много мёртвых зон, а я хотел контролировать всё. Чтобы ни один не ушёл.

С той стороны моста у дороги стояло два ЗИСа с крытыми кузовами, видимо, на них и прибыли диверсанты в нашей форме. По моим прикидкам, их было около пятидесяти. Десяток они потеряли, но оставалось ещё много. Старшина со своими ещё держался, а вот бой у моста стихал, похоже, диверсанты добивали немногочисленные очаги сопротивления. Но точные выстрелы старшины и его бойцов не давали противнику перебраться на эту сторону. На моих глазах двое диверсантов попытались перебежать по пролёту, получили по пуле и упали в воду. А те, что уже перебрались, недолго бесчинствовали и улеглись один за другим – не успели по укрытиям попрятаться, да и было их немного. Молодца старшина.

Отличную позицию для стрельбы я заметил, ещё когда добывал оружие и тащил убитого красноармейца в кювет, и теперь полз туда, активно двигая всеми конечностями и извиваясь, как ящерица. Это мало было похоже на передвижение по-пластунски, учили меня индейцы из племени апачи, зато скорость в два раза быстрее, и со стороны казалось, что я прилипаю к земле, буквально обволакивая каждую кочку.

До примеченного кустарника я добрался за пару минут, всего-то метров восемьдесят. Забравшись под него, я высунул ствол винтовки и, осмотревшись в бинокль, в восхищении поцокал языком. Позиция была

хороша. Жаль, что долго мне на ней задержаться не дадут – быстро ответным огнём подавят, так что расстреляю один магазин, и ноги в руки, благо позади кустарника удобная ложбина, там меня можно будет достать разве что только миномётом, и никак иначе.

Окинув через оптику диспозицию противника профессиональным взглядом, я отметил восемь диверсантов. Изредка меняя позиции, они азартно задавливали огнём старшину и его людей. Да и старшина стал подозрительно медленно вести огонь, как бы у него бойцов меньше не стало. В общем, окинув взглядом позиции противника, я заметил, кто где лежит, и, убрав бинокль обратно в котомку – потом на это времени не будет, – вскинул винтовку и, быстро переводя ствол с одного диверсанта на другого, произвёл серию из восьми выстрелов. Промашов не было, да тут докинуть можно было – сто восемьдесят метров. Всё, с нашей стороны берег очищен от противника.

Сразу как пуля вошла под череп восьмого диверсанта, я выбрался задом из-под кустарника, активно шевеля конечностями, и сполз в ложбину. И вовремя: расчёт одного пулемёта я уничтожил, а второй – я только ствол видел – стал активно поливать мою позицию с другого берега. Может, и другие стрелки присоединились. Мне от этого ни холодно, ни жарко было, только труха посыпалась сверху и слышался противный, но привычный визг рикошетов.

Вставив в приёмник новый магазин, я двинулся дальше, к следующей позиции. Тут мне стрелять не дадут, уверен, эту позицию держат не менее пяти стрелков. К тому же реально нужно поторопиться. Диверсанты тоже не дураки, понимают, что перестрелка может длиться долго, а им нужно занять позиции на этом берегу, чтобы дожидаться своих, поэтому уверен, они уже перебрались через реку и сейчас обходят по флангам меня и позицию старшины. Тот, кстати, так и долбит с одного места. Судя по количеству выстрелов, у него осталось всего два активных стрелка. Если дальше так пойдёт, там они и останутся. Похоже, с выучкой в Красной армии совсем швах.

Следующая позиция была фактически на берегу реки. Она меня устраивала, но как и на первой позиции, меня там быстро сшибут, так что нужно незаметно определиться с главными целями – у меня всего десять выстрелов, – открыть огонь и искать следующую позицию. Я её уже заметил, чуть далее у пенька удобное место.

Осторожно выглянув, я окинул взглядом противоположный берег и округу. Немцы, что по флангам обходят, должны скоро появиться, так что внимания я не ослаблял. Вторая позиция оказалась чудо как хороша,

теперь я видел и расчёт второго пулемёта, и ещё десяток диверсантов. Двое колупались под мостом, снимая заряды. Быстро распределив цели, я выкатился из ложбины и мгновенно открыл огонь. Сперва в воду упали оба сапёра, потом стих пулемёт – расчёт был выбит, уничтожил группу диверсантов из четырёх голов – один держал в руках бинокль, видно это был командир, – ну и по рядовым стрелкам прошёлся. После чего тем же перекатом снова ушёл в ложбину, слыша, как с чавканьем впиваются пули в то место, где я только что лежал.

А я пополз на другую позицию. Да и старшина, заметив, что огонь диверсантов заметно стих, приободрился и стрелять начал чаще. Кстати, не безрезультатно, когда я выбивал командную группу, то заметил краем глаза, как упал вскочивший в стороне диверсант, ему не от меня прилетело, факт.

Следующая позиция была у пенька, однако задумчиво осмотрев её, я решил не выбираться из ложины. Не только мне понятно, что тут позиция идеальная, наверняка ее держат под наблюдением. Подставляться так не хотелось, поэтому я двинулся дальше, понемногу возвращаясь к своей первой позиции. Во время передвижения я уловил движение в кустах с моей стороны дороги – всё же, видно, послали диверсанты своих в обход, вот они и добрались до меня. Не знаю, как со стороны старшины, но у меня было трое. Вскакивать я не стал, просто слегка приподнялся и дал серию выстрелов, положив всю тройку. Причем с гарантией. Правда, и сам не уберёгся: раздался одиночный выстрел с того берега, и я почувствовал, как висок начало саднить и там заокрепло. Достав зеркальце, присмотрелся и скривился: царапина сантиметров пять. Борозда от пули неглубокая, можно даже не перевязывать, но всё же неприятно. Похоже, снайпер с той стороны работает. Видимо, до этого он со старшиной перестрелки устраивал, из-за чего тот так быстро людей потерял. А теперь перебрался ко мне, и вот почти подловил. Опытный, сволочь, и что плохо, я фактически заперт в этой ложбине. Ну и что, что немцев осталось чуть больше десятка, мне и этого хватит. Уверен, всю ложбину они держат под контролем, чуть где движение – будут стрелять на поражение, надеясь зацепить меня. Такие дела меня не радовали. Однако особо я не расстраивался, найдём выход.

Я развернулся ко второй позиции. Нужно убрать снайпера, и для этого у меня только один выстрел. Стреляли часто, но по выделяющемуся специфическому звуку у снайпера вроде такая же винтовка, как и у меня. А с какой стороны раздался выстрел, я заметил, теперь нужно незаметно изучить ту местность, найти лёжку и убрать эту помеху. Снайпер может

нам всю обедню испортить.

Я вернулся на вторую позицию, снова аккуратненько воспользовался биноклем и кроме шести позиций рядовых диверсантов заприметил-таки место нахождения снайпера. Там всего шесть удобных для лёжки мест было. Я все осмотрел и на третьем его обнаружил. Дальше просто. Я чуть привстал – понятно, что непрофессионально, но у меня только один шанс, – винтовка лягнула в плечо, и над головой снайпера вспухло красноватое облачко, а я, не прячась, произвёл быструю серию из пяти выстрелов, положив пятерых из шести запримеченных, после чего снова нырнул вниз. Что странно, по мне никто не стрелял. Неужто всех выбил?

Сменив позицию, я лёг на спину и стал перезаряжаться, морщась от недовольства собой. Шестой успел нырнуть в открытую дверь дзота на противоположной стороне и спрятался внутри. Перезарядившись, я пополз к первой позиции. Кустарника уже не было, только измочаленные пулями остатки, зато он не помешал мне в бинокль осмотреть весь берег с той стороны.

– Старшина! Слышишь меня?

– Слышу, ты кто? – после недолгой заминки донеслось до меня.

– Помощник. Я там половину диверсантов перебил, но один в дзоте на том берегу спрятался. С моей стороны трое с фланга обходили, у тебя кто был?

– Пока не было. А ты молодец, здорово нам помог. Снайпер?

– Снайпер... Я осмотрел позиции диверсантов, похоже, там только один живой. Нужно последнего выбить из дзота. Хватит гранаты, ну и мост взорвать требуется. Сколько у тебя штыков осталось?

– Я и ещё один боец. Ещё двое могут вести огонь с места.

– Мы тебя прикроем, нужно проверить позиции с той стороны.

– Снайпер?

– Его уже нет, я ему голову отстрелил.

– Всё равно как-то боязно.

– Старшина, не бзди, вперёд! – рявкнул я.

Эхо искажало мой голос, было слышно только, что он звонкий, а командные интонации сделали свое дело. Перебежками старшина и его боец двинулись к мосту. Кстати, у старшины появилась повязка на плече, которой до боя не было. Видимо, его зацепило – судя по пятнам крови, серьёзно, но он всё равно считал себя активным штыком. В принципе, снова молодец.

Заметив тень в двери дзота, я тремя выстрелами загнал диверсанта обратно, чтобы тот не мог подстрелить кого-то из наших. Наконец

старшина добрался до окопов на нашей стороне реки, осмотрел их, поменял там свою винтовку на ППД, не знаю уж чей, диверсантов, чьи тела были на нашем берегу, или охраны моста. Дальше просто. Старшина стал бить короткими очередями по открытому проёму, его боец пробежал по настилу моста и швырнул в открытую дверь гранату. Этим бой и закончился. Меня беспокоила вторая группа, которую командир диверсантов просто не мог не послать. Она должна была уже выйти к старшине, но ее почему-то не было, вот я и решил пробежаться, пока старшина с бойцом осматривали окопы на обоих берегах в поисках выживших из охраны моста.

На изучение этого вопроса у меня ушло минут сорок, следопытом я был очень даже, в смысле учили меня серьёзно, для меня следы как открытая книга, так что разобрался быстро. Когда я спокойно взбежал на дорогу к дзоту с нашей стороны, красноармейцы и старшина вытаращили на меня глаза.

– Ты кто? – удивлённо спросил старшина, перевязывая раненого. Того я раньше не видел, скорее всего из охраны моста, тех, что отбивались с нашей стороны, так как со стороны противника всех раненых диверсанты добились.

– Ты не охренел? – удивлённо поднял я правую бровь. – Вместе же диверсантов давили. Я вас прикрывал с той стороны кювета.

– Так это был ты?! – тот никак не мог прийти в себя.

– Я был, я. Бегал сейчас смотреть, не охватили ли с флангов с вашей стороны.

– И как?

– Было двое. Я нашёл место, где они топтались и прислушивались к звукам боя. Видимо, они поняли, что их товарищей выбили, поэтому ушли.

– Плохо, что ушли, – поморщившись, отозвался раненый сержант из охраны моста. Несмотря на ранение в грудь, он ещё пытался говорить!

– От пули не уйдёшь. Хорошая винтовка, – погладил я ствол «светки», после чего спросил: – Это все выжившие?

– Да, всего трое: сержант и двое бойцов, у всех ранения в верхнюю часть тела, плечи, голова, – придя в себя, старшина вернулся к перевязке.

– Пойду, посмотрю, что там с машинами, оружие сменю. Это «светка» вашего бойца, ну и проверю, что там немецкие сапёры натворить успели. Скорее всего, они просто взрыватели вынули. Мост рвать нужно.

– Умеешь? – коротко спросил старшина.

– Подрывник, – кивнул я и с винтовкой в руках направился на

противоположный берег. Мост был с деревянным настилом, но железный. Видно, что новый, крепкий. Быки из армированного бетона, секции из железа.

Кивнув бойцу, что собирал оружие и переносил на наш берег, я проверил машины. Передняя была изрешечена и в дело не годилась, а вторая вполне ничего, лишь одно пробитое колесо сменить, а что лобовое стекло прострелено, так это не страшно. Запустив двигатель, я тронул машину с места и поставил рядом с первой. Нашёл инструменты, остановил собиравшего оружие и документы бойца по имени Витя и велел переставлять колёса на машинах, а сам сходил к лёжке снайпера. Витя его не заметил, и я снял с того неплохой хабар. Помимо СВТ-40 в снайперском исполнении, взял достаточно трофеев: двухлитровый термос, разгрузочная система, первоклассная оптика и ранец с имуществом. В ранец я не заглядывал, убрал туда оптику и отнёс всё к мосту. Винтовку, из которой мне пришлось пострелять, я положил в общую кучу вместе с ремнём, а свой трофей отдельно. После этого полез под опоры моста, мельком посмотрел, как там дела у Вити. Тот уже снял с грузовика заднее простреленное колесо – второе было целым, и теперь снимал с первой машины, там было три уцелевших баллона. Работал споро. Как оказалось, он был трактористом у себя в колхозе, так что парень подготовленный. Прав он не имел, но за баранкой сидеть приходилось, так что уверен, с машиной он справится, заодно раненых заберёт.

Когда я возился с зарядами, моё предположение подтвердилось: немецкие сапёры просто извлекли детонаторы. Старшина, закончив с перевязками, направился к своим, где вёл бой. Оттуда поочередно привёл к мосту троих раненых. Двое сами шли, хотя их и приходилось придерживать, а одного он принёс на руках, и это с простреленным плечом! Силён.

Я тоже достаточно быстро закончил. Пробежался по цепи, нашел пару обрывов, проверил подрывную машинку, после чего, разматывая бухту провода, отошёл по дороге метров на двести пятьдесят. Там забрал свой велик с сидором и откатил его на ту сторону, где в беспорядке лежали тела диверсантов.

Бой длился всего минут пятнадцать. Если же считать и поиск той двойки, что не рискнула пойти в бой, которых я подловил на переправе и обоих утопил с дополнительным грузом в виде свинца, то с начала первого выстрела прошло полтора часа. За это время на дороге с обеих сторон реки так никто и не появился.

– Ну что, будем прощаться, старшина? – подошел я к нему.

У мужика оказалось крепкое рукопожатие.

– Торопишься?

– С минуты на минуту тут будут немцы. Диверсанты обычно захватывают важные объекты, перед тем как подходят манёвренные группы, так что не думаю, что у нас больше часа. Там в двухстах метрах от моста лежит подрывная машинка. Тебе нужно всего лишь примотать один провод и крутануть ручку, после чего моста не будет. Я сейчас вам помогу погрузить раненых, трофеи, и езжайте. Поторопитесь.

– Ты не сказал, кто ты.

– Обычный четырнадцатилетний паренёк. А фамилия у меня простая: Александров. Артур Александров, – засмеялся я. – Всё, давайте грузиться.

Мы справились за пятнадцать минут, расположили всех раненых в кузове, скинули у борта вооружение и боезапас, старшина даже два ДП прибрал и зенитку. Да-да, с нашей стороны была позиция тридцатисемимиллиметровой автоматической пушки. Расчёт был выбит, но старшина знал, что к чему, под его руководством мы с Витей поставили зенитку на колёса и прицепили к грузовику. Даже пару ящиков со снарядами положили в кузов. После этого старшина сел в кабину, и машина, завывая мотором, направилась прочь от моста, а я перебежал на другую сторону – всё необходимое я уже навьючил на велик, лишь сидор забросил за спину, – сел в седло и покатил прочь. В ту сторону, где было отчётливо слышно даже не артиллерийскую, а ружейно-пулемётную перестрелку.

Отъехав метров на триста, я затормозил и достал бинокль. На противоположном берегу стоял грузовик, и старшина с Витей возились с подрывной машинкой. Буквально через минуту мост дрогнул и в обломках металла и дерева взлетел на воздух. Когда пыль осела, я рассмотрел только бурлящую от падающего мусора воду и остатки быка, второй скрылся под водой. Одно хорошее дело сделано, и это радовало. Помахав рукой бойцам, я покатил дальше по своим делам, а они по своим. У каждого был свой путь. Но я запомнил, что старшина был Еремеев Егор, Витя – красноармеец Пушилин, а тот раненый сержант из охраны моста – Дмитрий Демидов. Может, ещё встретимся.

Я знал, куда лежит дальнейший мой путь, поэтому налегал на педали, внимательно поглядывая на дорогу впереди. Тот лес, по которому я двигался вчера и сегодня до боя на мосту, похоже, подходил к концу, деревья начали расступаться, и впереди отчётливо виднелся просвет опушки.

Винтовка у меня висела за спиной у сидора. Понятно, что немцы, если

меня возьмут, могут мне эту винтовку в одно место сунуть, снайперов они не любили, поэтому я активно крутил головой, чтобы не вылететь на них. Пока получалось, дорога была странно пуста, хотя отчетливо слышалась работа множества моторов, причём этот шум движущейся колонны заметно приближался. Уж не та ли эта группа, что должна была захватить мост и помочь диверсантам? Не знаю, пока не скажу.

Кобрин оставался километрах в тридцати от меня по правую руку, но скорости я не снижал. Когда впереди показалась опушка и звук моторов стал отчётливо слышно, я покинул седло велосипеда и повел его за руль прочь от дороги. Эта встреча мне была ни к чему. Как я уже говорил, путь мой лежал в Брест: я хотел хоть краем глаза посмотреть, как там воюют наши парни. Если будет возможность, то хоть чем-то помочь, и одна идея у меня уже была. Однако сначала я собирался посетить место расположения двух армейских аэродромов. Наверняка там уже побывали немцы, но я надеялся найти для себя уцелевшую машину. Да-да, я про У-2. А аэродромов на моём пути два.

Я успел удалиться в редкий лес метров на триста, когда на дороге мелькнули несколько мотоциклов и туша бронетранспортёра передовой группы, почти сразу за ними пошли танки, бронетранспортёры и грузовики.

– Опоздали, голубчики, – хмыкнул я и продолжил движение.

Наконец я разглядел первых окруженцев. Сквозь пшеницу раскинувшегося перед опушкой поля, к лесу скрытно двигалась довольно большая группа бойцов. Я насчитал человек шестьдесят. Многие вооружены, но не все. Некоторые в робах техников. С учётом того, что до ближайшего военного аэродрома двенадцать километров, это неудивительно. Как бы это не были остатки БАО с присоединившимися к ним немногочисленными группами стрелков.

Опустив бинокль, я задумчиво цыкнул зубом. Судя по направлению движения окруженцев, в лес они войдут метрах в трёхстах от меня. Моя недавняя идея была неплохой, да что сказать – отличной! Мне нужен лишь доброволец. Опытный, знающий все местные летательные аппараты доброволец-техник, и я надеялся найти его в этой группе. Вот только как уговорить его пойти со мной? Кто станет слушать четырнадцатилетнего пацана? Вот именно, что никто, пошлют куда подальше и пойдут по своим делам. Но попытка не пытка, если не получится, справлюсь сам, без помощи.

Я устремился вниз, перебирая руками и ногами по веткам, и спрыгнул

на землю. Бросив велосипед прислонённым к дереву, я снял с себя всё лишнее, чтобы походить на простого паренька, и побежал на перехват окруженцев.

Шли те сторожась, но без головных и боковых дозоров. Науку движения по вражеской территории им явно никто не преподавал. Ничего, немцы научат. Командира я определил, ещё когда сидел на дереве. Это был лётный капитан. Когда основная масса прошла мимо, я выбрался из-за дерева и подошёл к нему.

– Доброго дня вам, – сказал я.

– Ты тут откуда?! – выпучил тот глаза. – Как сюда попал?!

Понять его можно, вокруг только знакомые ему бойцы, а тут раз – паренёк в гражданке, смотрит на него невинными зелеными глазками.

– С учётом того, как вы двигаетесь, меня всё больше удивляет, как немцы вас всё ещё не перехватили, – показал я кривую улыбку.

– Да тут кругом немцы! – взвился истерично капитан.

Кстати, судя по нашивкам, он оказался старшим политруком, то есть служил по политчасти, а не был кадровым командиром. Но всё же кант на пилотке и петлицы у него были голубыми, да и эмблемы летунов имелись.

– Где головной дозор, где боковые дозоры? Стадо, а не подразделение Красной армии, – стал я отчитывать политрука, а заметив, что тот начал с возмущением открывать рот, я добавил уже нужную информацию: – Мост впереди взорван, придётся переправляться так. Вы как раз двигаетесь по ничейной земле, наши уже отброшены, лишь группы окруженцев, вроде вас, да и немцы стали появляться на дорогах.

Я осмотрел собравшихся вокруг. Некоторые были ранены, значит, я не ошибся, разглядывая их с дерева, были-таки повязки на нескольких красноармейцах.

– Когда же наши их остановят? – тоскливо спросил один боец, на что я громко рассмеялся.

– Это произойдёт не скоро. Вы ведь авиатор? Тогда можете себе представить, что после нескольких налётов вы лишились всей приграничной авиации, и отражать налёты вам теперь практически нечем. Немцы бомбят походные армейские колонны, склады и технику. Приграничные войска разбиты и рассеяны, так что остаются лишь войска второго эшелона, но я бы на них не надеялся, отступать вам придётся долго. Нужно вернуть господство в воздухе, без него воевать очень проблематично, думаю, вы в этом уже убедились.

– Ты кто? – прямо спросил политрук. А я думал, он попытается заткнуть мне рот отповедью, но, видимо, начало войны что-то перевернуло

в нём, и никаких газетных цитат о малой крови на чужой территории я не услышал.

– Диверсант, профессиональный. У меня экзамены в училище по полевому ориентированию. Должен был на третий курс перейти, а тут война. Вот и развлекаюсь. Кстати, тот мост я взорвал, его немецкие диверсанты почти захватили, перебив охрану, пришлось повоевать.

Раздался гул голосов, но смолк, когда я поднял руку.

– Прежде чем расстаться, я вас кое-чему научу. Двигайтесь по тылам противника только по нехоженным тропам, на дороги можно выходить только в одном случае – чтобы пересечь их, и делать это лучше ночью. К местным жителям не ходите. Они рады немцу и сдадут вас, в большинстве случаев, конечно, ну или в спину выстрелят. Дальше. Добывайте еду сами, в лесах, полях, ну или отбив у немцев, пересекайте реки вплавь и на подручных средствах и игнорируйте броды и мосты, там будут засады. Только в этом случае у вас есть шанс живыми дойти до наших. Теперь по немцам и тем, кто подумывает, что в плену неплохо. Ошибаетесь, я уже общался с теми, кто попал к ним в плен и бежал. Есть и такие. Первое, раненых в плен они не берут, добивают на месте, на корм идет брюква, сваренная на воде, ничего больше, рацион только один, ну и лагерь под открытым небом. Никаких бараков, спать на земле, ходить под себя, так как туалетов не предусмотрено, на любые волнения – огонь из пулемётов на поражение с вышек. Я взял в плен одного лейтенанта тыловой дивизии, и тот сознался, что на такой объём пленных они не рассчитывали и кормить их просто нечем. Запасы быстро тают. Поэтому сверху пришёл приказ пленных уничтожать, кого травить, кого расстреливать. Уже появились расстрельные команды, и это на второй день войны.

Я умолк и обвел взглядом стоящих вокруг бойцов. Кто-то глухо выругался. Первым пришёл в себя буквально раздавленный политрук:

– И что же нам делать?

– Идти к своим, конечно же, – пожал я плечами. – Как идти, я описывал. Но можно при этом устраивать диверсии на дорогах. Например, техника у немцев вся на бензине, включая танки, а те перевозят горючее на броне в канистрах. Один выстрел зажигательной пулей – и костёр. Стреляйте в водителей машин, убивайте их. Колонна встанет, на полчаса-час, но это время для наших отступающих войск, чтобы занять и подготовить позиции к бою. Стреляйте в танкистов, плевать на танки. Чтобы подготовить опытного танкиста, нужно много времени, а простого пехотинца за рычаги не посадишь. Пока вы будете двигаться по тылам

немцев, устраивайте засады на небольшие группы, используйте захваченную технику и вооружение, особенно для засад их скорострельные пулемёты хороши. Это я про МГ-34. Ваша задача не погибнуть зря, а выбить у немцев как можно больше личного состава. На пехоту особо внимания не обращайтесь, главное – военные специалисты во всех областях...

Говорил я ещё долго, и что странно, слушали меня со всем вниманием, как устраивать засады на тех же мотоциклистов с помощью натянутой верёвки, или как устанавливать заряды с гранатами или растяжки. В большинстве своём вокруг меня собрались технические специалисты, и они понимали, о чём я говорю.

– Ты с нами не пойдёшь? – воспользовавшись заминкой, спросил политрук, пока я, отстегнув флягу, утолял жажду. Кстати, пить хотели многие, поэтому моя фляга быстро пошла по рукам и вернулась пустой.

– Нет, у меня свои планы. Званием можете не давить, мне оно побоку. Тем более мы из разных ведомств, – ответил я. – У меня лишь одна просьба. Мне нужен авиационный техник. Лучше всего универсал, тот, кто знает все типы самолётов. Лётчики есть?

– Я лётчик, – подняв руку, вышел вперёд молодой, лет девятнадцати, парень. – Сержант Евгеньев.

– Вот, мне нужен техник и лётчик, – я осмотрел бойцов. Многие отводили глаза. – Кто согласен со мной повоевать? Обещаю по возможности потом доставить к нашим в целости и сохранности.

– Я готов, – сделал шаг вперёд тот же сержант.

– На чём летал?

– На «ишачке».

– Пойдёт, – согласился я и снова осмотрел техников. – Ну так что, есть добровольцы?

– А, гори оно всё огнём, – махнул рукой и вышел мужчина лет сорока в застиранном комбинезоне, под которым виднелась гимнастёрка с треугольниками старшего сержанта.

– Этого хватит, товарищ старший политрук, – сказал я капитану. – Думаю, вам стоит продолжить путь и пройти как можно больше. Немцев вам, скорее всего, не догнать, но некоторые шансы появились после уничтожения моста... Бойцы, за мной.

Те, кого я отобрал, быстро попрощались со своими, а остальные направились к реке. Политрук, похоже, пропустил все мои советы мимо ушей: ни боковых, ни передового дозора не было, так и двинули общей толпой. Не дойдут, факт.

Кто-то спросит, как так: раз, и послушались четырнадцатилетнего паренька. А причина была. Я не зря так долго описывал их будущие мытарства на территории, подконтрольной немцам, даже дал политруку перерисовать с трофейной карты кроки. Разговор вёл спокойно, но в моей речи нет-нет да проскальзывали командные нотки. А такие нотки нужно ставить, и ставить долго. Вон, даже политрук тянулся, когда я обращался к нему и проверял форму, всё ли застёгнуто. То есть дал понять, что несмотря на возраст, опыт командования у меня просто огромный. А с учётом растерянности, в которой они пребывали, я для них как свет для мотылька. Правда, возраст всё же сыграл роль, поэтому я не удивился, что согласились всего двое.

Пока мы шли к велосипеду, я решил опросить своих новых подчинённых, – я им ясно дал понять, что они перешли в этот ранг.

– Представьте, где служили, какой техникой владеете, включая наземную.

Они оказались из одного истребительного полка, только служили в разных эскадрильях. Техник ремонтировал все истребители, у них в полку была сборная солянка от «Чаек» до «Мигов», были и «ишачки», – всего четыре типа истребителей. Уж не знаю, кому пришла мысль в голову перевооружать на местах! Так вот, Пётр Кириллович техником был отличным, знал все машины, более того, умел водить мотоциклы и машины. Это хорошо. Сержант был пилотом «ишачка», этим утром его сбили в бою неподалёку от аэродрома, выпрыгнул с парашютом, вернулся пешком, а там бой: немногочисленная охрана и два расчёта зенитчиков отбивались от подошедших подразделений немцев. Вот политрук собрал тех, кто выжил, и приказал отходить к своим. Бой продолжался ещё полчаса, пока немцы не уничтожили оборону аэродрома. Технику уничтожить отступающие не успели. Сам сержант был вооружен наганом в кобуре – ему как лётчику было положено личное оружие, а вот у техника кроме огромных кулаков ничего не было. Оружие у него осталось в сгоревшей ремонтной летучке, а во время бегства с аэродрома подобрать что-нибудь он не успел. Сначала их было человек тридцать, а чуть позже стали присоединяться другие окруженцы. Несколько часов они просидели в овраге, а потом уже направились к лесу по полю, пока я их не обнаружил.

К этому моменту рассказа мы подошли к моему лагерю, и я повесил котелок и стал разводить костёр. Время обеденное, сам подкреплюсь и их покормлю.

– Как к вам обращаться? – немного смущаясь моего возраста, спросил Евгенийев.

– Можно по имени, можно по званию из прошлой жизни, – ответил я и, заметив, что вода закипела, бросил крупу и принял из рук техника вскрытую банку тушёнки.

– Как это? – хором спросили авиаторы.

– Давайте я расскажу вам о религиях, что существуют на планете, называемой вами Земля. Высоцкий, кстати, хорошо об этом спел... Всё, не буду, ни к чему это, но об индусах кратко расскажу. Так вот, по их мнению, душа умершего существа, будь то человек или животное, не возносится на небеса, а перерождается. Например, душа коровы вселяется в щенка, душа кошки – в младенца-девочку, ну и так далее, то есть после смерти нас вроде как ждёт новая жизнь. Я ничего против этого не скажу, так как результат перерождения перед вами. Просто, по моему личному мнению, о перерождении никто не помнит – как я о своей прошлой жизни, – остаются только инстинкты.

– Да-а, такое может быть. Техник в соседнем звене ну такой баран был... – покачал задумчиво головой Пётр Кириллович. – Подожди, получается, ты помнишь свою прошлую жизнь?

– Жизни, – поправил я его. – А так да, это у меня пятая жизнь, и всегда я умирал насильственным путём. То есть меня убивали. Травили, взрывали, ну или сам подрывался. Причём возрождался я не в чужом теле, хотя это возможно, судя по одному моему не очень приятному знакомцу, а в своём.

– И какое у вас было звание?

– Я был капитаном спецназа ГРУ, нас ещё боевиками прозвали. Чтобы вам было понятно, расшифрую по местным определениям. Спецназ ГРУ – это армейский осназ контрразведки. Я был ранен, оторвало обе ноги, но Батя, мой командир, молодец. Задним числом провёл представление меня на майора, так что списали по ранению в этом звании. Мне тогда тридцать с мелочью было. В общем, можете обращаться ко мне «товарищ майор», тем более звание мной честно заслужено, запоздало только на пару лет.

– А как вы погибли? – с живейшим интересом спросил сержант.

– Дом мой взорвали. В будущем таких людей террористами будут называть. Я жил в Москве, они заминировали жилой дом и подорвали, погибло более тысячи человек. Все гражданские.

– Но зачем? – Евгенийев заметно побледнел.

– Они так ставили условия правительству страны, мол, если те не пойдут на уступки, взрывы жилых домов продолжатся.

– Фашисты!

Обед был готов, ложки у всех имелись, поэтому мы стали есть пшённую кашу, сдобренную тушёнкой, вприкуску с размоченными

сухарями, каждый погрузился в свои тяжёлые думы. Когда котелок показал дно и ложки стали скрестись об него, Пётр Кириллович вытер ложку, убрал её за голенище сапога и спросил, наблюдая, как я сыплю заварку в кружку с закипевшей водой:

– Вы сказали, что жили в будущем?

– Да, в двухтысячном году, – разделяя на троих остатки печенья, кивнул я. – Если ты спрашиваешь об этой войне, то она была. Начало один в один, как у нас.

– И как это было? – спросил техник. Евгенийев напряжился, внимательно ожидая мой ответ.

– Так же страшно. Кадровая армия будет разбита за несколько месяцев и потеряет все территории, единицы выйдут к своим из окружения, большая часть или погибнет, или попадёт в плен. Но появится возможность формировать дивизии ополчения. Они также будут сгорать в боях, но остановят немцев у Москвы, даже отбросят их на двести километров. Потом будут позиционные бои, наши командиры будут учиться бить немцев, будут крупные поражения, будут победы. Война закончится в Берлине девятого мая сорок пятого года. Это у нас, не знаю, как у вас будет.

– Почему? – спросил лётчик.

– Так я же тут, – спокойно пояснил я. – Кстати, по приказу Ставки Верховного Главнокомандующего, в январе сорок третьего будут введены погоны и в обращения вернутся такие термины, как «офицеры» и «солдаты», «так точно» и «никак нет».

– Вам надо к товарищу Сталину, рассказать всё об этом, если это, конечно, правда, – воскликнул летун.

– Это правда. А рассказать... я уже письма отправил. С вашими правителями я встречаться не хочу, уже обжёгся в одной из жизней, учёный.

– Зачем вы нам рассказали, не бойтесь, что сведения на сторону уйдут? – спросил техник, допивая чай. Печенье мы уже съели, и я пучком травы очищал котелок.

– Нет, не боюсь. Это лишь слова, подтверждения нет. Кстати, двадцать восьмого немцы возьмут Минск. Так что через неделю сможете проверить, правду ли я сказал. Ладно, собираемся, пора действовать.

– Что вы хотите делать? – спросил Евгенийев, пока техник пребывал в задумчивости.

Навешивая поклажу на велосипед, я, не задумываясь, ответил:

– Те части, что остались в Брестской крепости, дерутся в окружении до

сих пор и ждут помощи. Понятно, что её не будет, но хочу хоть как-то поддержать их и рассчитываю, что и вы со мной – помогать я собираюсь с неба.

– На аэродроме немцы, – напомнил сержант.

– Вот это как раз меня мало заботит, главное, чтобы там были «эрэсы», бомбы, топливо, ну и рабочие аппараты, конечно. Я пилот, ты лётчик, на пару мы там повеселимся, заодно помогая нашим парням в крепости.

– Но немцы?!.

– Это не ваша забота. Напомню, я майор спецназа, осназа, как у вас их тут называют, у меня огромный боевой опыт как раз в ведении таких боевых действий. Так что немцев я беру на себя, на вас вся авиационная техника, постарайтесь не подвести меня. Уже сегодня вечером я собираюсь совершить первый вылет. Это всё, выходим.

Я передал кобуру с вальтером технику, тот быстро продел кобуру в ушки ремня, проверил оружие, и теперь был хоть как-то вооружён. Я же повесил винтовку на плечо, взялся за руль велосипеда и направился к дороге.

– Туда же нельзя, – сообразил, куда мы направляемся, Евгенийев.

– Именно. Мне нужна машина. Подойдёт и мотоцикл, но лучше машину.

На обочине я спрятал авиаторов, поменяв свою винтовку на вальтер Петра Кирилловича – работать я собирался в одиночку, поэтому и решил действовать двумя единицами короткоствольного оружия. Одет я был как простой паренёк, оружие за поясом сзади, взведено и готово к бою. Я проверил маскировку парней, поправил некоторые огрехи, доводя её до совершенства, потом вернулся на обочину. Долго ждать не пришлось. Видимо, немцы остались у руин моста, поджидая подразделение с понтонами, всё же тут была накатанная дорога, да и берег позволял навести такую переправу, но патрули в разные стороны выслали. Жаль, что не машины – два мотоцикла с шестью седоками при двух пулемётах.

– Не вмешивайтесь, – велел я авиаторам, внимательно наблюдая, как из-за поворота показались стрекочущие мотоциклетными моторами немцы. – Я сам справлюсь. Вы только помешаете.

Немцы подъехали ко мне, слегка притормозили, и... не останавливаясь, проследовали дальше. Я их не заинтересовал. Выхватив оружие, я открыл огонь им вслед. Из ТТ по ближайшему экипажу, из вальтера по дальнему. Положил пятерых, ранив шестого, мне нужен был «язык».

Мотоциклы, никем не управляемые, остановились, один посередине дороги, второй скатился на обочину в кусты и там заглох.

– Собрать оружие и документы, подготовить технику к движению, – скомандовал я и рванул к подранку. Это был солдат, что сидел за водителем. Когда я его ранил, он отклонился, что позволило мне достать водителя.

Спустившись на обочину, я перевернул подранка на живот и связал ему руки, после чего похлопал по щекам. Похоже, у него болевой шок. Я стал задавать вопросы, жёстко контролируя ответы. Авиаторы с несколько ошарашенным видом собирали и уложили в одну из люлек оружие. Обоим я велел вооружиться МП-40, их как раз было две единицы, и забрать боеприпас. Вальтер я не вернул, вместо него Пётр Кириллович выбрал себе парабеллум одного из пулемётчиков. В общем, когда я закончил с допросом, авиаторы уже не удивлялись тому, что я знаю немецкий, оба мотоцикла находились на дороге. Тела были спрятаны в кустарнике, туда же унесли и шестого, которого я добил ножом.

– Надеваем плащи, каски и следуем за мной, – я занял седло и запустил двигатель.

В люльке моего мотоцикла были сложены все трофеи и мои вещи, сверху положили велосипед. Авиаторы образовали экипаж второго мотоцикла: техник за рулём, Евгеньев за пулемётом, он его быстро освоил – поклацал затвором, даже поменял пятидесятипатронную банку на ленту в двести патронов.

Первым двигался я, авиаторы следом. Сразу же свернув с шоссе на полевою дорогу, мы за час проехали десять километров и встали у рощи. До аэродрома оставалось около полутора километров, вдаль уже виднелись строения и, кажется, даже самолёты. Воспользовавшись биноклем, я действительно рассмотрел ряды боевой авиационной техники.

Пока мы ехали, не раз встречали немцев, один раз даже целый пеший батальон. Я заранее предупредил авиаторов. Они сперва, конечно, шугались, а потом, следуя моему примеру, даже приветливо махали рукой немцам. Типа мы свои. Плащи, каски и очки, спущенные на глаза, превратили нас в серую массу основных войск вермахта.

Как только моторы были заглушены, Пётр Кириллович устало откинулся, снял очки и протёр мокрое лицо.

– Да-а-а, теперь понятно, чему вас учат в будущем. Кто вот так сможет среди немцев кататься, как свой?..

Похоже, техник, следом за Евгеньевым, поверил в мои метания по мирам. Это хорошо, будет работать не за страх, а за совесть. Однако сейчас о другом. Я не знал территорию аэродрома, требовалось его описание с рисунком. Трофейный блокнот и карандаш у меня были, к тому же надо было выяснить, что где хранится. Естественно, воевать с аэродрома я не собирался, но вывезти топливо и боезапас куда-нибудь в надёжное место было возможно. Главное, чтобы нам хватило на два-три боевых вылета. Больше сделать не дадут, но и это неплохо. А потом уже можно направляться к своим. Дело я сделаю: посмотрю своими глазами на погибающую крепость.

Главное для меня это сбросить на крепость сообщение, что помощи не будет и чтобы выбирались они своими силами. Ведь они ждали эту помощь, поэтому и сидели, и дрались до конца, но так и не дождались. А сейчас, пока у них есть силы, остается шанс уйти на прорыв. Лишь бы они поверили мне, поверили сообщению, что я сброшу в разных частях крепости.

Стянув длинные мотоциклетные перчатки, я сказал:

– Мне нужно знать расположение всех строений аэродрома, что где находится.

– Мы с вами? – тут же спросил Евгеньев.

– Не-е, я пойду один, вряд ли там больше взвода. Для меня они на один зуб, а вас терять не хочется, не зря же с собой тащил. Держи бинокль, с крыши вон того здания, где часовой прогуливается, я подам сигнал, тогда подъедете. Если в течение двух часов сигнала не будет, уходите к нашим. Пётр Кириллович, для тебя у меня отдельное задание. Использовать будем «Чайки». Припомни, где находятся уцелевшие машины? Нам нужны две, где бомбы, топливо и другой боезапас, не забывайте про запчасти. Я там вижу немецкий тентованный грузовик, воспользуемся им для перевозки имущества. Тебе, сержант, тоже задание: нужно укромное место подальше от дороги, куда можно добраться на грузовике, но с ровной площадкой, способной принять «Чайки». Взлетим с аэродрома к крепости, мы сюда уже не вернёмся, а отштурмовавшись, полетим к площадке, где нас должен будет ждать Пётр Кириллович. Вот трофейная карта, ориентируйся по ней. В общем, задания я раздал, а пока рисуйте схему строений.

С описанием аэродрома и построек – часть была уничтожена бомбёжкой, но кое-что осталось – они закончили за пятнадцать минут, после чего, проверив оба пистолета, я спокойно направился по небольшой тропке прямо к аэродрому. Игра под ребёнка-подростка продолжалась. Главное – подойти, а там уж я разберусь. Можно и скрытно выдвинуться, но это займет слишком много времени. На мотоциклах тоже риск, связанный с потерей авиаторов, так что сам и только сам.

Одно меня не особо порадовало: топлива на аэродроме было очень мало, всего десяток бочек. Ну, для полка это действительно капля в море, а нам хватит, главное, чтобы было на месте. «Чаек» в полку было полтора десятка, из них не менее пяти должно быть в полном порядке, не знаю, как они наземный бой пережили. Так что надежда была, и не слабая.

Я неспешной походкой приблизился к строениям, внимательно оглядываясь. В прямой видимости был часовой в немецкой форме. Но их наверняка должно быть больше! Грузовик один у здания штаба, там же пара мотоциклов, значит, немцев не более полувзвода. Уже легче.

Часовой меня, конечно, видел, поглядывал изредка, но никаких действий не предпринимал, хотя я был готов нырнуть в траву, если он попытается снять карабин с плеча. Ну, а в том, что он обо мне предупредил, я был уверен на сто процентов.

Вокруг царила разруха: воронки от бомб, сгоревшие остовы боевых самолётов, наземной аэродромной техники, кучи мусора и тряпья, но всё же целые на вид машины были, я их видел вдали на поле, там, кажется, прохаживался часовой.

Я направился к ближайшему строению, двухэтажной казарме. За ней

была столовая, дальше штаб, по крыше штаба и гулял часовой, посматривая вокруг. Когда я скрылся от него за казармой, побежал со всех ног и одним слитным движением рванул в окно на первом этаже, зазвенев разбитым стеклом на полу. После бомбёжек ни в одном здании не осталось ни одного целого стекла, я об этом знал и не ожидал ничего другого.

Попал я явно в каптёрку. Со взятым наизготовку ножом подкрался к двери и, прислушавшись, выглянул. Никого не было, лишь было слышно, как кто-то говорит на немецком, причем, судя по тому, что звук становился отчетливее, беседующие приближались. Скорее всего, после сообщения часового-наблюдателя командир оставленной охраны, наверняка в звании фельдфебеля, направил мне навстречу солдат.

Находился я в коридоре, дальше был виден длинный зал с множеством коек. Я подкрался к лестнице на первый этаж и выглянул в холл. Наружные двери были распахнуты, и оттуда слышались голоса. Теперь уже два. Когда мелькнула тень, я спрятался за угол, готовясь к атаке. Я не ошибся: их было двое. Наверняка ведь командир одного послал, не группу же отправлять за подростком, а второй, скорее всего, увязался сам. В принципе, нормально. Одного положу, другой и для допроса сгодится. Интересно, они из той же моторизованной дивизии, что рвалась к мосту, где я взял пленного? Тот особо рассказать ничего не смог, лишь номер части и задачу, поставленную непосредственным командиром. Лишь упомянул, что немцы Кобрин взяли с большими трофеями и пленными.

Солдаты нападения не ждали. Чиркнув одного по горлу, я, пока тот скрёб каблуками пол, вырубил второго и потащил в каптёрку для допроса. Следовало поторопиться, их быстро хватятся, а мне нужно знать количественный состав немцев на аэродроме. Сил тут явно немного, но всё же требовалось уточнить, чтобы никто не ушёл и не позвал на помощь. Нам нужно хотя бы часа два, чтобы отправить Петра Кирилловича на грузовике в то место, которое подберёт Евгенийев, ну и вылететь к крепости.

Пленный быстро сломался, и я получил те сведения, что мне были нужны, поэтому хладнокровно отправил его в мир иной. Вытерев о форму немца нож, я направился на другую сторону казармы, по соседству со столовой. «Язык» подтвердил, что они из той же моторизованной дивизии, но из роты тылового обеспечения. Тут их тринадцать человек с унтером во главе, трое на часах, остальные отдыхают. Расположились в штабе. Один часовой на крыше, другой на стоянке уцелевшей техники, охраняет новейшие истребители «МиГ» до прибытия комиссии из люфтваффе, ну и один охраняет пленных. Меня это заинтересовало. Оказывается, на аэродроме взяли два десятка пленных, тяжелораненых добились, остальных

заперли на пустом продовольственном складе. Там и находился третий часовой.

Незаметно для часового на крыше я покинул казарму – судя по хрусту жестяной крыши, он был на другой стороне. Остальные тоже не могли меня увидеть. Это позволило мне обойти кухню и так же через окно попасть в здание штаба. К моему удивлению, немцы банально дрыхли, как сурки, после плотного обеда, так что прирезать их труда не составило, ни один не проснулся. Подсчитав зарезанных, я задумался. Двоих я положил сразу, трое на часах и тут семеро – получается двенадцать, где ещё один? Не хватало как раз фельдфебеля.

Обыскав все помещения штаба, я нашёл его в кабинете командира полка листающим карты, так что унтер отправился следом за своими солдатами. Потом я поднялся на чердак, подошёл к смотровому окну и метнул нож в наблюдателя.

Выбрался на крышу, проверил патрон в карабине и, вскинув тот к плечу, произвёл два выстрела. Сперва в того, что находился вдали, у стоянки самолётов, а потом и во второго, у сарая с пленными. Тот попытался прыжком уйти за угол, но моя пуля прибила его к земле. Помахав парням карабином над головой, – те меня видели, – я спустился на первый этаж.

Моё внимание привлекли хрипы в одной из комнат, и я рванул туда с пистолетом наготове. Там оказался пустой радиоузел, лишь шумела на волне включенная радиостанция. Видимо, второй солдат, которого я положил в казарме, слушал эфир и решил присоединиться к приятелю. Подойдя, я покрутил настройки и внезапно услышал усталый монотонный голос радиста:

– Я Крепость... Я Крепость... Прошу помощи. Я Крепость... прошу помощи...

Замерев, я слушал этот голос среди помех, в нём кроме безмерной усталости отчётливо слышалась мольба. Подкрутив настройки радиостанции, я вздохнул. Ещё держатся ребята.

– Продержитесь ещё пару часов, а там уж хоть как-то мы вам поможем, – вслух прошептал я.

Отвечать я не собирался, немцы чётко контролировали эфир и могли с лёгкостью перехватить передачу. Я не хотел, чтобы нас ожидали над Брестом «мессеры».

Выключив радиостанцию, я направился на улицу, оттуда как раз послышался рёв моторов наших мотоциклов. Евгений не умел управлять трёхколёсным транспортным средством, хотя автомобили водил, но,

видимо, Пётр Кириллович ему на пальцах показал, и тот смог доехать. Не бросать же технику.

Забрав свою винтовку, я посмотрел, как там часовой на дальней стоянке, – всё ещё лежит не шевелясь, похоже выстрел точный, – и мы втроём направились к сараю. Механик сбил замок и, распахнув дверь, добродушно пророкотал:

– Выходи, честной народ, свои.

– Кириллыч, ты никак? – услышал я изнутри, и оттуда потянулись освобожденные военные. Выстрелы они, оказывается, слышали, да видели в щель, как упал их часовой.

Освобожденные и мои подчинённые радостно обнимались, один уже поднял карабин часового и снимал пояс с боеприпасом, поэтому я решил поторопить события:

– Внимание, стройся! – рявкнул я.

Мои-то сразу послушались, а вот остальные, хотя по привычке и вытянулись, но строиться не спешили. Успели рассмотреть, кто им команды отдает.

– Это ещё что за чудо? – озадаченно спросил один из освобождённых, с «пилой» старшины в петлицах. Причём не авиатор, в его петлицах были общевойсковые эмблемы. Скорее всего, из охранного взвода или зенитчик. Пётр Кириллович рассказывал, что эти подразделения были приданными.

– Евгеньев! – приподнял я правую бровь.

– Я, товарищ майор, – тот сделал шаг вперёд из шеренги в два человека.

– Слушай приказ: бегом к стоянке самолётов, отбери две машины и смотри, чтобы на обеих были направляющие для реактивных снарядов.

– Так они на всех есть, товарищ майор, – тут же отозвался сержант.

– Выбирай две машины, – велел я, и тот со всех ног рванул в конец поля, а я же велел: – Старшина, постройте людей.

Тот не знал, как быть, подчиняться ли моим приказам, как это делают давно знакомые ему бойцы, или всё же послать меня подальше, однако механик продолжал стоять навтыжку, приказа вольно я ему не давал, поэтому, поморщившись, старшина приказал строиться. Пройдясь мимо шеренги, я велел:

– Лётчики, шаг вперёд.

Вышли два сержанта. Судя по тому, что именно они обнимались с Евгеньевым, то скорее всего, они приятели или из одного училища. Сам сержант всего месяц как прибыл в часть.

– Представьтесь, сообщите, на чём летали.

– Сержант Харитонов, пилот «Чайки», – сделал шаг вперёд крепкий

невысокий светловолосый паренёк лет двадцати на вид.

– Сержант Баринов, пилот И-16, – сообщил другой, высокий и нескладный, с добродушным лошадиным лицом.

– Вы двое, бегом к тем мотоциклам. В люльке среди вооружения две кобуры с трофейными пистолетами. Вооружайтесь и бегом следом за Евгеньевым. Приказ: подготовить к вылету четыре «Чайки», загрузить боезапасом, топливом. Механиков я к вам сейчас пришлю. Бегом.

Те сорвались с места, быстро вооружились, сбили складки гимнастёрки за ремни назад и, придерживая пилотки, побежали за сержантом. Тот за это время уже достиг стоянки и осматривал машины.

– Бойцы подразделения охраны и зенитчики, шаг вперёд, – велел я.

Вышли шестеро, среди них и старшина. Двое были ранены и кое-как перевязаны, поэтому я обратился к четверым другим:

– Старшина, направьте бойца на крышу штаба, пусть наблюдает за окрестностями, туда же один из пулемётов, снятых с мотоцикла. Вооружайтесь.

– Есть, – козырнул тот и стал командовать.

Пока бойцы вооружались, я велел раненым присесть в тени, ими скоро займутся. Дальше просто. Механиков и техников я отправил следом за лётчиками, выделив им два мотоцикла – семеро как раз уместились, не пешком же им бегать, не молодые, чай, все в возрасте. Приказ у них был тот же: подготовить технику к вылету. Остальным я раздал задания: старшина организовал оборону и цепь постов-наблюдения, другие бегали по аэродрому и искали уцелевшую технику, нашли две полуторки. В кузовах грузового «Опея» и этих полуторок и начали грузить самое для нас ценное. То есть авиационное топливо, боеприпасы и бомбы. Также подчистили склады, забрав продовольствие с лётными пайками. На складах я нашёл приличное количество новеньких канистр, муха не сидела, всего двадцать штук. Зная о бедственном положении гарнизона крепости, особенно о недостатке воды, я решил хоть так им помочь. Ничтожные объёмы, конечно, но хоть почувствуют, что о них знают и помнят. Может, благодаря этой помощи они поверят, что из крепости нужно уходить, причём срочно, прорываясь в леса.

Организацию сброса канистр и продовольствия – бомбы мы брать не будем – я возложил на Петра Кирилловича, а тот, подумав, вызвал молодого парнишку, как оказалось, укладчика парашютов, который дружил с головой, и поставил ему ту же задачу. Теперь уже паренёк озадаченно чесал затылок, как сбросить гарнизону воду и продовольствие и не повредить канистры. Но какая-то идея ему пришла, лицо прояснилось,

и он унёсся в сторону складов с вещевым имуществом, где хранились парашюты.

Я же носился по аэродрому сайгаком, нужно было организовать нормальную медпомощь шестерым раненым, питание всем бывшим пленным – они не ели с утра, а был уже четвёртый час, – подготовить колонну к отправке, причём требовалось снять с немцев форму, поедут солдаты ряжеными и без меня. Старшим колонны я назначил Петра Кирилловича. За охрану отвечал старшина Главнюк.

Евгеньев уже доложил, что четыре машины подготовлены, оставались последние работы, да ещё требовалось как-то прицепить к бомбодержателям канистры и продовольствие. Реактивные снаряды уже на направляющих, по три с каждой стороны. На «Чайках» было по два бомбодержателя, на каждый планировалось закрепить две канистры с водой и два вещмешка с тушёнкой. Высококалорийная еда должна помочь продержаться. Сидоры уже наполняли, да и канистры тоже. Машины были практически загружены, к «Опелю» даже прицепили топливозаправщик с простреленным мотором, но целой ходовой, а в нём полбочки топлива. Дырки заткнули щепой. Ну, и двенадцать бочек с топливом и маслом уместились в кузовах полуторок, туда же грузили реактивные ракеты, бомбы, боеприпасы к авиационным пулемётам, продовольствие и канистры с водой. Воздушный рейд к крепости у нас будет не один.

Перед вылетом я узнал, что там придумал уникам парашютного спорта. Всё оказалось просто, по три выпускных парашюта, привязанные к канистрам и вещмешкам стропами, сбрасываются стандартно, как бомбы. Паренёк просил делать это не ниже ста метров, не то всё побьётся. Оснастить этими нужными Крепости «бомбами» он успел всего две машины, но ему помогали девять человек, так что через двадцать минут обещал закончить.

– Полшестого, – мельком посмотрев на часы, сказал я. – Поторопись.

А я направился в штаб на мотоцикле. Там занял кабинет командира полка и начал писать письма. Ну, не совсем сам, среди уцелевших как-то затесался полковой писарь, вот он на машинке и писал приказы. Потом я подписывал их, ставил полковую печать, которая хранилась тут же. Подготовил восемь сообщений о ситуации на фронте и приказы на оставление крепости. Помощи не будет.

Все конверты убрали в сидоры с тушёнкой, где их точно найдут. Теперь всё было готово, мы подождали, когда колонна уйдёт.

Место для временного аэродрома подобрано. Проверив друг у друга

парашюты, мы стали залезать в кабины боевых машин. Евгенийев с плохо скрываемым удивлением показывал мне в кабине «Чайки», какой прибор за что отвечает. Поглядывал он на меня с сомнением, однако память разведчика не подвела, и я запомнил с первого раза и повторил всё, что он мне сказал.

– Вы точно сможете управлять этим истребителем? Машина серьёзная, ошибок не прощает.

– Не бойсь, сержант, я не подведу, главное, выведите меня на крепость и на примере покажите, как надо штурмовать вражеские позиции. Только по своим не бейте, им там и так тяжело.

– Понял, сделаем.

Радиостанций в машинах было всего две, в моей и Евгеньева. Мы были ведущими, остальные ведомыми. Работать должны были парами. Мне дали сержанта Харитонова как опытного пилота этих машин, тот должен прикрывать меня на случай появления истребителей противника. Наземную штурмовку я ещё проведу, а вот воздушный бой, уж извините, не смогу, знаний не имею.

Наконец, полчаса, которые мы дали парням из колонны, истекли. Те должны были под видом трофейной команды немцев выдвинуться в сторону нужного квадрата, чтобы соорудить там замаскированный аэродром. Тут восемь километров всего, так что надеюсь, они уже преодолели половину пути и скоро будут на месте. Пора и нам поработать. Сделав отмашку, я опустил на глаза навороченные лётные очки с зеркальным покрытием, снятые с тела немца. Взревели моторы истребителей-штурмовиков, и после недолгого прогрева моторов парами мы пошли на взлёт. Опыт управления такими машинами у меня, конечно, отсутствовал, но разницы особой не было, что «Сесна», что «Чайка», так что я быстро догнал и полетел неподалёку от пары Евгеньева. Харитонов от меня не отставал. Немного напрягало, что кабина была открытой, ветер бил в лицо, и небольшой плексигласовый козырёк впереди не помогал, однако ничего, приноровился.

После нашего взлёта двое оставшихся техников начали жечь подготовленную к уничтожению технику. Потом в немецких мундирах на мотоцикле они должны последовать за колонной Петра Кирилловича. Когда мы поднялись на высоту полкилометра, я обернулся. Над аэродромом уже стояли чёрные клубы от горевшей техники. Молодцы ребята, всё исполнили как надо. Они просто бегали с факелами и поджигали пропитанные маслом и бензином тряпки, брошенные или в кабины или под самолеты. Жгли всё, и уцелевшую, и повреждённую

технику. Ничего не должно было остаться. Чтобы ничего не досталось врагу.

Летели мы на высоте полукилометра на крейсерской скорости. Где крепость, Евгенийев знал, он рядом три воздушных боя провёл, так что вёл уверенно. Кстати, на счету сержанта один сбитый «юнкерс», остальные такими успехами похвастаться не могли, раньше машины потеряли, но зато участвовали в штурмовках немецких войск, так что какой-никакой, но опыт у них был.

Когда впереди показались несколько тонких струек дыма и два вполне крупных чёрных столба, я сглотнул ком в горле и понял, что мы приближаемся к Бресту. Вот оно, час икс. Радист, что нашёлся среди освобожденных пленных, настроил наши рации на волну радиостанции крепости, многие слышали ее мольбы о помощи, специально ходили в радиоузел, но мы не отвечали. Поэтому когда вдали показались дымы, я прижал ларингофон к горлу и стал вызвать радиста гарнизона:

– Крепость, Крепость, я Орёл, ответьте. Приём.

– Орёл, Орёл, я Крепость, – захлёбываясь словами, ответил радист. Пока мы летели, тот молчал, видимо берёт батарею. – Орёл, срочно требуется помощь гарнизону крепости.

– Крепость, мы на подходе. Немедленно обозначьте сигнальными ракетами или трассирующими пулями строения, где засел противник. Ждите подарки с неба. Восемь единиц. Помощи не будет. Повторяю, помощи от командования не будет, прорывайтесь сами. Приказ мы сбросим, готовьтесь принять. Приём.

– Орёл, я Крепость, вас понял. Ждём вас. Приём.

– Крепость, я Орёл, у вас минута, мы на подлёте. Приём.

Под нами уже были улицы Бреста, когда неожиданно для меня пара Евгеньева свалилась на крыло и пошла вниз. Общаясь, я как-то упустил, что мы уже на месте, и теперь стало понятно, почему первая пара атаковала. Было видно, как из нескольких задымленных строений начали бить трассирующими пулями, ракет я так ни одной и не дождался, видимо их не было в наличии.

Немного нервничая, я повёл машину вниз, так же свалив её на крыло и направляя на площадь. Там как раз шла атака: при поддержке трёх танков немецкая пехота атаковала одну из казарм. Направив прицел на два танка, что шли рядом, я выпустил разом все реактивные ракеты. Думаю, чудо, что я попал. Один вспыхнул, другой лишился башни, но я едва успел вывести истребитель из пике, чуть не чиркнув днищем о землю. Так и подарки гарнизону можно потерять!

Поднимая машину в небо, я огляделся и успел рассмотреть, как исчезает в разрывах реактивных снарядов третий танк – это Харитонов отстрелялся. Мы уже определились, где сидят наши, а где немцы, поэтому, разворачивая самолёт для сброса подарков, я снова вызвал радиста гарнизона:

– Крепость, я Орёл, скидываю подарки в районе подбитых танков, принимайте. Вам четыре. Приём.

– Орёл, я Крепость, тебя понял. Приём.

В полукилометре от нас пара «Чаяк» Евгеньева делала то же самое. Они помогли огнём ракет и пулемётов другой части гарнизона, которая была отсечена от своих. А также сбросили подарки. Я нажал кнопку сброса за пятьдесят метров от той казармы. Выкинув по три парашюта, продовольствие и вода начали опускаться, однако я ошибся, и те опускались на площадь, где залегли немцы, нашим до них было не добраться. Не лучше отстрелялся и Харитонов, его груз лёг перед казармой. Не бомбардировщики мы, да и сбрасывали не бомбы.

Однако бойцов гарнизона это не остановило. Выпрыгивая из окон и выбегая из дверей, одни падали, сраженные пулями, но другие бежали к канистрам и вещмешкам. Чтобы прекратить бойню, я развернул «Чайку», и мы с ведомым атаковали тех, кто залёг в воронках и за любыми укрытиями на площади, расстреливая их из пулемётов, которых у меня было четыре. Да и командиры казармы, пользуясь нашей помощью, подняли всех, кто мог ходить, в атаку. Так что наша помощь была существенной. Сам я работал по площади и сделал довольно результативный заход, а вот Харитонova направил уничтожить обложенные мешками с песком пулемётные точки на другой стороне площади. Тот одним заходом подавил две. А их было восемь, так что в следующий заход я присоединился к нему, всё равно на площади шла рукопашная схватка и стрелять я не мог.

На этот раз пулемёты мы подавили, после чего я скомандовал сбор и направил машину прочь от крепости. Чуть позже нас догнала пара Евгеньева и заняла место ведущих.

– Орёл, я Крепость, подарки получили... Спасибо, братцы, – донеслось до нас, когда мы возвращались. Приёмники были у всех, только передатчики у нас с Евгеньевым, поэтому радиста гарнизона слышали все лётчики.

Только удалившись от крепости, я понял, какое чудовищное напряжение держало меня, поэтому стал делать лёгочную гимнастику, она мне очень хорошо помогала прийти в себя, но всё равно потом

пропиталось всё нательное бельё и даже лётный комбинезон. Я ничем не отличался от лётчиков, что пилотировали другие машины: такой же синий комбинезон, такой же шлемофон, кобура с пистолетом на боку. Разве что очки были свои, зеркальные.

Подняв очки, я рукавом вытер мокрое лицо. Хотелось пить. «Чайка» стала сперва уходить вниз, потом вильнула вверх, и тут же последовал запрос от Евгеньева. Но я его успокоил, всё в норме. Отходняк у меня.

К этому моменту мы были на месте и, как договаривались, поймали солнечные зайчики от механиков. Значит, всё в норме. Они на месте – немцев нет. Летели мы на бреющем до аэродрома подскока, метрах в пятидесяти от земли, так что я надеялся, что аэродром не скоро обнаружат. Первой на посадку пошла пара Евгеньева, а потом уже мне пришлось поднапрячься, но сел нормально, на три точки, даже без «козла», который вполне мог получиться. Впервые совершаю посадку на такой машине.

Я подогнал истребитель к деревьям, где были видны силуэты грузовиков, после чего заглушил мотор и устало откинулся на спинку.

– Товарищ майор, как вы? – забравшись на крыло, спросил Пётр Кириллович.

– Устал просто, – слабо улыбнулся я. – Вылет сложный был. Готовьте машины к следующему вылету.

– Что, снова полетите?! – удивился тот. Видимо, так пока не делали.

– Да, там в стороне артиллерийские батареи, гаубичный дивизион, похоже, нужно его уничтожить. Пополняйте боезапас, в этот раз вешайте бомбы. Тут недалеко, успеем слетать. Может, и на третий заход сил хватит, ещё продовольствия и воды им скинем. Чтобы сэкономить время, топливом не заправляйте, у нас больше полбака, хватит на ещё один вылет.

Пётр Кириллович, не отходя от машины, отдал несколько приказов, отчего все свободные техники и механики засуетились, перетаскивая от машины длинные ящики с ракетами и другим боеприпасом, а механик вернулся ко мне.

– К нам пограничники присоединились, восемь человек, двое раненых на носилках. Мы их накормили, помогли с боеприпасом. Старший у них старшина. Это все, кто выжил на заставе. Трое контужены серьёзно. Будете говорить с ними?

– А то! – почувствовав прилив сил, кивнул я. С помощью Петра Кирилловича покинул кабину и, сняв парашют, направился к деревьям.

Старшина-пограничник не выглядел удивлённым. Видимо, ему уже порассказали обо мне, поэтому я встретил лишь заинтересованный

изучающий взгляд.

– Нравлюсь?

– Скорее удивляешь, – осторожно покачал тот забинтованной головой. Свежая повязка закрывала все лицо, виден был только один глаз.

– Кто ты и откуда, спрашивать не буду, да и неинтересно это мне, но просьба к тебе есть. Возьмёшь под командование авиаторов? Нужно колонной ночью уехать как можно дальше, пока хватит топлива. Запаса имеется на полторы сотни километров.

– До ближайшего брода доедем, там на немцев наткнёмся, и всё.

– Вполне возможно, но поедете ряжеными, дальше уничтожите технику и пёхом. С ранеными я помогу, заберу с собой.

– Это как? – искренне удивился тот. – У меня один тяжёлый, дорогу может не выдержать.

– Я уже велел своему механику подготовить лежачие пассажирские места на крыльях, а чтобы их не сдуло, там будут страховочные ремни. Пристегнем, переждут весь полёт. Специально на малой скорости полетим. Четыре машины, значит, на пределе загрузки восемь человек. Механика своего беру и семерых раненых. Так что, старшина, готовь людей, раненых оставляйте тут вместе с моим механиком, а уж завтра мы вылетим к своим, топлива должно хватить. Вы же выдвигайтесь, как только стемнеет. Всё ясно?

– Ясно... товарищ майор, – с запинкой ответил тот.

Посмотрев, как техники заправляют пулемёты блестящими патронными лентами, я понял, что время у нас ещё есть, отвел пограничника в сторону и стал учить, как двигаться по вражеской территории. Даже посоветовал наносить удары по коммуникациям немцев. Заодно подарил ту немецкую карту, где все броды и мосты были указаны. Первое время по ней пойдёт, а когда от техники избавится, в дремучие леса двинет. Что на дорогу нельзя выходить, он усвоил отлично.

После старшины моим вниманием завладел мой ведомый:

– Товарищ майор, хотелось бы поговорить об уровне вашего пилотирования, – немного смущаясь, сказал тот.

– Что-то не так? – удивился я.

– Нет-нет, всё нормально. Просто меня удивляет, что когда мы летели, вы поначалу напоминали новичка, впервые севшего за штурвал боевого самолёта, как в принципе и было, а вот над крепостью после первой штурмовки... Вторую вы исполнили неплохо, а уж когда пулемёты третьим заходом подавляли, так вообще классически заходили в атаку. Только больно уж вы снижаетесь сильно, раньше из пике выводить надо.

– Учту, спасибо, – благодарно кивнул я и посмотрел в сторону механиков.

К этому времени все четыре «Чайки» уже были готовы к вылету, им даже ТО успели провести, поэтому я скомандовал:

– По машинам!

Запустив моторы, мы подождали, когда вдали пролетит восьмёрка немецких бомбардировщиков, возвращающихся с задания, и парами поднялись в небо. К нашему возвращению колонны тут уже не будет, поэтому мы заранее попрощались со всеми, кто уходил. Как и договаривались, нам оставили раненых. Старшина тут поступил по-своему. Кроме шести раненых, он одного своего парня оставил, из контуженых, нам в помощь. Видимо, для подстраховки, ну и чтобы присмотрел за нами. Слышал тот плохо, руки у него тряслись, но в принципе пригодится.

В этот раз полёт я как-то не запомнил, всё раздумывал о своих дальнейших планах, только и правил машинально за парой Евгеньева метрах в ста. Поэтому удивлённо моргнул, когда тот вышел на связь и, покачав крыльями, свалился на крыло, атакуя батарею немцев, направленную в сторону крепости.

Мы же с Харитоновом пролетели дальше и штурмовали другую батарею. Никакого зенитного прикрытия у них не было. Опустив нос истребителя, я поймал в прицел все четыре орудия – они стояли рядом, как на параде, – и нажал клавишу пуска, отправив все шесть ракет в цель. Я снова не промахнулся, но лишь потому, что атаковал с минимальной дистанции, фактически в упор. Харитонов был прав, нужно раньше выводить машину из пике. С боевым разворотом выведя истребитель из штурмовой атаки, я посмотрел, что происходит на батарее. Уцелевшие артиллеристы, которые вели до этого огонь, разбежались, но было поздно, их накрыл залп Харитонова, завершивший штурм батареи, даже взрыв был – рванул небольшой склад боеприпасов, и загорелось две автомашины.

Пара Евгеньева тоже неплохо поработала. Дымы и взрывы на месте нахождения гаубичной батареи виднелись издалека. Сержант, закончив работу, сообщил, что обнаружил небольшую автоколонну из шести грузовиков. Получил от меня разрешение и пошел на штурм, а мы с ведомым направились к третьей батарее. Там нас уже ждали, даже встретили огнём зенитного пулемёта. Это был МГ-34 на зенитной треноге, но это им не особо помогло. Сперва Харитонов – я его пропустил вперёд – сбросил четыре пятидесятикилограммовые бомбы. Потом я сбросил две сотни. Бомбометание мы совершали с двухсот пятидесяти метров. Бомбы

сержанта легли точно, кусты разрывов выросли среди орудий, раскидав солдат из расчетов, а вот я промахнулся, хотя целил именно в батарею. Мои бомбы пролетели дальше, одна легла у большой палатки, вполне возможно штаба дивизиона, снося ее вместе с соседними и заткнув тот самый зенитный пулемёт, а вот вторая упала между двумя «Опелями» – из шести стоявших рядом грузовиков. Дальнейшее меня удивило: рвануло так, что нас подкинуло метров на двести. С трудом вернув управление, «Чайка» готова была вот-вот рухнуть в штопор.

– Похоже, в машинах боекомплект для гаубиц был сложен.

С Харитоновым всё было в порядке. Он снова пристроился мне в хвост, поэтому я направил машину дальше, тут недалеко была трасса, чуть позже нас догнал Евгеньев. Он уничтожил автоколонну бомбами и пулемётным огнём, так что теперь был фактически пуст, а вот у нас полный боезапас к пулемётам, это оружие мы ещё не использовали. Чтобы Евгеньев не жёг зря топливо, я отправил его левее по трассе. Будет наводчиком, если ему что попадётся вкусное, вызовет нас.

– Орёл, Орёл, я Синица, наблюдаю крупную автоколонну без зенитного прикрытия, выходящую из Бреста.

– Синица, я Орёл, вас понял, контролируй небо, подхожу.

– Орёл, я Синица, вас понял.

Развернув машины, мы направились к Бресту, его было видно вдаль. Колонна сбилась, грузовики, наливняки и другая техника начали съезжать с дороги, их спугнул Евгеньев, так что пришлось охотиться на отдельные машины. Я приказал атаковать наливняки. Топливо – это серьёзный ресурс.

Оставив колонну позади – семнадцать чёрных столбов дыма: четырнадцать топливозаправщиков и три грузовика с бочками, – мы направились на свой аэродром. Но не напрямую, а как и в прошлый раз, сделали крюк, чтобы не навести на него немцев.

Когда Брест остался позади, я вызвал радиста гарнизона:

– Крепость, я Орёл, как слышите меня? Приём.

Тот отозвался сразу. Видно, запасные батареи в одном из подарков дошли до него.

– Орёл, я Крепость, слышу тебя хорошо. Приём.

– Крепость, я Орёл, уничтожил гаубичный дивизион дивизии, что вас штурмовал, будет легче, держитесь, братцы. Также уничтожены несколько топливозаправщиков и грузовиков с боеприпасами. Приём.

– Орёл, я Крепость, мы слышали ваши переговоры в эфире при атаке колонны. Всё слышали, и мат тоже. Приём.

Матерился в эфире я. Смущённо ругнувшись себе под нос, я ответил:

– Крепость, я Орёл. Немцы взяли Кобрин, наши войска откатываются вглубь своей территории. Помощи не будет. Приём.

– Орёл, я Крепость, вас поняли. Приём.

Закончив с переговорами, я вернулся к полёту. Шли мы так же на пятидесяти метрах и через десять минут были на месте, совершили вполне нормальную посадку, загнали свои машины под деревья. Грузовиков и мотоциклов уже не было, старшина-пограничник с редкой фамилией Ласточкин увёл колонну.

Несмотря на усталость, я продолжал действовать. Сам покинул кабину истребителя, скинул парашют. Остальные лётчики тоже уже снимали парашюты, делясь впечатлениями этого дня, но я прекратил эту говорильню и поставил задачу по заправке техники и пополнению боекомплекта. И хотя до темноты оставалось около часа, я решил совершить второй вылет к крепости.

Единственный наш механик занялся осмотром самолётов и нашел несколько пробоин в моей машине – это, наверное, близким взрывом грузовика мне прилетело, – ну, и так, по мелочи шуршал. Пограничник охранял нас и раненых, а мы пополняли боекомплект. В этот раз подарков было всего четыре. Только подвесили мы их на два самолёта, больше просто не было припасов, да и подготовить не успели, на другие машины подвешивали сотки. Пополнили запасы топлива – пригодилось горючее брошенного топливозаправщика, что мы уволокли с аэродрома. Но всё равно не хватило, в дело пошли бочки с топливом. Так что «Чайки» были заправлены под пробку.

Как мы ни торопились, начало темнеть, поэтому я поспешил отдать приказ о взлете, и мы почти сразу направились к крепости. Петру Кирилловичу я велел при нашем возвращении на подлёте зажечь на земле костры для обозначения места посадки. Конечно, этот вылет был на грани фола, да и мы все валились с ног, но парням в Бресте нужна была помощь, поэтому я поторапливал ребят.

– Крепость, Крепость, я Орёл, как слышите меня? Приём.

– Орёл, Орёл, я Крепость, слышим тебя хорошо.

– Крепость, я Орёл, иду с четырьмя подарками для вас. Подсветите. Немцам тоже гостинцы имеются. Приём.

– Орёл, я Крепость, понял тебя, ждём. Нужна помощь, подсветим на месте.

– Крепость, я Орёл, две минуты. Держитесь, ребята. Приём.

– Орёл, я Крепость, ждём тебя. Приём.

Всё же, как стемнело, командование крепости, из тех, кто выжил, решилось на прорыв. Поверили, это радовало. На подлёте мы рассмотрели активную стрельбу на одном участке обороны, как раз с той стороны, откуда удобнее всего было вырваться. В других местах тоже стреляли, но не так активно, а тут натуральный бой шёл.

– Синица, работай, – скомандовал я Евгеньеву, чтобы тот подавил точки обороны немцев, те не давали нашим выбраться из Крепости.

– Орёл, я Синица, вас понял.

Было уже темно, однако многочисленные огни пожаров освещали место действия. Я понял, что бой идет уже за той площадью, что мы штурмовали, видимо она перешла в руки наших. Именно на эту площадь, предварительно сообщив крепости, мы и сбросили с Харитоновым подарки из канистр с водой и тушёнки. При развороте я увидел, что к ним метнулось несколько фигур в рваной красноармейской форме, и груз был моментально убран с площади в одно из зданий.

– Крепость, я Орёл, мы с Синицей будем пробивать вам коридор, как поняли? Приём.

– Орёл, я Крепость, вас понял. Приём.

– Крепость, я Орёл. Наводите на цели, можно использовать трассирующие пули. Приём.

– Орёл, я Крепость, вас понял. Помогите у цитадели, даём подсветку. Приём.

– Понял. Уже вижу подсветку. Приём, – подтвердил я и направил свой истребитель-штурмовик на здание, из которого било с десятков немецких пулемётов. Они не давали нашим покинуть одно из больших зданий, видимо ту самую цитадель.

Шесть реактивных снарядов у меня и столько же у Харитонова сделали своё дело. Здание потонуло в огне, это позволило нашим выйти на бросок и закидать помещения гранатами. Мы не все пулемёты подавили, парни доделали начатое. Потом нас несколько раз направляли, где ракетами, а где и трассирующими пулями в сторону крепкой обороны немцев, о которую обломали зубы. Летали мы над крепостью чуть меньше часа, сразу реагируя на любое изменение ситуации, а когда топливо стало подходить к концу, направились на аэродром, получив сообщение от крепости, но не от радиста, голос которого мы хорошо запомнили:

– Орёл, я Крепость, – прозвучал в эфире голос с ясными командными нотками. – Братцы, спасибо вам. Сообщите фамилии, если выживу, в граните их выбью.

– Три сержанта сто двадцать третьего истребительного полка: Евгеньев, Харитонов и Баринов, – сдал я лётчиков, мне-то всё равно, а им, если выживут, это поможет. – Командир группы Артур Александров. Для информации, Крепость, мне четырнадцать лет.

– Орёл, я Крепость, не понял вас. Повторите. Приём, – прозвучал тот же донельзя удивлённый голос.

– Синица, подтверди Крепости, – приказал я.

– Крепость, я Синица, подтверждаю, командиру звена четырнадцать лет. Он имеет право командовать. Приём.

Так мы и улетели, не дождавшись ответа от крепости. Скорее всего, нам не поверили. Главное было в том, что в огнях пожаров мы отчётливо видели колонны уходивших подразделений. Они вырвались, смогли. Всего несколько тысяч, да ещё с гражданскими, но и этого немало.

С посадкой пришлось постараться. Ладно, над крепостью стояли пожары, и мы там ещё ориентировались, но что Евгеньев вывел нас на аэродром, просто чудо. Когда я заметил в километре левее вспыхивающие костры, то понял, что мы чуть-чуть промахнулись, поэтому связался с ним по радиации и совершил разворот. Первой села пара Евгеньева, и только потом уже мы, когда тот загнал машины под деревья, чтобы не мешать нам.

Когда мотор стих, я несколько секунд сидел с закрытыми глазами, слыша, как Пётр Кириллович спрашивает парней о результатах вылета и о причинах задержки. Приятно было под бормотание парней и их радостные возгласы, описывающие наши приключения, посидеть в кабине. Доволен ли я собой? Да, вполне. Фамилия пошла в массы – это хорошо, если Гриша здесь, вызываю огонь на себя, мне его лень искать, он меня сам найдёт – мстительный тип, как и я. Трусливый, правда, сам меня искать не будет, напряжёт кого-нибудь. Заодно я парням из крепости помог, такую информацию мимо ушей он не пропустит, должен понять, что это я. Главное, чтобы он был именно в этом мире, а то ведь их миллионы.

Долго сидеть мне не пришлось, я почувствовал, как «Чайка» закачалась под чьей-то тяжестью, и Пётр Кириллович спросил:

– Как оно?

– Норма, – устало улыбнулся я. – Отличный аппарат.

– Оснащаем?

– Да, сначала заправим, чтобы потом не возиться, а потом сразу крепим страховочные ремни и поручни. Помогите мне вылезти, ноги затекли.

С помощью механика я выбрался и снял парашют, после чего сделал несколько разминочных движений и осмотрелся. Костры уже почти

догорели, света было не так и много, придётся использовать для работы пару фонариков, что я затрофеил у диверсантов и у охраны с аэродрома, надеюсь, заряда хватит.

– Всё готово? – спросил я у механика.

– Готово, ремни, вон, кучей сложены, а скобы я час назад выгнул, осталось только закрепить на силовом каркасе, чтобы их во время полёта не вырвало.

– Лететь будем на минимальной скорости, понимаю, поток воздуха будет бешеным, поэтому постарайтесь.

– Сделаем.

Мы с сержантом Харитоновым устроились у раненых и почти сразу уснули, помогала с работами по переделке самолётов пара Евгеньева, а к полуночи подняли и нас на смену. Две машины были готовы, остались наши «Чайки», поэтому оба сержанта улеглись на наши места, а мы с ведомым приступили к работе, помогая Петру Кирилловичу. Тот тоже сильно устал, но работал споро. Сверлил дырки в фюзеляже ручной дрелью, просовывал тросы, крепил скобы и страховочные ремни. Мы были у него лишь на подхвате. Разве что на моей машине было ещё нововведение: на бомбодержателе жёстко закрепили велосипед. Вещи я сразу убрал в кабину, и сидор, и котомку с винтовкой. Пригодятся. С великом пришлось помучиться. Чтобы он не цеплял землю рулём, доставал ведь, гад, пришлось его свернуть по переднему колесу и раме, и всё, теперь никаких проблем. Вернуть, как было, на минуту делов.

Уснули мы уже часа в два ночи и проспали до самого рассвета. Пограничник так и нёс караул всё это время. Как только на горизонте появилось просветление, нас подняли. Умывшись из фляги – рядом водоёмов не было, – я велел готовиться к полёту. Мы по очереди закрепили раненых на крыльях машин, потом пограничника – с карабином тот не расставался, так и пришлось их вместе ремнями пеленать, – ну и последним мы закрепили Петра Кирилловича. На всё про всё у нас ушло чуть более получаса, быстро справились. Надели парашюты и стали занимать кабины «Чаяк».

Потом я дал отмашку, и «Чайки» пары Евгеньева с некоторым трудом оторвались от поля. Было видно, что оба пилота крайне осторожно ведут свои машины. Только после этого на взлёт пошли уже мы. Когда моя «Чайка» оказалась в воздухе, я понял, какие затруднения вызывали пассажиры у пилотов взлетевшей пары, аэродинамики почти никакой, машина то и дело пытается свалиться на крыло. Но как бы то ни было на скорости сто тридцать километров в час, меньше было нельзя, мы

направились в сторону фронта. Направление мы держали к Минску. У всех пилотов были карты этого района – позаимствовали в штабе погибшего полка, так что не заблудимся. Только одного я опасался – встречи со стервятниками Геринга. Шансов у нас с пассажирами не будет никаких. У пассажиров, кроме очков и шлемофонов, ничего не было, даже парашютов. Так что единственная возможность спастись – экстренная, я бы даже сказал, аварийная посадка. Другого не дано.

Солнце уже полностью показалось над горизонтом, когда мы пролетели над той речкой, где я участвовал в уничтожении диверсантов и моста, только прошли мы в нескольких километрах южнее. Летели мы на ста метрах от поверхности земли, держась общей группой и крутя головами во все стороны. Вчера нам удалось избежать встречи с истребителями противника, хотя после нашего последнего вылета командование дивизии, что осуществляло блокаду подразделений советских войск в крепости, наверняка вызвало «охотников», что были обучены летать ночью, но мы к крепости уже не вернулись.

Во время полёта я поглядывал и на пассажиров. Пётр Кириллович находился на правом крыле, а пограничник, что имел схожий с ним вес, на левом. Пограничник был тяжело контужен и ранен, поэтому до сих пор пребывал без сознания, пока помочь мы ему не могли, а вот мой механик показывал большой палец, улыбаясь бледными губами и испуганно поглядывал вокруг.

Не знаю, когда мы пролетели линию фронта, думаю, избежать встреч с немецкими лётчиками помогло то, что мы летели не напрямую к городу, а сделали крюк. Когда впереди показался затянутый дымами Минск, я велел всем пилотам искать госпитали или медсанбаты, и если кто найдёт, сообщать мне. Главное, чтобы рядом была удобная площадка со взлётной полосой. Мы уже были глубоко в тылу наших войск, так что не опасались совершить посадку в расположении немецкой части, ну или поблизости.

Довольно крупный госпиталь нашел мой ведомый. Он ушел в сторону, слегка покачивая крыльями, чтобы не напугать пассажиров. Мы повернули туда же и в десяти километрах от Минска разглядели небольшой городок. На окраине здание, на крыше полотнище с красным крестом. Идиоты, немецкие лётчики их, похоже, не научили тому, что бомбят именно госпитали, причём с удовольствием.

Мы по очереди совершили посадку прямо на дорогу в нескольких сотнях метров от окраины городка, та была вполне ровной. Видно, что за ней тут следили, засыпали щебнем, так что на этом наш полёт и завершился. Машин было мало, да и те уступили нам дорогу, водители

наблюдали, как мы после посадки выстроили самолёты на обочине в шеренгу. Однако прилететь-то прилетели, пусть местные комендачи дальше разбираются, а мне требуется поспешать, с местными я встречаться не собирался.

Как только мотор стих, я выбрался из кабины, скинул парашют на крыло и помог Петру Кирилловичу отстёгивать привязные ремни. Пограничник так и оставался без сознания, но пульс был.

Мы успели. Механик снял велик и трясущимися после полёта руками выправлял руль, я переоделся в свою гражданскую одежду, оставив в кабине винтовку и боезапас, с собой взял только пистолеты и гранаты, – и к нам на велосипеде подкатил самый обычный на вид милиционер и удивлённо разглядывал технику.

– Ну, всё, мне пора, – быстро прошептал я механику, поправляя лямки сидора за спиной. – Попрощайтесь с парнями за меня.

Евгеньев и его ведомый отвлекли милиционера на сообщение о раненых, требующих срочной медицинской помощи, и я сел в седло и покатыл в сторону ближайшего леса. На опушке обернулся и, заметив, что мне на прощание машут руками, тоже помахал и исчез из виду среди деревьев. Вот теперь пора навестить аэродромы немцев. Заждались, ушлёпки, пора воздать им за всё, что они совершили.

Думаю, часа полтора у меня есть, чтобы вернуться в мыслях к прошлому, к тем дням, когда находился в довоенной Москве и писал письма. Я довольно подробно описал Сталину, что будет происходить во время приграничных сражений, так что если до него дошло, или до тех, кто высоко сидит, они могут отправить секретный циркуляр о поисках меня. Несмотря на то что я раскрылся, общаться с местными я действительно не собирался. Правят на своём Олимпе, пусть правят дальше. Не уговорят. Так что оставив городок и дорогу позади, я быстро шагал по лесу, толкая велосипед перед собой, а где не мог так пройти, нёс на плече вместе с вещами.

Лес оказался просто большой рощей, всего полкилометра, и я с другой стороны. Я покатыл дальше по змеившейся по полю дороге в сторону фронта. Лишь одно могу сказать хорошее про эту рощу: мне встретился чистый ручей. Я напился, нормально умылся и наполнил до краёв все три фляги: одну большую и две литровых красноармейских. Спирт у меня давно ушёл на медицинские нужды.

Велосипед бодро катил под моим управлением. Во время наших вылетов Петр Кириллович хорошенько над ним поработал и всё что можно смазал, так что в аппарате я теперь был уверен.

Невооружённым взглядом было видно, что идет война. Не по немецким самолетам, что носились в небе к Минску и от него. Да и наших самолётов стало заметно меньше. Если в первые дни их летало приличное количество, да и воздушные бои вспыхивали то тут, то там, то на третий день войны – а уже наступило двадцать четвертое – их почти не было видно. За два часа, пока я крутил педалями, всего три группы приметил, и истребители были лишь в одной.

Но я не о них. На поверхности земли постоянно встречались следы идущей войны, хотя до фронта больше сотни километров. На простой полевой дороге, по которой я ехал, мне попала перевёрнутая вверх колёсами полуторка со следами обстрела с воздуха, а чуть позже – лежащий на боку сгоревший грузовик. Это был ЗИС с прицепленной пушкой. Не уверен, вроде трёхдюймовкой с простреленным стволом. Рядом с грузовиком холмик со свежей землёй и воткнутой палкой. Не

первая увиденная мной братская могила, однако чаще я видел захороненные тела. Отступают, не до того.

Вчера только пообедали горячей пищей, а остаток дня обходились только сухпаем, а утром даже позавтракать нечем было. Всё равно к нашим летели, поэтому свои запасы я доставать не стал. Лишь во время движения на велосипеде ел по кусочкам трофейный шоколад. Калорийная еда позволила продержаться до обеда, а когда за спиной осталось почти тридцать километров – лишь пару раз по малой нужде останавливался, – свернул с дороги. Сбоку я заметил посадку, даже не рощу, вот и решил остановиться в ней и сварить супу. Горячего очень хотелось. Запасов у меня было максимум на три дня, но я думаю, ещё пополню их, и пока экономить не стоило.

Посадка просматривалась насквозь, но это меня не остановило. Сбоку был кустарник, и для временного лагеря он подходил как ничто другое. Толкая велосипед, я подошёл к нему и, остановившись, втянул носом воздух. Едва слышался запах разложения. Прислонив велик к дереву, я достал ТТ – запас патронов пополнил до трёхсот штук, нашёл в кабинете командира полка в сейфе, так что пользовался пока им. В кустарнике обнаружили два тела. Раздетые, но в армейском белье с расплывшимися от стирок штампами частей. Судя по следам, диверсантов было трое, сапоги у них были немецкие, по крайней мере подошва, и убили бойцов больше суток назад. Судя по холёным рукам одного и ввевшемуся в кожу маслу у другого, один был командир, другой – водитель. Получается, диверсанты взяли машину. Неплохо сработали.

Обедать здесь расхотелось. Закончив с изучением тел и следов, я чуть сбоку нашёл прикопанные банки из-под немецкой тушёнки, видимо диверсанты тут обедали. Забрав велосипед, снова вышел на дорогу. Пришлось поспешить, там проходила колонна, и я, махая руками, остановил передовую машину.

– В чём дело? – выглянул из кабины интендант. В его петлицах было по три кубаря.

– Там два тела. Кажется, немцы наших убили, они в армейском нижнем белье со штампами.

– Силантьев, проверь, – командовал интендант своему водителю, а сам выбрался из машины и, достав пачку «Казбека», закурил. – Достали эти диверсанты, из-под каждого куста стреляют. Мы уже шесть человек потеряли, да двое без вести пропали. Налёты эти ещё...

– Может, это ваши?

Две другие полуторки тоже встали, один водитель воспользовался

моментом, чтобы отлить, другие поглядывали вокруг с винтовками в руках, карабинов ни у одного я так и не заметил.

– Нет, они по другой трассе двигались, пока не исчезли.

В это время появился бегущий в нашем направлении водитель Силантьев.

– Ну, что там? – спросил его интендант.

– Двое убитых. Давно, уже пахнуть начали.

– Не наши?

– Нет. Вроде из госпиталя. Кажись, там военврач лежит. Вы ещё с ним разговаривали, когда мы медикаменты завозили позавчера.

– Да-а? – удивился тот и, отбросив папиросу, поспешил в посадку, а Силантьев, подняв окурок, с наслаждением сделал затяжку.

– Ну, вы тут сами разбирайтесь, а я дальше поехал, – я сел в седло и оттолкнулся. Никто меня остановить не пытался, так что я быстро удалялся. Тела я показал, так что надеюсь, их похоронят, как подобает.

Колонна догнала меня минут через двадцать – этого времени как раз хватило, чтобы забрать тела с собой. Свернув на обочину, чтобы пропустить колонну, я помахал посигналившему переднему грузовику и последовал за ними, стараясь не дышать поднятой пылью. Чуть позже сбоку мелькнула гладь озера. Подумав, я свернул к нему. Следовало помыться, а то от меня несло, как от козла, да и постираться не мешает. Там же и пообедаю.

**Москва. Кремль. Кабинет Сталина.**  
**1941 год, 24 июня, 12 часов 21 минута**

Очередное совещание закончилось, и командиры Генштаба собрали документы с докладами и во главе с Шапошниковым направились к выходу. Сталин очнулся от размышлений. Слишком страшные доклады шли с фронтов. Он повернулся к Берии и задумчиво его разглядывал. Тот единственный остался в кабинете и сидел за столом, ожидая, когда подойдёт его очередь продолжить совещание. Он понимал, что следующий доклад для ушей очень ограниченного круга.

– Есть новости о нашем Оракуле?

– Да, товарищ Сталин, – кивнул Берия, открывая папку уже со своим докладом. – Были проведены полные следственные мероприятия, также были направлены циркуляры в войска и в особые отделы, чтобы при всех странных сообщениях отправляли к нам, и, как оказалось, не зря. Начну с начала. Когда я вчера в обед докладывал вам об этом Оракуле и предоставил письма на изучение, то к этому моменту мои сотрудники выяснили, кто опустил их в почтовый ящик. Это был четырнадцатилетний паренёк, видимо тот самый Посредник. Он сообщал, что при перемещении их возраст сбрасывается до этих лет. Подробное его описание у меня есть, как и изображение.

– Откуда?

– Конверты не пролезали в щель, слишком толстые были, и дежурный, заметив это, подошёл с ключом и открыл его, позволяя бросить конверты внутрь почтового ящика. Он и запомнил. К моменту розыскных мероприятий он после дежурства был дома, отсыпался, там же его и допросили. Более того, сержант – бывший художник, он сразу набросал портрет паренька, – Берия достал очередной лист и протянул Сталину, и пока тот с интересом изучал молодое лицо, продолжил: – Практически полное совпадение событий на фронтах настораживало, и мы серьёзно отнеслись к информации из писем, полностью изучили их. Этой войне посвящено шесть конвертов, остальные о том, что будет после, до самого развала Советского Союза в девяносто первом. Да и о других Посредниках информация не прошла мимо нашего внимания. Внешнее описание направлено по всем райотделам и управлениям подчинённого мне наркомата.

– Есть ещё информация об Оракуле?

– Пока только три сообщения, проверяется четвёртое. Оракул заявил в категорической форме, что с нами встречаться не намерен, и написал,

что хочет повоевать, мол, он в прошлом майор осназа ГРУ – это, видимо, разведка. Так вот, с фронта поступило три сообщения о появлении странного паренька: вёл себя не по возрасту. Первое от ротного старшины Еремеева, который с автоколонной двигался в тылы за боеприпасами, попал под налёт и с немногими выжившими пешком направился в тыл. Машины сгорели, но приказ доставить боеприпасы на позиции полка никто не отменял. Так вот, прибыв на склады на машине, отбитой у диверсантов, старшина сообщил, что участвовал в прикрытии автомобильного моста, когда на него напали диверсанты. А главное: в защите моста участвовал четырнадцатилетний паренёк, который забрал винтовку одного из погибших бойцов старшины. Причём показал невероятные чудеса искусства в стрельбе и маскировке. Большую часть диверсантов снайперским огнём уничтожил именно парень. Представился он Артуром Александровым. Там же они и расстались, Александров проверил заряды на мосту, подготовил подрывную машинку, сам остался на западном берегу, а старшина взорвал мост с восточного. Потом на трофейной машине доставил раненых в госпиталь, там его тоже перевязали – слепое ранение плеча, ну а на складах он попал на карандаш нашему сотруднику из-за того, что грузовик с прицепленной зениткой имел многочисленные пулевые отверстия в кузове. Второй случай произошёл чуть раньше, но нам сообщили об этом не сразу. Причём свидетелем был наш сотрудник из Минского управления. Во время налёта на санитарную колонну расчёт зенитного пулемёта погиб. Водители и сопровождающие начали разбегаться, бросая раненых, но тут из кустов выскочил парнишка лет четырнадцати и открыл огонь из пулемёта. Первой же очередью он сбил один из истребителей. Тот воткнулся в землю метрах в ста от колонны. Потом вёл бой со вторым самолётом, не давая прицельно расстреливать машины с ранеными. Наш сотрудник опросил его. К сожалению, чуть позже этот сотрудник снова попал под налёт и был серьёзно ранен в ногу, поэтому информация дошла в управление с сильным запозданием, да и его успели санитарным эшелонном эвакуировать. Допросили уже в купе санитарного поезда на полпути к Москве. Тот подтвердил, что встречался именно с Александровым, дал полное его описание, которое совпадает с портретом, написанным дежурным.

– Что за третий случай?

– На позиции стрелковой дивизии вышла колонна трофейной техники под командованием старшины погранвойск Ласточкина. Им повезло, расставшись с Александровым, они совершили ночной рейд по тылам

противника, прошли благополучно брод и, с ходу сбив заслон и вырвавшись на оперативный простор, подошли к позициям нашей дивизии. К счастью, им удалось опознаться, дальше работали особисты дивизии, которые отправили сообщение уже нам. Тут тоже повезло, связь была. Вот их сведения. Александров представился майором спецназа ГРУ и стал лихо командовать бойцами уничтоженного истребительного полка. Более того, встретив их, он отобрал себе двух добровольцев и чуть позже сообщил, что он из будущего, что это не первый его мир, и всё остальное, что подтверждало версию, что он тот, кого мы ищем. В прорвавшейся колонне были другие техники, от которых они всё это узнали.

– Что было дальше?

– После обеда они прошли к дороге, там Оракул лично уничтожил мотоциклетный патруль, допросил пленных и на трофейных мотоциклах с лётчиком и механиком поехал к захваченному аэродрому. Там он уничтожил охрану из тылового подразделения противника в количестве пятнадцати человек и освободил пленных, включая двух лётчиков. Потом механики и лётчики начали готовить самолёты «Чайки», загружая их боеприпасами и топливом, а остальные, отобрав уцелевшие машины, готовились выдвинуться дальше, где Александров велел организовать тайный аэродром. Оракул решил помочь Брестской крепости. Оказывается, там в полном окружении до сих пор держались наши подразделения.

– Держались?

– Похоже, части удалось уйти благодаря помощи Александра и других лётчиков, – пояснил Берия. – Так вот, четыре «Чайки» взлетели, в кабине одной сидел Оракул, и атаковали подразделения противника у Брестской крепости, уничтожив три танка, двенадцать пулемётных гнёзд, четыре миномёта, одну пушку и до сотни солдат и командиров противника, но главное, сбросили на парашютах воду и продовольствие – основное, в чём нуждались защитники крепости.

– Да, я читал о героической обороне Брестской крепости в этих письмах, – кивнул Сталин, мельком посмотрев на наркома. Иосиф Виссарионович стоя курил у окна, внимательно слушая доклад наркома.

– Вернувшись после первого вылета, Оракул обнаружил пограничников Ласточкина. Тому он и отдал приказ возглавить колонну, очень подробно объяснив, как нужно идти по тылам противника. Старшина в большей части прислушался к этим дельным и безусловно профессиональным советам, что и помогло им на колёсах выйти к нашим подразделениям. А Александров после дозаправки и пополнения снова поднял машины

в воздух. Он собирался штурмовать позиции гаубичного дивизиона, ведущего бои в Бресте. Что было дальше, неизвестно. Как стемнело, колонна ушла. Но Ласточкин утверждает, что Оракул приказал ему оставить раненых, мол, вывезет всех на самолётах в наш тыл.

– Вывез?

– Точно. Появилось сообщение о том, что у одного городка под Минском совершили посадку четыре «Чайки», но связь оборвалась, и что конкретно там происходит, пока неизвестно. Мои сотрудники уже выехали туда. Думаю, через час-два мы получим полные сведения, но и так ясно, что это нужное нам подразделение. В сообщении было сказано, что на самолётах привезли раненых и их уже доставили в госпиталь.

– Хорошо, товарищ Берия, все сообщения об этом Оракуле немедленно мне на стол, – велел Сталин и, подойдя к столу, выбил трубку в пепельницу. – Что ты сам думаешь обо всём этом?

– Парень не врёт. Не знаю, Посредник он или нет, может, это вообще мистификация, но он явно непрост, и пока всё, что есть у нас по прифронтовым боям в его сообщениях, сбывается. Минск мы сдадим двадцать девятого. Подождём и убедимся. Кстати, информация о методиках ведения городских боёв и партизанского движения на оккупированных территориях актуальна. Я ознакомил с ней своих сотрудников, неплохих специалистов в этой области, так те были в восторге. Правда, и в недоумении. По их словам, чтобы дать такие выкладки, нужно обладать колоссальным боевым опытом, а его можно получить лишь после многочисленных войн, современных, прошу заметить. Так что парень, похоже, действительно из будущего. Не нашего, – по его словам, существует Ось миров, – но из похожего. Очень похожего. Я отдал приказ напечатать пособия по методам ведения боёв в городе, по партизанскому движению работают мои сотрудники. Уж больно интересное предложение поступило от Оракула...

Сталин и Берия беседовали в кабинете ещё около часа, прямо туда доставили и дополнительную информацию по севшим в советском тылу «Чайкам» и допросам лётчиков. Те подтвердили, что выполняли команды Александрова, расстались с ним там же у городка, а также, что они смогли помочь окружённым подразделениям вырваться из крепости. Не всем, но многим.

Спустя ещё один час по всем штабам и особым отделам прошёл циркуляр о немедленном вежливом задержании четырнадцатилетнего паренька, представляющегося Артуром Александровым, и отправке его в Москву, внешнее описание прилагалось. После этих сообщений всплыло

*ещё несколько эпизодов с участием Оракула.*

Было полпервого, когда я свернул к озеру. На готовку, стирку и купание у меня ушло ещё около часа. Бельё не успело просохнуть, когда я убирал его в ситор, но ничего, потом подсушу. После помывки в водах озера я надел запасное бельё. Одежду не стирал, терпит, да и вид её меня удовлетворил. Со стороны, – настоящий беженец, только иду в другую сторону, не от фронта, а к нему.

После сытного и горячего обеда на тело напозла истома, так и хотелось прилечь, но я спешил, поэтому полевыми дорогами, где по открытой местности, где по лесной, сближался с фронтом. Когда впереди показался очередной армейский пост, я притормозил и на малой скорости последовал к нему. Катился я в этот раз по лесной дороге довольно крупного массива. Полчаса уже ехал, и конца края не видно, поэтому напрягся, когда рассмотрел пост. Мне такие уже встречались, этот четвёртый. Со стороны всё вроде в норме, но чуйка подсказывала, что что-то не так. Да и место для диверсантов слишком удобное. Лесная дорога, левее деревья расступались, я рассмотрел там скрытый кустарником овраг, тела удобно прятать.

Дорога была пуста в обе стороны, а одному с ними сближаться не хотелось. На виду были шестеро. Сколько скрыто на обочине или у деревьев, не видно, сбоку виднелась корма тентованного ЗИСа. Один командир, его легко рассмотреть по разукрашенной форме, как будто специально её придумали для снайперов противника, остальные рядовые. Сержанты, может, и были, но с трехсот метров не разглядишь.

Сделав вид, что у меня соскочила цепь, я остановился и стал тянуть время, ожидая любую машину. В одиночку проезжать мимо поста я не рискнул, а уходить в лес не стоило, это могло навести на подозрение. Вот проеду мимо, украю велик и имущество, и вернусь тайком, посмотрю, что это за пост. Если это действительно диверсанты, то крупные колонны они пропускают, а вот одиночные машины перехватывают. Жаль, с интендантом поговорить нормально не удалось. Не узнал, прошёл приказ по частям в одиночку не ездить, или нет. Я писал о том, как нужно вести себя в тылу.

Когда послышался шум автомобильного мотора, я только скривился, рассмотрев, что с той стороны дороги мне навстречу из-за лесного поворота вынырнула чёрная командирская «эмка» без сопровождения. Для диверсантов это как красная тряпка для быка. До поста одновременно с машиной я не успею, скорость у той была приличная, а как свидетеля

меня уберут сразу после остановки машины, поэтому сделав вид, что я закончил с цепью, сел в седло и покатил к посту, пристально отслеживая все передвижения тамошних бойцов. А когда один с ППД на груди остановил машину, я понял, что меня тревожило. Там были только армейцы, и всё, тогда как посты, через которые я проезжал, имели если не пограничников, характерные зелёные фуражки я запомнил, то сотрудников НКВД, а тут такого не было.

Как только машина остановилась по требованию одного из бойцов, я стал заваливаться набок, кладя велосипед и перекатом уходя на обочину за деревья. Всё же это были немцы. Одна пуля просвистела надо мной, вторая врезалась в землю, где я только что был. Меня держали на прицеле сразу два стрелка. Профи работали. А у поста вспыхнула и быстро стихла перестрелка: несколько пистолетных выстрелов и короткая автоматная очередь. Голос ППД я до этого уже слышал во время боя на мосту, так что сразу узнал работу этой машинки, а пистолеты там были наган и ТТ.

Уйдя за деревья, я по-пластунски углубился в лес метров на двадцать и, вскочив на ноги, рванул к посту. Помочь своим я уже не мог, если пленных не брали, то положили всех. Но поиграть с диверсантами в салочки – вполне, у меня в лесу было преимущество. В одной руке ТТ, в другой вальтер – я тихо скользил меж деревьев, внимательно оглядываясь и прислушиваясь. От поста доносились смазанные расстоянием команды, по дороге бухали сапоги, так что если они доберутся до велосипеда и углубятся в лес, у меня в тылу будет несколько человек. Судя по звукам, бежали двое. Остановившись, я задумался. Не хотелось оставлять их за спиной.

Я вернулся по своим следам метров на десять, убрал один пистолет и достал два ножа – у обоих была отличная балансировка и для метания они подходили идеально, я уже успел потренироваться во время обеда. Присел за дерево. За моей спиной метрах в пяти проходил край глубокого оврага, и я разглядывал опушку, где с трудом, но можно было различить двоих в красноармейской форме и с карабинами Мосина в руках.

– Идём по следам, – расслышал я их. Говорили на немецком.

Уйдя за дерево, я приготовил ножи и стал ждать, когда те двое приблизятся. Шли по лесу они на удивление ловко: не шуршала прошлогодняя листва, не хрустели сухие ветки. Как только они оказались рядом, я вышел из-за дерева и с обеих рук метнул ножи. Попал каждому в шею, перебив позвонки. В общем, куда целил, тут было-то всего пять-семь метров. И захочешь, не промахнёшься.

Оба молча повалились на листву, и ни один не нажал на спуск. Так что

их уничтожение прошло тихо. Скользнув к ним, я осмотрел тела и направился к посту, оставив ножи в ранах. Если их сейчас вытаскивать, только испачкаюсь, позже этим займусь.

С пистолетами в руках я подкрался к посту. «Эмки» уже не было. Судя по стихающему шуму мотора, её куда-то отгоняли. Я подошёл ближе. Тех двух ещё не хватились, видимо понимали, что ловить мальчишку, то есть меня, им придётся долго, а если не получится, придётся покинуть этот лес. Правда, и так придётся, наверняка это не первая машина, которую они взяли и отгоняют в отстойник.

– Семеро вас, – пробормотал я, закончив изучение ложного поста. Выйдя на опушку, я вскинул руки и открыл огонь. Первая пуля из вальтера ушла пулемётчику с ДП, что скрывался в кустах, первая пуля из ГТ вошла в голову тому, что ходил в командирской форме, остальные я выпустил по рядовым диверсантам. Семь немецких солдат, семь пуль. Но одного я только ранил, мне нужен был «язык».

Подбежав к катающемуся по дороге крепко сбитому мужику, я футбольным ударом вырубил его. Наложил ему жгут на перебитую руку, после чего потащил вглубь леса к краю оврага. Вот там я выругался. Не сказать, что овраг был полон, но четыре десятка тел, где в окровавленной форме, где в исподнем, там было. Хватало и гражданских, видимо, убивали свидетелей.

Связав диверсанта, я прибрался на посту, сбегал за велосипедом, не забыв забрать ножи и вытащить диверсантов на обочину из леса, после чего вместе с великом вернулся к «языку». А чтобы у проходящих мимо колонн не было сомнений, подвесил командира диверсантов на ветку росшего на опушке дерева и написал, кто они, прямо на спине его нательного белья. Кровью. Гимнастёрку снял, на белом лучше видно.

Пока не было колонн или одиночных машин, мало ли помешают проводить допрос, я привёл «языка» в чувство и, раздробив ему два пальца, повёл допрос. Сломался тот на шестом пальце, так что я получил достаточно сведений, а расслышав далёкий гул моторов, подвесил велосипед рамой на плечо, пересек овраг и лёгкой трусцой углубился в лес. Диверсант рассказал много интересного. Отряд у них был крупный, в сорок пять голов, командир разделил его на четыре группы, две сейчас отдыхали на лесной базе, две другие изображали армейские передвижные посты. Один я уничтожил, три диверсанта ушли, они перегоняли захваченную технику – вот что за шум я слышал! – другой пост работал километрах в десяти, точно «язык» не знал. Но зато дал мне три адреса местных жителей, которые с ними сотрудничают, а также координаты основной

базы. Нужно поторопиться, когда до их командира дойдёт информация, что один пост уничтожен, тот может перенести базу в другое место. Естественно, я найду их по следам, но это всё отнимет время.

Ещё одно поторапливало меня. Час назад эта группа взяла в ножи две машины из медсанбата, водителей и сопровождающих мужчин уничтожили, их тела находятся в овраге в одном исподнем. А трёх девчат медсестёр взяли в плен, уже успели изнасиловать их, теща свою звериную сущность, но не убили, а отправили с машинами в отстойник, который находился недалеко от базы. Командир этой группы решил, что развлекаться им одним несправедливо, так что, думаю, девушки просто не переживут два десятка мужиков, охочих до молодого женского тела.

За оврагом я поставил велосипед на колёса и бегом кинулся сквозь лес. «Язык» подробно описал, где находится отстойник, перегонщикам нужно время, чтобы кружными путями загнать туда машины, поэтому я надеялся успеть. Иначе придётся за девчат воевать с двумя десятками диверсантов.

Всё же я успел. Пять километров быстрым маршем, лишь шесть раз пришлось переносить велосипед на руках, преодолевая трудные участки, и всё, я на месте. А велик очень неплохо сэкономил мне время, не зря финны с ними воевали. Налегке я бы, конечно, давно был на месте, но и с грузом быстро добрался.

Заметив среди расступающихся деревьев угловатые силуэты машин, я оставил велосипед у дерева, приготовил ножи и мягким, стелящимся шагом направился к отстойнику. Вдали были слышны голоса, разговаривали на русском, однако я сначала разобрался с часовым, что прогуливался у грузовиков. Бросок ножа – и готово, только потом я направился на звук разговора. Выглянув из-под кустарника, я удивлённо поднял брови. У новенькой, чисто вымытой «эмки» водитель в красноармейской форме тряпочкой протирал лобовое стекло со своей стороны, а рядом стоял сотрудник НКВД с одним ромбом в петлицах, это вроде как майор госбезопасности, или полковник, по армейскому рангу. Разговаривал он с женщиной в камуфляже. Рядом со скучающим видом стояла молодая красивая светловолосая женщина, которая смотрела, как водитель работал тряпочкой. Видно, ничего интересного больше не нашлось для наблюдения. Разговор шёл о том, что этому «майору» с его «женой» делать в Минске. Какое у них задание, я не успел услышать, только конец, когда «майор» повторял свои действия на случай, если их остановят. Вооружены они были пистолетами и двумя ППД, этого хватит даже от отделения отбиться. А это тёртые волчары, видно по движениям.

До них оставалось метров десять, когда я выскользнул из-за кустарника

и с обеих рук метнул ножи. В девку, которая меня заметила и уже открывала рот для крика, и в «майора». Камуфляжный мне был нужен живой, а в водителя полетел третий нож – четыре ножа я позаимствовал у диверсантов с ложного поста, так что метательного оружия у меня хватало. Камуфляжному я всадил в ногу, а то больно уж он шустрый. Как увидел, что у его собеседника появилась рукоятка в горле, попытался уйти перекатом вбок, лапая кобуру на животе.

Ага, так я ему и дал! Подбежал и, отбив удар ножа, который тот успел выхватить из ножен, вырубил сильным, но точным ударом. Потом быстро перевязал, вернул все свои ножи, связал камуфляжного и замер, вслушиваясь. Были отчётливо слышны приближающиеся моторы. Похоже, это те три машины, которые я обогнал, с пленными девушками из медсанбата в кузове.

– Твою мать, – ругнулся я, подхватывая камуфляжного подмышки. – Не могли на минуту позже явиться, я бы успел тут прибраться.

Мой «язык», видимо, оказался из командиров. Я утащил его в кустарник, за которым прятался перед атакой, потом «майора» и девушку туда же уволок. Сапогами загребая землю, пытался прикрыть кровь, а вот водилу не успел, пришлось сунуть его в машину и закрыть дверь. Едва я успел спрятаться за корпус «эмки», как среди деревьев появился капот переднего грузовика – полуторки с красными санитарными крестами на брезенте тентованного кузова. На второй полуторке крестов не было, следом въехала на лесную поляну «эмка».

Кто-то спросит, как я нашёл эту поляну в лесу, как «язык» мог на пальцах объяснить, где искать отстойник и базу? Однако всё было просто, на поляну вела заброшенная дорога со свежей колеёй. Такая тут была одна. Именно по ней я и вышел к отстойнику и подсчитал количество захваченной техники. По словам «языка», ночью им с самолётов должны были высадить полноценную роту, место они уже подобрали. Правда, никто в ней не говорил по-русски, но зато все в нашей форме. Их задача – уничтожение нескольких стратегических объектов, налёт на какой-то армейский штаб РККА – «язык» не знал, на какой – и перед подходом передовых частей – захват важных мостов. Каких именно, до них пока не доводили. Им требовалось десять грузовиков и несколько легковых машин. Захватили девять грузовиков и три легковых, с прибытием последних стало на три единицы больше. Главное, диверсантам как-то удалось захватить броневик, БА-10, я его тушу видел в стороне, видимо, другой пост сработал, «язык» мне о нём ничего не сказал. Экипаж уже сформировали, доставят с той ротой. Будет в сопровождении и в усилении.

Вот такие дела тут творятся. Новые сведения я получу от камуфляжного, а сейчас нужно разобраться с тремя прибывшими диверсантами, ну и освободить девчат.

Пока машины заезжали на поляну и их водители с несколькими разворотами загоняли их под деревья, чтобы невозможно было разглядеть с воздуха, мне пришлось постараться, чтобы меня не заметили за кузовом легковушки. Наконец моторы стихли, и диверсанты покинули кабины, выкрикивая какое-то имя. Вполне возможно, часового, которого я положил первым.

Выскользнув из-за корпуса «эмки», я добежал до ближайшего грузовика, это был ГАЗ-ААА с зенитным счетверённым пулемётом в кузове, он скрыл меня от диверсантов, и, выскочив из-за машины, метнул над капотом два ножа в спины диверсантам. На бегу достав третий нож, метнул его в третьего противника, который уже разворачивался в мою сторону, вскидывая к плечу карабин. К моему удивлению, он умудрился отбить нож прикладом в сторону, но четвёртый клинок вошёл в его горло. Тот секунду постоял, но тут внезапно раздался выстрел, пуля вошла в землю между нами, видимо, тот сжал пальцы и нажал на спуск, после чего упал на спину.

– Тьфу ты, блин, нашумел всё-таки, – сплюнул я.

Достав пистолет, я осмотрел кузова. В санитарной полуторке нашел испуганных связанных девчат в красноармейской форме с эмблемами медиков. Откинув полог, я забрался в кузов и, успокаивающе бормоча, освободил их.

– Ты кто? – спросила одна с красными от слёз веками и искусанными до крови губами, при этом растирая руки и стыдливо поправляя юбку. Белья у них не было, «язык» не соврал, что они всласть успели повеселиться с ними.

– Александров. Артур Александров, агент два ноля с правом убийства, – шаркнув ножкой и склонив голову, представился я.

– Чего? – переспросила другая.

– Мимо я шёл, – вздохнув, ответил я, сетуя, что Флеминга на них не хватает. – Вот решил помочь. Давайте вылезайте. Сейчас немцы на выстрел набегут, до их базы тут с полкилометра, могли услышать, так что руки в ноги и бегом.

Я помог девчатам спуститься, выдал каждой по карабину и указал направление.

– Там дорога, где вас захватили. Немецких диверсантов на посту я уже уничтожил, так что скорее всего там работают следователи. Покажите им,

в какой стороне находится отстойник, то есть эти машины, пусть высылают сюда людей.

– А ты? – спросила третья. Невысокая, но удивительно красивая, с косой до попы и синяком на скуле. Видимо, не давалась.

– А я тут немного повоюю, – зло усмехнулся я, после чего быстро сообщил адреса местных помощников немцев, чтобы девчата передали информацию сотрудникам госбезопасности, и рывкнул: – Бегом!

Девчата кинулись вглубь леса, но как-то неуверенно. После группового изнасилования удивительно, что они вообще ходить могли. Не успели девушки скрыться среди деревьев, когда я подбежал к камуфляжному и, расстроено поморщившись – времени на допрос у меня не оставалось, добил его ножом. Потом забрал велосипед и, сделав крюк, я направился к базе. Насчёт того, что выстрел могли слышать, я не солгал, в стороне цепью, сторожась, прошла группа солдат, кто в нашей форме был, а кто и в камуфляже. Кстати, камуфляж отстойный – двухцветный.

Я оставил велик в кустарнике и, не сбавляя хода, двинул к базе. Пока там мало немцев, стоит поработать и еще уменьшить число их голов. База находилась на крохотной полянке, где в ряд стояло шесть палаток, каждая на десять человек. Метрах в тридцати – крохотный ручей.

Часовых было три, причём держались они настороже, поэтому пришлось постараться и оббежать лагерь по кругу, чтобы убрать их. Третий и последний часовой находился на посту у отдельно стоявшей палатки, видимо штаба, тот был на виду. А так как на поляне находилось четыре диверсанта, брать его на нож сразу я не рискнул. Кстати, похоже, тройка немцев чем-то провинилась, потому как крепкий парень в форме красноармейца с треугольниками старшего сержанта, командуя на немецком языке, проводил муштру, заставляя отрабатывать их разнообразные приёмы: то оружие на плечо, то шаг отбивать.

Ждать, когда они закончат, я не мог, всё-таки скоро отправленные к отстойнику разберутся, что к чему, и известят базу, поэтому стоило поторопиться. Быстро прикинув свои действия, я выработал несколько вариантов противодействия на разные случаи. Тем более палатки стояли закрытыми, хотя из штабной и доносился монотонный голос, причём на русском и заметно усталый. Как бы там не пленного допрашивают. Так вот, продумав варианты, я скользнул к часовому со спины, чиркнул ему ножом по горлу и, пока тот падал, метнул с двух рук ножи в старшего сержанта и одного из отрабатывающих наряд – не знаю, как это называется у немцев. Потом сразу два других ножа в оставшуюся двойку и, взяв наизготовку вальтер и нож, скользнул в штабную палатку. На меня

удивлённо вытаращились четверо: писарь в нашей форме, два офицера, как ни странно, в немецкой форме – капитан и обер-лейтенант, а также на складном стульчике – наш командир с избитым и окровавленным лицом. Капитан железнодорожных войск. Его и допрашивали. Руки у него были связаны за спиной, видать, буйным был.

Метнув нож в гауптмана, он мне казался по движениям самым опасным, я прошипел остальным:

– Тихо, не то прикончу.

Это не помогло, писарь уже начал открывать рот, да и лейтенант лапал кобуру, поэтому раздалось два выстрела, отчего в их лбах появились аккуратные дырочки, а я подогнул колени и наполовину вывалился на спину из штабной палатки. И сразу вскинул руки с пистолетами. Успел вовремя, из соседней палатки полезли диверсанты, из другой выглянули ещё двое, причём в лётной форме люфтваффе. Диверсантов было всего трое, к моему удивлению. Видать, отсыпались после ночной смены, так что я их тут же и положил. Причем не используя ТТ, а стрелял из трофейного оружия, чтобы сильно не насторожить ушедшего к отстойнику противника. А летуны, видно, со сбитого штурмовика или бомбардировщика, их я тоже положил, поморщившись. «Язык» из их лётной банды мне бы пригодился.

Быстро пробежавшись, я аккуратно проверил палатки. Пустые. Потом вернулся в штабную, аккуратно извлёк нож из груди немца, вытер лезвие и перерезал им верёвки на капитане.

– Желание есть повоевать? – спросил я у него.

– А то, – кивнул тот и поморщился. Похоже, избили его действительно серьёзно.

– Тогда так. Вооружайся, вот твои документы лежат, там в стороне на опушке на сошках два пулемёта стоят. С «МГ» справишься? Ну, вот, бери оба и устраивайся на опушке, немцы появятся с той стороны. Сразу открывай огонь. Можешь даже не дожидаться, когда они выйдут на поляну.

– А ты?

– Ты мне нужен лишь как шумовой фон, положишь кого или нет, не важно, я буду работать у них со спины. Нужно всех уничтожить.

– Не зацеплю случайной пулей? – застёгивая командирский ремень, видно свой, и сгоняя складки назад, спросил капитан.

– Не достанете, – криво усмехнулся я, и мы разбежались, время поджимало.

Капитан, подхватив со стола свои документы и протокол допроса, убрал их в карман френча и заковылял к пулемётам. Он не забыл

прихватить ППД, что стоял у входа, а я, на бегу снаряжая пустые магазины, скрылся в лесу.

Диверсанты появились минуты через три, было их чуть больше десятка. Подсчитав и прикинув свои дальнейшие действия, я подождал, когда они пройдут цепью мимо, и направился следом. Я пока видел спины то трёх, то четверых солдат, остальные мелькали среди деревьев левее и правее, и ждал, когда тот неизвестный капитан откроет огонь. Так и не дождался, утёк, падла.

Немцы добрались до опушки, обнаружили тела убитых товарищей и стали охватывать поляну по бокам. Ножи я уже давно извлёк, поэтому, подкравшись к двум, метнул клинки, положив обоим. Забрав ножи, я отправился за той группой, что обходила по правому флангу. Правда, догнать я её не успел, заметил в стороне трёх парней в форме пограничников, понял, что подоспели силы реагирования, наверняка девчата повстречали по пути, до дороги добраться они никак не успели бы, и сообщили, где искать отстойник, а те вышли на мои выстрелы. Пришлось падать за дерево и по-пластунски уходить в сторону от разгоравшегося боя – немцы тоже обнаружили ребят. Рота пограничников отжимала выживших диверсантов от поляны в сторону реки, что пересекала этот лес. К счастью, я успел обойти пограничников, что обходили диверсантов, поэтому сбегал за велосипедом и направился в сторону опушки, прочь от уже стихающего боя, видно выжившие диверсанты недолго продержались, проредил я их хорошо.

Небольшая речка встретила меня через километр, брод даже искать не нужно было, глубина по колено, поэтому, сняв сапоги и закатав штанины выше колен, я спокойно перебрался через неё, держа на весу велосипед. Не забыл помыть ноги и постирать портянки, и покатил дальше. Постиранные повесил на раму, а надел запасные. Добравшись до опушки, я обнаружил вдали дорогу, по которой двигалась разнообразная техника, а когда добрался до неё по полю, обернулся. От опушки по моим следам бежали трое пограничников с собакой на поводке. Они как раз покинули опушку.

– Не успели, – улыбнулся я и, заняв седло, приналёг на педали.

Однако я не учёл упорства пограничников. Они не стали догонять меня пешком, я был просто быстрее, а остановили попутную машину, старый автобус, вроде того, на котором Жеглов с командой рассекал по Москве, и погнались следом. Пришлось уходить в поле и пересекать овраг, а там я ушёл от пограничников. Без машины, которая летать через овраги не умеет, догнать они меня не смогли, а попытки привлечь моё внимание я проигнорировал.

Чуть позже мне попалась полевая дорога. Набрал приличную скорость, я еще увеличил расстояние между нами. Общаться с пограничниками и их командованием никакого желания у меня не было.

Через час после того, как я сбежал от преследователей, наткнулся на уничтоженную с воздуха танковую колонну. Столько сразу битой техники мне ещё не попадалось. Около тридцати танков застыло на дороге, на обочине и в поле. Похоже, работала целая группа самолётов, нанесли удар по колонне, а потом добивали поодиночке. «КВ» мне уже встречались, вот и сейчас среди поля возвышалось шесть этих колоссов. Вернее, пять, у одного от взрыва боекомплекта снесло башню, и та лежала в стороне. Было две «двойки» и четыре «единички». Также были и «тридцатьчетвёрки» в количестве шестнадцати единиц, остальные танки – устаревшие БТ. Были горелые и целые на вид.

Похоже, уцелевшие ушли дальше, так как я обнаружил только ряд тел в танковых комбинезонах и без них – это те, кто сгорел в танках – и четверых бойцов, тоже в танковых комбинезонах и шлемофонах, что копали братскую могилу. Уже по грудь заглубились и теперь копали в длину, чтобы всем места хватило. Вздохнув, я направился дальше. Тут мне ловить было нечего. Была мысль пошукать в боевых отделениях целых на вид танков на предмет съестного, но не при танкистах же это делать.

Проехал мимо трёх близко стоявших «тридцатьчетвёрок». Видимо, результат попадания тяжёлой бомбы: воронка впечатляла, – повредила что-то у них внутри, раз их бросили, и положила набок третью машину. Я приналёг на педали, удаляясь от этого места бойни. Ничего, ребята, теперь я как раз займусь птенцами Геринга, вырезая в буквальном смысле его лучшие кадры, так что поквитаюсь и за вас. Именно пилоты и были моей целью.

Шанс получить информацию представился мне буквально через пару часов, когда стрелки на моих наручных часах показывали семь вечера. Я уже подумывал о том, чтобы найти удобное место для лагеря, тем более что я приблизился к фронту и уже отчётливо слышал артиллерийскую канонаду, когда над моей головой внезапно разгорелся воздушный бой. Наших уже давно не было видно, поэтому я даже несколько удивился, когда шестёрку немецких штурмовиков, возвращавшихся после бомбёжки без охранения, атаковала тройка стремительных истребителей и с ходу подожгла одного немца. По силуэтам я сразу опознал в истребителях «Миги».

– Ух ты, – довольно заулыбался я, наблюдая, как один за другим распускаются два парашюта, – а вот и «языки»!

Быстро прикинув скорость и направление ветра, я свернул прямо в поле и, покинув седло, побежал в то место, где, по моим прикидкам, опустится ближайший немецкий лётчик. Пару километров нужно пробежать, не меньше. При этом я не забывал поглядывать на небо. Это ещё было не всё, наши умудрились сбить ещё одного немца, атаковав плотно сбитую группу штурмовиков. Остановившись, я довольно оскалился. Выпрыгнувший в единственном числе парашютист опускался точно на меня. Наши продолжали атаковать немцев, стараясь рассыпать их строй, поэтому они удалялись к фронту, но главное – подарочки, что бултыхались под парашютами, – они мне оставили, и это радовало больше всего.

Парашютиста сносило метров на сто в сторону. Я быстро сориентировался и, толкая велосипед, побежал туда. Когда тот приблизился, я увидел, что он уже достал пистолет, подготовившись стрелять в меня. Я положил велик, вскинул вальтер и поразил его в плечо, отчего тот выронил пистолет, который я поймал на лету. Ну, а дальше просто. Сбил его с ног при приземлении и долго и с удовольствием пинал, стараясь попасть по почкам и печени.

Добившись того, что лётчик перестал орать и сжался в позе эмбриона, прикрываясь руками, я быстро распутал его от строп и достал у него документы.

– Ну, что, Клаус, не ожидал такого гостеприимства от русских варваров? – я нанёс хороший удар по копчику, отчего тот заскулил. – Я тебя, мразь, научу уважать унтерменшей!

Наконец тот дошёл до кондиции, когда язык готов всё рассказать, лишь бы его больше не трогали. Я приступил к допросу и был огорчён. Это был стрелок-радист, особо информацией он не владел, но зато дал номера двух бомбардировочных частей, что работали по этому направлению, а также указал, где они базируются. Правда, насчёт последнего Клаус был не уверен, их войска быстро передвигались, лётные части перебрасывали на полевые аэродромы, чтобы те не отставали от своих войск. Ладно, хоть эту информацию я получил.

Выполняя своё обещание, а я всегда старался их выполнять, я ещё живому немецкому лётчику вспорол живот, вскрыл грудину и сделал колумбийский галстук. К сожалению, тот не дотерпел до конца и умер во время экзекуции. Хоть пар от той злости, что я имел к этим нелюдям, спустил. Вытерев руки о его довольно чистые, но пыльные штанины лётного комбеза, я отёр от крови нож и, подхватив велосипед, поспешил к тому месту, где приземлились два других немецких лётчика минут пять назад. Я надеялся если не застать их на месте, то найти поблизости. Но

если их там нет, не страшно, ходить по следам я мог лучше ищеек. Не хочу перехваливать себя, но думаю, я лучший следопыт на этом континенте. Двадцать лет практики и обучения кого хочешь научат разбираться в следах. У меня в гвардии, когда я был императором, из индейцев были такие уникамы, до которых мне ещё далеко, они-то меня и учили.

На месте приземления я нашёл лишь парашютные сумки и сами парашюты, а следы вели в сторону леса. Ну, это и логично, куда им ещё идти? Поле тут было ровным, поэтому я через несколько секунд наблюдения через бинокль обнаружил две точки, хорошо видневшиеся среди золотистого пшеничного поля. К ним я и побежал, толкая велосипед. Судя по движениям, они тоже не шли, а бежали, так что я прибавил скорость, надеясь догнать их если не к лесу, до него километра четыре было, то на опушке.

Меня тоже заметили. Не сразу, когда расстояние между нами сократилось до полукилометра. Да и как на светло-золотистом фоне не заметить? Беглецы сперва замерли, а потом рванули, так что двигались мы к лесу на одной скорости.

Заметив какое-то несоответствие на опушке, я остановился, достал бинокль и, выровняв дыхание, всмотрелся в первую линию деревьев. После чего грязно выругался. Там стояло несколько грузовиков, в кузове находился командир и в бинокль наблюдал не только за немцами, но и за мной. У машины на коленях и лёжа приближения немцев ожидали бойцы.

– Ушли, сволочи, – я развернул велик и кинулся по полю в обратную сторону. То, что на опушке была замаскирована наша техника, я был уверен, там и танки стояли, я КВ-1 рассмотрел.

Эти двое от меня ушли, не стану же я с нашими за них воевать, поэтому приходилось, напрягая связки и мышцы, уходить по полю обратно, забирая левее, там тоже виднелись деревья, только дальше, чем тот лес. Ушёл я на километр, а когда в очередной раз обернулся, снова выругался – у меня это стало уже привычкой. Пилотов люфтваффе повязали, а вот за мной прямо по полю катила, переваливаясь на кочках, полуторка, набитая бойцами. Скорость у неё была чуть выше моей, поэтому шанс догнать имелся.

Я уже подумывал бросить велосипед и уходить по-пластунски, пшеница высокая, шансы были. Расстояние между нами неуклонно сокращалось, да и я уставать начал, когда передо мной появилась просёлочная дорога. Выбежав на неё и на ходу вскочив в седло, я приналёг на педали. Дорога лежала немного не в ту сторону, что мне надо, но пока полуторка преодолевала поле – из-за кочек и канав она не могла увеличить скорость, я рассчитывал увеличить расстояние между нами, тогда появится

шанс уйти.

Так и получилась. Когда машина выехала на дорогу, между нами было уже полтора километра, причём гнал я на максимальной скорости. Причем уже поднялся на холм, а вниз полетел еще быстрее и пронесся мимо ехавшей навстречу полуторки с погранцами в кузове. Мельком обернувшись, я обнаружил, что грузовик разворачивается явно за мной. Похоже, по словесному портрету опознали.

– Идёт охота на волков, идёт охота-а! – проорал я и ещё приналёг на педали, набрав скорость не менее сорока – сорока пяти километров в час. Ладно, хоть обочина ровная, иначе убился бы нафиг.

Впереди виднелся глубокий овраг и деревянный мост, который в это время пересекала телега, набитая беженцами. Мост с обеих сторон охраняли красноармейцы. Они, конечно, удивились, что я несусь на огромной скорости, но их подкупила моя широкая улыбка – мне нравились скорость и адреналин – и пропустили, не останавливая.

Простучав колёсами по настилу, я сразу за мостом свернул влево. Накатанная дорога шла прямо, а тут её не было, но мне это было не важно. В общем, по краю оврага, стараясь держать темп, я уходил от моста, но всё же неуклонно замедлялся: высокая трава мешала. Изредка оборачиваясь, я отслеживал действия преследователей. Погранцы успели развернуться и гнали за мной, на холме появились армейцы и тоже набирали скорость к мосту. Погранцы, видать, сильно удивились, когда свернули следом за мной и обнаружили, что меня преследуют не только они, но и армейцы. Те тоже свернули с моста влево. Правда, быстро остановились, видно командир понял, что есть кому меня брать, поэтому полуторка с армейцами развернулась и, проехав мост, поползла по склону на вершину холма. Обратно к своим двинули, видать. И чего им надо было, я же их не трогал!

От погранцов я ушёл так же, как и в прошлый раз: скатился в овраг, вернее даже сполз боком, подхватив велосипед, при этом разбрызгал сапогами воду небольшого ручья, перебрался на противоположную сторону, продрался сквозь кустарник и побежал через колдобины в сторону того леса, который ранее заметил.

Погранцы оказались на удивление упорными, и ушёл я от них, только когда окончательно стемнело: повернул на девяносто градусов. Потом ещё два часа так же бегом топал по какой-то роще, прошёл её насквозь, чуть не натолкнувшись на немецкую часть на отдыхе – во мы даём, пока бегали, до передовой добрались! – и ушёл в чистое поле. Прямо посередине него, нарвав колосьев, сделал лежанку, поужинал тушёнкой и галетами. Потом прополоскал рот, завернулся в плащ-палатку и уснул. Ушёл, это радовало.

**Москва. Кремль. Кабинет Сталина.  
1941 год, 24 июня, 22 часа 11 минут**

– Разрешите? – заглянул нарком Берия.

– Проходи, Лаврентий, – кивнул Сталин, указав мундштуком на стул за своим столом. – Докладывай. Есть что-то новое по Оракулу?

– Допрос механика Гаврилова и сержанта Евгеньева закончился. Они особо долго контактировали с Оракулом, Оба подтвердили, что тот рассказывал о будущем и о конце войны. Обладает немалыми способностями входить людям в доверие. А после того как он помог Брестской крепости, уважение к нему обоих свидетелей неимоверно возросло. Вот доклад с допросом обоих сержантов. Надо сказать, интересный парень этот Александров. Несмотря на юношеский максимализм, он, похоже, действительно опытный командир, и ставит себя так, что его волей-неволей слушаются. Да и с немцами азартно воюет.

– Это всё? – Сталин пролистал доклад. – Есть новые сведения об Оракуле?

– Появилась информация, что он успел поучаствовать в уничтожении группы диверсантов. Взято шесть пленных и много трофеев, но он опять ушёл, погоня ничего не дала. Чуть позже один из наших патрулей опознал его и также пытался взять, но Оракул снова ушёл, пользуясь темнотой. Полчаса назад мне доложили об этом. Пока информации о местонахождении Оракула у нас нет. В том районе смешались наши и немецкие подразделения, линия фронта зыбкая. Поиски были свернуты. Думаю, цель Оракула – тылы противника. Пока ведем работу с теми, кто с ним общался, а также протоколируем места его схваток с немецкими диверсантами. По предварительному заключению моих специалистов, Оракул обладает высоким уровнем подготовки и боевого опыта. У диверсантов практически не было шансов.

– Хорошо, все дополнительные материалы мне на стол, – кивнул Сталин. – Приказ по особым отделам тот же. Доставить Александрова в Москву, можно задействовать любые силы и подразделения для этого. Но вежливо, учти это. Парень, похоже, с характером.

– Сделаем, товарищ Сталин. Разрешите идти?

– Идите.

Утром я позавтракал последней банкой, больше консервов у меня не было, а калории требовались молодому растущему организму. Потом

почистил зубы, умылся и, собравшись, направился по полю дальше. Нужно найти полевую дорогу, добраться до ближайшего лестного массива и там переждать, пока немцы двинутся дальше. Я хотел оказаться в глубоком немецком тылу, поймать пару фельджандармов, они обо всём знают, и в буквальном смысле слова выбить у них информацию, где расположены ближайшие полевые аэродромы немцев. Охоту на немецких лётчиков я отменять не собираюсь.

По дороге, поднимая клубы пыли, шли немецкие моторизованные войска. Пехоту я пока не видел, правда, однажды обнаружил двигающуюся навстречу роту на велосипедах. Немцы на меня особо не обращали внимания: ну, едет паренёк и едет. Только встретив велосипедистов, я напрягся, могут и отнять моё транспортное средство, а воевать сразу со всей ротой... тяжеловато будет.

Проводив взглядом эту роту, я с облегчением вздохнул. Не обокрали. Почти все солдаты были в нательном белье, в кепи и при оружии, ранцы и снятая форма приторочены к багажникам. В принципе, понять их было можно, сам обливался потом под изнуряющими лучами солнца.

Впереди уже появился большой лесной массив, из которого шли и шли немецкие войска. Добравшись до опушки, где находился регулировщик – ну молодцы, даже до такого додумались! – я свернул на малоезженую дорогу и через метров триста углубился в лес. Ушёл на полкилометра, потом прислонил велосипед к первому попавшемуся дереву и пробежался вокруг. Мне нужно было место для лагеря неподалёку от воды. Нашёл километрах в двух сначала ручей, а поднявшись по нему, и питающий его родник, а рядом в ста метрах ельник. Сбегав за велосипедом, я организовал в ельнике лагерь. Это было не сложно. Выбрал самую большую ель с густыми ветвями до самой земли, подрубил нижние ветви, стараясь не проредить их, главное, чтобы там можно было стоять на коленях, и сделал шалаш. Лапник сложил на землю, натянул плащ-палатку – и готово. Велосипед я спрятал под соседней ёлкой.

Потом ещё побегал, собирая сухостой, и порубил его на дрова, сложил поленницей у велосипеда, и только закончив с этими приготовлениями, проверил одежду. Капли крови обнаружились только на сапогах. Я был аккуратен. Помыл их в ручье и только уж потом направился к дороге. Мне нужен был «язык», и лучше всего из жандармов.

Шагая по лесу, я пропустил мимо крупную группу окруженцев. Человек триста, не меньше. Некоторых несли на носилках. Потом продолжил путь, размышляя о планах на будущее. На ближайшую неделю у меня в планах уничтожить личный состав двух бомбардировочных

подразделений – искать тот экипаж борта под номером тридцать семь мне было лень, всех уничтожу, – но это и так понятно, уже не раз говорил об том. Нет, я подумывал, не пора ли устроить большую стирку: одежда не раз пропитывалась потом и попахивала, так что вернусь из поиска, и будет у меня работа. Вторая причина, почему я иду к дороге, заключалась в том, что продовольствия у меня было мало, и я планировал его пополнить за счёт немцев.

Кстати, пока шёл, поглядывал на следы вокруг. Для простого человека лес покрыт сплошным ковром прошлогодней листвы и проросшей травы, однако для меня следы как открытая книга. Было такое впечатление, как будто взяли одну дивизию и погоняли её от одной опушки до противоположной, причём несколько раз. Встречались следы лошадей, а также колеи от телег и пушек. Много же тут по лесу народу шастало!

Навстречу мне попались ещё две группы окруженцев. Одна, к некоторому моему удивлению, катила прямо по лесу небольшую пушечку, уже не однажды виденную мной «сорокапятку». Бойцы, подталкивая её, помогали уставшей лошади в построениях. Всего в этой группе было двадцать семь человек при двух командирах, если судить по фуражкам и форме.

Наконец, я добрался до лесной дороги, по которой непрерывным потоком двигалась боевая техника вермахта. Даже промежутков не было. Как «языка» брать? Вспомнив о регулировщике при выезде из леса – главное, что у того была бляха на груди, – я двинулся по лесу метрах в пятидесяти от дороги. Скоро обед, одиннадцать часов уже, а у немцев порядок. Значит, движение на дороге стихнет, что позволит мне взять «языка».

Всё же я не ошибся. И бляху заметил на груди регулировщика, и замаскированный мотоцикл на опушке был, а то я уж думал, мне показалось. К мотоциклу прилагались два немца: один спал, другой на небольшом костерке готовил обед. Принюхавшись, я понял, что в одном котелке гороховая похлёбка, а во втором, похоже, каша. Подумав, я решил не брать эту группу сразу. Пусть сначала еду приготовят. Они съесть не успеют, а мне будет в радость.

Я положил подбородок на кулаки и, поигрывая бровями, из-под куста наблюдал за тем, как устроилось подразделение дорожной полиции вермахта. В каждой дивизии есть взвод фельджандармов, какой части принадлежат именно эти, я пока не знал, но ещё не вечер. Мельком посмотрев на солнце, мысленно добавил: обед ещё.

Колонны всё шли и шли, и тот регулировщик, сверяясь со списком, или

направлял подразделения прямо, или приказывал поворачивать. Большинство шло прямо, налево всего две колонны отправил, направо семь. Интересный списочек, надо позаимствовать.

К обеду поток транспорта начал ослабевать, с этим я не ошибся, однако за очередной колонной на перекрёсток выехал ефрейтор на лёгком мотоцикле. Подъехал к регулировщику, что-то тому сказал – из-за незаглушённого движка я не расслышал, что именно, – достал из планшета лист, забрав при этом старый, со списком. Жандарм после каждой проходившей колонны делал отметку на этом листе, так что, скорее всего, этот список отправится в штаб корпуса и попадёт на стол офицеру, отвечающему за передвижение войск. Споро работают и профессионально, ничего не скажешь.

– Вот гад, – пробормотал я, зло посмотрев на весело попрощавшегося с регулировщиком ефрейтора. Тот увозил от меня такой интересный документ!

Одиночка скрылся, а регулировщик, пропустив две колонны, сделал отметки в новом списке и, убедившись, что больше никого нет, направился к разбитому у мотоцикла лагерю. Обед, кстати, уже минут пятнадцать был готов, повар поднял соню и пару раз сигнализировал тому, что работал на перекрёстке. Без него они не начинали.

Мне-то, честно говоря, на них начхать было, однако и «язык» требовался, и пообедать хотелось. Судя по запаху, жандарм готовил очень даже хорошо. По-пластунски подобравшись ближе, я метнул с обеих рук ножи и поразил повара и соню. Причём воспользовался тем, что регулировщик – а у него было звание обер-ефрейтора – отвернулся, чтобы снять каску и положить на люльку личное оружие. Так что он не заметил потери товарищей, а тут уж и я подскочил и нанёс ему рукояткой удар по затылку. Быстро связал немца, обыскал, также обыскал тела его товарищей и утащил их вглубь леса. Топорно, конечно, от ног борозды на листве остались, но ничего, я тут задерживаться не собирался.

Когда оглушённый ефрейтор очнулся, я с видом кота, лопающего сливки, уже доедал гороховый суп. Литра полтора было, почти всё съел. На кашу, правда, у меня уже не было сил, поэтому я закрыл её крышкой – возьму с собой на ужин, да и этот котелок неплох, тоже заберу. Да и всё имущество немцев. Я уже обыскал мотоцикл, там был запас провизии на троих на два дня, да ещё приличный шмат сала в холстине и полкаравая. А оружие и всё лишнее можно окруженцам отдать: два пистолета, три автомата и пулемёт, думаю, им пригодятся. Ну, и сапоги со всех трёх снял, на войне ценная вещь.

Во взгляде немца мелькало много чувств, но преобладало бешенство, а я знай себе уплетал суп. Последнее вычерпал куском хлеба. Убрав посуду в люльку, я взял стоявший рядом с костром чайник и, налив в кружку божественный напиток, запах которого разносился по округе, сделал первый глоток.

– Настоящий, – с удовольствием сделав ещё один глоток, пробормотал я. – Откуда у вас настоящий аргентинский кофе, гады?

Больше всего меня радовало, что едва початая жестяная банка с кофе наличествовала среди моих трофеев. Да и трофеи были приличные. Про оружие и продовольствие сказал, ещё стоит помянуть три плаща, очки, амуницию и всякую мелочёвку, собранную по карманам, сигареты и зажигалки. В том числе была советская плащ-палатка. Её я тоже решил затрофеить. Для организации лагеря пригодится. Одна для лапника, другая для навеса.

Закончив с обедом, я погрузил трофеи, немца сунул в люльку, хотя он и пытался сопротивляться, но не на того напал, и, надев плащ, каску и очки, запустил двигатель. Потом сел в седло и покатил вдоль опушки в сторону моего лагеря. Брошу мотоцикл километрах в трёх от стоянки, но сначала оставлю в приметном месте трофеи. Прикинув, что до опушки километра полтора, я снял с мотоцикла все трофеи – на это понадобилось десять минут – и спрятал их в кустарнике, в глубине леса, потом вернулся и снова запустил двигатель. Километра через два дорогу пересекал овраг, я спустился в него и поехал по дну на восток, пока не убедился, что места тут глухие. Заглушив мотор, скинул с себя плащ, жарко было, тем более после такого плотного обеда, сейчас бы самое время отдохнуть, и вытащил из люльки тушу немца. Хорошо, что тот был невысоким и худощавым. Потом выдернул кляп и задал первый вопрос, показав ему список, что держал в правой руке:

– Что означают эти короткие пометки? Вы так шифруете подразделения, что проходили мимо вашего поста?

Немец молчал. Разговорить мне его удалось не сразу, минуты три потребовалось, что меня изрядно удивило, крепким орешком оказался. Обычно не больше минуты, и клиент готов рассказать всё, что я пожелаю, а этот мычал, вращал глазами, бледнел и краснел, но отказывался говорить. Ну, а дальше я получил ту информацию, которую желал услышать, то есть всё об авиационных частях в здешней округе. Знал он о пяти подразделениях, и одно как раз было бомбардировочным. Карта у жандармов имелась, и пометка там была с координатами полевого аэродрома – летуны сегодня утром перебазировались, едва успевая за

движением мотопехотных подразделений. По другим частям люфтваффе я узнал, что скоро одна из штурмовых частей будет перебазируется на тридцать километров ближе к войскам, подходившим к Минску.

Закончив с допросом, что заняло у меня полчаса, я добил немца, как и обещал – безболезненно, после чего оставил всё как есть – мотоцикл мне было не нужен, – поднялся по склону и, осмотревшись, по полю неторопливо зашагал к опушке леса, тут до неё метров четыреста было.

Сбегав за трофеями, я нагружился так нагружился. Все, естественно, я утащить за раз не мог, но забрал всю посуду, продовольствие, два автомата с боезапасом и оба пистолета с ремнями и кобурами. До лагеря дошёл благополучно, хотя однажды встретилась группа окруженцев, пришлось сложить трофеи в стороне и выйти к ним. Прикидываясь местным, я ответил на несколько вопросов, поделился хлебом и салом, всё отдал, также сообщил, что немцев вокруг видимо-невидимо, поэтому лучше идти ночью, ну или оврагом, он в стороне находится. Добавил ещё, что видел, как какие-то окруженцы прятали оружие и другое имущество в кустарнике. Вооружены восемь красноармейцев были действительно плохо, так что узнав, где точно спрятано оружие, – ориентир – приметная берёза, – ушли, а я забрал трофеи и дотопал до лагеря. Потом чуть позже сбегал и убедился, что пулемёт, сапоги и два плаща с тремя ранцами исчезли. Всё забрали. Это правильно, тучи над головой, как бы дождь не хлынул.

Дождь прошёл стороной. После возвращения я закончил разбор трофеев – что заберу, а что каким-нибудь окруженцам отдам – и сложил последнее отдельной кучей. Потом я сел за карту. Был третий час, так что, думаю, успею за световой день пройти половину пути до района, где расположились бомбардировщики. А они, совершенно спокойно перелетев границу, устроились со всеми своими наземными службами на одном из наших военных аэродромов с бетонной полосой для взлёта, причём вроде как даже не одной. Воронки от бомб там уже заделали, так что подразделение начало работать по заявкам от штаба армии. В общем, чтобы добраться до этого аэродрома, мне нужно было проехать порядка семидесяти километров по захваченным территориям, где уже вроде как начала работать оккупационная администрация. В общем, посмотрим, до темноты кровь из носу мне нужно проехать хотя бы километров двадцать пять – тридцать.

Быстро собравшись, я нагружился лишними трофеями и направился на поиски какой-нибудь группы окруженцев. Двадцать минут потратил, пока не обнаружил двенадцать человек, судя по петлицам, девять

артиллеристов, трое стрелки. Им я и передал все трофеи, включая часть продовольствия. Я себе ещё добуду, а им надо. Также отдал медпакеты для раненого – все три штуки, снятые с жандармов. Я уж собрался уходить, когда замер и вернулся.

– Что-то забыл? – с интересом спросил командир этой группы, старший сержант Валиков.

Он долго благодарил меня за помощь, и теперь его бойцы разжигали костёр, чтобы в двух солдатских котелках, что я им передал вместе с посудой и продовольствием, приготовить себе обед. Фляги и термосы я тоже им отдал – на них свастика, а палиться я не хотел. Конечно, если будут обыскивать, много что найдут, однако всё же поостережёмся.

– Да, есть пара вопросов, – мельком осмотревшись, присел я рядом с ним. Сержант был командиром гаубицы, которую уничтожили немцы вместе с батареей, и вот выходил к своим с остатками расчётов батареи. Выжило после боя мало. – Ты того парня хорошо знаешь – ну, с чубом?

– Часа три назад к нам пристал, – пожал тот плечами.

– Один?

– Один был. Двое других – стрелки из полка, что мы прикрывали, документы в порядке, а этот из комендатуры Кобрина. Я смотрел у него документы. А что?

– Казачок он засланный.

– Ты уверен? – нахмурился сержант.

– Ты на себя посмотри, на своих бойцов и особенно тех стрелков, что из полка, и сравни их с этим типом.

– Чистенький?

– Именно, и от него мылом пахнет. Не нашим, немецким.

– Проверим?

– Я сам. Из вас поверяльщики как из медведя балерина.

Тот тип, что привлёк моё внимание, сидел в кругу артиллеристов и балагурил с ними, смеясь своим же шуткам вместе с окруженцами, поэтому для многих стало шоком, когда я схватил его за шею, заставив подняться, приёмом закрутил вокруг своей оси и швырнул о дерево. То оказалось крепче, хотя хруст я слышал отчётливо. Многие вскочили, но сержант их успокоил жестом, внимательно наблюдая за моими действиями. А я наступил на горло засланцу и с издёвкой сказал:

– Петь о том, что ты окруженец, не стоило. Какое у тебя задание? Какую задачу тебе поставили офицеры абвера? Разовая акция или долгосрочная? Говори, мразь!

– Во даёт, парнишка, – ахнул один из артиллеристов, когда я сломал

руку диверсанту. Кость порвала рукав гимнастёрки и вышла наружу.

Тот сломался быстро, и подошедшие сержант и ещё один младший командир внимательно слушали его поток сознания. Засланец оказался из своих, завербован в лагере военнопленных. Он попал туда в первый же день войны, на второй согласился сотрудничать. Работа у него простая: выявлять группы окруженцев и наводить на них немцев. Это у него уже третья группа.

– Вот мразь!.. – воскликнул сержант, но добавить ничего не успел, я свернул тому шею. – Зачем?!

– А что, ему медаль дать за сдачу своих? – хмуро спросил я. – Что заслужил, то и получил... ладно, у меня дел полно, поэтому разбегаемся.

– Кто ты такой? Явно не простой сельский парнишка, – спросил сержант.

– Артур Александров. В отличие от тебя, у меня десятки лет опыта в диверсионных войнах, и последнее моё звание – майор. Бывай, сержант.

Оставив Валикова с открытым ртом, я направился вглубь леса, а чуть позже перешел на бег. Ну, а потом забрал велосипед с вещами. При мне вновь остался лишь короткоствол, но уже в трёх единицах: ТТ, вальтер и парабеллум.

Я направил свою транспортную единицу к дороге. А что? По дороге быстрее, и меня как-то мало волновало, что там двигаются немецкие части. Кто обращает внимание на простого русского паренька?

В принципе, так и оказалось, мои предположения снова подтвердились. До самого вечера я катил по дорогам, всё приближаясь к аэродрому – базе нелюдей, на которых я устроил охоту. Катил до самой темноты, стараясь засветло преодолеть как можно большее расстояние. Сверившись с картой, я понял, что проехал чуть больше тридцати километров этих пыльных полевых и лесных дорог, и меня так никто и не остановил, хотя поглядывали, конечно, с интересом. Но кому нужен подросток?

Об ужине я не беспокоился. Немецкие котелки я, конечно, отдал группе Валикова, однако кашу всё же перевалил в свой котелок. Так что только разогреть, и можно поесть, позже побалую себя чайком или кофе. Лучше первым, сон у меня должен быть крепкий, бодриться мне сейчас ни к чему.

Устроившись в небольшом овраге, я развёл костёр. Длинная сухая ветка у меня была привязана к раме велосипеда как раз для такого случая. Нарубив её, я развел костер. Разогрел кашу, сдобренную мясом, и вскипятил воду для чая, половину литровой кружки – куда мне одному больше!

Я даже зубы умудрился почистить и умыться водой из двухлитровой

лужёной фляги. Только после этого положил велосипед так, чтобы ко мне было бесшумно не подобраться, и уснул. Место для лагеря я выбрал очень удобное: небольшой тупичок, случайно сюда не попадешь.

Утром, позавтракав немецкими консервированными сосисками с галетами, прикопал весь мусор и, собравшись, направился к дороге. Я решил сменить одежду. Если моё описание есть у всех особистов армейских частей и подразделений НКВД, то скоро оно будет и у немцев, так что смена имиджа остро необходима. До этого я старался объезжать населенные пункты, хотя они часто мне встречались, но когда появился очередной городок, я решил навестить его и прикупить кое-что из одежды. Рейхсмарки и советские рубли у меня были, причём в немалых количествах. Трофеи.

Я осмотрелся. Ещё два гражданских велосипедиста двигались позади меня в ту же сторону, навстречу ехали немецкий грузовик и крестьянин с возом свежескошенного сена – видать, запасы домой вез. Сделав вид, что поправляю поклажу, я дождался, когда велосипедисты проедут мимо, спустился в глубокий кювет и спрятался в придорожных кустах. Там оставил велик с вещами, достал карту и, определив координаты своего местонахождения, довольно пробормотал:

– До аэродрома километров тридцать осталось. Тэ-экс, и что это за город передо мной?

Городок на карте нашёлся, был он на десять тысяч жителей. Проверив одежду, я покинул кусты и энергично зашагал в сторону города. Было ещё утро, путников было мало, но я всё равно особо не привлекал внимания.

Я спокойно вошел в город. Никаких постов, к моему удивлению, не было. Пообщавшись с местными жителями, я узнал, где находится рынок, и направился туда. Рынок был небольшой, однако всё необходимое я там нашёл. Со мной был практически пустой сидор, туда я и сложил покупки: крепкие, хорошо пошитые тёмно-серые штаны, светлую рубаху бежевого оттенка и чёрный комбез техника. Он мне был нужен для работы. Также взял ткань для портянок, и на этом всё из одежды. Ещё прикупил каравай свежего хлеба, ещё теплый, десяток луковиц и сваренных вкрутую яиц, кусок копчёного сала, зелень и чеснок.

Когда я возвращался с рынка, заметил явно недавно открывшуюся частную аптеку. Кто-то успел развернуть собственное предпринимательство. Причём наших выбили отсюда дня два назад, а эти уже тут как тут. Как успели?

В помещении аптеки я натолкнулся на удивлённый взгляд мужчины

в белом халате, накинутом на костюм.

– Я звонка не слышал, – сказал тот.

– Я придержал язычок, – пояснил я. – У вас есть очки с простыми стёклами?

– Зачем они тебе? – удивился тот.

– Очкариков не бьют, – грустно вздохнул я, опустив глаза долу.

– Хм. Есть такие очки, – согласился тот и, нырнув под прилавок, вылез с коробкой в руках. Там было около десятка очков с простыми стёклами. Заметив мой взгляд, тот пояснил, приняв его за удивлённый:

– Многие берут, кто интеллигентно хочет выглядеть, кто умнее, а зрение нормальное. Спрос есть.

– Понятно. – Я перебрал очки и отложил заинтересовавшие в сторону. – Чехол есть с жёстким корпусом?

– Имеется, вот, смотрите, на выбор.

Выбрав большой чехол на две пары, я стал примерять очки перед зеркалом. Отобрал три пары, две убрал в чехол, потом в котомку, другие, круглые, как у Берии, сразу нацепил, опустив их на кончик носа.

– Марки или рубли? – спросил продавец.

– Марки.

Тот назвал сумму, и я заплатил, к его удивлению. Покинув аптеку, я поспешил убраться также и из город, проверяясь, нет ли слежки. Её не было. Добравшись до своего схрона, я переоделся, нацепил очки. Посмотрел, как выгляжу, в карманное зеркальце и, заняв седло велосипеда, покатыл вокруг городка подальше.

В следующие шесть часов в основном ехал. Пообедал всухомятку, и продолжал движение, стараясь никому не попадаться на глаза и избегая населённых пунктов, пока не добрался к своей цели.

Когда до аэродрома осталось пара километров, я свернул к роще и озеру, что находились рядом. Искупаюсь, наконец постираюсь, ну и вечером разведую все подходы. Кто где живёт, кто где ночует. Меня интересовал только лётный состав.

Закончив с созданием замаскированного лагеря, я занялся стиркой. Потом полчаса релаксировал в воде, выгоняя накопившуюся усталость. Собрался, надел комбез техника и направился к аэродрому.

Практически полностью стемнело, так что можно было действовать. Дальше я просто выкрал офицера, покинувшего территорию аэродрома, и на велосипеде покатыл в сторону большого села в трёх километрах от части, и там жёстко допросил пленного. Тот подтвердил, что часть не

сменила места расположения. Как будто я не знал! «Хейнкели» постоянно гудят моторами – то на задание, то возвращаясь с него. От офицера же я узнал, что бомбардировщик с бортовым номером тридцать семь – из их части, и он пережил первые дни войны. Выяснил данные пилота и его экипажа. Более того, этот офицер отличался замечательной памятью и помнил также номера оставшихся двух бортов звена, что участвовали в налете на поезд. Один борт был сбит сутки назад, но лётчики уже прислали сообщение, что их подобрала диверсанты, действующие в советском тылу. Второй экипаж был на месте. Как и все, отдыхал после тяжёлого боевого дня. Узнав данные лётчиков сбитого «хейнкеля», я только грязно выругался. По странному стечению обстоятельств, это были те двое, что я уничтожил на базе диверсантов. Выжили двое из пяти, остальные погибли, но и этих моя кара настигла. Случайно, но всё же. Эх, знал бы, что именно их я ищу, просто так они бы не умерли.

Так я получил сведения о том, где проживает лётный состав, и задумался. Простые летчики проживали в большинстве своём в казармах, как и технический персонал, однако многие офицеры квартировали в селе, как и мой пленник. Пилот и его экипаж жили на территории аэродрома, там достаточно жилых построек, чтобы всех вместить, всё же здесь ранее располагалась целая дивизия ВВС СССР.

Это подсказало мне отличную идею, как действовать дальше. Получается, зря я организовывал лагерь, воспользоваться им не получится. Ну, да ладно.

Дальше я действовал просто. Из части, в основном на постой, в село отпускали офицеров, и продвигались они если не на машинах, то на велосипедах, мотоциклах или вообще пешком. А так как боевая работа была закончена, они как раз потянулись по своим квартирам. Этого офицера я добил, мне живой свидетель не нужен, и начал охоту. Грузовики и легковушки я был вынужден пропускать, разом без шума не возьму, а вот одиночек и тех, кто двигался на мотоциклах, перехватил всех. Так что у дороги скопились три мотоцикла: один с люлькой и два одиночки, – и шесть велосипедов, а всего я взял тринадцать нелюдей. Среди тех, кого я положил, никого из нужных мне экипажей не было, поэтому умерли они хотя и не своей смертью, но издеваться над телами я не стал. Один раз была вспышка в поле, и тогда пострадал стрелок-радист, но я не живодёр. Умертвлял профессионально, но и только. Однако это других, а вот над экипажами тех двух бортов я уже повеселюсь по полной. И чтобы не было недоразумений, обязательно поясню, почему я их вывернул наизнанку через задницы.

Всего работа на дороге заняла у меня около часа, после этого я помыл руки и оружие, то есть ножи, и пользуясь тем, что на луну напоззли облака и вокруг стало хоть глаз выколи, побежал к аэродрому. Все строения мне были известны, офицер при допросе выложил, кто где ночует, вот я решил навестить дом, где в квартирах расположились лётчики, и казармы их экипажей, штурманов и стрелков. Там же жил персонал нужных мне экипажей.

Первым делом я навестил летунов. Дом был на восемнадцать квартир, я вскрыл все и поработал над этими нелюдями. Везде на стенах писал кровью на немецком: «Не бомбите госпитали, медсанбаты и гражданское население. Если не прекратите, вернусь и отомщу».

Четверых лётчиков повесил на люстре на их же кишках, стараясь к каждому подходить индивидуально. Причина была. Это были те самые офицеры борта номер тридцать семь. Там же на паре листов изложил, почему с ними поступил именно так, описав произошедшее с поездом и как один из нелюдей расстреливал мирных пассажиров. Пусть другим будет уроком.

Закончил я далеко за полночь. Работы было много, всё же двадцать семь человек отправил на тот свет, в некоторых квартирах жили не по одному лётчику. Потом направился к казарме по водосточной трубе, поднялся на третий этаж и, скользнув в открытое окно, оказался посередине нужного помещения. М-да, запахок тут был отменный. Ещё бы, почти пять десятков человек проживает, странно, что ещё не все окна открыты, а лишь несколько. Ещё меня удивило, что во всех окнах были вставлены новые стёкла. И когда успели? Вот это порядок, вот это я понимаю.

Как убить пятьдесят шесть лётчиков, шесть нелюдей и дневального незаметно для остальных? А я скажу: сложно, но возможно. Конечно, как с теми лётчиками, живьём их резать и сдирать кожу не получится, и те-то умудрялись орать сквозь кляпы, а тут пришлось действовать совсем по-другому. Просто обходить и уничтожать ножом. Затупился один, воспользовался вторым. Когда и тот затупился, резать было уже некого, и теперь оставалось составить картину для тех, кто первым сюда поднимется, ну и для следователей. Естественно, веселился я только над членами тех экипажей, что числились в двух нужных мне бортах. Мне их койки указал дневальный перед смертью. Я отрезал головы, руки и ноги, менял их местами, кому голову на живот положил, кому ноги приставил вместо рук и наоборот. Одну голову положил на стол в центре. Про надпись не забыл. На белой стене кровью написал: «Мечь. Будете бомбить

мирное население, санитарные эшелоны, санмашины и госпитали, вырежу весь лётный состав люфтваффе. Пусть каждый лётчик знает, что нажатием на гашетку он приближает свою смерть. Очень мучительную смерть».

Я подумывал подписаться, я всегда гордился своими делами, даже такими нелицеприятными, но передумал. Не боялся, нет, просто это у меня не первая акция, могут и перехватить. Описание моё абвер быстро добудет. Контактничал со многими, и наверняка кто-то попал в плен к немцам – слишком немцы быстро продвигались вперёд. Не зря общался, мне эта игра в кошки-мышки нравилась, посмотрим, кто кого. Ну, и яркий след для Гриши, если он, конечно, в этом мире.

До рассвета оставалось около часа. Я спустился так же, как проник в казарму, избежал встреч с патрулями и часовыми. Пройдя зону безопасности с колючей проволокой, добежал до озера, скинул сапоги и ухнул в воду. Там я стянул комбез, оставив его плавать на воде, потом постираю, и стал отскребать чужую кровь – та успела подсохнуть, а я был покрыт ею с ног до головы. Даже волосы тщательно промыл – кстати, пора постричься. Отстирал комбез и повесил его на куст сушиться. Потом помыл сапоги, оделся, вывел велосипед и отправился к мотоциклам. Похоже, пропажу этих офицеров ещё не заметили, мотоциклы были на месте. Я взял тот, что с люлькой. Погрузил на него велик с поклажей и поехал подальше от этого аэродрома. Бак был полон.

Я надеялся, что проеду километров пятнадцать до того, как окончательно рассветёт. Мотоцикл, глотая километр за километром, буквально рвался вперёд. Когда рассвело, я его бросил, замаскировав нарубленными ветками, и покатил дальше на велосипеде. Где находится вторая бомбардировочная часть, я узнал у того офицера, он был из штаба. Я себе пообещал, что уничтожу лётный состав обоих подразделений, а обещания нужно выполнять. Вот только эта часть находилась в ста километрах, и до неё ещё нужно добраться, причём требовалось пересечь железную дорогу. Ту самую, что из Минска на Брест шла. Ладно, я сократил её километров на двадцать, воспользовавшись мотоциклом, вот дальше придётся использовать только свою мускульную силу и крутить педали.

Часов в шесть утра я остановился на обочине позавтракать. Луковица, пара яиц и копчёное сало с хлебом пошли на ура, а во фляжке у меня был вчерашний чай с ужина. Посмотрев в небо, где уже полчаса разведчик нарезал круги, я саркастически усмехнулся:

– Ищите-ищите.

Но дороги были в основном пусты, разве что посыльные на мотоциклах мотались туда-сюда, да вот этот разведчик появился. Будет шухер или нет, узнаем позже, пока просто времени было мало для адекватного реагирования. Да и что они могли сделать? Разведчика в небо подняли, сообщили в вышестоящий штаб, и теперь ждут криминалистов и следователей. А вот те, кому они сообщили, и должны принять адекватные меры. Связаться со всеми гарнизонами километров на пятьдесят вокруг – ну, пускай будет семьдесят – и проводить поисковые мероприятия. Ох, не завидую я окруженцам, что сейчас выходят к своим, сколько их попадёт к немцам в сети после проведённой мной акции! Ладно хоть не зря работал, изрядно парализовал этот полк. Теперь некоторое время прежние задачи он выполнять не сможет, просто некому летать на бомбардировщиках. Ну, наскребут на пару машин, вот и всё.

Когда я готовился к отъезду, то вдруг разглядел вдали идущую мне навстречу колонну пленных. Я полчаса назад повернул вместе с дорогой на восток, поэтому и встретил ее. Их было много, чуть больше пятисот человек, под охраной одного взвода, многие ранены, серели окровавленные повязки, некоторых поддерживали. Я быстро сел на место, развязал свой сидор и сделал три узелка, распределив по ним всё своё продовольствие. Себе ничего не оставил. При этом вложив в один узел вальтер с двумя запасными магазинами, приготовив его к бою. Я понимал, что ножей у пленных нет, поэтому тонкими дольками нарезал всё сало и хлеб, да и лук тоже, дальше сами разберутся.

Когда колонна приблизилась, я оставил велосипед на обочине и встал у дороги. Конвоиры мне не мешали, лишь косились, когда я передавал узелки пленным, в основном раненым – им необходимо для поддержания сил. Лишь третий придержал в руках – тот, в котором помимо еды находился пистолет. Его я собрался передать тому, кто не сломался и желал побороться. Многие из пленных смотрели на меня умоляющими глазами и протягивали руки, но я отрицательно качал головой. Всё не то. Нужного человека я обнаружил чуть позже. Капитан-танкист в обгоревшем обмундировании помогал идти раненому и зло, исподлобья бросал взгляды вокруг. Вот ему в руки я и сунул узелок, шепнув:

– Там пистолет.

Тот только крепко сжал мою руку, дав понять, что понял меня, и сунул узелок подмышку, не останавливая движения. Сойдя с дороги, я смотрел им вслед и не заметил, как проходивший мимо конвоир наградил меня ударом приклада по спине. Теряя очки, я полетел в траву под его громогласный хохот. Убедившись, что очки целы, я так и сидел, потирая

спину, пока колонна не прошла. Что мог, я сделал, однако выдавать себя стрельбой – а часть конвоиров я перестрелять смог бы – не хотел. Мне ещё по второй части люфтваффе работать.

Поднявшись на ноги, я отряхнулся от пыли, подхватил велосипед и повесил за спину сидор, тот заметно усох, нужно каких-нибудь немцев раскулачить на предмет съестного. За километр пути обнаружил на обочине три тела в красноармейской форме. Все с грязными окровавленными повязками – немцы добились не выдержавших путь, из той колонны, что мне встретилась. Надеюсь, капитан дорого продаст свою жизнь, если его товарища попытаются пристрелить. Ну, или уйдёт в бега. Там дальше как раз лес, шанс уйти есть. Сумел бы воспользоваться им!

Я крутил педали до обеда. Там остановился на полчаса, чтобы дать ногам отдохнуть, да я и так устал после бессонной и тяжёлой ночи. Но только воды попил да сделал массаж икр. А дальше всё так же: крутить педали, изредка отдыхая на спусках, и сближаться со второй бандой немцев, что бомбит мирняк и госпитали. Я понимал, что после моей акции выйдет циркуляр, ужесточающий охрану аэродромов и лётных частей, это, конечно, усложнит всё дело, но я надеялся оказаться на месте до того, как циркуляр разойдётся. Бюрократия – мать порядка, но это не значит, что она работает молниеносно.

Всё же тревога после моей акции поднялась, носились в разные стороны патрули, немногочисленные полицаи и другие приспешники, в небе постоянно висели самолёты, в основном над лесными массивами, контролируя обширные территории. Я же говорил, что окруженцам нелегко придётся. В общем, шухер поднялся неслабый, и его отголоски доходили до семидесяти километров от места акции. Именно такое расстояние я успел преодолеть. Что же происходит в окрестностях аэродрома!

До второго бомбардировочного подразделения осталось чуть более двадцати пяти километров, но я понял, что на сегодня всё: и есть хотелось, и выспаться тоже. Поэтому мельком глянув на часы – было полвосьмого, – я решил заняться двумя насущными вопросами. Найти где, или у кого, добыть продовольствие, ну и отыскать безопасное место для сна. Посты немцев мне встречались часто, но брать их на нож не хотелось, пропажу обнаружат быстро, поэтому лучше заняться транзитниками. От фронта в тыл часто ходили порожние колонны, обратно – набитые разнообразным имуществом, включая боеприпасы и продовольствие. Вот такую машину я и хотел перехватить, лучше отставшую, её хватятся не сразу и обязательно ту, что идёт из тыла. Ну, или одиночку перехватить. Немцы

пока не шуганые, обо мне мало знают, внаглую катаются по местным дорогам.

Место я нашёл удобное для засады. По мнению других, в открытом поле не спрячешься и устраивать тут засады просто глупо. На этом я и решил сыграть, а замаскироваться мне даже в открытом поле не трудно. Опыт-то у меня огромный.

Движение тут было приличным. Я пропустил три колонны и задумался. Ждать одиночную машину можно долго, может, подвернётся что-то другое?

Подвернулось. Бросок ножа выбил из седла мотоциклиста посыльного. Но в его ранце, кроме половины шоколадки, я ничего не нашёл. У-у-у, проглот! Перекинув тело через седло, я занял место водителя и покатил к овражку, где спрятал велосипед. Там оставил тело и транспортное средство, после чего вернулся на место. Ту часть дороги, где я перехватил посыльного, не забыл замаскировать, засыпав пятна крови пылью. Потом прошла ещё одна колонна в сторону фронта, и наконец, ещё один посыльный. Он ничем не отличался от предшественника. Снова бросок ножа, и к моему удивлению, мотоцикл упал там же, где и прошлый, да и седок, несколько раз кувыркнувшись, улёгся точно на том же месте. Даже в той же позе задом кверху. Бывает же такое!

В этот раз мне повезло. В ранце было две килограммовые банки советской тушёнки, видно трофеи, пачка галет и бутылка вина. Я снова замаскировал следы на дороге, перекинул тело через седло и покатил к овражку. Там убрал найденное продовольствие в ситор, вывел велосипед на дорогу и покатил дальше. Мне нужна роща или посадка. Сойдёт глубокий овраг. Надо еще найти место для ночёвки. Причём как можно быстрее, глаза уже слипаются, но подальше от того, где я побил посыльных. Километрах в пяти, не ближе.

Последние напряжённые дни, что начались с началом войны, сильно подорвали мои силы, и мне нужен был отдых. Эх, как вспомню, что я творил, когда имел магические возможности, и чего меня лишили! Только и делаю, что печально вздыхаю. Тогда ведь ни усталость, ни раны мне были не страшны, мог несколько суток не спать, потом на пару часов прикорнуть, и работать дальше, а став обычным человеком, понял, что не всё так просто. Нужно тренироваться и тренироваться. Хорошо, что был личный опыт из прошлых жизней. Он мне здорово помогал.

От места добычи продовольствия я уехал километра на четыре, можно было и дальше. Похоже, у меня открылось третье дыхание, и силы ещё были, но больно уж хорошее место для ночёвки я нашёл. Это был танк.

Да-да, вы не ослышались, местом для ночёвки я выбрал танк, стоявший на краю минного поля. Это была «тройка», застывшая метрах в шестидесяти от дороги из-за разбитой ходовой. Судя по открытым люкам, экипаж его покинул. Двое и отсюда были видны: лежали чёрным тряпьем метрах в шести. Видно, сапёров не хватало, или заняты они были, на обочине лишь стояли флажки, сообщавшие о минах. Я покосился в сторону далёкого села, где проходила линия обороны. Траншей не было, по многочисленным воронкам определил её. Устало вздохнул, достал нож и, проверяя перед собой землю, направился к танку. Велик пришлось оставить на обочине. Я нашёл по пути шесть мин: две противотанковые, четыре противопехотные. Смешанное поле, похоже.

Снимать их не стал, лишь обозначил, после этого вернулся за велосипедом. Повезло, что за двадцать минут, пока я двигался к танку, мимо никто не проехал. Спрятав своё транспортное средство за танк, чтобы с дороги не было видно, залез внутрь. Боевое отделение действительно было пусто, хоть и нагрето за день. Убитые, лежащие неподалеку от кормы, только-только начали попахивать. Видать, они тут чуть меньше двух суток лежат. Уговорив полбанки тушёнки с галетами, я закрыл все люки и, устроившись на одном из сидений, спокойно уснул. Установку я себе дал на пробуждение на рассвете. Хоть это работает точно, как часы. Надо проснуться в полпятого – так и проснусь.

Утром, потянувшись и зевая, я открыл глаза. Поднялся с места механика-водителя – единственное с откидывающейся спинкой – и занял место командира. Дорога была пуста, село только просыпалось. Краешек солнца показался над горизонтом. В принципе, можно выбираться и ехать дальше. Тут действительно недалеко, к десяти буду на месте, если не торопиться.

Экипаж сбежал, судя по следам гусениц – там были следы обуви, а как эти погибли, не знаю, вполне возможно, их пулемётным огнём скосили, так как воронки я не обнаружил. Закончив с осмотром окрестностей, приступил к изучению боевого отсека, одновременно приканчивая банку тушёнки и хрустя галетами. К моему удивлению, там обнаружилось именно то, что я искал до этого, то есть продовольствие. Шесть банок консервов, от рыбных до тушёнки, две банки с консервированными фруктами, одна с овощами, да и галеты в приличных количествах. Все находки я тут же убрал в сидор, отчего тот заметно разбух. Покончив с завтраком, я мысленно пробежался по своему телу и довольно кивнул. Хотя мышцы и суставы слегка ломило, я чувствовал, что отдых пошёл на пользу.

Ещё раз осмотрев окрестности из командирской башенки, я быстро через боковой люк выбрался наружу, повесил велик на плечо и пробежался к дороге по протоптанной мной тропинке. Там проверил поклажу, повесил сидор за спину, привычно поправив ляжки, чтоб не скрутились и не резали плечи, после чего покатил в обход села. Заезжать в него я не собирался.

Дальше было привычное дело. Я так и оставался невидимкой для постов и патрулей, на меня, как и на многих мальчишек, во множестве гонявших на великах или бегавших с удочками, не обращали никакого внимания. Не дорос ещё, чтобы меня опасаться, и я старательно поддерживал такой образ. Очки в этом здорово помогали.

Как бы то ни было, я к обеду добрался до аэродрома, то есть к половине одиннадцатого. Теперь хватит времени и на короткую разведку, и на приготовление обеда. Горяченького хотелось. Я был уверен, что авиационная часть на месте. В последнее время «сто одиннадцатые» часто пролетали то надо мной, то невдалеке, причём на малых высотах, что подтверждало близость аэродрома. Эта часть, кстати, тоже расположилась в бывшем военном городке советских ВВС. Взлётные полосы тут тоже в общем уцелели. А там, где были повреждены бомбардировками, военнопленные уже отремонтировали. Наверное, ведь точных сведений об этом я пока не имел. Просто не думаю, что ситуация здесь отличается от той, что на прошлом аэродроме.

Лагерь я разбил в паре километров от аэродрома, ближе охрану могу насторожить. Неглубокий овраг в чистом поле – идеальный вариант для меня. Я в полусогнутом состоянии прошёл по нему метров четыреста, и в небольшой поросшей кустарником впадине обустроил лежку. Маскировка неплохая. Жаль, костёр развести не получится. Конечно, я могу сделать его бездымным, но тепловые испарения могут засечь. Охрана после моей прошлой акции должна быть настороже, так что обратят внимание на искривление воздуха в поле. Поэтому придётся обождать с горячим до наступления темноты, а там уже спокойно готовь, что хочешь.

В общем, замаскировав своё лежбище, я вернулся тем же путём в полусогнутом состоянии и, найдя удобную позицию для наблюдения, стал рассматривать в бинокль жизнь на аэродроме. Особенно, какая там охрана. К моему удивлению, такая же, как и на прошлом аэродроме, то есть практически никакая. Никаких поясов безопасности с минными полями. Натянули кое-где колючку с консервными банками и думают, никто не пройдёт, да часовые у штаба и техники. Разве что стоит упомянуть четыре пулемётные точки, видимые с моей стороны, но их

я осмотрел мельком, так как в зону их контроля не попадал. Ещё по ночам, скорее всего, охрана теперь будет усилена. Вот и всё. Ах, ну да, зенитки в количестве шести единиц, четыре скорострелки и две помощнее, но не особо. Прожекторов было два. Вот теперь точно всё. Чтобы наверняка выяснить всё по этой части, мне нужен «язык», и лучше, чтобы это был, как и в прошлый раз, всезнающий штабной офицер.

Обед я взял с собой. Изредка отрываясь от наблюдения, вскрыл рыбные консервы и, черпая их галетами – перочинным ножом я пока не пользовался, хотя ранее часто им ел как вилкой, – стал обедать. Оставив полбанки и полпачки галет на вечер, я продолжил наблюдение.

## **Окрестности Кобрина.**

**28 июня, 18 часов 26 минут.**

### **Окрестности одного из пересыльных лагерей для военнопленных**

*Капитан Кобелев считал себя неплохим командиром и танкистом, но до лучшего не дотягивал, и прекрасно понимал это. Буквально за несколько дней до начала войны он вернулся в свою часть из командировки, где осваивал новейшую боевую технику. Он первым отреагировал на сообщение, что началась война. Потом были бестолковые марши, где он потерял один КВ из-за пустяковой поломки и пересел в другой, на ходу обучая экипаж не только воевать, но хотя бы обслуживать эти сильно бронированные, но такие слабые танки. Войну встретил в ста километрах от границы. Сначала налёт, потом встречный бой, где подразделения его батальона, несмотря на понесённые авиацией потери, буквально раскатали передовые колонны противника и с ходу врезались во второй эшелон, торопливо занимавший оборону. Они сумели прорвать эту оборону, но на ходу осталось всего шесть машин, и если бы не удар других батальонов, их скорее всего сожгли бы, а так они воспользовались неразберихой и гусеницами и пушкой уничтожили всю артиллерию в прямой видимости. Однако как бы они ни дрались с пехотой, противопоставить немецким лётчикам было нечего, и теряя одну машину за другой, испытывая проблемы с подвозом боеприпасов, иногда бросая боевые машины из-за пустяковых поломок, полк стал откатываться, пока его не зажали в излучине реки. Так капитан Кобелев с частью своих подчинённых попал в плен.*

*Тот неизвестный паренёк очень помог ему, когда сунул узелок с едой и пистолетом. Раньше, чем добрались до пересыльного лагеря, возможности бежать просто не было. Здесь командиров начали отделять от остальных. Капитан успел поделиться провизией, незаметно убрал оружие в широкие командирские галифе. Обрывки комбинезона он сбросил ранее. Ну, а вечером следующего дня их собрали и вывели с территории небольшой колонной: девять конвоиров и сорок семь пленных командиров РККА. Конечно, жаль было своих парней, но пока ничего сделать Кобелев не мог и мучился этим.*

*Наконец, они вошли под тень деревьев на лесную дорогу. Для побега ситуация была идеальная, и конвоиры тоже понимали это и усилили бдительность. Но всё же Кобелев смог незаметно достать пистолет и проверить, приведён ли тот к бою. Идущие рядом командиры насторожились и собрались, понимая, что сейчас произойдёт.*

*Хрустнул один выстрел, и почти сразу ещё три. Три конвоира, роняя карабины, упали, их тут же подхватили бросившиеся врассыпную пленные, но выжившая охрана открыла огонь, и Кобелеву пришлось залечь за мертвое тело и стрелять на поражение. Это позволило большей части командиров уйти, лишь трое сидели на дороге, прикрывая руками головы, и отказывались бежать, а пятеро убитых лежали рядом. Охрана хорошо стреляла. Однако и капитан не зря участвовал в полковых состязаниях, пятеро из шести убитых конвоиров были на его счету. На третьем магазине к Кобелеву сбоку подкрался молодой паренёк в форме вермахта и застрелил его. Кобелев умер с улыбкой на губах. Он сделал всё, что мог. Дал шанс другим командирам и надеялся, что у них будет возможность отомстить за него.*

К вечеру я знал всю караульную службу охраны и даже прикинул свои дальнейшие планы, после чего вернулся в овражек, чтобы дожидаться полной темноты. Тучи в небе висели с обеда, давая спасительную прохладу от палящего солнца, так что ночь, как и прежние, была безлунной. Планета помогала мне с вендеттой.

Как стемнело, я направился к аэродрому, толкая велосипед со всем имуществом. Заранее припасенной веткой я приподнял колючую проволоку и протащил велосипед под ней, вернул всё на место и поспешил к стоянке самолётов. В это время часовой должен идти к дальнему краю, и до его возвращения у меня есть минут десять. За это время я собирался поместить велик и все вещи в бомболюк самолета, который днём приметил для себя. Этот «хейнкель» вечером заправили, но бомбы подвесить не успели – закончилась рабочая смена, и оружейники оставили это на следующий день. Наши, кстати, подвесили бы. А эти аккуратисты.

Откинув дверцу, я пробрался в кабину и нажал на кнопку открытия бомболюка. Потом в бомболюке подвесил велосипед и остальные вещи. Едва-едва успел створки закрыть, как послышалось шарканье приближающегося часового, похоже, тот же хромой, что в обед дежурил. Тот потоптался неподалёку минут пять и снова пошёл мимо ряда стоящих в линейку бомбардировщиков, а я продолжил работу. Дело в том, что после угона самолёта я мог не совершать посадку – вдруг придётся выбрасываться с парашютом? Не сбрасывать же велосипед, побьётся с вещами. Так вот, пока я лазал в кабине, обнаружил парашют, потом второй, видимо экипаж оставил. Парашюты трёх стрелков, скорее всего на их рабочих местах. Я не ошибся, это звено было дежурным. Один я приготовил для себя, а второй нацепил на велосипед, на который также

были навьючены мои пожитки. А чтобы парашют штатно открылся, я кольцо верёвкой привязал к кронштейну. Закончив с этими делами, я поспешил в сторону казарм, старательно обходя посты.

Это была моя крайняя акция с авиаторами на этот месяц, что дальше будет, не скажу, не знаю, а так как я всё же решил оставить автограф, то собрался убраться с оккупированных территорий, поэтому и выбрал бомбардировщик, а не связной «шторх», стоявший у здания штаба. У бомбера-то дальность приличная, может и до Москвы хватить. Если не дотяну, то немного. Именно туда я собрался, отдохну недельку, обживусь, ну и на Украину или сюда отправлюсь. В Могилев или Житомир, ещё не решил, пока времени нет. А вернувшись в Москву, подумаю, мосты буду уничтожать или отстреливать командование вермахта. Передышка мне нужна, что-то я переоценил свои силы. Был бы повзрослее и крепче, потянул бы, но тело не тренированное, просто гибкое от природы.

Для кого-то шесть часов – это огромное количество времени, мне же казалось, не успело стемнеть, как рассвело. Вроде только начал, и всё, пора делать ноги.

Когда я закончил все приготовления для ухода с оккупированной территории, то, не трогая часовых, добрался до штаба, проигнорировав здание казармы, где как раз начался очередной развод и смена караулов. В штабе пообщался с дежурным офицером в одном из помещений, навестил аж четыре здания по его наводке, как вдруг начал наступать рассвет. Это в двух словах, а если с подробностями, то мне пришлось поработать, причём преизрядно. Пока я двигался к штабу, испортил две ближайшие зенитки, а также оба прожектора. Я думал, что ещё затемно улечу, поэтому и постарался обезопаситься. Проникнуть в штаб труда не составило: входная дверь заперта, рядом звонок, а окна из-за духоты открыты, даже на первом этаже. По инструкции двери должна быть закрыты, они и закрыты, уставники, мать их, а на окна они внимания не обратили. В помещении штаба всю ночь дежурили офицер, радист и посыльные. Унтер, что отвечал за развод и смену караула, находился в помещении казармы, связь между зданиями была телефонная. Так вот, уничтожив радиста и посыльных, я довольно жёстко допросил офицера. Тот понял, кто я, поэтому пришлось его ломать, сдавать своих он не хотел, понимал, что их ждёт. Правильно понимал. От него же я и узнал, как прошла моя акция на аэродроме. Геринг был в бешенстве и требовал найти убийц. Из Берлина прибыла лучшая следственная группа. Они уже определили, что диверсант был один. Только из-за необычайно высокой их

репутация – восемьдесят процентов раскрытых дел – этому выводу поверило руководство. Так что пока что меня искали плотно, но я уже вышел за колечко этих поисков.

Офицер все-таки описал, где ночуют лётчики и лётные экипажи. Добив его, я выбрался из здания штаба, перебежал через три других и пробрался в небольшой двухквартирный жилой дом. В нём остановилось командование этой авиагруппы из четырех штафелей, то есть эскадрилий. Я вырезал и командира, и его начальника штаба. Потом посетил другие здания, вырезая пилотов, жаль, до тех, что в небольшом городке сейчас квартируют, не добравшись, ну и залез в казарму на втором этаже. Вот там меня ждал сюрприз. Нет, не засада: три дневальных вместо одного. Над телами в этот раз я не изгалялся. В прошлый раз я мстил за мирных граждан, погибших под бомбардировкам этих сволочей, и с теми, кто мне был нужен, я уже расквитался, так что убивал спокойно, ножом, делая разрезы от уха до уха.

Так как эта авиагруппа имела на один штафель больше, чем первая, то и поработать мне пришлось куда больше. К тому же выяснилось, что все экипажи на одном этаже не уместились и им отдали часть первого этажа, где жило подразделение охраны. Это я от того же офицера узнал. Так что покончив с этим лётным составом на втором этаже, – пришлось постараться, тут доски пола скрипели, и меня могли услышать на других этажах, – я спустился на первый, проигнорировал каморку с дневальными, где они в карты резались с отдыхающим караулом, и перебил в койках два десятка оставшихся нелюдей из лётного состава. Запах крови уже начал разноситься по помещениям, и некоторые солдаты охранной роты завопили, поэтому заметив вдали просветление, я нырнул в окно. Всё равно всех, кого хотел, положил, я в этом уверен. Вымыв руки, а также умывшись в бочке с дождевой водой, побежал к выбранному «хейнкелю». Вроде успевал. А в том, что на первом этаже уничтожил именно лётный состав, не тронув простых солдат, я был убеждён, там был широкий коридор между летунами и солдатами. Ещё бы, кто они, завоеватели неба, а кто простая охрана.

Крик ужаса, вызвавший у меня улыбку, раздался, когда я пробежал метров триста. До выбранной мной машины оставалось ещё сто. Крик был такой, что даже меня пробрало до печёнок. Не удивлюсь, что тот, кто рассмотрел мой живописный натюрморт из вырезанной казармы, поседел от ужаса. Про предупреждающие надписи и автограф я не забыл, и был он таков: «Мечь, твари. Будете продолжать бомбить мирные города, расстреливать колонны беженцев, раненых и поезда, я вернусь. Я, Артур

Александров, знаю, что вас ждёт, вы проиграете в этой войне. Я из будущего. Бойтесь меня, мрази, бойтесь!!!»

Часового, что замер, прислушиваясь к воплю из казармы, я прикончил на бегу и, подбежав к открытой дверце, по небольшой лесенке поднялся в кабину и не забыл потом веревочной петлёй закрыть за собой входную створку. Когда я выдергивал нож из груди часового, то испачкался – брызнуло на руки и на одежду, однако я на это не обратил внимания. Чистым у меня было только лицо, опять изгваздался с ног до головы, пока работал.

На парашют у меня не было времени, вот тот и лежал под задницей без дела, пока я щёлкал тумблерами и запускал моторы. Хорошо, что лето, взлетать можно практически без прогрева.

Сперва заревел один мотор, потом второй, после чего я стронул «сто одиннадцатый» с места, – колодки из-под колёс убрал, ещё когда с велосипедом возился, – после чего дал моторам мощности и стронул тяжёлую машину с места. Конечно, это не одномоторный самолет, к каким я привык, но мне приходилось управлять и такими, так что я был уверен, что справлюсь. Штурвал плохо слушался, пока я выводил самолёт на взлётную полосу и разгонялся. Скорость была уже километров пятьдесят в час, пришлось повозиться, и я нашёл стопор внизу. Убрав его, сразу почувствовал, что машина меня слушается. Прибавляя мощности, я нетерпеливо поглядывал вперёд и в боковые обзорные окна, мне казалось, что слишком медленно разбегаюсь, но потянув штурвал на себя, почувствовал, что машина оторвалась от взлётного поля и поползла в ночное небо.

Поднял я «хейнкель» всего метров на пятьдесят и летел дальше только так. Неподальёку пролетали очереди зениток, и думаю, по мне не попали только потому, что я испортил прожектора, часть зениток, вот они и били наугад. Повезло, одним словом. Главное, чтобы везение продолжалось, и я благополучно доберусь до Москвы.

Набрав крейсерскую скорость, я достал из-за голенища сапога карту, прихваченную в штабе, и положил её рядом. Как окончательно рассветет, изучу, а так я собирался лететь на ста метрах, то есть практически на бреющем до самой Москвы. Не хочу палиться, двигаясь выше. Да и обнаружить меня с воздуха не так просто, а у меня пока один враг – наши истребители.

Как оказалось, не только наши. Немцы отреагировали с похвальной быстротой. Видно, сразу отдали приказ поднять все фронтовые истребители, а я приблизился к линии фронта как раз тогда, когда солнце

полностью показалось над горизонтом. С воздуха это смотрелось очень красиво.

Заметив на небосклоне десяток стремительных силуэтов, я даже снизился до пятидесяти метров, немного забирая правее, чтобы уйти от них. В той стороне небо было чище. Думаю, меня вели с земли. Посты воздушного наблюдения у немцев сработали как надо, и на меня сверху посыпались «мессеры». Они так скорость для атаки набирали.

– Вот ведь гады! Я же оставил надпись о будущем, вы меня живым брать должны, – возмутился я, понимая, что меня реально решили убить.

Летел я на максимальной скорости, какую могли дать силовые установки «хейнкеля» – под триста пятьдесят километров в час. Уже пересёк линию фронта и видел под собой колонны наших войск на дорогах, многие разбегались, увидев нас, так что был спокоен: если собьют, то над своей территорией.

Пришлось подняться метров на сто, чтобы была возможность для манёвра. От атаки первой пары я банально увернулся, резко повернув штурвал и свалившись на крыло. Ушел в сторону, но чуть крылом землю не зацепил, выравнивая полёт и снова поднимаясь выше, чтобы подготовиться к атаке следующей пары. Ладно, вокруг поля были, ни одного дерева, иначе врезался бы, и так сам не знаю, как умудрился увернуться от телеграфных проводов. Везде пусто было, а тут вдоль дороги эти столбы торчат, как будто специально. Не могли их в другом месте протянуть?

Вторая пара поступила умнее. Сперва атаковал ведущий, от которого я с трудом, но смог увернуться, а потом его ведомый, подождавший, пока я сам влезу в его прицел. Я этого тоже ждал, такие действия логичны, и немцы отнюдь не дураки, поэтому практически ушёл от очереди ведомого, но пули дробно застучали по крылу, и я увидел излохмаченную обшивку. Первая пара уже развернулась и готовилась к повторной атаке, пока вторая в стороне также разворачивалась, да ещё восьмёрка истребителей приближалась к нам.

Жаль, радиостанция была выключена, радиста-то на месте нет, и шлемофон был бесполезен, я не успел включить рацию, а так послушал бы их переговоры. Внезапно первая пара ушла в сторону, да и другие, дрогнув, стали отходить, хотя одна пара упорно шла за мной, готовясь атаковать. Что происходит позади, мне было видно плохо, стрелков на штатном месте не имелось, чтобы сообщать мне, что творится сзади, вот и пришлось выяснять самому. Я отстегнул ремни и, привстав, закрутил головой. Хорошо, кабина была открыта со всех сторон. Уходя от атак,

я держал в поле зрения в основном заднюю полусферу и как-то упустил, что мы уже в нескольких километрах от Минска, и там подняли немногочисленные подразделения истребителей. Всего два десятка машин – видимо, всё, что было, но они смогли выстроить стену и отогнать «мессеров» от меня. Пара «Мигов» атаковала ту пару, что шла ко мне, и та всё же вынуждена была уйти в сторону. Я поглядывал на разгорающийся позади воздушный бой и видел, как из него вываливаются и устремляются к земле машины с дымными хвостами, не знаю, наши или нет, слишком далеко. Поэтому заметил, как вырвался один «мессер» и устремился за мной. Какой упорный, однако! Видать, летунам был дан чёткий приказ сбить меня во что бы то ни стало. Ну, и наверняка добить, если прыгну с парашютом.

А в Минске, похоже, шли уличные бои. Надеюсь, мои письма с рекомендациями о том, как их вести, были и прочитаны и использованы по назначению.

К тому моменту, всё так же двигаясь на максимально допустимой скорости, я поднялся метров на пятьсот, чтобы была возможность ухода от атак, а то пару раз чуть не врезался в землю. Таким образом удаляясь от Минска, я ожидал немца. Тот, похоже, хорошо знал слабые и сильные стороны этого бомбардировщика и ушёл к земле, видимо собираясь атаковать с нижней позиции.

– Вот урод! – воскликнул я и стал играть штурвалом, бросая машину то в одну сторону, то в другую. Другой возможности избежать этой встречи у меня не было. Хоть из прицела выйду.

Не вышел. Машина затряслась от попадания пушечных снарядов. Тот сразу бил всем тяжёлым вооружением. С трудом уйдя в сторону, я потянул штурвал на себя, чтобы набрать высоту, пока есть скорость. «Хейнкель» уже слушался с трудом, а за левым мотором потянулась тонкая струйка чёрного дыма, да и приборы скакали, показывая, что с ним не всё в порядке. Подбил всё-таки, гад. Почувствовав ветер в кабине, я осмотрелся и заметил пробоины в обзорных стеклах – и по кабине попал. Хорошо, ещё меня не задел.

Привстав, я рассмотрел немца. Тот после атаки ушёл в сторону и тоже стал набирать высоту, явно собираясь атаковать сверху. Видно, разглядел во время атаки, что места стрелков пусты и я беззащитен. Но я заметил ещё три машины, что спешили за нами. Это были знакомые силуэты «Чаяк». Скорость у них повыше, чем у бомбера, и они нас нагоняли. Немец, видимо, тоже их увидел, поэтому занервничал, это было видно по его манёврам, и снова атаковал. Торопливо, я бы сказал.

Однако торопливый или нет, но мне достался настоящий ас. Как я ни маневрировал, что было очень сложно на подбитой машине, да ещё левый мотор загорелся, тот хорошо по мне прошёлся.

– Твою мать! – воскликнул я, чувствуя, что штурвал свободно болтается. Похоже, перебиты тяги управления.

Нажав на кнопку сброса бомб, я толкнул нижнюю створку лаза и, ухватив парашют, лежавший под задницей, вниз головой покинул горящую машину. Высота была метров шестьсот, я успел ещё немного подняться до того, как меня подбили, поэтому высоты хватало, хотя сотню я и потерял во время последних маневров.

Благополучно минуя выступающие части фюзеляжа, я боролся с парашютом, пытаюсь его надеть и застегнуть. В такие моменты как-то остро жалеешь, что не позаботился об этом раньше. В общем, это только в фильме да ещё на большой высоте есть возможность надеть парашют, а у меня такой не было. Только и успел, что сунуть одну руку под ремень и на высоте ста метров дёрнуть кольцо. Не дались мне лямки. Рвануло так, что я чуть не сорвался. Однако скорость падения снизилась, и я повис под куполом, морщась от боли – чуть руку не выдрало, как бы растяжения не было. Тройка «Чаяк» вела бой с «мессером», причём неудачно. Пока я бился с парашютом, немец успел свалить одного нашего. Я успел заметить раскрывшийся парашют и дым на земле. Ну, и в стороне был виден лежавший на земле купол, где приземлился мой велосипед. По моим прикидкам, до него было с километр. Ладно, поле тут ровное, быстро добегу. Главное – нормально приземлиться. А «хейнкель» мой продолжал лететь, медленно теряя скорость и высоту, пока не врезался в землю. Это произошло километрах в восьми от того места, где я парил. Вспышку рассмотрел, вот и прикинул на глаз расстояние.

Когда до засеянного гречихой поля осталось метра два, я отпустил стропы и перекатом погасил скорость падения. Не зашибся и даже ничего не повредил. Ветер погнал освободившийся парашют дальше, а я, массируя предплечье, побежал к велосипеду. Нужно скорее покинуть эти места, на велике это сделать будет проще. По моим прикидкам, удалился я от Минска всего километров на пятьдесят. Следить за окрестностями было как-то некогда, но не думаю, что сильно ошибся.

С плечом, к счастью, ничего страшного не случилось, не выбил, просто растяжение. Само пройдёт, требуется только не напрягать эту руку. Позже подвешу её на косынку, так оно вернее будет.

Бежать по полю гречихи куда сложнее, чем по пшеничному. Ноги постоянно цеплялись за стебли, два раза чуть не упал. Места тут

прифронтовые, немцы уже пытались охватить город с флангов, скоро его должны взять, так что думаю, тут и войска имеются, и патрули. Вот с последними встречаться не хотелось. Во время спуска на парашюте я успел окинуть взглядом окрестности. Километрах в пяти правее видел крупный лес, другого края не видно. Вот к нему и направимся, а там сольюсь с беженцами и решу, что делать дальше. Отправляться в Москву или нет. В принципе, лучше отправиться, на меня тут такую охоту устроят, загоняют. А отдохну, подлечу плечо, тогда и отправлюсь на фронт.

Добравшись до велосипеда, я проверил, как тот перенёс падение, и убедился, что лишь руль нужно немного поправить. Что я и сделал. Ходить в заскорузлом от крови комбинезоне было неудобно, но хотя одежда запасная у меня была, причём в двух комплектах, я не спешил переодеваться. Всё равно и бельё кровью пропиталось, да и сам я изгваздан. Так что потерплю до ближайшего водоёма, а там вымоюсь и уже переоденусь. Посмотрев на свои руки, которые были в разводах и пятнах крови, я отстегнул парашют от велосипеда. По местным меркам, парашютный шёлк – вещь ценная, и я собрал его в сумку и закрепил на багажнике, сняв оттуда сидор, который повесил за спину. После чего рядом с велосипедом побежал к дороге.

Бой в небе окончательно стих: немца всё же вогнали в землю. Не ушёл к своим, упорный, так и рвался ко мне. А две оставшихся «Чайки», за одной из которых тянулся дым, направились к аэродрому. На дороге я заметил вдали столб пыли: кто-то ко мне ехал, даже гнал на максимальной скорости. Я занял седло и покатил прочь от этого пыльного облака. К сожалению, двигаться пришлось в сторону Минска.

Если бы я с неба не разглядел, что через пару километров будет развилка и другая дорога уходит как раз в сторону того леса, я бы, наверное, попытался уйти полями. Но обошлось. В этом месте был небольшой уклон, и я набрал приличную скорость. Стараясь её поддерживать, я добрался до развилки, при этом заметив, как к ней идет парень в лётном комбинезоне с небрежно наброшенным на плечо парашютом. Я свернул и погнал дальше. Кто это был, я не рассмотрел, вроде наш лётчик, поэтому надеялся, что патруль, а та пыль наверняка поднята колёсами патрульной машины, задержится с летуном на некоторое время, дав мне возможность уйти подальше. Жаль, лётчик видел, куда я свернул, и подскажет направление. Ну, да ладно, помог мне выжить в этом воздушном бою, за это ему спасибо.

Я непрестанно крутил педали. Боль в мышцах уже стала привычной, только изредка удавалось отдохнуть на спусках. Я уходил всё дальше

и дальше от места приземления. Когда впереди показалась пыль, я свернул в поле и переждал, пока мимо пройдёт колонна грузовиков. Это были тыловики, я разглядел в открытых кузовах ящики с боеприпасами. Потом снова вернулся на дорогу. Эта десятиминутная задержка мне не понравилась, наверняка ищейки уже встали на мой след, а я предпочитал держать их на расстоянии.

На очередной развилке я с холма в бинокль рассмотрел армейский пост в километре от леса. Там было около десятка бойцов и ЗИС. Наши это или ряженые немцы, не знаю, но всё равно лучше обойти. Толкая велосипед, я направился в поле. В этот раз пшеничное, и было куда легче.

Когда я ушёл метров на триста, заметил пыль на дороге, по которой сюда приехал, и сразу поспешил лечь. Когда машина, на большой скорости гремя бортами, пронеслась мимо, я привстал и в бинокль глянул, кто это. Не ошибся, патруль. Пяток красноармейцев, подобранный летун и двое погранцов – их легко опознать по зелёным фуражкам. В кабине сидел какой-то командир без фуражки.

Встать я не могу, тот пост у леса скрывает небольшая возвышенность, так что пока патруль не уйдёт за неё, нужно лежать. Наконец грузовик скрылся из глаз, и я встал на ноги и помчался дальше, частично перенося вес на велосипед, чтобы отдыхать. Бежал с полкилометра вдоль леса. Дальше уже было ровное поле, так что с поста меня могли разглядеть. Присев, я слегка высунулся и в бинокль рассмотрел пост. Рядом с ЗИСом стояла полуторка патруля, из кузова человек с биноклем осматривал окрестности. Заметив, что он поворачивается ко мне, я поспешил нырнуть в пшеницу.

– Тэк-с, что у нас получается? – пробормотал я, разлѣгшись на спине. – У машины лишь командиры и наблюдатель, остальных отправили цепью на посты вдоль опушки. Перекрывают мне путь к лесу. Время семь утра, до вечера ещё уйма времени, и лежать тут на солнцепёке не лучшая идея. Нужно уходить. Однако путь к лесу мне уже перекрыт. Нет, не успею... Блин, и как только вычислили! Наверняка скоро сюда подойдёт рота для прочёсывания, и меня обнаружат. След в поле остался. Значит, разлѣживаться нельзя, нужно валить.

Я не знал, в курсе ли загонщики и патрульные, на кого охота, однако их упорство наталкивало на мысль, что или знают, или предполагают. Если им дана команда изловить меня, в любом случае не отстанут, нужно придумать что-то такое, что ошеломит их и позволит мне уйти.

Подумав, я в полусогнутом состоянии развернулся и направился обратно. Пока на холме не появился наблюдатель, а туда наверняка скоро

кого-нибудь пошлют, место удобное, я рванул обратно к дороге. Шанс уйти был только по ней.

Наблюдатель появился на холме, когда я уже выбрался на дорогу и, оттолкнувшись, налег на педали. Направление я держал в сторону своей высадки. Услышав выстрел позади, я мельком обернулся и заметил пограничника. Тот лишь подавал сигнал в воздух. Пришлось снова постараться, чтобы задать приличную скорость. Если так дальше пойдёт, я на любых соревнованиях по велоспорту первым буду. Ещё бы, напомнить о самом лучшем тренере по бегу – доbermanе?

Когда впереди показалась автоколонна, я не стал уходить в поле, а продолжил крутить педали, поглядывая на машины. К счастью, это снова оказались армейцы-тыловики. В кузовах были раненые и сопровождение. Пропуская их, я съехал на обочину и даже увеличил скорость – обочина оказалась на удивление ровной. А следующая машина привлекла моё внимание. Это была «эмка», она двигалась навстречу. Чувствуя, что преследователи вот-вот появятся, я затормозил, бросил велосипед на землю и замахал руками, останавливая легковушку.

– В чём дело? – высунулся с переднего места капитан и тут же замолчал, когда обнаружил, что я держу его на прицеле пистолета.

Подскочив к водительскому месту, я заглянул в салон и поморщился. На заднем сиденье ехал генерал-лейтенант. Лицо смутно знакомое, где я его видел?

– Извините, товарищ генерал, за нахальство, но я вынужден забрать вашу машину. Очень нужна, – извинившись, пояснил я свои действия. – Не могли бы вы как можно быстрее покинуть её, оставив оружие? Не хочу, чтобы мне стреляли в спину.

– Боже! – ахнул молодой водитель-красноармеец. – Да он весь в крови. С ног до головы!

Всё же я выгнал всех троих из машины, сунул на заднее сиденье велосипед – дверь вот только теперь не закрывалась, – на переднее кинул сидор и, заняв место водителя, развернул «эмку». Потом отъехал на сто метров и выбросил в окно всё оружие бывших владельцев автомобиля так, чтобы они это видели, а когда набирал скорость, заметил, что на дороге в клубах пыли появились преследователи. Между нами было меньше километра, поэтому я поспешил нажать педаль газа и торопливо переключил скорости. Мне-то ещё нужно разогнаться, движок у этой машины был откровенно слабым, а преследователи двигались быстро, и расстояние между нами неуклонно сокращалось. Наконец, я разогнал эту генеральскую каракатицу до семидесяти километров, благо был пологий

спуск, и стал медленно уходить от преследования. Топлива было с полбака, и я надеялся, что этого хватит уйти от преследователей. Всё же легковушка хоть немного, но скоростнее грузовика.

Перекресток, где я приметил сбитого лётчика, проходила стрелковая колонна – при орудиях на конной тяге, без зенитного прикрытия. Пришлось притормозить, сигналив, чтобы уступили дорогу. То место, где приземлился, я промчался не снимая ноги с педали газа. Кстати, там были бойцы, у одного в руках белый свёрток – видимо, мой парашют. Так я и гнал по дороге, оставив эту стрелковую колонну позади, давил и давил на газ. Расход топлива был бешеным, мотор ревел на высоких оборотах, машину я не жалел. Главное – уйти от преследования, что я и делал с успехом. Сперва грузовики исчезли из виду, потом и пыль пропала. Да и от меня стоял такой столб, за несколько километров видно, но я лишь на небольших поворотах мог глянуть назад, есть ли погоня. Ушёл, одним словом. Сделав крюк в двадцать километров, я пролетел на большой скорости один из постов, не обращая внимания на сигналы с приказом остановиться, а также выстрелы вслед. Стреляли на поражение. И только потом добрался до леса. В меня не попали, но дырочка в лобовом стекле появилась. Чудом стекло не осыпалось, хотя всё покрылось трещинами.

«Эмку» я бросил на опушке, забрал вещи, обнаружив, что в корме машины появились два пулевых отверстия. Вторая пуля тоже прошла мимо. Я бегом рванул дальше, посыпая след табаком, смешанным с перцем. Банку с перцем я прихватил в немецкой столовой, и теперь пользовался тем, что заранее подготовился к возможному бегству.

Лес я пересёк, лишь однажды остановившись у лесного озера, чтобы наконец переодеться, кожа прямо зудела от пота и чужой крови, а также помыться. Комбез отстирать не удалось, я его притопил у берега, да и бельё пришлось выкинуть. Наконец с мылом отдраив до скрипа кожу, я выбрался из воды, надел свежее исподнее, состоявшее из чёрных боксёрских трусов и белой майки. Потом надел рубаху, штаны, намотал последние в запасе портянки, вбил ноги в отмытые от крови сапоги, после чего сделал расчёской прямой пробор, то есть отросшие волосы откинул по центру налево и направо, надел уцелевшую в жёстком чехле пару очков, посмотрелся в зеркальце и промурлыкал:

– Красавец!

Маскировка, конечно, плюшевая, наверняка сейчас всех моего возраста хватают, но хоть ничем не напоминал того типа, что уходил несколько часов от преследования. Пообедав – до этого у меня не было времени, –

я длинно зевнул. Бессонная ночь давала о себе знать.

Но надо было двигаться вперед. Фронт рядом, скоро он должен рухнуть, поэтому мне нужно уйти как можно дальше.

Я забрался на дерево и осмотрелся. Вблизи проходила дорога Минск – Могилев, главное шоссе, по нему брели беженцы. Кто пешком, кто на велосипедах, кто на телегах, кто просто толкал перед собой тачку с имуществом. Меня они, конечно, тоже как прикрытые интересовали, но постольку поскольку, больше я осматривал окрестности на предмет постов и скрытых наблюдателей. Машины на трассе были, гражданские и военные, но патрулей я не засёк. Лишь приметил мотоцикл, на котором ехали в сторону Могилева три сотрудника НКВД.

Дотянувшись до голенища сапога – в обоих у меня было по ножу, но в этом ещё и трофейная карта, – я достал её и, развернув, задумчиво взгляделся. Лес этот я нашёл быстро, как и дорогу, теперь нужно определиться, куда двигаться дальше. Тут, кстати, неподалёку река и автомобильный мост, но реку я уже преодолел по шее в воде, так что мост мне ни к чему. Мост и пара деревушек – вот и всё, что было вблизи. В общем, я решил выйти на дорогу. Там такая пыль, что через час я буду мало отличаться от беженцев.

Убрав карту обратно в сапог, я спустился, взял велосипед, прислонённый к соседнему дереву, и направился к опушке. Потом по незасеянному полю до трассы, тут тоже недалеко идти пришлось, метров триста всего. Выйдя на дорогу, я осмотрелся и, поставив ногу на педаль, с силой оттолкнулся и перекинул правую ногу через седло. В принципе, скорость у беженцев была одна, и не сказать, что высокая, и я на своём велосипеде выбивался из этого скоростного режима. Многие вели велосипеды за руль, нагруженные вещами, однако мне нужно удалиться от леса как можно дальше. Я решил в случае появления постов слезть и идти пешком в одном темпе с другими. Может, и получится. Я по крайней мере на это надеялся.

Двигаться в одном ритме с беженцами оказалось очень трудной задачей – я прошел так мимо двух постов. Те на меня, конечно, бросали взгляды, но я пошёл на хитрость. Посадил на раму двух уставших детишек трёх и шести лет. Их мать только благодарно мне кивнула. Сил вслух поблагодарить у неё не было, до этого сынишку она несла на руках. В общем, на меня не обратили внимания: лишь один из многих тысяч подростков, что бредут по этим дорогам. Так же я прошёл и второй пост.

Дважды случались налёты, да и немцы, бывало, пролетали над нами, но

всё обошлось, меня не зацепили, хотя раненые и убитые от налётов были. Штурмовали «юнкерсы» и дважды были «хейнкели». Похоже, бомберов я запугал, ну или просто пока некому было летать, а вот штурмовики ещё не пуганые. Отдохну, займусь ими. Сволочи, я шестерых детей, расстрелянных с воздуха, видел. Очевидно же, что гражданских штурмуют, развлекались, твари. В одном месте работали медики, я тогда подошёл к уставшему немолодому фельдшеру и сообщил о боли в плече. Тот осмотрел меня и сообщил, что у меня растяжение средней тяжести, после чего помог сделать косынку. Дальше я двигался с одной рукой на перевязи.

К вечеру многие беженцы потянулись кто к деревьям, кто на обочины, готовясь ночевать под открытым небом, а для меня это привычное дело. Кстати, когда я надумал прощаться со своим прикрытием, с которым так до вечера и шёл, то решил им помочь. В благодарность, так сказать.

– Вы с нами? – спросила женщина, помогая детям слезть с моего велосипеда.

– Нет, хочу ещё километров пять проехать, – покачал я головой.

Эта семья шла не в одиночку, а в группе жён и детей командиров Красной армии, поэтому следом за ними направилась на обочину к роще. Там уже кто-то жёг костры, чтобы приготовить ужин.

– Милена, – позвал я женщину.

– Что? – обернулась та.

– Держите, пригодится, – я протянул ей килограммовую банку тушёнки и две пачки галет. – Галеты трофейные, лично с немца снял. Поужинайте, а то дети у вас голодные. И вот ещё фляга, нужно иметь в дороге запас воды. Чтобы обезвоживания не было. А это плащ-палатка, отличная защита от дождя и ветра, для ночёвки самое то.

Передав женщине также и пустую флягу – сама в дороге наполнит, я коротко попрощался. Надеюсь, эта семья выживет и сможет уйти от орд немецких захватчиков. Милена со слезами бормотала слова благодарности, а я неловко забрался в седло и отправился в путь. Фельдшер неделю велел мне не тревожить больную руку, но как тут с одной рукой обойдёшься?

Милена даже не подозревала, как же я устал, мне приходилось постоянно бодриться. Вторая бессонная ночь окончательно подорвала мои силы, и я понял, что если плотно не поужинаю горячим и не посплю, то окончательно потеряю силы. Мне действительно требовался отдых.

Отъехал я километров на шесть, когда заметил вполне приличное место для стоянки – рощицу в стороне от дороги. Туда я и свернул, а в ее центре нашёл удобное место для лагеря. С трёх сторон меня защищал кустарник. Уже в полной темноте я организовал ночлег и развел костёр. Похлебку

я варил сразу на два дня, а также поставил полную кружку воды для чая. Всю запасенную воду использовал, все два литра. Именно поэтому и решил сварить суп: литра хватит, если не жалеть крупы и мяса, а чай солью в единственную оставшуюся красноармейскую флягу. На завтра.

Так всё и вышло. Когда суп был готов, я поел, черпая ложкой бульон и лоя куски мяса – всю банку свиной тушёнки вывалил, и завернул котелок в холстину. Крышки не было. Потом попил подслащённого чаю, не пожалел куска колотого сахара, и остатки аккуратно слил во флягу. Как раз пол-литра вышло. Только потом, не умываясь и не принимая водные процедуры – просто нечем и негде было, – я завернулся в плащ-палатку и мгновенно провалился в сон.

Пробуждение было не из приятных. На меня навалился кто-то тяжёлый, выкручивая руки. Плохо, что в тот момент я лежал на левом боку, однако сумел вырвать одну руку и большим пальцем на ощупь выдавить глаз нападающему, отчего тот взвыл, скатившись с меня, и позволил мне вскочить на ноги. Оглядываясь вокруг сонными, но злыми глазами, я только мысленно выругался. На меня наткнулись урки. Надо сказать, увиденное мне действительно не понравилось. Какой-то хмырь лет пятидесяти сбросил холстину и прямо с края хлебал мою похлёбку. Под ногами, закрывая лицо, стонал парень лет двадцати, а у велика стояли ещё двое. Один направил мне в живот обрез двустволки, у другого за пояс ТТ заткнут – рукоятка видна из-под запялённого пиджака. Эти двое злорадно ухмылялись. У всех четырёх большие мешки за спинами. У кого полные, у кого нет. Судя по положению солнца, было восемь утра. Жаль, я бы прикорнул ещё часов пять.

Стрелять они по мне вряд ли будут, да и нож, лежащий рядом, намекал, что шум поднимать они не хотят. Я метнулся за дерево. Никто так и не выстрелил, как я и подозревал. Оба моих ножа остались в сапогах, а те вместе с портянками стояли у лежанки, да и пистолет под «подушкой» остался, так что у меня кроме рук и ног при себе ничего не было. Вот такая беда.

– Сидор, Сёма, взять его! – рявкнул кто-то. Судя по тембру, тот старый вор, что хлебал моё варево. Видимо, он был старший.

Не знаю, что натворила эта группа, но они явно не хотели шуметь, потому как эти двое рванули за мной, и были очень сильно удивлены, что за деревом никого не оказалось. Возникнув за спиной того, что держал двустволку, я вырубил сначала его, а потом и напарника. Забрал их оружие, то есть пистолет, от которого несло порохом, и ножи, и вернулся

в лагерь. Последовали броски. Один нож ударил рукояткой в затылок старшего, копавшегося в моих вещах, второй также рукояткой – в голову самого молодого вора, сидевшего на заднице и осторожно трогавшего глаз. Цел тот был, хотя наверняка всё ещё сильно болел. Метал я левой рукой, так как правая разболелась от резких движений. Рано мне было ещё напрягаться, но приходилось.

Дальше просто. Вернув свои вещи на место, я по очереди привязал всю четвёрку к деревьям, предварительно обыскав их и сняв заинтересовавшие меня элементы одежды. Когда они все очнулись, вспорол им животы и лёг спать, оставив их наблюдать, как вываливающиеся внутренности медленно устремляются к земле. Интересно, кто дольше проживёт? Кляпы не давали им орать, а я совершенно спокойно, с чистой совестью снова уснул. Меня не трогают – я никого не трогаю.

В этот раз я проснулся сам. Зевая, потянулся и, осмотревшись, усмехнулся. Трое бандюганов уже умерли, а вот старый вор ещё держался. Посмотрев на часы, я определил, что проспал четыре часа. Урка эти четыре часа как-то выдержал. Силён. Тот смотрел на меня обезумевшими от боли глазами, буквально умоляя добить его, но я не стал. Заслужил, не люблю, когда меня будят. Потерев рукой лицо, я сделал пару глотков из фляги. Холодный подслащённый чай пошёл на ура. Я сбегал в ближайшие кусты по нужде, заодно пробежался по округе. Вернувшись, доел холодную похлёбку. Вчера глянул, что похлёбки мне на завтрак хватит, а я не брезгливый, чтобы после вора не есть, поэтому снова завернул котелок в холстину.

Я допил чай из фляги. Нужно где-то пополнить запасы воды, а то у меня вообще ни капли. Я занялся просмотром трофеев. Во время пробежки я определил, что никакого транспортного средства у бандитов не было, а я уж губу раскатал, надеясь найти телегу с лошадьёю. Так что занялся теми трофеями, что они принесли на себе. В мешках оказались вещи, достаточно новая одежда. Пиджаки, брюки, сорочки и остальное. Видать, бандиты кого-то раздели, если не с трупов сняли. Правда, повреждений от ножей или пуль я не заметил, могли и позже добить. Мне подошёл по размеру всего один приличный городской костюм и две пары штиблетов, да и те великоваты были, на вырост, остальное не заинтересовало. Также была посуда и немного продовольствия, простая крестьянская еда: два подсыхающих каравая, килограмма три привычного уже сала, но с чесноком – у меня слюни потекли от запаха, – солёные огурцы, лук, чеснок и варёные вкрутую яйца. Всё это я прибрал себе.

Главный сюрприз меня ждал в двух мешках. Того старшего, который, похоже, все-таки кончился – по его телу пробегала судорога агонии, – и того с ТТ. Там были пачки советских рублей. По примерным прикидкам тут было около миллиона. Быстро подсчитав, я понял, что не ошибся. Похоже, они взяли кассу или инкассаторов и ушли в бега, пока не повстречались со мной.

Я стал собираться. Вся еда ушла в мой сидор. Еле запихнул, но всё же влезла. Деньги и одежда ушли в два мешка, оба я закрепил на велосипеде, один на руле, другой на багажнике. Котомка всё так же на боку, сидор за спиной. Только после этого, убедившись, что всё держится крепко и горловины завязаны, я направился к опушке, а оттуда к дороге. Кто-то скажет, что я забыл упомянуть про оружие. Двустволку я зашвырнул в кусты. Некуда её было грузить, да и патронов всего шесть штук. Пистолет ТТ и наган главаря я забрал с собой, как и два приличных ножа с неплохим балансом, остальное бросил на месте, может, кому пригодится. Мне оно не нужно.

Вернувшись на дорогу, я привычно уже сунул руку в косынку и, поблёскивая очками, покатил дальше. Одет я был в серые штаны, тёмно-серую рубашку и сапоги, а на голове кепка, спасающая от зноя. Среди беженцев, которых, кстати, на дороге стало заметно меньше, я удалялся от фронта. Тот, похоже, ещё держался.

По этой трассе я ехал ещё около часа, пока впереди не блеснула речушка. Как и все, я проехал через охраняемый мост, но дальше свернул на тропинку и остановился на заросшем кустарником и камышом берегу. Там я пополнил все ёмкости водой, потом умылся, отряхнулся от пыли и хорошенько отмыл свою посуду, даже песочком отскрёб. Только после этого я вернулся на трассу, а чуть позже ушел на второстепенную дорогу.

За этот день я ещё один раз был свидетелем обстрела дороги с воздуха. Атаковали простых людей, ни одного военного или тем более техники не было. На моих глазах девочку лет пяти приподняло и разорвало в кровавых брызгах. Я пообещал себе, что буду резать немецких лётчиков штурмовки до последнего. До последнего лётчика, естественно.

Я двигался до самого вечера, стараясь поддерживать скорость, и уходил от фронта всё дальше и дальше. Канонады я, естественно, не слышал, а вот немцы летали. Но бомбардировщиков за весь день я так и не увидел.

Крутить педали до Москвы у меня никакого желания не было, поэтому я решил воспользоваться попутным транспортом. Было три варианта: авто, авиа и железнодорожный. Железнодорожный, естественно, пасут, авиа –

это если только угнать, но подставлять командиров частей не хотелось, так что выбор пал именно на авто. Оставив по левому плечу Могилев, я продолжал крутить педали, пока не нашёл способ сократить дорогу до Москвы. Всё очень просто. Угон.

Идея сама по себе была неплоха, но у кого угонять? Моё мнение таково: или у представителей политической элиты, которая, как саранча, драпала от немцев любыми способами, включая автотранспорт, или у бандитов вроде тех, которые на меня напали. С учётом того что как раз у банды добыть машину очень сложно, в основном за неимением оных, я и решил пойти по первому варианту – у представителей властей, всяких секретарей и иже с ними. Не думаю, что с учётом подступающих немецких войск кто-то будет особо разбираться в этом деле. А я перерисую номера на машине и поеду в тыл. Нужно ещё подумать о запасах бензина, да и вообще о маршруте.

Карта у меня есть, но она до Смоленска, все броды там указаны – мостами пользоваться небезопасно, – буду по ним пересекать реки, а если по мосту, то ночью.

Приняв решение, я на ближайшем перекрёстке свернул влево и направился в сторону шоссе, что вело из Могилева в Смоленск. Если где и ловить попутку, то только там. Лучше всего брать полуторку: и кушает не так много, и пройдёт везде, в этом я уже успел убедиться. Убегая от боевых действий, такие драпающие деятели, несмотря на напряжёнку с горючим, должны брать его с собой побольше. На этом и сыграем. Таких дезертиров из политической элиты я за время путешествия с беженцами видел немало. Они, гады, даже мебель с собой умудрялись увозить. У одного за «эмкой» следовало три грузовика, набитых личными вещами, из кузовов торчали шкафы, диваны, разобранные кровати, частично укрытые покрывалами или брезентами от пыли. Лучше бы, урод, подобрал тех, кто пешком идёт. Детей было много. Так что таких грабить сама судьба велит. Да и не считал я их достойными людьми, сволочи через одного, таких ограбить – милое дело.

Выбравшись на шоссе, я пристально отслеживал автотранспорт. Искомые субъекты встретились всего два раза. Причём они были очень похожи: две «эмки», только за одной следовала полуторка, набитая вещами, а за другой – ЗИС. Что в кузове грузовика, я не рассмотрел, он был тентованный. Из окна одной «эмки» выглядывала голова дога, в заднее окно второй торчали листья пальмы.

Эта трасса привела меня в небольшой городок, забитый беженцами. Я благополучно миновал посты, банально их объехав, и въехал в город по

второстепенной дороге. Там пост был, но плюшевый, красноармеец меня без проблем пропустил. А на главном въезде блокпост да сотрудики НКВД, все машины и телеги обыскивали.

Через этот городок проходила железная дорога, и я слышал гудки паровозов. Что-то дымилось, вроде не до конца потушенного пожара. Узкие краснокирпичные улицы старого города – разъехаться трудно – были полны народом, местным и приезжим. Слушая разговоры беженцев и местных жителей, я удивлённо поднял брови. Многие говорили, что немецкая авиация снизила свою работу. Например, второй день как бомбёжки стали очень редки, а если и бомбят, то лишь два-три самолёта. Думаю, это потому, что в обеих авиагруппах ещё не пополнили лётный состав из других подразделений или из тыла.

У райотдела три милиционера грузили в кузов ЗИСа какие-то ящики. Эта машина мне не подходит. Были ещё машины, в основном армейцев, но три явно принадлежали местным партийцам, что покинули свои рабочие места до оккупации их районов немцами.

Моё внимание привлекла новая на вид, но пыльная после дальней дороги полуторка. Видимо, её недавно только получили, объездили, и вот нагруженную до предела гоняли по полевым дорогам. Предположу, что она недавно въехала в город, раз водитель не успел её помыть.

Прислонив рядом с машиной велосипед к забору и поглядывая, чтобы его не увели, я обошел машину по кругу. Водителя не было. Ключей тоже, то есть вообще. Там был тумблер для включения зажигания, так что увести её просто: повернул, поставив на нейтральную, потом кривым стартером завёл и поехал. Кузов крытый. Я незаметно откинул полог и увидел внутри мебель, по крайней мере у заднего борта стояли два стула, дальше кухонный буфет и вроде матрасы, и узлы с бельём.

Быстро проверив, что на меня никто не обращает внимания, я распустил завязки тента сзади, снял четыре стула и, скрипнув зубами от боли в плече, поставил там велосипед и снова завязал тент. А стулья отнёс к забору и поставил там. Пусть, кто хочет, присядет и отдохнёт.

Только я отошёл от машины, как появились хозяева: крупный мужчина, по одежде и виду обычный шофёрюга, и золотозубый пухлый живчик, он постоянно что-то лопотал водителю и заливался смехом.

– Простите, это ваша машина? – предварительно сняв очки, поинтересовался я. Да и волосы тоже на одну сторону зачесал, чёлку сделал. Сменил, так сказать, имидж.

– В чём дело, товарищ? – нахмурился живчик.

– Товарищи, мне нужна машина, чтобы вывезти воспитанников детского дома, и...

– Простите, – перебил меня, покачав головой, живчик. – Я понимаю вашу проблему и честно отвечаю. Мы занимаемся вывозом архива администрации Кобрин, у нас на руках все документы, и не можем мы ничем вам помочь.

– Понятно, – грустно вздохнул я. – Мы можем поговорить где-нибудь в стороне? Я успел заглянуть в кузов... – договорить я не успел. Живчик, стрельнув глазами туда-сюда, ухватил меня за рукав и потащил в проулок, из которого они вышли.

Мы находились уже в частном районе. Высокие заборы и узкие улицы, неподалеку колонка, рядом с ней десяток беженцев с ёмкостями для воды. А затащили меня в полупустой проулок, ведущий на соседнюю улицу. Куда они ходили, не знаю, но явно не хотели афишировать, что у них есть машина.

Что-то успокаивающе бормоча, живчик завёл меня в проулок, и мы встали в тени вишни, свисавшей над забором. Я не понял, что за ахиною

тот несёт, бессвязный набор слов, но тот, видимо, понимал, что делает. Как только пожилая женщина с двумя детьми, видимо внуками, покинула проулок и там никого не осталось, шофёр внезапно обрушил мне на затылок сцепленные в замок руки. А живчик – пырнул выкидным ножом. Ни то, ни другое у них не получилось. Нож я перенаправил в грудь шофёру, а удар пришёлся по голове живчика. Даже добивать не пришлось, у того шея хрустнула. А шоферюга, или кто он там был, не знаю, силён! Его тоже добивать не пришлось, рана оказалась смертельной.

Быстро обыскав тела, я нашёл документы и путевые листы для машины. Это или воры, или агенты немцев. Я торопливо покинул проулок и подошёл к машине. Осмотрелся. Всё было тихо, и я по-хозяйски открыл дверь и подготовил управление. То есть проверил, на нейтральной ли стоит машина, включил зажигание. Дважды крутнув кривой стартер, чуть не взвыл от боли в плече, но завёл грузовичок. Заняв место водителя, я понял, что искали в городе эти двое. Похоже, в баке было всего литров двадцать бензина. Фигня, найдём.

Убрав руку в косынку – всё, больше не буду её тревожить, ну нафиг, – левой рукой я включил скорость, предварительно дважды нажав педаль сцепления и дав газу, и стронул грузовик с места. Тот был хорошо загружен, шла полуторка тяжело. Свернув на первом же повороте, я поехал в сторону рынка, который приметил ранее, нужно распродать всё это барахло из кузова. Кроме моих вещей, естественно. Конечно, это риск, но у меня больше риска окончательно повредить связки, самому кантуя вещи в кузове, а так продам по минимальной цене, так ещё сами и разгрузят, да и возможно, с топливом помогут. Люди разные бывают. Главное, на ментов или их агентов не нарваться. Стрельбу устраивать с ними не хотелось. Тут только один минус – мой возраст. Никто не поверит что я водитель этой машины, так что придётся что-то придумывать, импровизировать, так сказать. Где бы накладные усы купить?

Я благополучно доехал до рынка. Ох, и узкие тут улицы, на велосипеде-то трудно проехать было, а на грузовике вообще атас! Развернул машину и сдавая задом, встал у входа. Не успел заглушить мотор и покинуть кабину, как ко мне подскочил парень лет двадцати:

– Продаёшь что?

Наткнувшись на изучающий взгляд, я приподнял верхнюю губу, показывая острые зубы, и ответил:

– Мебель да барахло всякое. Продаю или меняю на бензин.

– Я схожу за покупателем, не уезжай.

– Валяй, – кивнул я и, пройдя к заднему борту, одной рукой развязал

тесёмки и залез в кузов. Нужно изучить товар перед продажей.

Внутри было душно, но с оценкой я не ошибся, довольно приличная мебель и всякое барахло. Проверая тюки, я убедился, что в них ничего ценного не спрятано, вес как у обычной одежды или белья, да и прощупал на всякий случай. Хотел ещё мебель на тайники проверить, однако меня отвлек стук о левый борт. Покинув кузов, я мельком глянул на уже знакомого парня и внимательно рассмотрел пожилого мужчину, который сразу мне кого-то напомнил. Мысленно пририсовав ему пейсы и шляпу, я понял, что вижу настоящего еврея.

– Полная бочка бензина, пара полных канистр – и забирайте всё, что имеется в кузове, кроме велосипеда с поклажей, – предложил я и откинул тент, показывая товар.

Парень снял велосипед – я не мог, и так с трудом его туда поднял, – и помог старичку подняться в кузов. Минут десять тот осматривал всё, что я выставил на продажу, попытался торговаться, но посмотрел на моё лицо и понял, что бесполезно. Знаю я их, покупаешь за одну цену, а платишь другую. Меня один такой на яхте развёл.

– Хорошо, молодой человек, я согласен, – наконец сказал он. – Проедем ко мне домой, там всё есть. Миша, лезь в кузов.

– Миша тоже поедет в кабине, – непримиримым тоном сказал я. – Уместимся.

– Я лучше на двуколке, – улыбнулся старик и направился в сторону местных «таксистов».

Парень по моей просьбе крутнул ручку кривого стартера, вытащил и передал мне его, после чего мы покатали к выезду из города. Старик жил на окраине. Скоро мы были на месте, заехали во двор и подогнали машину задом к открытым воротам амбара.

Паренёк со старшим братом под нашим со стариком присмотром разгрузили машину.

– Знаешь, а ведь машина и вещи краденые. Думаю, хватит с тебя и одной канистры бензина, – задумчиво сказал старик, когда с разгрузкой было закончено.

– Мы договорились, – напомнил я, нахмурившись. При этом мельком глянул, как старший парень грозно тискает вилы.

– Теперь договоримся о другом, – ответил старик и замер, когда я направил на него ствол пистолета. Как и откуда я его извлёк, похоже, все трое так и не поняли. Левая рука у меня всегда была быстрой.

– Вы первыми начали. Если бы выполнили уговор, остались бы живы.

– Но... – побледнел старик.

– Я не оставляю свидетелей, – покачал я головой. – Показывай свои закрома. Вы, двое, двигаетесь перед своим папашей и без глупостей. Я целые подразделения немцев вырезал, что мне ваша семейка.

В амбаре, куда из машины переносили мебель и всякое барахло, имелось всё, что мне требовалось. Даже два ящика тушёнки. Я указывал стволом на то, что забираю, а парни таскали это в кузов машины. Две бочки с бензином, две канистры с машинным маслом, ещё четыре с бензином и две пустых, для воды. Два ящика с тушёнкой, мешок с горохом, мешок с картошкой, полмешка гречки. Я так понял, старик был перекупщиком на рынке. Под причитания старика выбранное погрузили в машину. Туда же подняли и велосипед с моими вещами, который до этого стоял у правого борта. Потом парни убрали доски, по которым закатывали бочки, закрыли борт, завязали тент – я проверил, чтобы без халтуры – и отошли в сторону, угрюмо глядя на меня.

– Ладно, я сегодня добрый, живите, – подумав, объявил я, заметив в окне дома бледное женское лицо.

– У тебя оружие не заряжено, – сказал парень постарше.

Он частенько поглядывал на меня, мысленно прикидывая, как напасть и обезоружить. Всё это читалось на его лице, да и сейчас он явно не хотел, чтобы я вывез их припасы. Понятно, что не все, но тем не менее.

Засмеявшись, я отошёл от заднего борта, подошёл к софе, которую недавно выгрузили из моей машины, осторожно вытащил из косынки правую руку и, взяв одну из подушек, прижал к ней ствол пистолета и нажал на спуск. Старик, похоже, понял, что я собираюсь сделать, дёрнулся, но не успел. Раздался приглушённый выстрел, со стороны похожий на выхлоп глушителя автомобиля, и этот идиот упал на землю, вереща и держась за ногу. Тяжёлая пистолетная пуля попала ему в колено.

Вообще странно, что они с братом не в армии, хотя должны быть, видать отец откупился, а теперь точно не попадёт, калека на всю жизнь.

– Ну что, убедились, что оружие заряжено? – криво усмехнулся я. – Заткните ему рот и несите в дом. Там перевяжете.

Те так и поступили, а я запустил двигатель, открыл ворота и уехал. Стартер крутил левой рукой, и ведь получилось.

Отъехав на соседнюю улицу, я остановил машину, оставив её тарыхтеть на малом ходу, взял с пола припасенную канистру с бензином и стал заливать горючее. Опять пришлось правую руку задействовать. Ничего, залил, убрал канистру в кузов и поехал дальше. Километров на двадцать пять – тридцать хватит, а потом видно будет. Что мне не нравилось в конструкции машины, бак был под капотом, а не за кабиной, как

я привык, то есть прямо перед водительским местом. Заливать неудобно.

Покинул город я тем же путём, что и въехал, по второстепенной дороге. Я успел изучить документы и путевые листы, взятые трофеями у тех блатных, и понял, чем они занимались в городе. Как раз эти документы у своего человека и получали. Бумаги были новенькими, краской ещё пахли и марали ею же. До первого поста, короче говоря. Мне они уже не пригодятся, так как надежды на них никакой.

А городок я действительно покинул спокойно, по той же улице, где стоял красноармеец. Он остановил меня и потребовал разворачиваться, машинам выезжать тут было запрещено, мол, я не путник. Пришлось вырубить его левой рукой и спрятать в кустах вишни, показав язык двум девчушкам, что смотрели на меня огромными глазами. Так и выехал из города. Дальше просто. Переехав трассу, ушёл по одной из второстепенных дорог. Когда я покинул городок, было семь часов вечера.

Топлива мне хватило на сорок три километра. Когда машина вдруг начала чихать, я вынужден был свернуть на обочину. Дорога была практически пустой, так что я не опасался неожиданных встреч. Патрулей тут куда меньше, чем в прифронтовой зоне, я бы даже сказал, практически нет. Стояли на главных дорогах да на въездах в населённые пункты. А за второстепенные дороги отвечали участковые, в случае чего вызывая помощь на перехват.

Мотор заглох, так что машина катилась по инерции на нейтральной. Нажав на тормоза, я остановил её. Выключив тумблер зажигания, поставил на скорость и, со стоном потянувшись, выбрался из кабины. Машина мне эта нравилась, видно, что первый водитель о ней заботился, поэтому я надеялся добраться на ней до Москвы без поломок и других неприятностей. Правда, такое состояние не освобождало меня от необходимости постоянно за ней следить, но я особо не печалился. В кузове был инструмент в ящике, так что есть, чем отремонтировать машину в случае лёгкой поломки. Запчастей, естественно, у меня не было.

Сделав лёгкую разминку, чтобы разогнать кровь, я осмотрелся. На дороге были трое путников, похоже беженцы: взрослые мужчины толкали тележку с какими-то узлами, по внешнему виду братья. Я их недавно обогнал. В стороне у роши – группа людей. Человек десять. Потянувшись в кабину, я достал из котомки бинокль и присмотрелся. С расстояния в километр я рассмотрел знакомые лица, обосновавшиеся у костра. Кажется, они там что-то пекли, котелка не было. Да и так у них его не было. Сбоку под деревьями я рассмотрел воткнутую палку и плащ-палатку, натянутую в виде навеса. Да, это были Милена с детьми и её товарищи по

несчастью. Все эти женщины – жёны командиров РККА из одной части, поэтому и держались вместе. Их вместе эвакуировали из военного городка под бомбёжкой, вместе пережили атаку истребителей на их колонну. Так вместе и шли, восемь женщин и одиннадцать детей от года до двенадцати.

– Хм, считайте, вам повезло, – весело хмыкнул я.

Убрав бинокль обратно в котомку, я захлопнул дверцу и проводил взглядом бредущих хмурых мужиков. Здоровые, возраст призывной – почему не в армии?

Наконец я приступил к заправке. Это было сложно с одной рукой, всё же правую я берёг. Зато не нужно было бегать с канистрами. Развязав и откинув тент, я забрался в кузов и подошёл к бочкам, что стояли сразу за кабиной. Тут же в ряд стояли канистры. Взял прихваченный у старика трёхметровый шланг, сунул между тентом и бортом у водительской дверцы. Потом выбрался из кузова и дотянул шланг до горловины бака. Дальше понятно: опять вернулся в кузов, открыл бочку и сунул другой конец шланга внутрь.

Я вернулся к баку и, немного подсосав, сунул конец шланга в бак. С гулом туда хлынул бензин, а я стоял и отплевывался. Пока горючее из бочки переливалось в бак – шланг всё-таки коротковат оказался, – я достал пустую канистру и поставил её у переднего колеса. Когда бак был полон, я сунул шланг в канистру и, пока та заполнялась, закрыл крышку бака. Поднялся в кузов и вытащил другой конец, после чего закрыл бочку. Канистра залилась на две трети, но я даже капли не хотел терять. Убрав всё в кузов, я проверил масло. Уровень был на нижней отметке. Вздохнув, я полез за канистрой. Нужно долить. Также проверил и остальное. Машина новая, всё было в норме. Закрыв задний борт и тент, я взял из кабины ручку стартера, подготовил машину к запуску двигателя и крутанул ручку. С третьего раза движок всё-таки схватился и затарахтел на малом газу.

Вернувшись в кабину и привычно положив ручку на пол, я стронул машину с места и в уже сгущающейся темноте поехал дальше, чуть позже включил фары. А когда доехал до беженцев, свернул и на первой скорости, очень медленно, переваливаясь по никогда не знавшему плуга полю, направился к их лагерю.

Те меня уже ждали и с интересом наблюдали, как я разворачиваю машину и, предварительно осветив опушку фарами, загоняю полупорку под деревья. Заглушив двигатель, я покинул машину и направился к женщинам.

– Доброй ночи, – весело поздоровался я. – Гостей не ждали?

– Артур? – неуверенно опознала меня Милена.

– Он самый, – так же весело ответил я, поглаживая по голове прижавшуюся ко мне её шестилетнюю дочурку. Та меня тоже узнала. – Значит, так, у меня есть машина. Завтра с утра едем на Москву. Куда вам нужно, мне не интересно, я еду на Москву. Кто хочет, может ехать со мной. Продовольствие и горючее на весь путь имеется.

– Машину угнал? – прямо спросила одна из женщин. Не уверен, но вроде жена майора, командира штаба стрелковой дивизии.

– Отбил у бандитов. Те убили водителя и сопровождающего, а я отобрал у них. Такой ответ вас устраивает?

– Но нужно сдать её милиции.

– Ясно, – констатировал я. – Вы идёте пешком. У кого ещё вопросы есть и не жалко детей?

Больше вопросов не было, на Москву так на Москву. Потом я командовал молодыми женщинами, чтобы они доставали из кузова провизию, да и сидор свой распотрошил. Общий же котёл, хоть и в одни ворота. На костре бурлила вода в моём котелке и литровой кружке – все хотели чаю, хлеб для бутербродов был, тем более скоро он совсем в сухари превратится. Я освободил велосипед от поклажи, то есть от мешков, и убрал их на переднее сиденье. В кабине я поеду один, остальные в кузове.

С водой проблем не было, в глубине рощи по дну оврага тёк небольшой ручей. В общем, пока готовился ужин, я направился в поле, где виднелись стога скошенной травы. Какой-то крепкий хозяин накосил, а вывезти не успел. В кузове не было лавок, и сидеть планировалось на полу. Я решил натаскать в кузов сена, всё мягче будет. За мной увязались пяток детишек, так что они тоже потрудились. Сходили мы раза три. До стога было метров триста, поэтому усовершенствование кузова заняло продолжительное время.

В общем, ужин был готов, даже картошки напекли в углях. Поглядев на скатерть, которую я прихватил как раз на такой случай из краденых вещей, я сел во главе стола и дал команду:

– Налетай!

Сметали всё, что было, я же ел спокойно бутерброд с салом, который держал в руках. Неторопливо пережёвывал, всё равно моя очередь на чай вторая, первый заход весь ушёл детям. Когда ёмкости опустели, одна из женщин сбегала за водой и снова подвесила емкости над огнем. Так и поужинали, попив под конец чайку.

Наблюдая, как дети носятся вокруг, лазают по машине, я без музыкального сопровождения запел, вызвав улыбки у женщин:

В каждом маленьком ребёнке,  
И мальчишке, и девчонке,  
Есть по двести грамм взрывчатки,  
Или даже полкило!  
Должен он бежать и прыгать,  
Все хватать, ногами дрыгать,  
А иначе он взорвётся, трах-бабах!  
И нет его!

Каждый новенький ребёнок  
Вылезает из пелёнок  
И теряется повсюду  
И находится везде!  
Он всегда куда-то мчится,  
Он ужасно огорчится,  
Если что-нибудь на свете  
Вдруг случится без него!<sup>[1]</sup>

Некоторые дети устроились на ночь в кузове на сене, которое я накрыл одеялами и плащ-палаткой, чтобы не кололось, остальные кто где. Мне даже пришлось куртку свою уступить одной девушке, чтобы та укрылась. Умывшись в ручье и почистив зубы, я вернулся в лагерь. Посмотрел на часы – было пол-одиннадцатого, – залез в кабину, устроился на сиденье в полусогнутом состоянии и почти сразу уснул, подложив под голову практически пустой сидор. Там лишь одежда была, так что он с успехом заменил мне подушку. Установку я себе дал проснуться на рассвете, то есть в полпятого.

Проснулся я первым. Остальные ещё спали, когда, немного повозившись в кабине, я выбрался с сапогами в руках и, стараясь не шуметь, намотал портянки и вбил ноги в сапоги, сидя на подножке машины. Потом прихватил зубную щётку с полотенцем и направился к ручью. Нужно умыться.

Я привычно обнажился по пояс и, плеская на себя ледяную воду, шипел от удовольствия. После чего воспользовался полотенцем, накинул рубаху и направился в лагерь. Рука уже не так болела, но я всё равно держал её в косынке.

Я подумывал сменить сапоги на простую обувь, однако после недолгого размышления передумал. К этим портянки у меня есть, а носки к штиблетам отсутствуют. Потом при возможности прикуплю.

Подхватив котелок и кружку, я сходил за водой и развёл костёр. Треск веток разбудил женщин, спавших неподалёку. Пришлось уйти к машине и делать вид, что занимаюсь осмотром мотора и ходовой, чтобы не смущать их. Полчаса там топтался, а когда меня позвали, выяснилось, что чай готов, как и завтрак. На завтрак мы решили вскрыть десять банок тушёнки, как раз хватит всем. Только вот хлеба не было, вечером всё съели, а галет было мало, по три штуки каждому. В принципе хватит, а потом мы закупимся в каком-нибудь городке.

Не сказать, что фигуристые девушки и женщины меня не волновали, приходилось думать о чём-то отвлечённом, иначе организм с головой выдал бы меня. Две девушки особенно были в моём вкусе. Одна уже с годовалым малышом, другая ещё не залетала. Да и другие женщины были очень даже ничего, однако я не хотел заводить с ними шуры-муры. По моральным принципам. Вот в Москве найду пару девчат или женщин повзрослее, и уж оттянусь так оттянусь. Да и грязные эти были, двоим иголка и нитка требовались, чтобы привести платья в порядок. Я, кстати, после завтрака выдал им швейные принадлежности, пока остальные собирались. Ну, а когда все были готовы, уместил пассажиров в кузов и закрыл борт, оставив открытым тент, чтобы было чем дышать.

Завести мотор мне помогла женщина с плечами как у борца. Один раз прокрутила, тряхнув крупными грудями, второй, и мотор затарахтел, это уж потом я её к остальным посадил. Вернувшись в кабину, я стронул грузовик с места. Полуторка, переваливаясь на ямах и кочках, выехала на дорогу. Набрав крейсерскую скорость, но чтобы пассажиров не растрясло, я стал управлять грузовичком одной рукой. Та женщина, кстати, что вопросы хитрые задавала, ехала с нами, взял я её все-таки.

Когда закрывал борт, сказал, что на обед мы остановимся в каком-нибудь городке, сходим в столовую, деньги есть. Но перед этим встанем на каком-нибудь водоёме, чтобы все привели себя в порядок, постирались и помылись. Мое предложение встретило молчаливое одобрение. Ночевать я также планировал у воды, чтобы покупаться всласть. Очень уж плавать люблю, особенно в жару и в тёплой водичке.

Обещание я своё сдержал. Оставив далеко в стороне Смоленск, мы до десяти часов колесили по дорогам Союза, с каждым километром приближаясь к столице. Ни много ни мало, а сто двадцать километров проехали, преодолев два брода. Двигались только просёлочными дорогами, стараясь держаться вдали от населённых пунктов. Дальше трофейная карта заканчивалась, так что поедем наугад, или по учебнику географии, который

я продолжал таскать с собой. К сожалению, из-за пассажиров приходилось ехать не так уж быстро, двадцать пять – тридцать километров в час, максимум сорок, да и то на спуске. Одного ребёнка сильно укачивало, вот я и не разгонялся.

Когда мы проехали очередной брод, я встал на другом берегу и велел стираться и купаться. Мыло из своих запасов выдал, а сам отошёл в сторонку, чтобы скрыться от чужих глаз. Разделся, бросил одежду отмокать у берега и залез в приятно-тёплую воду. Накупавшись, обмылком постирал одежду, потом неловко выжал её и бросил на кусты, чтобы высохла под жарким июньским солнцем. Или июльским? Что-то я счёт дням потерял. Портянки тоже постирал. Потом вернулся в воду и продолжил купание. Судя по визгу у брода, остальные также развлекались купанием и, надеюсь, стиркой. Громче звучали, конечно, детские голоса.

Выбравшись на берег, я лёг на траву голышом и, подставив тело солнцу, прикрыл глаза. Когда у брода стихли голоса, я не сразу отреагировал, а когда раздался визг одной из девушек, а потом разом вопли детей и возмущенная ругань остальных женщин, я сразу подорвался. Моментально в обеих руках оказалось по пистолету – второй ТТ и наган, взятые трофеями у бандитов, я ещё утром почистил, пока попутчики спали, – и мгновенно оказался на верху склона и рванул к броду.

С первого же взгляда мне стала ясна ситуация. Пляж у брода я выбрал для лагеря не случайно: дно и берег здесь были песчаными, очень чисто, для купания самое то место. Воды до середины колёс. Машину я поставил в двадцати метрах от деревьев, явно специально высаженных. Сквозь эту посадку и вела дорога от брода. Дальше вроде было поле, но мы находились в низине, поэтому не очень видели. То есть место удобное и скрытое. Женщинам тоже понравилось, и они не возражали против него.

Но внезапно из-за деревьев к броду вылетело две пролётки, набитые мужиками, причём сильно пьяными. А тут десяток обнажённых женщин, прикрывающих свои прелести! Вот парочка, не обращая внимания на детей, и попыталась уговорить «мамзелей» на перепихон. Алкоголь вообще им мозги вырубил, или они из бандитов, хотя по внешнему виду не похожи. Я выскочил к пляжу, когда один из громил лапал понравившуюся мне девчонку, годовалый сын которой ползал на берегу, с интересом поглядывая на взрослых дядей.

А я-то думал, мне показалось всхрапывание лошадей и перестук колёс. Больше всего мне не понравилось не то, что лапают женщин, которые под моей защитой, а то, что один из мужиков открыл кабину и пытался

развязать горловину мешка с деньгами. Вскинув руки, я выстрелил по разу из каждого пистолета. Оба раза попал точно в цель – в голову тому, что, пьяно покачиваясь, возился с моим мешком, и в шею второму, на которого хотела налететь орда остальных женщин и забить, да не успели.

– Ты что творишь?! – с возмущением спросил один из мужиков, стремительно трезвея.

Всего их было четырнадцать, восемь банально спали в пролётках, остальные с ухмылками смотрели за тем, что делают их товарищи. По этим, выйдя из-за кузова, я и открыл огонь на поражение. Быстро расстреляв магазины – остальные валялись на берегу с другими вещами из карманов, – я подошел к кабине, достал из сидора наган и под ошарашенными взглядами женщин произвел выстрелы в упор для контроля на всякий случай. Подранков не было. В живых осталась лишь спавшая в пролетках восьмерка. К ним у меня претензий не имелось, они не участвовали в охоте на женщин и не подбадривали товарищей, как это делали другие. Может, и шутили, мне на то было начхать, но не стоило пугать детей. Я их, правда, больше напугал, но тут ничего не поделаешь, не ножами же было работать. Такое зрелище как-то неприятнее.

Только тут обнаружив, что все мы обнажены, я прикрылся одной рукой, организм, скотина, подвёл, среагировав на обнажённые тела, поэтому хмуро бросил женщинам:

– Собирайтесь, скоро поедем.

В спину я услышал неуверенный вопрос:

– Почему ты их всех убил?

Всё так же прикрываясь, организм и не думал расслабляться, из-за чего некоторые женщины порозовели, стреляя в меня глазками, я обернулся и спросил:

– А что, не надо было? Подумайте, что бы они сделали с вами и детьми.

– Всё правильно, – выскочила вперёд та женщина с плечами борца, мать четверых детей. – На что просились, то и получили. Наши мужья воюют, а тут эти хари здоровые по тылам разъезжают, как будто не было никакой мобилизации.

– Так мы и праздновали. Шестеро наших получили повестки, – едва расслышал я. Один из алкашей в повозке уже сидел, держась за голову, и обозревал окрестности.

– Пить меньше надо, – бросил я и направился за вещами.

Нательное белье, которое я первым постирал, уже высохло, его я и надел, а также накинул слегка влажную рубаху. А то плечи что-то припекать начало. Не забыв перезарядить оружие, я собрал все вещи, неся

в одной руке сапоги, в другой одежду, и пошел к машине.

Женщины уже оделись, но влажные платья облегли их тела, показывая каждый изгиб. Ну, те, что постарше, так себе были, фигуры расплываться начали, а на молодых было любо-дорого посмотреть. Правда, мне как-то не до того было, да и гормоны потихоньку спадали. Пойдя к грузовику, я достал из сидора боезапас и начал снаряжать расстрелянные магазины и барабан.

Одевшись, я убрал всё оружие – что за пояс, а что положил на сиденье – и подошел к женщинам. Они помогали одеваться детям.

– Кто этим оружием владеет? – показал я наган.

Оказалось, все, причём те, что постарше, даже призы какие-то там брали на соревнованиях между жёнами комсостава.

– Подумайте и скажите. Кто в подобной ситуации способен без колебания выстрелить в человека? Без душевных страданий и неуверенности.

После недолгого спора вперёд вытолкнули Нину Андреевну, ту самую заступившуюся за меня женщину. Вручив ей револьвер, я пронаблюдал, как она уверенно проверила его на снаряжённость, и отсыпал в руку десяток патронов.

– Стреляйте всегда на поражение, – посоветовал я. – Меня рядом может и не быть. Ну, всё, грузитесь, пусть эти сами тут разбираются.

Нина Андреевна привычно завела машину. Оставалось полбака, так что заправляться пока не требовалось, и мы, ревя мотором, поднялись на холм и выбрались на дорогу. Судя по карте, тут было довольно крупное село, но далеко от центральных транспортных узлов и дорог, поэтому я не удивился, когда на въезде не обнаружил привычного блокпоста. Впрочем, мы уже прилично удалились от фронта. Лишь милиционер, попавшийся навстречу, мазнул по нам взглядом.

Точки общепита в этом селе мы не нашли, но одна старушка показала, в которой стороне находится стихийный рынок. Там торговали жители ближайших деревень. Мы накупили разнообразной еды: пирожков на всех, да ещё взяли с собой в бумажных пакетах, чтобы на вечер осталось, также купили хлеба и зелени, ну а я – котёл десятилитровый и два жестяных ведра для воды. Про посуду – ложки, миски и кружки – тоже не забыл. Почти сразу мы направились дальше. Перекусили пирожками на рынке, поэтому до вечера остановки не планировались, я хотел проехать ещё хотя бы полторы сотни километров.

Услышав привычный стук, я поморщился и остановил машину, не

глуша двигатель. Опять кому-то из детей приспичило. На моей памяти, мы за этот день самое долгое два часа ехали не останавливаясь – то одному приспичит, то другому. Дети же.

В зеркало заднего вида я пронаблюдал, как две женщины с детьми направились в придорожные кусты. Место для остановки я выбрал удобное. Взял с сиденья бинокль и, открыв дверцу, встал на подножку и осмотрел дорогу впереди. Видно было километра на три. Дорога периодически ныряла в низину, дальше был поросший лесом холм, дорога обходила его с левой стороны. Кажется, впереди будет деревня, строения какие-то видны.

Вернувшись в кабину, я достал атлас и, открыв нужную страницу, нахмурил брови. Эх, мне бы нормальную карту, да со всеми ориентирами. А то практически наугад едем. Указаны были только города, посёлков не было, так что мы больше крались, чем ехали, хотя от предыдущего села удалились километров на восемьдесят, всего один раз останавливались на дозаправку. Уже пятый час вечера, ещё часа два, и можно вставать на ночёвку. Я надеялся за это время проехать километров тридцать. Дороги плохие, часто приходилось пересекать речушки или искать объездные пути... не-е, на велике всё же быстрее было. У каждого способа передвижения есть плюсы и минусы, но на грузовике ехать мне все-таки больше нравится, тут хоть есть, кому заботиться о пище, причём готовят куда лучше меня, хотя себя я считал неплохим кулинаром. Да и плечо не напрягаю.

Когда машина закачалась и хлопнул задний борт, я услышал:

– Поехали.

– Ну, поехали так поехали, – включая первую скорость, я стронул машину с места. Дорога здесь позволяла ехать быстро, только на ямах я притормаживал.

\* \* \*

– Неужто Москва? – Нина Андреевна подошла ко мне со спины.

– Она, – кивнул я, не оборачиваясь.

Мы стояли на холме рядом с негромко тарахтящей полуторкой и смотрели на окраину столицы вдаль. Другие мои пассажиры также покинули кузов и остановились рядом, разглядывая златоглавую.

– Куда сейчас? – спросила Нина Андреевна.

За последние пять дней женщины полностью приняли моё главенство, хотя больше никаких неприятных случаев вроде того, что было у брода, не было. Мы ехали, ели и спали под открытым небом. Сегодня в обед сделали

остановку у озера, чтобы привести себя в порядок.

– О том, что ехали со мной, лучше не говорить. Я довезу вас до Белорусского вокзала. Сделаете вид, что прибыли на поезде из Белоруссии. Денег на первое время дам, а там разберётесь.

– Оружие?

– Себе оставьте. Может пригодиться.

Три женщины были москвичками, так что знали, куда им направиться, остальные ещё пребывали в раздумьях. Местные предлагали ехать с ними. Ничего, зайдут в Наркомат РККА, сообщат, кто они, у всех есть документы, там помогут. Это я им посоветовал.

– Едем, – негромко скомандовал я, и мы стали рассаживаться.

В баке оставалась всего треть, поэтому я предварительно заправил его из канистр. Причём сам, вот уже сутки, как я стал осторожно работать правой рукой. Пока нормально, не тянуло и не болело. Я закрыл задний борт и передал пустые канистры, чтобы их сложили у борта со стороны кабины. Там хранилось всё моё имущество и оставшееся продовольствие, остальное мы подыели. Я занял водительское место и стронул машину с места.

Через час, счастливо избежав патрулей, мы проехали один армейских пост, где нас не остановили, и въехали на территорию Москвы. В городе я заплутал, пришлось в кабину сажать одну из местных. Мы остановились неподалёку от Белорусского вокзала, и я попрощался со своими попутчиками. Грустно было расставаться, но что поделать! Подарил им на прощание парашют, который они быстро нарезали ровными кусками на всех. Стропы себе забрал, пригодятся.

В Москву мы въехали часов в шесть вечера, а в седьмом часу я направился в частный жилой сектор, нужно было найти место для постоя. Машина изрядно палила меня, да и вещи тоже. Поэтому я подумывал от них избавиться. Пока ничего в голову не приходило, кроме как просто бросить, но мне эта идея не нравилась.

Жилье себе я нашёл не сразу. Наконец, местная жительница рассказала, где сдаётся угол и при этом есть двор с высоким забором, куда я могу загнать машину. На меня при этом поглядывала настороженно – палил меня возраст, – но всё же на вопросы отвечала. В общем, я доехал до адреса и, договорившись с хозяйкой, загнал машину во двор, а сам устроился на сеновале. Меня покормили, и чуть позже я уснул. Надо было в кузове на одной из тихих улочек лёжку себе устроить, нет, захотелось домашнего тепла и солений!

Никто меня не будил, милиционеры не врывались, чтобы скрутить руки, так что выспался я просто отлично. Да и проснулся ровно в восемь часов, как и велел своему внутреннему будильнику.

Хозяйка встретила меня приветливо и сообщила, что через час придёт участковый знакомиться, и предложила накрыть стол для завтрака. Однако я как-то резко заторопился и сообщил, что мне нужно отогнать машину на базу, подходит её очередь на плановый ремонт.

Запустив двигатель грузовичка, я открыл ворота, выгнал его на улицу, но когда закрывал ворота, заметил, что в мою сторону с соседней улицы спешит сотрудник милиции. Уверен, что это тот самый участковый. С такого расстояния я звания не рассмотрел, но вроде из младшего начсостава. Быстро пройдя к кабине, я занял водительское место и, стронув полуторку с места, сразу набрал приличную скорость, а на перекрёстке сразу свернул. Я направлялся в центр города.

В одном месте мне на глаза попался заросший пустырь. Ненадолго остановившись, я убедился, что рядом никого, и спрятал там сидор, котомку и кое-что из своих вещей. После этого направился дальше. Моё внимание привлекла сберкасса на одной из центральных улиц. Я аккуратно припарковался у входа, мельком посмотрев на патруль из двух сотрудников милиции, стоявший на перекрёстке, и подхватил набитые деньгами мешки.

Помещение сберкассы было большим, да и народу хватало, в том числе в очереди скучал один милиционер.

– Всем стоять, это ограбление! – громко заявил я, сжимая в правой руке ТТ, а в левой мешок. Второй висел на плече.

Все замерли в изумлении, лишь сержант нахмурился, взглядом прикидывая расстояние для броска, вооружён он не был, хотя и в форме.

– Ой, нет, не так сказал, – тут же поправился я и задумался на несколько секунд, после чего посмотрел на потолок и, ни к кому конкретно не обращаясь, спросил: – А как называется, когда человек хочет силой заставить государство забрать у него деньги?

Теперь задумался не один я, меня в недоумении стали разглядывать как посетители, так и кассиры. В это время внутрь зашёл очередной посетитель, и я взмахом пистолета велел ему присоединиться к остальным заложникам.

– Значит, так, – сказал я. – В этих мешках где-то около миллиона рублей наличностью. Случайно достались, перебил бандитов, которые кого-то ограбили в Белоруссии. Я хочу, чтобы эти деньги направили в Фонд обороны и купили на них истребители для наших лётчиков. Один

«Як-1» вроде сто тысяч стоит, вот как раз на десять аппаратов. Ещё хочу, чтобы на каждом было написано: «От Артура Александрова назло нацистам». Если что, Александров – это я собственной персоной.

Две кассирши приняли у меня мешки и начали пересчитывать деньги под моим контролем и взглядами посетителей.

– Эй, а квитанцию? – возмутился я, заметив, что они закончили.

Мне выдали не только квитанцию, но и десяток формуляров на подпись.

– Хорошо, – убирая бумагу в карман рубахи, довольно сказал я. – Теперь дальше. У других бандитов я отбил новую машину, «ГАЗ-АА». Откуда они её взяли, я не знаю, но хочу эту машину передать в Наркомат внутренних дел для служебного пользования. А то ловят они меня, ловят, а всё поймать не могут. Номер машины НС-4820. Стоит перед окнами сберкассы, можно сразу забирать, сержант, я думаю, проследит за этим.

Я получил ещё одну квитанцию. Может, и не по инструкции работали, вряд ли у них такие случаи были, но импровизировали на славу.

– Идём, поможешь мне, – велел я сержанту. Думаю, кассиры или бухгалтер пытались подать сигнал тревоги, но я умный, я провода перерезал на входе.

Я опять спрятал оружие под куртку, и мы вышли на улицу. Милиционер расшнуровал тент, достал велосипед и поставил его на колёса.

– Бывай, – кивнул я ему и, оттолкнувшись, покатил вниз по улице, мельком обернувшись на перекрёстке.

Сержант молодец, быстро среагировал, подзывая патруль. На велосипеде я ушёл через проходные дворы и подъезды. Просто скрылся с глаз. Добрался до пустыря, переделся, снова нацепил очки, сделал прямой пробор и покатил обратно в центр. Там по телефону-автомату связался с двумя редакциями, военной и столичной, и анонимно сообщил о том, что произошло в сберкассе. Особенно военных корреспондентов заинтересовало такое вложение средств в оборону, обещали ярко расписать его, чтобы и другие граждане подтянулись. Об этой возможности я тоже намекнул.

Ну, а потом, заехав в хозяйственный магазин и купив навесной замок, отправился в один из районов Москвы – в газете заметил объявление, что там сдаются сараи в долгосрочную аренду. Велосипед меня палил, его сержант видел, да и вещи с того пустыря нужно убрать в безопасное место, и таким я считал арендованный сарай. Нужно посмотреть, подойдёт он мне или нет.

Неторопливо катаясь по улочкам Москвы, я не забывал отслеживать

происходящее вокруг. Прохожих много, машин мало да одежда другая – вот и все отличия от той Москвы, что я помню. Немного напоминает Москву моей второй жизни, когда я очнулся в том же, но молодом теле. Кстати, я ведь тогда, как и Гриша при первом оживлении, все-таки в чужом теле оказался, хоть и двойника. Это что получается, при первом переносе все Посредники занимают чужие тела? Тогда у Гриши это был первый перенос, а сейчас с помощью меня у него началась четвёртая жизнь. Ладно, что-нибудь придумаем.

Я неторопливо катился по узким московским улочкам и с улыбкой вспоминал о том, что произошло в сберкассе. Естественно, весь этот фарс был мной совершён с одной целью – найти Гришу, и шанс был. Как только в газетах появится информация, немцы наверняка пошлют своего человека всё разнюхать. А мне потребуется его вычислить. Если Гриша у немцев, а это вполне возможно, попробую выйти на него таким способом. Операция не сложная, но вполне действенная. Заодно подчищу Москву от немецких агентов. Так что остается только ждать выхода газет.

Деньги и машину я передал государству с ясной головой, в трезвой памяти и без давления, как вы понимаете. Просто подумал, что это хорошая идея, заодно поможет выявить нацистских агентов. Фамилия вкладчика должна появиться в газетах, я сообщил её представителю редакции, и немцы не смогут не отреагировать. А так эти деньги мне в принципе были не нужны, и того, что имелось, хватало, зато в реальное дело пойдут, а то местные лётчики совсем сдулись, немцы полностью контролируют небо, да и для других граждан это будет хорошим примером. А машину так отдал, издевался, конечно, но пусть их.

Дел запланировано много, поэтому надо поспешать: схрон оборудовать, а лучше два, агентов выявить, недельку отдохнуть в мирной, не перешедшей пока на военные рельсы Москве – и можно отправляться к немцам. Да-да, я уже определил, что говорю практически без акцента, так что рванём в Берлин. Если не получится в Москве вычислить интерес ко мне Гриши, то в Берлине у высших офицеров абвера смогу это сделать. Полюбому если Гриша здесь, то он засветится, и я получу нужную информацию.

Может, ещё как повеселюсь. Так-то обычно у меня игривое настроение, но на этой войне оно куда-то стало пропадать, ветераны и историки не лгали, начало войны и лето сорок первого – это самый страшный период Отечественной войны. Может, отойду душой тут, в Москве, и ко мне вернётся обычное настроение? А то у меня сжалась внутри стальная пружина отморозка и никуда не исчезала. Вот раньше я особо не любил

вспарывать живот, брезговал как-то, предпочитал точечные уколы для ликвидации, но немцы меня так завели с началом войны, что как-то разом это стало моим любимым способом убийства разных нелюдей. Я даже наслаждение получал, вот что страшно. Я это прекрасно осознавал, понимаю, что сам стал в некотором роде нелюдем, однако пока ничего поделаться не мог, но одно я знал точно: если продолжу, то стану полным отморозком, который в первое время с трудом сдерживает свои инстинкты, а потом вообще теряет границы. Оно мне надо? Вот именно, не надо, поэтому я и приехал в Москву, а плечо – так, для отмазки. Мне нужно отойти от всего, что было, прийти в себя. Если не получится, есть два способа вернуть себе душевную гармонию, причём мной же испытанные. Первый – это воды тёплых тропических морей. Я получал умиротворение, когда ходил под парусом на своей яхте в Индийском или Тихом океанах. Два месяца, и я буду в норме. Главное, чтобы пара девок были под боком, а то спермотоксикоз скоро пробку выбьет, и так попутчицы последние дни мне постоянно глазки строили и провоцировали, но я держался. Моральная дилемма. Я не мог спать с жёнами тех, кто воюет на фронте. У меня свои моральные принципы, которых я старался придерживаться. Рога поставить какому-нибудь первому или второму секретарю – это одно дело, а вот воину, проливающему кровь на передовой, совсем другое.

Второй способ тоже прост: умереть и переместиться в следующий мир. Хоть должок отдам тем, с кем общаюсь между перемещениями. Я про архангелов. К встрече я уже был готов, может, какие проценты выбью за лишение всех личных умений. Это я про способность лечить и использовать огненный меч. Вот такие дела.

Честно говоря, первый способ был самым любимым, и если внутреннее напряжение не спадёт, то придётся прибегать к нему. В том, что я восстановлю внутреннюю гармонию под парусом в Индийском океане, я был уверен на все сто, способ долгий, не менее чем на пару месяцев, но главное, действенный. Не нравится мне перевоплощение в полного отморозка, а я с каждым днём теряю границы. Та поездка от прифронтовой зоны до Москвы, конечно, не дала этой болезни развиваться, а я считал это болезнью, но всё же ничем не помогла. Мне нужно стать самим собой, и для этого требуется время, проведённое в тишине с самим собой, а его у меня пока не было. Вот я и подумывал всё бросить.

Конечно же, я думал о том, что мне снова подселили «жучка» эти гады из Рая, как в прошлый раз, пытаюсь сделать меня добрее, однако противопоставить, в отличие от прошлой жизни, пока было нечего. Да и тогда не сразу пришёл в себя, иначе Николаю-предателю не подставился

бы так глупо. Одним словом, после того, как меня подло убила Мэй, я как-то сразу стал воевать, но я ведь тоже человек со своими тараканами в голове, мне тоже нужно время, чтобы прийти в себя. А его не было. Нет, нужно искать тихое место и релаксировать, иначе превращусь в такого монстра, что мир вздрогнет, и обратного пути стать нормальным человеком у меня уже не будет. Я это понимал как никто другой. А я себя любил и терять самоуважение категорически не хотел. В общем, нужно думать.

Я решил немного видоизменить свои планы. Эту неделю проведу в Москве, и всё свободное время пушу на написание очередного пакета информации Сталину, но уже технической направленности, чтобы они знали, куда стремиться. Вычислю немецких агентов в столице, проведу допрос и анализ полученной информации. Всё это между процедурами личной релаксации, то есть между сексом. Найду парочку партнёрш и буду отдыхать с ними, хоть немного снижая внутреннее душевное напряжение. Потом сделаю выводы из полученной информации и направлюсь в Берлин, по пути на фронтах совершу пару диверсий – что именно, не знаю, что попадётся на глаза. В Берлине отловлю и проведу допрос нужных офицеров, и если Гриша тут, то выясню его местоположение и ликвидирую. Пока тот топчет землю, никакого душевного спокойствия и гармонии у меня не будет, я его слишком ненавижу за прошлые дела, чтобы оставлять жить. Мэй меня, конечно, тоже интересовала. Так хотелось ей в глаза посмотреть и головёнку открутить, но она меня искать не будет. Сядет в родных местах в засаде и будет ждать, как паучиха раскидывает сети. Искать её бесполезно, уверен.

Ну, а потом мне прямой путь через всю Европу или в Италию, или в Британию. Там куплю яхту, и под всеми парусами в тёплые моря, отдыхать душой и телом. Другого нормального способа восстановиться я не знаю. Родные берёзки и поля мне не помогают, а тропики, особенно когда солнце вечерами опускается в воды океана, очень. Да и не нужно мне другого способа.

В столице я неплохо ориентировался. Жил в ней в двух мирах, однако эта довоенная Москва была немного другой. Да и улицы иначе назывались. Ведь многие герои этой войны ещё не стали Героями, и улицы носили старые наименования.

Остановившись на перекрёстке, я мельком посмотрел на табличку с названием улицы. Пропустил машину и пересёк проезжую часть. Судя по всему, я на месте. Осталось найти нужный дом и пообщаться с тем, кто отвечает за аренду складов. Как я понял, те не были частными. Интересно,

что мне предложит государство? Лабаз мне не нужен, хватит крохотного сарая, где уместится велосипед и часть имущества. Замок, напомню, я уже купил.

Дом я нашёл не сразу, мало того что по улице пришлось катиться довольно долго, так ещё здание конторы спряталось в сквере. Первым делом выяснилось, что за аренду отвечает женщина-бухгалтер. Она отказалась со мной ехать, просто описала, что сдаётся, и, получив деньги за месяц аренды, выдала мне ключи и квитанцию. Моему возрасту она ничуть не удивилась. Оказывается, эти склады пользуются спросом. Держат там в основном рыболовные принадлежности, лодки и тому подобное, но часто с родителями приходят и дети. Подростки тоже были, но чуть старше меня и с документами, а у меня только записка от родителей с просьбой выдать сыну ключ за склад. Да-да, пока было время, я набросал стремительным почерком записку от якобы отца. Фигня, конечно, но прошло. Женщина записку забрала и вложила в документы аренды, и всё. Назвался Александром Артуровым.

Записав адрес и номер склада, я пошёл к выходу, а оттуда уже на своём двухколёсном транспортном средстве, с которым я много всего пережил, к складам. Те, оказалось, располагались неподалеку от Москва-реки, часть даже практически на берегу, те, что побольше, куда лодка влезет. Я нашел свой склад по написанному мелом номеру на двери, открыл его и осмотрел пустое помещение. Квадратов пятнадцать будет, брал самый маленький. Земляной пол, три уровня полок на двух стенах – и всё. Света нет. Однако сразу можно понять, что его до меня уже арендовали, и хотя мусор был прибран, остались гвозди, приспособленные вместо вешалок, от стены к стене – старая верёвка с крючьями для сушки рыбы.

Я закатил внутрь велосипед, закрыл на свой замок – старый оставил на полке – и подошёл к соседнему сараю с открытыми воротами. Тот был побольше, и внутри у мотоцикла-одиночки возился мужчина лет тридцати.

– Доброе утро, сосед, – поздоровался я.

– Доброе-то доброе, только уж день начался, – ответил тот, мельком посмотрев на меня.

– Это точно, – согласился я. – Вы давно этот склад снимаете?

– В смысле арендую? Их года два как построили, можно купить или арендовать. Мой выкуплен.

– Сломался? – спросил я, кивнув на мотоцикл.

– Нет, просто деталь одну меняю. Мне повестка пришла, послезавтра уйду в армию, мотоцикл брату оставляю. Подарком от меня будет.

– Понятно. Ну ладно, всего хорошего.

– Бывай, – кивнул тот, не отрываясь от своего занятия.

Оставив его звенеть ключами о металл, я направился по складским рядам к выходу. Все строения были из дерева и просты до изумления.

В землю врыты столбы, обшиты горбылём, крыша покрыта чем-то вроде толя. Не знаю, кто придумал и осуществил такое чудо – сдавать и продавать, но чую, он неслабо на этом наварился. Склады пользовались спросом. Их тут полтысячи, по моим прикидкам, а свободны всего четыре.

На трамвае добравшись до пустыря, я забрал свои вещи и вернулся на склад. Там было всё по-прежнему. Разве что сосед исчез и ворота его гаража были закрыты. По дороге я прикупил кое-что из одежды, так что переоделся в костюм со штиблетами и превратился в городского парня, который то ли кончает школу, то ли поступает в техникум.

Начистив штиблеты, я надел очки и проверил в зеркальце, как выгляжу. На меня смотрел молодой паренёк интеллигентного вида. Закрыв склад, я направился к выходу. Третий час, а я даже ещё не завтракал. Запасов у меня с собой не было, в основном сыпучее, да и то осталось в машине, поэтому я решил посетить кафе или ресторан. Пообедать и заняться, наконец, делами, то есть купить конвертов, тетрадь с писчими принадлежностями, и приступить к работе по изложению информации о техническом развитии разных стран и особенно Союза до его развала.

За обедом дело не стало. Я зашёл сначала в парикмахерскую, подровнял причёску, и только потом вошёл в ресторанчик в соседнем здании. Официанткой там работала молодая девушка. Я неторопливо принимал пищу, просматривая только что купленные газеты. Информации о происшествии в сберкассе не было, да и газеты-то были позавчерашние, они, оказывается, раз в три дня выходят, так что ждём следующего выпуска.

После обеда я зашёл в магазин канцтоваров и купил всё необходимое, включая недорогую школьную сумку для всего этого.

Только потом я направился на речку. Вечер, духота, хотелось искупаться. На реке я пробыл часа два. Плавал по волнам, изредка поглядывая на свои вещи, сложенные на берегу. А то знаю я, сразу ноги приделают, а у меня там крупная сумма, нож и пистолет, не считая недавние покупки, и не самая дешёвая одежда.

Мне даже катера и буксиры, ходившие по реке, не мешали плавать, и я задумался о возможности постоя. Снимать комнату или квартиру – это светиться на всю Москву, наверняка всем участковым выдали моё описание, и те меня с собаками ищут и расспрашивают жителей подведомственных территорий. Со временем найдут и тот склад, я в этом уверен. Именно поэтому искать место для реального постоя я не собирался. Я решил пользоваться помещением незаметно для хозяев. И снова подумал о детских садах. На ночь их закрывают, и кроме сторожа, там никого не

бывает. Неделю протяну, а дальше покину столицу. Это основной вариант, который я рассматривал как реальный. Был ещё один, но запасной. Можно найти охочую до секса одинокую женщину с жилплощадью и остановиться у неё. Но тогда факт моего проживания с ней быстро установят, любой сосед сдаст, что та с дитёнком встречается. То, что тут стучат все и на всех, меня уже не удивляло. Причём стукачество называют пролетарской сознательностью. Так что если какую бабу найду, то только для мимолётных свиданий, и то незаметно и ненадолго, иначе вычислят. Спасибо добрым соседям.

После купания я поехал в Ленинскую библиотеку. Я знал, что читальный зал работает до полуночи. Царившая там неразбериха и какая-то суета мне не понравились. Одна женщина пояснила, что идёт эвакуация самых ценных книг. А читальный зал работает, можно посидеть.

При мне документов не было, поэтому на меня завели карту читателя. Данные я дал те же, что и при аренде склада: Александр Артуров. Расположившись за столом, я достал несколько тетрадей, конверты, писчие принадлежности, циркуль, линейку, ластик, карандаш и остальное, и начал творить.

**Москва. Кремль. Приёмная Сталина.  
1941 год, 5 июля, 14 часов 54 минуты**

– Проходите, товарищ нарком, – обратился Поскрёбышев к сидевшему на диване Берии.

– Ну, что у тебя там, Лаврентий, нашли? – ещё у порога спросил хозяин кабинета.

Сталин сидел за столом за высокими стопками документов. Он занимался какой-то работой. Берия вопрос понял, так как ещё утром звонил Сталину с том, что Оракул-1 находится в Москве и оригинально извещает о себе.

– Нет, ушёл, Иосиф Виссарионович. Он ведь профессионал. Ищем, может, повезёт.

– Давай в подробностях, что там было в сберкассе.

Берия коротко рассказал со слов очевидцев и под конец добавил:

– А нам, паршивец такой, машину подарил. Я её в отдельный батальон погранвойск отправил, там грузовиков не хватает. В остальном всё точно, миллион с хвостиком, получается как раз на десять истребителей. Он ещё и в редакции газет позвонил и красочно описал свой поступок, но звонил якобы инкогнито. Предложение его меня заинтересовало, пожертвования граждан в Фонд победы – отличная идея, её можно развить. Газеты и радио помогут. Доклад об этом у меня с собой.

– Нужно только организовать этот фонд, – задумчиво пробормотал Сталин, изучая доклад. – Но ты прав, идея замечательная, и нужно её развить. Добавлю, можно поручить это товарищу Калинин, думаю, он справится. Действуй, – кивнул Сталин.

В последнее время Оракул-1 их мало интересовал, разве что своими действиями, отчеты о которых поступали с фронтов и из тыла немецких войск от разведчиков и подпольщиков. Об уничтожении лётного состава двух полков уже все были наслышаны. Причина такого охлаждения была в том, что появился Оракул-2, причём не относящийся к Посредникам. Когда он услышал об этих Посредниках, был сильно удивлён. Главное, что он подтвердил всё написанное в письмах Оракула-1 и даже продемонстрировал вещественные доказательства, в том числе книги.

– Как там Михаил?

– Гуляет со своими по парку, уток в пруду кормят. Охрана усилена в три раза. Вечером продолжим общение. Его эти ЖК-телевизоры – отличная штука. Я уже десяток фильмов посмотрел.

– Организуй и мне просмотр.

– Уже всё готово, осталось только доставить сюда оборудование.

– Тогда вечером, – кивнул Сталин, и они обсудили, что ещё получить с Оракула-2, и как это применить. Ведь Оракул-2 будет с ними слишком короткое время, но задержать они его не могли согласно договору о сотрудничестве, поэтому изучали списки того, что тот может им предложить на обмен.

Следующим утром я посетил рынок и небольшую столовую и направился в библиотеку продолжать работу. Ночевал не в детском саду, как планировал. Прошлым вечером мне приглянулась молоденькая библиотечарша, что заводила на меня учётную карту читателя, и я за несколько часов лёгкими разговорами и улыбками втерся к ней в доверие и умудрился в одном из помещений её соблазнить. Та, видимо, сама не понимала, как это у меня получилось. Потом мы поехали в ее комнату в коммуналке и там продолжили знакомство. А утром расстались. Маша направилась в библиотеку, а я, с трудом скрывая довольную улыбку – ох, и поскрипели мы кроватью на радость соседям! – направился на рынок. Нужно было купить подарки Марии. Похоже, та сожалела о том, что наделала, я всё же считался ещё ребёнком – ха! Вот и нужно её задобрить и намекнуть, что не против дальнейших встреч.

К сожалению, девушка, отведя меня в то помещение, где я впервые её поцеловал, непреклонным тоном сообщила, что ночь была ошибкой и больше этого не повторится. Но подарок – нашейный шёлковый платок – взяла, значит, шанс у меня был. Нужно дать ей время, так как в этой утехе я превзошёл себя, и было видно, что поразил девушку. Мужчины у неё, видно, были, есть с чем сравнивать. Ничего, переночую сегодня в детском садике, уже присмотрел один такой, но честно говоря, жаль. Одной конфеткой я не наелся после месячного голодания, мне пару недель нужно, чтобы слегка притушить топку страсти. А так, честно говоря, ещё хуже стало. Даже сейчас пишу письмо Сталину, а у меня эротические воспоминания и стоит колом, из-за стола встать не могу.

Несмотря на фантазии, я всё же плотно работал, практически не перерываясь, лишь к обеду ко мне подошла Маша с кипой свежих, ещё пахнущих типографской краской газет.

– Саша, вот, как ты просил, вся подборка газет на сегодня, – она положила эту кипу на край стола и с интересом осмотрела разбросанные по нему листы. – Что это?

Посмотрев на рисунок, в который она тыкала пальцем, я пояснил:

– Внешний вид трёх единиц бронетехники, техописание на обратной

стороне. Тут рисунки БМП, БТР и БРДМ.

– А для чего это?

– Книгу о будущем хочу написать, вот готовлю макет.

– О-о-о, – протянула та, распахнув прелестные глазки и открыв очаровательный ротик. – Пойду в буфет схожу, чая тебя принесу. Что будешь, конфеты или печенье?

– Кексы, – тут же ответил я. Мне уже удалось их оценить, и я был в восторге.

Я искоса проводил взглядом ушедшую Машу. За столом библиотекаря осталась женщина постарше, и я приступил к изучению газет. В пяти из шести было сообщение о вчерашнем происшествии в сберкассе, причем в трёх – на первой полосе. Корреспонденты отлично поработали. Сообщали, что даже подростки несут сбережения для помощи воюющим войскам, и, мол, даже сам товарищ Калинин взял этот вопрос под контроль, пообещав, что десять истребителей, выпущенные на мои деньги, обязательно попадут на фронт и на каждом будет дарственная надпись. Также Калинин пригласил прославившегося на весь Советский Союз Артура Александрова в Кремль для получения государственной награды за весомый вклад в развитие государства. Намёк был ясен, но я на него реагировать не собирался. Как я уже говорил, встреча с представителями власти меня не интересовала.

А насчёт славы на весь Союз, хотя газеты вышли сегодня, это было правдой, и узнал я об этом из тех же газет. Оказывается, обо мне вчера по радио сообщили, а я и не слышал!

Закончив запланированное на сегодня, на что ушло около часа, я не забыл попить чая со ставшими моими любимыми кексами, собрался и покинул библиотеку. Вещи отнёс к себе на склад, там переоделся под простого дворового паренька и, забрав велосипед, босиком с закатанными до колен штанинами покатил в центр города к той самой сберкассе.

Всё же моя чуйка не подвела, шныряли-таки у сберкассы агенты немцев. Им нужно было добыть моё внешнее описание, и они очень старались. Приметил я уже третьего подозрительного мужика за последние полчаса. Сперва моё внимание привлекла «эмка», которая остановилась на соседней улице. Сберкасса находилась рядом с перекрёстком, и я со своего наблюдательного пункта всё видел. Из машины вышел водитель, хотя внутри явно кто-то оставался, и направился к толпе у сберкассы. Это были зеваки, которые расспрашивали других таких же зевак, что тут вчера происходило. Покрутившись среди этой толпы, но не заходя в здание,

шоферюга вернулся к легковушке, чем и привлёк моё внимание. Быстро скатившись с чердака четырёхэтажного дома в подвал, я резанул верёвки на руках одного из одиннадцати мужчин и трёх женщин, что там сидели связанными, сообщил, что они могут работать, и выбежал на улицу. Забрал прислонённый к забору велосипед и поехал следом за «эмкой», она как раз проезжала мимо подворотни, из которой я вырулил. Это был жирный гусь, я чувствовал.

За весь день я поймал трёх агентов немцев и одиннадцать агентов милиции и госбезопасности, двое были в штатском. Перед уходом я как раз освободил одного из таких. Все были связаны стропами от немецкого парашюта и с кляпами во рту. В общем, провел я допрос всем, быстро вычислив, кто есть кто, а так как сидели они в одном подвале, то после моих допросов знали всё друг о друге, а я умел вытащить правду. В общем, агентами немцев была местная шушера, пусть госбезопасность с ними работает, мне они не интересны, поэтому я и направился за «эмкой». Мне нужен агент глубокого залегания, которого подняли на мои поиски. Надеюсь, я не ошибся и передо мной едет именно тот, кто нужен.

Поработал я хорошо, но недостаточно. Был шестой час. Приотстав, я следил за легковушкой. Та подъехала к зданию Наркомата лёгкой промышленности, из неё вышел грузный пожилой мужчина в солидном костюме и скрылся внутри. Судя по тому, как ему почтительно кивнули двое выходящих из наркомата, он там был немалой шишкой. А вот водитель поехал в обратную сторону. Подумав, я последовал за ним. Как оказалось, не зря. Видимо, в толпе он вычислил реального свидетеля – я сразу узнал женщину, бывшую в сберкассе, – вот и напросился к ней в гости, а на выходе из многоквартирного дома я его и взял. Вырубил, сунул в машину под многочисленными изумленными взглядами прохожих. Был вечер, большинство москвичей уже вернулись с работы, и у меня просто не было выхода. Сунув на заднее сиденье велосипед, я покинул этот район. Из местных никто не успел среагировать и помешать, хотя и пытались.

Вырубил я водителя крепко, тот находился без сознания, пока мы не доехали до складов. Я остановил машину, хорошенько связал водителя, вытащил велосипед и угнал к себе на склад. Всё это заняло минут двадцать. Потом с пленным уехал к реке, загнал легковушку в кустарник. Там вытащил тело с переднего сиденья и похлопал по щекам, приводя в сознание. Вырубил я его, похоже, крепко, так что пришлось надавить на одну точку, пока не очнулся и не застонал. Не громко, кляп я не вытаскивал.

Когда тот немного пришёл в себя и стал соображать, я показал ему несколько удостоверений, пачку денег и пистолет.

– Неплохой набор для немецкого разведчика, – сказал я. – Удостоверение водителя Наркомата лёгкой промышленности, даже путевой лист имеется, удостоверение сотрудника НКВД, капитана, сотрудника милиции и даже сотрудника политотдела, старший политрук. Неслабо, надо сказать, однако подделка явная. Не умеют у вас в абвере стоящие подделки делать. Гражданские ещё поведутся, а сотрудники ГБ с ходу распознают фальшивки. В том, что ты немецкий агент, я уверен на сто процентов. Допрос ты можешь не пережить, но расскажешь всё, будь уверен. Меня другое занимает. Лицо больно уж у тебя знакомое. Я всё пытался вспомнить, где тебя видел. Потом вспомнил и понял, что ошибся. Мне в начале войны пришлось поучаствовать в уничтожении банды диверсантов, что пыталась захватить мост стратегического значения, так вот командовал этой бандой очень похожий офицер, но точно не ты. Того я лично снял из винтовки, а потом, когда проводил зачистку, дважды добил штыком. Поднял винтовку Мосина, надел штык и обошел всех диверсантов, закалывая в грудь. Подранков не хотел получить. У того командира, я хорошо запомнил, отсутствовала фаланга мизинца левой руки, у тебя всё с этим в порядке и ты ещё жив. Не объяснишь мне эту загадку? Брат?

Тот чувства не показывал, даже желваками не играл, лишь что-то нехорошее мелькнуло в его глазах, когда я сказал о гибели явно его родственника. Выдернув кляп, я дал ему сделать глоток из предусмотрительно прихваченной фляги и услышал ответ:

– Господин Александров, несмотря на то что вы успели натворить в тылу наших войск, командование вермахта предлагает вам сотрудничество. Вы должны понимать, что сотрудничество с нами принесёт вам все блага, – заметив мою широкую улыбку, он грустно вздохнул: – Если вы не согласитесь, нам придётся вас уничтожить. Нам не нужно, чтобы у Союза тоже был человек, знающий будущее.

– Тоже? – усмехнулся я и уверенно сказал: – Значит, я не ошибся, Гриша здесь, и он у вас.

– Сам вышел, – подтвердил тот. – Он очень активно с нами сотрудничает. Вы в курсе, что он имеет незаконченное высшее техническое образование?

– Что-то такое припоминаю, – нахмурился я. – Вроде то учебное заведение было связано с оборонкой?

– Да, он учился на инженера ракетных систем и с ходу предложил нам

помочь в создании любых ракет, включая баллистические. Условий у него два: освободить какого-то Бандеру и на кнопку он нажмёт лично. Он хочет сам уничтожить собственноручно сделанными ракетами Москву.

– Вот тварь, – невольно покачал я головой. – Всё гадит и гадит, чего ему не живётся спокойно?.. Ладно, вижу, ты владеешь нужной информацией, так что давай рассказывай. До темноты времени немного осталось, а мне вашего крота ещё навестить нужно. Сам всё расскажешь, или к пыткам приступить?

Тот усмехнулся с презрением и стал делать челюстью глотательное движение, поле чего в изумлении уставился на меня. Усмехнувшись, я показал ампулу:

– Это ищешь? Дураком меня не считай, думаешь, я оторвал тебе воротник с одной ампулой и не проверю полость рта? Нет, парень, пока всё мне не выложишь, в мир иной ты не уйдёшь.

С немцем, а тот был чистокровным немцем, я провозился около часа и, к своей радости, добыл всю нужную информацию. Выяснил, что тот человек из наркомата действительно крот, завербован ещё во время революции. У него есть люди на подхвате, радист-шифровальщик. Я выяснил, как он выходит на связь. Прибыл немец в Москву вчера ночью: совершил выброску с одного из бомбардировщиков, что совершают налёт на Москву. Да-да, такие налёты стали уже довольно частым делом. Так вот, высадился он прошлой ночью в Подмосковье, на попутке добрался до столицы, вышел на крота, тот отправил своего личного водителя в военкомат, пусть отдаёт долг родине, а на его место взял этого резидента. Тот напуган все возможности и даже лично решил пообщаться со свидетелями. Недавнюю свидетельницу он опрашивал под видом сотрудника ГБ в штатском. Ну, и про родственника узнал, брат-близнец тот оказался. Задание у резидента – выяснить всё обо мне, особенно внешность, видно, хотят сравнить с тем, что Гриша дал, убедиться, что я – это я, и если не удастся склонить к сотрудничеству, то ликвидировать. Кстати, когда Гришу спросили, пойду ли я на сотрудничество с Германией, тот чуть живот не надорвал от смеха и с уверенностью ответил, что нет, не пойду. Знает меня, гнида. Теперь я знал, где он находится, и решил встретиться с ним, потолковать по душам, пока он не окочурится. Ловушка? Конечно, ловушка, и резидента этого прислали как манок, но я останавливаться не собираюсь. Нужно действовать.

Тело резидента осталось в кустах – сердце не выдержало интенсивного допроса, даже добивать не пришлось. Все документы я оставил при нем, чтобы сотрудники милиции поняли, кто это, вернулся в машину и поехал

к складам. Там снова оставил легковушку на соседней улице, переоделся на складе под городского парня, очки не забыл, и поехал к наркомату. Надеюсь, крот ещё там, несмотря на позднее время. Резидент сказал, что тот должен ждать в кабинете его возвращения, изображая служебную деятельность.

Комендантский час в Москве не вводили, враг к столице еще не подобрался, поэтому я спокойно доехал до наркомата в начинающихся сумерках. К сожалению, не успел или, на счастье, опоздал. Того крота как раз выводили из здания и сажали в «чёрный воронок». Как на него вышли, я не знаю, но думаю, из-за меня. Брал-то я его водителя на глазах двух десятков человек, номер наверняка запомнили и позвонили куда надо, вот и вышли на него. Вот только как раскололи? Это большевик старой закалки, просто так не стал бы себя сдавать.

Положив обе руки на руль, я задумчиво наблюдал, как к зданию подъехали ещё две машины. Из полуторки посыпались бойцы в форме НКВД и сразу взяли здание под контроль. Внутри, видимо, работали следователи. Машина моя засвечена, поэтому я хлопнул дверцей и неторопливо направился вниз по улице. К наркомату не подъезжал, с улицы наблюдал за происходящим у здания, так что меня не засекли. А машину наверняка быстро обнаружат, если не сейчас, то утром точно.

Ушёл я недалеко, нашёл припаркованную легковушку с поднятой брезентовой крышей, прототип «Форда», и угнал её. Это было легко. Если бы не темнота, справился бы быстрее: за минуту запустил движок. Больше возился внутри, пока искал кнопку стартера. Я отправился к радисту. Вернее, радистке. Женщина работала в одной из районных пекарен и по совместительству была радисткой. Она была дома вместе с семьёй, мужем и двумя детьми, поэтому выкрасть её было сложно, но у меня получилось: вырубил ее на пути в туалет, забросил на плечо и отнёс в машину. Жили они в отдельном доме. Мы поехали за город. За эти дни я присмотрел возможность незаметно покинуть город на машине. По дороге заехали за радиостанцией. Я распотрошил схрон, забрал то, что может пригодиться, и женщина под моим присмотром отбила радиоцентру абвера шифровку. Короткую. Там сообщалось, что резидент серьёзно ранен и засвечен, однако ему удалось получить важные сведения о Плохише – мне такую агентурную кличку дали, видать, Гайдара читали – и требуется его эвакуация. У немцев было шесть точек для посадки самолёта. Я выбрал третью – поляну в лесу Подмосковья. Самолёт прибудет туда завтра в полночь. Подсветка стандартная – четыре раза мигнуть фонариком и зажечь три костра.

Я внимательно следил, как радистка отбивает шифровку, чтобы та не дала условный знак. И подтверждающий знак, что работает без давления и без присмотра, был отослан. Потом, как только она закончила, ударил её ножом под ребро, достав до сердца, – подарил лёгкую смерть. Обещал, и обещания нужно выполнять. К сожалению, несмотря на то что я сам неплохой радист, отбить шифровку я не мог, немцы сразу распознают чужую руку, именно поэтому я и решил использовать их радиста. Ну, а то, что подарил ей лёгкую смерть – так ведь обещал, хотя считал, что она её не заслуживала. Лучше местным передать, те уж её загнобят так загнобят, света белого не взвидит. Завербовали её в тридцать третьем за связь с немцем. Второй ребенок, кстати говоря, был от него, муж об этом даже не подозревал. Он занимал неслабую должность в Коминтерне, но был не при делах. Ну, и обучили её, чему нужно. Много она нагадить успела, активно работала на немцев, так что заслужила. Можно было, конечно, её сотрудникам Берии передать, но она могла выдать координаты посадки самолёта, так как сама расшифровывала ответ, а позже передавала, у меня не было времени. В общем, сделал я всё правильно. После этого покинул заброшенный сарай, откуда и провели передачу. Всё оставил как есть.

Я посмотрел на огоньки небольшого села в двадцати километрах от Москвы и направился к машине. Полуразрушенный сарай этот находился за околицей, так что нам никто не мешал, но я надеялся, что труп с радиостанцией, всеми кодами и шифровками обнаружат быстро. Мы работали довольно долго с одного места, должны были запеленговать. Только ответ немцев я уничтожил, сжёг бумажку. Не нужно местным знать, где я буду ждать самолёт.

Вернувшись в Москву, я бросил машину на первой же улице, пробрался в выбранный садик и спокойно уснул, дав себе установку пробудиться до прихода первых работников.

Когда в небе послышался звук авиационных моторов транспортного «юнкерса», я довольно кивнул. Поверили и направили для эвакуации самолёт. Когда тот приблизился, я четыре раза помигал фонариком и, подхватив факел, побежал к кострам. Облитые бензином костры горели хорошо.

Моторы сменили тональность, и я понял, что транспортник пошёл на круг, сбрасывая скорость. Высота у него и так была небольшой, с километр, и вот теперь немецкие лётчики готовились к посадке. Они-то к посадке, а я к захвату транспортника. Живыми они мне были не нужны. Разве что штурман или первый пилот, чтобы расспросить

о предполагаемом маршруте полёта при возвращении, и где их ждут. Сам я транспортником решил воспользоваться для одной цели – покинуть территорию Союза, перелететь линию фронта и направиться в Германию. Вернее в Австрию, где в одном из сверхсекретных бункеров держали Гришу, он там с немецкими учёными начал работы по созданию баллистических ракет и ракет другого применения. Как бы через несколько месяцев у немцев не появились машины вроде наших «Катюш». Вот такую гниду воспитали в Советском Союзе в моём мире. Немцы говорят – истинный ариец, Гриша про себя говорил «истинный украинец». Что тут ещё скажешь?

Сам сегодняшний день прошёл в обычном режиме. Проведя ночь в садике, я утром умылся и вполне спокойно и незаметно покинул это здание. Позавтракал, потом до шести вечера провёл в библиотеке, стараясь не замечать знаки внимания Марии, похоже, та созрела, но под конец всё-таки не выдержал и пару раз приласкал её в одном из кабинетов, где хранились раритетные журналы. Обедал и ужинал я тут же в буфете.

Вечером, закончив с письмами Сталину, заклеил конверты, надписал, после чего последний раз помиловался с Машей, уйдя от разговора о том, чтобы переночевать у неё, попрощался и бросил конверты в большой почтовый ящик в фойе. Из двенадцати конвертов только в одиннадцати была техническая документация по совершенствованию технологий и оружия, в двенадцатом – сообщение о том, что Гриша нашёл, где он находится, а также предупреждение, что я отправляюсь за ним. В общем, если я не справлюсь, его ликвидация ляжет на плечи советских нелегалов и разведчиков.

Покинув библиотеку, я подошёл к телефону-автомату, бросил в приёмник три копейки и попросил телефонистку набрать номер дежурного Наркомата внутренних дел.

– Алло. Я видел человека, которого вы ищете, Артура Александрова. Он в фойе Ленинской библиотеки кидал в почтовый ящик какие-то конверты... Говорит аноним, – и положил трубку.

Ну вот, сейчас сюда примчится дежурная группа, извлечёт конверты, то есть на сторону они не уйдут, и отправят их куда надо. Да и я буду спокоен. Я подошёл к «ГАЗ-А», служебной машине директора библиотеки, и вырубил водителя. Оставил того лежать на тротуаре и поехал к складу. Эта машина мне уже была знакома, тот самый фаэтон, которым я пользовался ночью для перевозки радистки. На складе забрал вещи, погрузил велосипед – на этот раз не придется ехать с открытой дверью, уместился полностью – и покинул Москву по разведанному маршруту.

Пришлось ехать по берегу реки, то есть по бездорожью, зато благополучно миновал все посты и, выехав на дорогу, через пару часов был на месте и готовился к встрече. И ветки натаскал для костра, и бензин слил из бака, и так далее. В общем, дело осталось за немцами, прилетят или нет. Прилетели. И теперь я стоял в ожидании на опушке и поглядывал, как после второго круга «юнкерс» коснулся поверхности поля и тормозит, ревя моторами.

С тем, что день прошёл спокойно, я немного погорячился. Стоит описать ещё один случай, который надолго выбил меня из равновесия и заставил задуматься. Когда я загнал машину в лес и готовился к приёму немецкого транспортника, к своему удивлению заметил, как по полевой дороге в сопровождении двух ЗИСов, набитых бойцами НКВД, и двух легковушек неторопливо проехал микроавтобус «Форд-Транзит». Не местный. В моём мире, когда я ещё лежал без ног, такие микроавтобусы только-только начали выходить с конвейера. Естественно, я схватил велосипед, котомку с биноклем и рванул за ними. Меня заинтересовало, откуда взялся этот новомодный автобус, который был спроектирован только для асфальтированных дорог.

Уехали они не так далеко, километра через четыре встали, всего в полукилометре от опушки. Я взобрался на вершину дерева и в бинокль наблюдал, что будет дальше. Дальнейшее удивило меня так, что я чуть не свалился с дерева. Водителем микроавтобуса оказался парень моих лет – пятнадцать на вид, не больше. С переднего пассажирского места вышел командир ГБ, но в каком звании он был, не рассмотреть, далековато, но и так понятно, что не ниже майора. Он-то и стал командовать. Бойцы окружили участок поля цепью. А парень, одетый в привычные для меня одежды, то есть в синие джинсы, белую футболку и белые кроссовки, выпустил из салона микроавтобуса семь детей – не старше шести-семи лет, младшим около трёх-четырёх. Потом парень что-то сделал рукой, и раз – микроавтобус пропал. Я даже глаза протёр: водитель и пассажиры на месте, а транспортного средства нет. Исчезло. Потом парень и командир общались минут десять, пока детишки играли вокруг. Там было две пары близнецов, мальчишки и девочки, и другие дети. Моё внимание особенно привлекла девчушка, что всё жалась поближе к парню, светловолосая кроха лет пяти на вид. Когда она тряхнула пышной гривой, я с изумлением понял, что у нее остроконечные эльфийские уши, да и разрез глаз немного отличался от человеческого.

Я был настолько ошарашен, что не сразу заметил, что парень, посмотрев на наручные часы, начал донага раздеваться, потом и детей

раздел. Одежда и все их вещи тоже куда-то пропали. Потом он посадил двоих детей себе на плечи, взял в охапку ещё несколько, те что повзрослее, держались за него, и направился в чистое поле, после чего исчез под моим недоумённым взглядом. Что это вообще было?

Сотрудники НКВД недолго потоптались, оставили одну машину с десятком бойцов, видимо на случай возвращения, остальные уехали. Вот так вот. Я ещё минут сорок сидел на ветке, глухо ругаясь. Не сразу, но сообразил, что этот парень умеет ходить между мирами, и если бы у меня была такая возможность, я бы к нему присоединился, но поезд ушёл. Спустившись, я грустно побрёл к нужной поляне. То, что я видел на том поле, надолго выбило меня из колеи. Более-менее пришёл в себя, лишь когда услышал авиационные моторы. Что бы там ни было, но у меня были запланированы свои дела, и бросать их я не собирался. Гриша ждёт.

Когда самолет, сбрасывая скорость, приблизился к опушке и на инерции развернулся, чтобы потом сразу пойти на взлёт, я покинул деревья и побежал к открывающейся двери. Тут всего метров сто, спринтерский забег. Встречал меня или борттехник, или стрелок с пистолетом в руках. Он первый и умер, получив пятнадцать сантиметров стали в грудь, а я вскочил в салон и открыл огонь с двух рук.

Первый выстрел – в мужчину в лётном костюме, что сидел на десантной скамейке с санитарной сумкой на коленях, видимо медик для резидента. Потом в стрелка и в пилота. Тот, что мне открывал, оказался вторым пилотом или штурманом. Не знаю, кто это именно. Летуна я подранил, специально в мягкое место стрелял, чтобы не повредить приборы. Остальных проверил на предмет подранков, потом подошел к кабине и вытащил из кресла стонущего пилота. Дальше допросил его, заглушил моторы, изучил приборы и выслушал объяснения пилота, как управлять этим самолётом – в принципе, никаких сложностей. После чего выяснил насчет маршрута и где конечная посадка, потом уж добил. Обыскал всех. Трофеи были, но по мелочи. Сложил тела в десантном отсеке. Потом сходил за своими вещами и велосипедом, вымыл сиденье пилота от крови, заодно и пол протёр.

На всё про всё ушло полчаса. Наконец, захлопнув дверцу, я прошёл в кабину, запустил двигатели и провёл предстартовую подготовку. А после недолгого разгона поднял машину в воздух и направился в сторону фронта. Карта с маршрутом у меня имелась, и это радовало.

Я внимательно отслеживал свой полёт: приходилось подправлять курс, так как машину сносил крепкий боковой ветер, – и я всё думал о том парне

с детьми. Кто он? Как тут оказался? Где научился ходить по другим мирам? Сплошные вопросы и ни одного ответа.

У меня было всего чуть больше полутора часов – как раз долететь от Москвы до линии фронта. Летел я на Украину, точнее под Новоград-Волыньск, на один из полевых военных аэродромов, что находился в тридцати километрах от линии фронта. Конечно, дальности у этого типа транспортников не хватит на такой перелёт, но у этой машины были дополнительные навесные топливные баки. Но пока что они пустые. Во время полёта к Москве сначала топливо из них использовали, и только потом перешли на внутренние – чтобы в экстренной ситуации их можно было сбросить, всё же несмотря на аэродинамические формы, они немного тормозят машину, ну и чтобы не остаться без топлива. Так что на обратную дорогу горячее было.

Внизу мелькнула линия фронта. Несмотря на ночь, было светло: там шли бои и пожары освещали местность, я даже танки рассмотрел, что вели огонь на ходу. Часть костров это они и были. Вроде не наши, так как атаковали со стороны позиции немцев. Так вот, как только внизу показалась передовая, я проверил, как летит самолёт. Жаль, тут нет автопилота! Привязал штурвал стропами и побежал в салон. Затащил трупы в кабину, усадил их и пристегнул, после чего вызвал штаб аэродрома, куда и направлялся этот борт. Стараясь изобразить голос хриплым и паникующим, я сообщил, что попал под зенитный огонь противника, машина горит, стрелок и пассажиры убиты, снаряд разорвался внутри, я ранен, пытаюсь посадить машину.

После этого обрезал и забрал стропы – уничтожил улику – и рванул в отсек. Там подхватил и опрокинул канистру с бензином, которую прихватил из угнанной машины. Обливал всё, и кабину тоже, после чего направился к своим вещам. Парашют уже был на мне. Привязал к груди раму велосипеда, открыл дверь и, глянув во тьму внизу, дёрнул за кольцо гранаты и бросил «эфку» на пол к телам в салоне. Оттолкнулся и прыгнул в ночь. Спустя десять секунд свободного полёта я дёрнул выпускное кольцо, а пылающий самолет с дымным хвостом полетел дальше, медленно снижаясь.

Самолёт мне уже был как-то не интересен, отыгранная партия, тем более дальше он вошёл в пике и врезался в землю, вспышку я хорошо рассмотрел. У меня же была одна проблема: совершить нормальную посадку и не поломаться. Дело это тоже непростое, мало того что не видно ничего, так ещё груз на мне, причём такой, которым можно легко травмироваться. Вот я и подготавливался к посадке. Как мог.

К счастью, подо мной оказался не лес и не водоём, а поле, судя по следам, сгоревшее с неснятым урожаем. Пшеница тут росла, я на неё насмотрелся, с ходу узнаю. Тем более в позапрошлом мире, будучи императором, селекцией занимался, так что разбираюсь. Правда, где именно приземлился, понял уже после посадки.

В моём случае гасить скорость, поджав ноги, не получится. Я их, конечно, слегка согнул перед касанием, но не сильно, иначе или себя побью, или велик поломаю, а ни того, ни другого я не хотел. К счастью, посадка прошла нормально. Повреждения ограничились длинной ссадиной на ноге. Быстро скинув сбрую, я скатал парашют, невольно испачкав его в золе, убрал в сумку и, проверив, как закреплена поклажа на велосипеде, побежал вперед. Мне нужно было уйти как можно дальше от места высадки, мало ли кто тут ночью шастает – могли рассмотреть светлое пятно парашюта в ночном небе. Да и дорогу найти не помешало бы, а то оказался посреди поля.

Я обдумывал, как выбраться из зоны боевых действий в глубокий тыл вермахта. В данный момент я где-то в окрестностях Житомира, вернее между ним и Новоград-Волынском. В последние минуты полёта мне было как-то не до того, чтобы осматривать окрестности: готовил самолёт к гибели от «советского зенитного снаряда». Однако думаю, не сильно ошибусь, если предположу, что нахожусь километрах в двадцати от Новоград-Волынска. Где-то недалеко должен быть аэродром, на котором ждали борт.

Наконец поле закончилось, я пробежал мимо двух танковых корпусов – ночь, не видно, чьи они – и, вскочив в седло, покатил дальше, стараясь при свете луны рассмотреть хоть что-то. Глаза немного адаптировались, так что постепенно я увидел дорогу и старался с неё не сворачивать.

До рассвета проехал ещё около двадцати километров и, найдя заросший деревьями и кустарником овраг, устроился там и спокойно уснул. Наступило девятое июля тысяча девятьсот сорок первого года. Наши войска вели тяжёлые бои за Житомир.

Проснулся я, когда начало основательно припекать. У меня был оборудован навес из плащ-палатки, но одна босая нога выглядывала из-под него и получила солнечный ожог. Выбравшись из импровизированной палатки, я спросонья щурился и зевал. Судя по наручным часам, было уже два часа. А по солнцу – двенадцать. Послушав, я определил, что часы стоят. Попытался завести и обнаружил, что колёсико крутится свободно. Видимо, пружинка лопнула. Вздохнув, я снял их и закинул в кусты.

Ничего, немцев тут приличное количество шастает, у кого-нибудь затрофею.

Быстро поднявшись по склону оврага, я внимательно осмотрелся. По дороге шли два крестьянина, отец и, похоже, малолетний сын, да вдали ещё один мужик длинными вилами забрасывал кипы свежескошенной травы на телегу. Убрав бинокль, я скатился вниз и, попив воды, стал делать разминку. Потом позавтракал всухомятку – у меня был узел с пирогами, купленными в одной из столовых Москвы, – попил холодного подслащённого чая из фляжки, собрался, вывел велосипед из оврага и покатил дальше.

При мне кроме велосипеда был сидор за плечами, почти полный, но не туго набитый, котомка – и всё, больше ничего не было. В принципе, обычный набор, и я не привлекал внимания внешним видом. Обогнав тех двоих крестьян, я покатил дальше. Через пару километров вдруг увидел вдали большое количество немцев и самолётные обломки, у которых возились маленькие человечки. Похоже, место падения транспортника. Далековато он улетел!

Немцы из оцепления на меня не обратили внимания, так что, с интересом поглядывая на обломки, я надавил на педали и скоро оставил их позади. Я катил по оккупированным территориям до самой темноты, лишь один раз остановился на ужин. По правому плечу оставил Ровно. Однажды моим имуществом заинтересовались двое полицаев, но они этого не пережили. А вообще полицаи были странные, в красноармейской форме без знаков различия, с мосинскими винтовками и с белыми повязками на рукавах. Ещё у них документы были – я их обыскал, когда тела прятал. Место глухое, свидетелей не имелось, думаю, поэтому эти двое и остановили меня. Так что отработал их и покатил дальше, оставив телегу и коня в кустарнике. Трофеи были, но немного. У лётчиков хоть денег набрал, настоящие рейхсмарки, а не те фантики, что они в Польше толкают и на других оккупированных территориях.

Путь мой лежал в Польшу. Переберусь через границу, а там определяюсь на местности. Мне нужна была железная дорога. На велосипеде катиться до Берлина слишком долго и мучительно... но незаметно. А так, если попробую воспользоваться другим транспортом, могу попасть в поле зрения полиции. Наверняка им дали моё описание. Ладно, по ходу дела посмотрим и решим, как двигаться дальше.

\* \* \*

Прислонив велосипед к правому бедру, я достал бинокль

и присмотрелся. Да, вдали окраины Берлина. Удивляюсь самому себе, но я доехал до оплота нацизма. На велосипеде, не используя никаких дополнительных транспортных средств, кроме паромов через реки – это дважды было. Две недели, и я на месте. Проезжал в среднем по восемьдесят – сто километров. Сперва тяжело было, а потом ничего, втянулся, тем более что у меня уже была обширная практика. Я, конечно, поистрепался, поэтому в Польше и Германии закупился, в том числе камеры и шины для велосипеда, а также запчасти. Мой железный конь неплохо перенёс дорогу, но тоже поизносился. Сколько раз я с ним переправлялся через реки на плотиках из кустарника или других подручных средств. Под дожди попадали, один раз даже под бомбёжку. Встал лагерем недалеко от польского города, а ночью проснулся от бомбёжки. Парочка бомб, видимо случайно, ухнула метрах в трёхстах от моего убежища. Зря я расположился неподалеку от железнодорожной станции, но место уж больно удобным было, да ещё с отличным источником воды, родником, к которому местные жители протоптали тропинку.

Одним словом, я двигался по территориям, контролируемым противником, только своим ходом. На велосипеде. Дороги, мосты и крупные населённые пункты игнорировал. В городки поменьше заглядывал купить провизии на несколько дней или какую-нибудь одежду. Конечно, без эксцессов не обошлось, попадал я в поле зрения разнообразных жандармов, полицейских и других немецких прислужников. Причём практически всех пришлось убрать. Всего-то двенадцать человек было. Так что путь у меня был интересный, хоть и не безопасен, но одно я понял точно: я могу любую страну пересечь практически без проблем. Велик – отличная вещь, на велосипедистов мало кто обращает внимание.

Я убрал бинокль в сумку, оттолкнулся и покатил дальше. За то время, что я двигался по Германии, не только сменил одежду, но и котомку и сидор. Теперь у меня неплохой рюкзак охотника и большая сумка для вещей. Правда, от сидора и котомки я не избавился. Сложил и убрал в рюкзак. Только велосипед оставался тем же. От местных он не сильно отличался, да и сделан был в Польше, судя по штампику, так что тоже не привлекал внимания.

Тропинка под колёсами велосипеда привела меня к укатанной и утрамбованной дороге из щебня. С разгону взобравшись на дорогу, я поехал по обочине, планируя зайти в Берлин с другой стороны. Время было обеденное, я успел перекусить и теперь лениво крутил педали.

Вокруг вполне обычная, на первый взгляд, страна, на полях работают люди, велосипедистов в достаточном количестве встречается. Разве что мне трижды попались зенитные батареи в стороне от дороги, включённые в общую ПВО Берлина. А его ведь бомбят вроде как. Наши или нет, не знаю, но бомбят.

Теперь я не особо прятался и ехал по дороге, а когда впереди мелькнула река, широко улыбнулся и свернул на тропинку, что вела к ней. Когда я ещё помою ноги в Одере?

Прислонив велосипед к стволу ивы, росшей на берегу, я быстро стянул пропахшую потом одежду и обувь – решил заодно постираться, – вытащил всё из карманов и бросил бельё в воду. После чего рыбкой нырнул в теплые воды реки. Хотя нет, прохладные, в России потеплее будет.

Наплававшись, я постирал одежду, выжал её и повесил сушиться. Потом почистил обувь, вернулся в воду и стал беситься, чтобы растратить энергию. У меня её, кстати, в последнее время всё больше и больше становилось. Несмотря на тяжёлую дорогу, постоянные тренировки по утрам и вечерам – я старался довести своё тело до совершенства – у меня всё равно оставалась лишняя энергия. Один раз я её потратил с одной полькой в стогу сена. Там вообще смешная история произошла. Переночевать в стогу решил, а тут молодая полька с корзиной шла, то ли она меня издали рассматривала, то ли шуршание сухой травы услышала, но подошла и заговорила. А когда узнала, что я настоящий чистокровный немец из Франкфурта, да ещё совершаю велосипедное путешествие по генерал-губернаторству, как немцы Польшу называли, то растаяла. Инициатива с её стороны была, видно хотелось ей с немцем переспать. Я не отказался, так что до утра мы в стогу шебуршали. Я потом весь день на ходу зевал, а следующую ночь проспал как убитый, хотя в полночь и проснулся от бомбардировки, о чем уже рассказывал, и заснул снова. Ну, а польке я отдался. Не знаю, почему я столько с собой тот парашют возил, но отдал ей весь купол.

Выбравшись на берег, я лёг на траву и подставил загорелое тело под лучи солнца. Так как полпути я проехал раздетым до трусов, то понятно, что тело у меня загорело до состояния бронзы. Хорошо прожарился, в общем.

Посмотрев на часы – трофей, снятый с одного немецкого офицера, швейцарские, между прочим, – я определил, что пора двигаться в Берлин: шестой час. По реке активно катера и лодки ходили, даже баржа была, потом буксир протарахтел дизелем – в общем, не пустая река, однако время поджимало, и стоило до темноты заехать на территорию столицы. Правда,

я сомневался, что это следует делать: в окрестных населённых пунктах, по моему мнению, контроль был слабее и комендантского часа не было. Правда, как с этим в Берлине, я не знал, но работать из предместья мне было удобнее. Представлюсь так же Адольфом из Франкфурта. Тем более что в этом городе я был, и пару улиц с костёлом запомнил. Специально для этого и заезжал.

Одевшись, я покинул реку и отправился к столице. В километре от её окраины была крохотная деревушка на шесть домов, вот там я и решил остановиться. В деревне я подъехал к колонке и напился ледяной воды до ломоты в зубах.

Заметив на улице дородную женщину в платье ниже колен, улыбнулся, вытирая рукавом лицо:

– Доброго вечера, фрау. Не подскажете, где тут можно переночевать? Я могу заплатить.

– Ты не местный?

– О, нет, фрау, я из Франкфурта. Мои родители работают в Польше, они инженеры, а я жил у бабушки. Испросил её разрешения и поехал в Берлин. Долго ехал, неделю, и наконец приехал. Завтра наконец увижу достопримечательности! У меня есть четыре дня, потом нужно ехать обратно, родители вернутся из командировки.

– Ты смелый мальчик, – с большим интересом к моему рассказу закивала женщина. – В город ехать уже поздно, вот-вот стемнеет. Тебе будет удобно у нас на сеновале.

– Благодарю, фрау, – искренне обрадовался я.

– Иди, устраивайся, а я пока что-нибудь поесть принесу. Сейчас мои муж и сын с поля вернутся, но на всех хватит.

Я ещё раз поблагодарил её. Мы вместе дошли до дома. Звали хозяйку Марта Вранзель, я же представился Адольфом Шикльгрубером. Марта показала мне сеновал, вещи я поднял наверх, а велосипед оставил у пустого стойла. Ещё засветло я успел перекусить, хотя и был в принципе сыт пирожками, которые купил в одной деревне. Потом было знакомство с хозяином дома, оно прошло нормально, договорились, что я эти четыре дня буду жить у них на сеновале и столоваться тут же. Взяли всего двадцать марок. По-божески практически.

Когда я проснулся утром, мужчины уже ушли в поле. Марта горячо одобрила мои водные процедуры – её сына приходится заставлять за день хотя бы умыться – и пригласила меня в дом. Там и покормила. Завтрак оказался довольно плотным. Я впервые попробовал яблочный пудинг,

и мне понравилось.

Вещи я закопал в сене и покатил в сторону Берлина. До него около километра было, так что через двадцать минут я добрался до центра столицы. Меня даже никто не остановил. Тут ужас, летящий на велосипеде среди дня, прибыл, а его с оркестром не встречают! Обидно.

В первый день я просто изучал город. Мимо резиденции Гитлера несколько раз проехал, да и вообще рассматривал столицу. Даже карту города купил. Потратил целый день, зато стал более-менее ориентироваться в нём. Обедал в летнем кафе, а ужинать вернулся к семейству Вранзелей.

Следующие дни прошли в изучении режима жизни трёх разных зданий, где находились госструктуры, а также разработке плана изъятия двух офицеров, работающих в разведке. Но эти планы пришлось изменить. Я рядового перехватил, личного водителя одного генерала, и допросил его, стараясь не оставлять следов. Тот дал интересную информацию, после чего умер, причем я положил его на ступеньках его собственного дома так, что казалось, что он споткнулся и сломал себе шею. Любой патологоанатом это подтвердит: смещение позвонков в результате падения с небольшой высоты.

Интересная информация заключалась в том, что Гитлер вернулся из своего вояжа по Польше и ныне пребывал в Берлине. Но через три дня собирался в Австрию. Откуда эту информацию получил водитель, было ясно – от шефа, подслушал разговор в машине. Меня эта информация заинтересовала, а так как я уже изучил дом Гитлера, то у меня появилась интересная идея.

До Гриши в бункере мне не добраться, ловушка там, сто процентов, так что разыграем свою партию. Что будет, если сунуть перцовую свечку... ну, например, гиене в зад? Правильно, она разозлится и будет визжать, носиться во все стороны, сметая всех и кусая. Вот я это же решил повернуть и на главе НСДАПа. То есть с Гитлером. Не в прямом смысле. Хотя...

Вот я и закончил все приготовления. Мне пришлось пообщаться с одним полицейским, а потом организовать его скоропостижную кончину – голову разбил, падая с лестницы. Знаю, что повторяюсь, но торопился. Так вот, от него я узнал адреса трёх содомитов, которых он никак не мог поймать за руку... Или за что-то другое? Ну, не важно. Так вот, выяснив адреса, я посетил двоих и выяснил, что те действительно гомосексуалисты. Да, несмотря на чистки, они сохранились, но эти были

пассивными, мне же требовался активный. По третьему адресу жил именно такой. Ему даже кости ног дробить, как предыдущим, не требовалось, сразу согласился, когда я сказал ему, что нужно оприходовать одного мужика за рейхсмарку. Горячо согласился мне помочь, только просил больше не бить.

И вот когда наступила ночь, я смог нейтрализовать охрану, когда до следующей смены оставалось два часа. Принёс заранее купленную раскладную лестницу и по ней попал на второй этаж через открытое из-за духоты окно. Гитлер спал на кровати. Я мимоходом осветил его фонариком, но был он не один. Кто был его партнёршей, не знаю, но на его жену Еву она мало походила. Вырубил обоих, то есть перевёл их сон в более глубокий, после чего девицу, имеющую кошмарно большой бюст, отнёс в ванную комнату и там связал стропами. Не удержавшись, всё-таки потискал прелести. Бедная девочка, как ей жить-то с таким наследством, это ведь не подарок, а наказание.

Потом вернулся в спальню, перевернул тело Гитлера на живот и привязал руки и ноги к спинкам кровати, используя те же стропы. Раздевать не требовалось, он и так спал обнажённым. Только после этого я выбрался на улицу к связанному гомику. Тот трясся от страха в машине такси, что я угнал два часа назад. Похоже, понял, кого ему надо оприходовать, и то и дело терял сознание. Но ничего, я дотащил его до окна, коля ножом в задницу, заставил подняться в спальню и указал на кровать, помахав банкнотой. Всё это я проделывал молча.

Тот всё равно боялся, поэтому пришлось сделать страшные глаза и слегка уколоть его пониже спины. Это подействовало. В спальне было темно, пришлось опять включать на мгновение фонарик, чтобы тот мои злые гримасы увидел. Не дай Творец у него не встанет, нашинкую.

Не сразу, но у него всё начало получаться, я же, ухмыляясь, хотя самому было безглаголиво, положил банкноту на столик, прижав её книгой – «Майн Кампф» вроде – и под скрип кровати и мычание очнувшегося Гитлера покинул спальню. Самое забавное, что тот, хотя боролся за чистоту нации, был невысоким черноволосым евреем в прошлом, а его партнёр – двухметровым светловолосым голубоглазым накачанным бодибилдером, и так и просился на военные плакаты с настоящими арийцами. Да и инструмент у него ого-го. Бедный Адольф.

Жёстко, конечно, но теперь Гитлер поднимет всех, чтобы меня найти. В поднявшемся бедламе я и рассчитывал перехватить Гришу. Его наверняка вызовут в Берлин, и я не хотел упустить момента.

Спустившись по лестнице, я перебрался через небольшой забор, переметнулся через лужайку – сейчас парный патруль пройти должен – и по другой лестнице перебрался через кованый забор на улицу. Мне-то легко было ходить тут в одиночку, а вот когда тащил насильника, тяжелее было. Два раза чуть не спалились. Шесть часовых и один патруль мне пришлось вырезать, чтобы свободно тут перемещаться.

Это не последнее дело, запланированное на сегодня, сразу от здания, где насилие... в смысле, где Гитлер получал всё то, против чего он боролся, я направился к охотничьему магазину, что заметил ещё дня два назад. Там аккуратно отключил сигнализацию – плюшевая стояла – и, подсвечивая фонариком, стал прыгать вокруг медвежьих капканов. Хозяин вообще на безопасности свихнулся! Но я добрался до каморки, где хранился запас винтовок с прицелами. Всё это было охотничье оружие, даже слобои имелись. Выбрал я штатовский «Спрингфилд» со специальными патронами, после чего вернул всё на место, чтобы пропажу не сразу обнаружили, и покинул магазин, так и не потревожив ни один из шестнадцати капканов, и на машине поехал дальше. Потом бросил автомобиль и, спрятав оружие в укромном месте, завернулся в плащ-палатку и уснул. Укромное место находилось на чердаке частного дома, из слухового окна которого был отличный вид на здание на улице Вильгельмштрассе.

Проснулся я рано утром и сразу заметил суету у Рейхсканцелярии. Офицеры и посыльные носились как наскипидаренные. Проверив винтовку и прицел – эх, не было времени пристрелять её! – я осмотрел подъездной дворик. Тот был виден на шестьдесят процентов. Подтянув рюкзак, я достал яблочный пудинг, выданный Мартой на дорогу домой во Франкфурт.

Пудинг я запивал сладким чаем из фляги. У меня его три литра, в обоих флягах, так что должно хватить на пару дней. Теперь для меня осталось самое сложное дело – ждать и не упустить момента, поэтому я и сидел на раскладном стульчике в глубине чердака, с винтовкой на коленях, и в бинокль следил за подъездным двориком. Гитлер все важные вопросы решал тут, в Рейхсканцелярии был отличный центр связи, так что я был уверен, что если Гришу и привезут, то именно сюда.

Да-а, всё-таки ожидание – это самое тяжёлое в жизни человека. Ладно

бы я это делал в помещении, где прохладно, с кондиционером, например, так нет, сижу на душном чердаке, который так нагрелся под лучами солнца, как в парилке не бывает. Берёзового веника не хватает и шайки с кипятком, а так бы попарился, причём с удовольствием. Вода-чай стремительно уходила. Когда я начал стремительно потеть, сразу снял всю одежду и теперь сидел голышом. Ситуация как в фильме с Бандерасом и Сталлоне в «Наёмных убийцах», практически такая же.

Сидел до самого вечера, внимательно разглядывая двор и реагируя на любое движение, особенно если во дворик въезжала машина, а так как там царил суета и поток машин был непрерывным, то я постоянно дёргался. Среди тех, кто срочно прибывал в Рейхсканцелярию, кроме множества генералов я смог опознать только Геббельса, он по гражданке был, и Канариса, тот в адмиральской форме из машины вышел и поспешил в здание.

Гришу всё же привезли. В форме офицера СС, причём подогнанной по фигуре, с нахмуренным лбом он поспешил за сопровождением ко входу. Видимо, абвер догадывался, что возможно покушение, потому как охрана была серьёзная. Я насчитал не менее десяти человек, и то это лишь те, которых я видел, сколько же их в действительности, мне было неизвестно.

Прицел у меня уже давно был настроен для этого решающего выстрела – я тренировался по другим гостям и отбывающим, винтовка только не была пристреляна, однако мне это не помешало сделать два выстрела. Обычно я одним обхожусь, всё же профессионально обученный снайпер, но винтовка меня подвела, первая пуля вошла Грише в плечо, разворачивая его лицом в мою сторону. Видя широко распахнутый в крике рот, я произвёл второй выстрел, подправив прицел. Вторая пуля снесла полголовы Грише, отчего осталась нижняя челюсть и торчащий язык. Тело ещё кричало, но было уже мертво.

– Твою мать! – воскликнул я, поняв, что мне подсунули двойника.

Да, парню было на вид лет пятнадцать-шестнадцать, в принципе, и фигурой и лицом они были похожи, однако у Гриши не было родинки на шее. Когда этот откинул голову, я её хорошо рассмотрел. Крупная, чёрная, да размером с пятак.

Быстро собравшись, я надел шорты и рубаху, повязал галстук, натянул до колен белые гетры и застегнул ремешки туфель. Теперь я напоминал мальчишку из Гитлерюргенда и, оставив винтовку на раскладном стульчике, направился вниз. На первом этаже в столовой ужинало семейство, которое вытаращилось на меня.

– Папа, я же говорила, у нас на чердаке что-то шуршит, и хлопки оттуда

были, – радостно воскликнула девочка лет восьми, тыкая в меня пальцем.

Проходя через столовую в гараж, я подхватил со столешницы нож, на котором всё ещё висели свежие хлебные крошки, и метнул его. Хозяина дома, который грозно начал подниматься, вздрогнул и плюхнулся обратно с бледным лицом. Нож вошёл в столешницу рядом с его рукой. Так они меня и провожали взглядами, не вставая за столом – хозяин с хозяйкой и двое детей, старшая девочка и малыш лет двух. Пройдя в гараж, я распахнул ворота, запустил двигатель легкового «Опеля» и выехал на улицу, спеша покинуть этот район. А сумку, что висела на плече, бросил рядом на сиденье, туда же положив и пистолет. Чтобы под рукой был.

Удрать я успел до того, как начала разворачиваться поисковая паутина и этот район блокировали солдаты охранной дивизии. Был ли я расстроен? Да я был в бешенстве! Так попасться на примитивную уловку! Однако заниматься самокопанием я не стал, скорее всего, Гриша тоже тут, вполне возможно, во второй машине ожидал, когда двойник проверит безопасность двадцати метров между машиной и дверьми в Рейхсканцелярию. Впрочем, я не был в этом уверен, однако покидать Берлин, как планировал изначально, не собирался. Я думал уйти на скоростном катере, но пока не судьба. Велосипед и остальные вещи были припрятаны у пирса с частными лодками, катерами и яхтами. Я не уйду из города, пока Гриша жив. Нет, ну надо же было так попасться...

Повернув на очередном повороте, я въехал в центральный парк, там оставил машину и, прихватив сумку и пистолет, поспешил прочь. Мне нужно было кружными путями вернуться в тот район, где происходила облава. В парке, найдя беседку, скрытую от глаз, я переоделся в местного паренька, снова надел очки, изменил причёску, слегка тушью зачернил брови, сделав их как у Брежнева, и только после этого направился обратно к Рейхсканцелярии. Нужно доделать работу.

Просто так в тот район не попасть, наверняка будут проверять документы у всех встречаемых, а уж парней моего возраста так ещё и тащить в местную темницу. Политической полиции, то есть гестапо. Через полчаса я был на месте, занял один из столиков в кафе с большими обзорными окнами на нужную мне проезжую часть и спокойно завтракал, отслеживал все действия немцев.

Идея пришла в голову после часа наблюдения за одним из контрольных постов. Проверяли они действительно всех мужчин, а вот женщины и девушки ходили спокойно. Я заметил девушку, что обедала в одиночестве, и когда она, подхватив сумку, поспешила в дамскую комнату, чуть позже направился следом. Дальше просто подождал, когда

она попытается выйти, аккуратно вырубил её и скользнул в дамскую комнату. К счастью, та была пуста, и никто не поднял крика. Я же быстро раздел девушку – опыт, знаете ли. Мне не показалась, она тоже была угловатым подростком. Я надел на неё свою одежду, а на себя натянул платье. Пришлось и лифчик снимать, а то у меня даже на первый размер не хватало. Потом воспользовался косметикой из сумки девушки – навёл легкий макияж, – проверил, как тот смотрится, и тряхнул волосами. Не зря я долго не стригся, на случай как раз такой ситуации, когда потребуется перевоплощаться. Женщин с такими стрижками я видел. Быстро соорудив на голове нечто легкое, я довольно улыбнулся и покинул дамскую комнату, а потом и кафе. Девушку я оставил связанной на полу с кляпом – мне нужно было дополнительное время. Сумочку бросил там же.

Прямо от входа я направился в сторону перекрытой улицы. На меня глянули мельком, да и то оценивающими взглядами, но нарвавшись на презрительный взгляд с моей стороны, поняли, что тут им ловить нечего. Я не Адольф.

Я старался не выделяться из прохожих, однако некоторые женщины озадаченно смотрели на меня, особенно на мужские плетёнки. Для мужиков что мужские, что женские – всё едино, а вот женщины мгновенно распознают, кто есть кто, так что некоторые останавливались и смотрели мне вслед. Догадывались, что я переодетый мужчина.

Думаю, мне повезло, видимо, Творец решил помочь. После неудачи с двойником мне дали второй шанс. Эта дорога вела в сторону аэродрома. Когда впереди показался кортеж из броневика на больших вездеходных колёсах, да еще с автоматической пушкой в башне, и двух легковых машин, я, как и все, остановился и с интересом наблюдал, кто это едет. В окне первой легковушки мелькнуло бледное лицо Гриши, и я среагировал сразу: выхватил оба ТТ и с ходу открыл огонь. Три пули, и Гриша, а это был точно он, окончательно перестал меня беспокоить. Одна пуля в голову, другая в шею, третья в грудь. Была и четвертая, но она досталась охраннику. Гриша сидел между двух бугаев на заднем сиденье «мерседеса», охранник попытался закрыть его собой и словил четвертую пулю. Между прочим, во время стрельбы я отчётливо рассмотрел, что Гриша прикован длинной цепочкой к одному из охранников. Собачка на привязи. В принципе, чего добивался, то и получил.

А я уже стрелял по остальным. Сверху башня броневика была открыта, так что следующим стал наводчик, что азартно крутил штурвалом, разворачивая пушку в мою сторону. Я практически вывел броневик из боя, а сам открыл огонь на поражение по охране, затрачивая по одной пуле на

каждого.

Когда у пистолетов затворы оказались в заднем положении, противников больше не было, лишь вдали слышались трели свистков полицейских. Выбив пустые магазины из пистолетов, я быстро перезарядился, контролируя улицу. Вдали показались бегущие в моём направлении солдаты. Требовалось поспешать, а то как бы не подстрелили. Часть прохожих убегали, двое лежали рядом в лужах крови. Но это не я, а охрана, когда я «маятник» качал. Ещё десяток сидели у стен домов, закрывая голову руками.

Охрану я уж перебил, поэтому для контроля ещё нашпиговал тело Гриши свинцом и, заметив на полу машины портфель, прикованный цепочкой ко второму телохранителю, двумя выстрелами порвал её, схватил портфель и рванул к броневика. Водитель был цел и пытался его развернуть. Не знаю уж, зачем ему это понадобилось. Закинув в башню сумку и портфель через открытый верх, я вскарабкался по броне и пристрелил водителя. Кстати, в броневике – а это, похоже, была французская машина – место третьего члена экипажа было свободно. Нырнув в душный боевой отсек, я поставил скорость на нейтралку, чтобы остановить машину, вытащил тело механика и занял его место. По броне защёлкали пули. Я засмеялся и рывком сдвинул тяжёлую машину с места.

С поста мне хотели бросить гранату внутрь через башню, но промахнулись, и она рванула за кормой, а вот через две улицы проезжая часть оказалась перекрыта двумя грузовиками и занимающими боевые позиции солдатами. Видимо, те ехали на усиление и успели отреагировать, но не ожидали броневик с пушкой. Остановив машину, я сбросил наводчика на пол к водителю, после чего занял его место. Платье на пятой точке сразу пропиталось кровью. Я проверил прицел и боезапас и открыл огонь.

Передняя часть моего транспортного средства оказалась очень хорошо бронированной, потому как стрельба из трёх «МГ» не принесла никакого результата, кроме рикошетов и двух спущенных передних колес. Мой ответ им не понравился. Короткими очередями я загасил пулемётчиков, потом прошёлся по остальным и разнёс грузовики. Перебравшись обратно на место водителя, я тронул машину с места. Управление потяжелело, ехал я на ободах, но всё же продвигался вперед. Скорость успел набрать приличную и снёс массой один из грузовиков. Второй таранить опасался: он горел. В общем, освободив себе путь, я погнал дальше, набирая скорость. С трудом, но всё же. Приборы скакали, датчик показывал перегрев двигателя, похоже радиатор пробили, но я всё жал на педаль газа.

Однако немцы тоже не оставляли меня в покое. Когда я удалялся от места засады, в боевое отделение залетело две гранаты с длинными деревянными ручками. Как же неудобно-то, что нет крышки у башни и она открыта сверху! Изогнувшись, я схватил гранаты и выкинул их обратно. Обе рванули рядом с кормой и, судя по тому, что машина стала ещё тяжелее в управлении, пробили и задние колёса, но всё же мотор тянул, и я на скорости километров сорок гнал дальше. Больше просто не получалось, хотя мотор и ревел на больших оборотах, быстро тратя ресурс. Потом свернул на другую улицу и остановился. Не знаю, когда сдохнет движок, он подозрительно скрежещет и стучит, а тут есть возможность замены. Не стоит ее упускать.

Передо мной из такси выходили пассажиры. Подхватив сумку и оружие, я выскочил из вставшего броневика, подбежал к машине под отчётливый треск мотоциклетных моторов, выкинул водителя и рванул с места.

Уйти получилось. Правда, мотоциклисты упали на хвост и никак не отцеплялись, но я за поворотом опять остановил машину и превратил их в фарш. Из пяти мотоциклов ушёл только один, остальные так и остались на асфальте, чадя кровавым мясом. Хорошие пистолеты, скорострельные. Петляя по улицам, я приблизился к речке и, утопив машину, переоделся, после чего побежал к нужному пирсу, а через десять минут катер под моим управлением уже уходил в сторону Австрии.

Я же черпал речную воду и смывал поплывший макияж. То-то таксист так на меня вытаращился и обмочился. Посмотрев на себя в зеркало, когда выдалось время, я вздрогнул: передо мной было чудище со всклокоченными волосами и синяками под глазами от поплывших теней. Но как бы то ни было, Берлин медленно уходил назад, а я, проплыв под каменным мостом, прибавил скорость. Скоро вычислят, как я ушёл, тем более сторож пристани был жив, я его только вырубил, так что ещё полчаса, и бросаю катер, а там снова велосипед и снова ветер в лицо. Наступающая ночь мне поможет, через сорок минут окончательно стемнеет. Тропики, ждите меня, я иду к вам.

*Чуть меньше года спустя.*

*1942 год, 8 мая.*

*Море Сулавеси, окрестности Малайзии в ста сорока километрах от Тавау.*

*Борт яхты «Красавица»*

Лежавшая в дрейфе «Красавица» лениво покачивалась, скрипя рангоутом и такелажем на некрупных волнах. Этот звук наводил на меня умиротворение, позволяя по нескольку часов пребывать в нирване, то есть в медитации. В последнее время, вот уже почти полгода, это было вторым моим любимым времяпровождением – после секса.

Я сидел на тростниковой циновке на корме своей яхты и медитировал. Мои мысли очищались, я пребывал в спокойствии и медленно засыпал. Почему-то все мои медитации заканчивались одинаково, я банально дрых в позе лотоса. Но одно меня радовало. Помните ту пружину в моей душе? Она исчезла полностью, и теперь никакого напряжения я не ощущал. Правда, для этого я провел в тропических морях не два месяца, а все восемь, с некоторым трудом уходя от военных кораблей, участвующих в войне. Важно, что подействовало, а что и как – не важно, я снова стал самим собой.

Я уже медленно засыпал, когда снова услышал визг и крики близняшек. С раздражением открыв глаза, я посмотрел на одинаковых пятнадцатилетних девчат-вьетнамок. Те с визгом катались по палубе, вцепившись в волосы друг другу. Да-да, яхта у меня хоть и на паровом ходу, но всё же двухмачтовая парусная. Шхуна по оснастке. Когда я её приобрел, то подумал об экипаже. Одному с яхтой справляться сложно, а вот с экипажем куда проще. Естественно, мужиков я брать не стал и банально купил пять рабынь-девушечек, все не младше пятнадцати лет, с полностью сформировавшимися фигурами. Естественно, покупал по вкусу не только для управления яхтой, но и для сексуальных потребностей. Так что все пятеро уже восемь месяцев были моим партнёршами в постельных утехах и окончательно сняли проблему с этим вопросом. За это время они не только всё узнали о сексе, а учитель я был первоклассный, но и научились управлять яхтой, выучили потихоньку русский матерный, но и я овладел за это время двумя местными языками, корейским и вьетнамским. Говорю с сильным акцентом, зато бегло и всё понимаю.

Эти две девчушки, несмотря на то что являлись родными сёстрами, по какой-то причине не переваривали друг друга. Если одной подарю что-

нибудь, то вторая мгновенно устраивает свару, так что я теперь дарил одинаковые вещи обеим. Всё равно находили поводы подраться и вцепиться ногтями в лицо сестре: то я подарю раньше на две секунды, то, проходя мимоходом, шлёпну по попе и чмокну в щёку одну, а вторую проигнорирую. В общем, покупать этих близняшек было глупостью. А я ещё удивлялся, чего это мне их так легко уступили. Девчата к своим пятнадцати уже были хорошо развиты, имели крупные упругие грудки третьего размера и удивительно послушны в постели. То есть если меня нет рядом, они враги на всю жизнь, если мы милуемся втроём в постели, а я предпочитал только так, – друзья не разлей вода, они чутко реагировали на каждое моё движение и были очень послушны. Только из-за этого я их и терпел...

Три другие девушки также меня полностью устраивали. Две были корейками, одна – с Филиппин. Последняя ещё и наш кок, очень уж мне нравилось, как она готовит, с рисом, рыбой и мясом творила чудеса, вот и сейчас из центра яхты, где расположен камбуз, доносится умопомрачительный запах готовящегося обеда. Причём хотелось бы добавить, что из-за подростковых гормонов я одел всех девчат в однотипную униформу. Майки-тельняшки до пупка, обрисовывающие каждую чёрточку груди и ровность спины, а также красные клетчатые мини-юбки. Очень короткие: если наклониться вперёд, то всё будет видно, а так как ни одной я не приобрёл белья, только по десять комплектов формы заказал в мастерских Филиппин, то понятное дело, я этим пользовался вовсю. Да и было на что посмотреть, и смотрел я с удовольствием, пока девчата лазили по вантам, спуская паруса. Забавно, конечно, но уже начало приедаться.

– Чего они опять? – спросил я старшую наложницу, она же боцман. Мэй Ли стояла у штурвала, поглядывая вокруг. Дежурила сегодня на вахте.

– Спорят, кого вы сегодня на ночь первой поцелуете, – улыбнулась та. Знала, паразитка, что с неё начну.

Взяв из чаши пару мелких круглых галек, специально приготовленных для этого, я каждый метнул пониже спины близняшкам. Тут же раздался визг, и они получили по очередному синяку на попах, но зато наступила долгожданная тишина, и обе девушки скрылись внутри яхты. Причём я заметил, что обе довольно улыбались. То есть обратили на себя моё внимание и довольны. Они так часто делали, если видели, что оно к ним ослабевало. В общем, коллектив у меня дружный, только когда мы в одной постели, а вот врозь – враги на всю жизнь.

Усмехнувшись, я прикрыл глаза и снова впал в транс, чувствуя, как

расслабляется каждая клетка. Вдали был слышен плеск волн, накатывающихся на песок крохотной бухты такого же крохотного островка. Мы дрейфовали в шестистах метрах от него. Я решил, что бухта слишком мелка, чтобы загонять туда «Красавицу», поэтому мы остановились рядом. Через пару часов нас течением вынесет на открытую воду, и дальше мы двинем к Новой Зеландии. Ну, а потом направимся в страну кенгуру.

Чувство полной расслабленности умиротворённо действовало на меня, Мэй, видя, что я снова погрузился в астрал, тихо ушла, ей нужно было проинспектировать кухню на предмет скорого обеда. А я в который уже раз вернулся к воспоминаниям о том, как оказался в этих краях. Да-а, тогда я несколько жёстко поступил с Гитлером, но всё же действенно. Главное, Гришу отправил на тот свет, а без его советов что-либо создать большая проблема. В том портфеле, что я нашёл в луже крови на полу машины, были блокноты с записями, сделанными рукой Гриши. Всё о ядерных бомбах и ядерной энергетике, ещё были заметки о будущем, видимо, когда Гриша что-то вспоминал, то быстро делал записи, пока не выветрилось из головы. Чуть позже, оторвавшись от преследования, я изучил содержимое портфеля и сжёг его.

Конечно, наверняка от Гриши ещё остались записи, только вот добраться мне до них нереально, поэтому и плюнул на это. Наверняка немцы заставили Гришу описывать и рисовать схемы того, что им нужно, но и краткий курс истории получили. Конечно, у них было всего пару недель с Гришей, но уверен, что он направил в правильную сторону умы немецких учёных, и те, сверяясь с его данными, если не создали, то наверняка создадут первые ракеты. Про баллистические я пока не говорю, но ближнего действия у них будут, уверен. Надеюсь, за это время на фронтах всё без изменений, я ведь тоже Сталину отправил документы. Так что там сейчас кто как успеет в этом противостоянии. Интересно, кто первым создаст ядерную бомбу? В одном из конвертов я описывал её создание, ну и, конечно, ядерных электростанций тоже. Я ведь шёл не только по пути разрушения, но и созидания.

Так вот, покинув тогда Берлин, я всю ночь ехал на велосипеде в сторону Италии, добрался за три дня, да и то повезло угнать грузовик, с ним промчался шестьсот километров. Машину бросил перед широкой рекой, там переправлялся с помощью подручных средств. В Италии угнал с берегового аэродрома дальний бомбардировщик, охрана совсем мух не ловила. Я угнал, а им казалось, это штатный вылет. Спихватились, только когда подо мной уже было Средиземное море. Потом достиг Сирии

и полетел дальше у побережья Персидского залива, почти добрался до Индии. Садиться пришлось на последних каплях горючего на побережье. Повезло, что мало того что бомбардировщик был дальним, так ещё с дополнительными топливными баками, а бомбы, после довольно тяжёлого взлёта, я сбросил на один из портов. Повредил там причалы, а также склады. Пожары были сильные. Четырёхмоторной машиной, честно говоря, управлять было сложно, тем более без соответствующей практики и обучения, но я справился. Было пару ошибок, но я не доводил их до уровня критичных, так что до Индии добрался. Приводнился в ста метрах от берега, ну а пока техника тонула, уничтожая тем самым все улики, я на надувной лодочке с велосипедом и вещами добрался до берега.

Дальше пятидневное путешествие к ближайшему порту пешком, и на торговом судне из Карачи направился в Бенгальский залив. Там был мелкий порт, конечная остановка этого судёнышка. Из него направился уже в Калькутту. Именно там я и нашёл «Красавицу». Один британец продавал всё своё имущество, вот я и прикупил яхту в полной оснастке. Деньги у меня были, я грабанул пару банков в Италии, взяв ценными вещами, а не деньгами. Мне их фантики были не интересны, а золото и серебро можно везде продать. Так и оказалось. Там же в Калькутте я купил Мэй. Её продавали работоторговцы. Официально их, конечно, не существовало, но богатые аристократические семьи охотно пользовались подобными услугами. Наложницы были у всех британцев в Индии, зачастую не добровольные. Но кого это интересует, правда? Я решил проверить, получится ли из меня колонизатор. Оказалось, вполне, но одной Мэй мне было мало.

Так вот, управлять яхтой было сложно, но возможно. Мы с Мэй вывели её по реке в залив и направились к Таиланду. По пути я приобрел команду, так и добрался до этих мест. Понятно, что медленно, но моя «Красавица» по несколько недель стояла в бухтах разных островов, где пустынных, где в портах, принимая припасы. Естественно, мне приходилось встречать военные корабли, то британские, то японские, штатовские тоже были, но обходилось без трагедий. Флаг у меня висел филиппинский.

В принципе всё это время я провёл с пользой и начал даже подумывать вернуться в Союз, повеселиться там хотелось на передовой. Да и вообще узнать, как дела, тем более я обещал себе, что разберусь с теми штурмовиками, что атаквали колонны беженцев. Надеюсь, они пережили этот период войны, и мы с ними встретимся.

– Да уж-ж, цветник, – внезапно услышал я рядом юношеский весёлый голос. По звонкому тембру определил примерный возраст, а говорили на

чистейшем русском.

Я напрягся. На борту просто никого не могло быть кроме нас, а если бы подошла лодка, я бы услышал плеск вёсел. Я открыл глаза и с удивлением посмотрел на парня примерно моих лет, что сидел на крышке люка в двух метрах от меня и с интересом осматривался. Что больше всего привлекло меня в нём, так это то, что он был в облегающем комбинезоне, какой можно создать только с помощью высоких технологий, в явно армейских ботинках, что, видимо, срослись с комбезом, а также тем, что на его высокотехнологичном поясе мигало несколько индикаторов. Одежда была влажной, с каплями, но не мокрой. То есть прибыл он с воды, но не вплавь. Оружия на виду нет, только какая-то нашлёпка на плече.

– Ты кто, чудо? – озадаченно спросил я его, прикидывая, как атаковать. Проводить молниеносную атаку из позы лотоса не представлялось возможным. Нужно сперва ноги расплести. Да уж, поймали меня в момент максимальной расслабленности, когда я не ожидал атаки.

– Страж, – ответил тот будничным тоном. Причём таким, будто это нечто известное каждому, чего надо если не бояться, то опасаться точно.

– Думаешь, объяснил? И кого ты сторожишь, страж? – с иронией поинтересовался я, стараясь незаметно помассировать ноги и сменить позу.

Пока мы общались, я обратил внимание на необычную тишину, что для моих девчат было практически невозможным. Шёл дым из трубы камбуза, виднелась нога одной из моих наложниц – вот и всё. Судя по положению ноги, девушка просто улеглась и спала. Я видел, как нога пошевелилась – значит, жива, уже хорошо.

– Не страж, а Страж. А сторожим мы Ось миров. Кстати, не советую меня атаковать. У нас разные весовые категории, тем более у меня более двухсот лет опыта пребывания Посредником и триста лет опыта пребывания Стражем. У тебя нет шансов, все Стражи постоянно совершенствуются.

– Что тебе надо? – угрюмо поинтересовался я. Что-то мне не нравился этот разговор, несмотря на довольно миролюбивую позу и тон моего гостя.

– Задача Стражей – очистка миров от Посредников. Не надо с таким прищуром на меня смотреть. В Посредники попадают не только нормальные и адекватные люди, но и те, кого необходимо стереть. Твой Гриша как раз попадает в эту категорию, так что молодец, справился.

– Ты не ответил, зачем ты тут, что тебе от меня нужно, и что с моими девчатами?

– Девушки погружены в глубокий сон, так что не волнуйся. А насчёт тебя никакой тайны нет. Сколько миров находится на Оси?

– Миллионы? – неуверенно спросил я.

– Несколько десятков миллионов, если считать все ветки, – подтвердил тот. – Посредники появляются сами, умирают и возрождаются, начиная свой путь, как это сделал ты или твой бывший дворовый друг Гриша. У каждого своя ветка миров: магические, технологические, каменный век и так далее. Для нас с тобой это Земля. Сам я из казаков, родился в тех местах, где у вас сейчас Астрахань.

– Таких друзей... – свирепо начал я, но парень отрезал:

– Не перебивай. Так вот, Посредники, как ты понял, это обычные люди, с единственной дополнительной возможностью – оживать в молодом теле в другом мире. И так не более десяти раз. Стражи – совсем другое, они созданы для контроля Посредников и для ликвидации тех Посредников, что ведут себя, скажем так, неадекватно. Уничтожение, естественно, не окончательное, просто Посредника перекинет в следующий мир, а так как у него всего десять попыток, то проживёт он недолго – до следующего Стража и окончания пути. Ты понимаешь, о чём я толкую?

Я слушал с большим интересом. Было видно, что это не отрепетированная речь, каждую фразу мой гость обдумывал.

– Не идиот, понимаю.

– Отлично. Так вот, ты знаешь, сколько Стражей нужно, чтобы контролировать все эти миры?

– Думаю, много.

– Ты прав. Чтобы контролировать тысячу миров, нужно не менее ста Стражей, а у нас в наличии один. Страж ведь фактически тот же Посредник, но имеет некоторые личностные способности, а также неограниченное количество жизней. То есть Посредник может убить Стража в бою, но тот может возрождаться неограниченное количество раз. Убить Стража могут только три других Стража, собравшись вместе и через довольно сложный ритуал. Эта смерть уже окончательная... Думаю, тебе интересно, как Стражи ищут Посредников, которых требуются стереть. Никаких способностей, кроме ума, наблюдательности и способности анализировать, тут не требуется. Если происходит что-то необычное для истории Земли, значит, там и Посредник начал свою игру. Каждый Страж должен отобрать кандидатов для перевода в Стражи. Стажировка идёт в течение двадцати лет, после чего отобранный сам переходит в ранг полноценного Стража и получает дополнительные умения. Каждый Страж должен подготовить не менее десяти замен, ты у меня шестой.

– Ты хочешь сделать меня Стражем? – задумчиво потер я подбородок. В принципе, предложение меня заинтересовало, но было слишком мало

информации.

– Да, это второй мир, в котором я внимательно наблюдаю за тобой. Конечно, Стражам не рекомендуется выдавать информацию любого порядка местным жителям, но ты тогда ещё был Посредником, и на вас запрет не распространяется. Свод законов Стражей – это не жёсткие инструкции, а просто рекомендации, как лучше себя вести.

– Интересно, – протянул я. – А ты к этим из Рая отношения не имеешь?

– Ты о Боге и архангелах? – усмехнувшись, уточнил тот.

– Да.

– Нет, да и никто не имеет, только ты. Если ты не понял, то поясню. Этот Рай совсем другая структура, и мы друг к другу отношения не имеем. Кстати, ты меня поэтому и заинтересовал, что смог частично использовать некоторые умения Стража, пребывая в ранге Посредника.

– Ты об умении лечить и использовать огненный меч? – уточнил я, нахмурившись. – Но это же умения, отобранные мной у святош!

– То, что ты у них забрал, было вроде катализатора, а в действительности это всё врождённые умения Стража. Сам того не осознавая, ты приблизился к тому, чтобы самостоятельно, без помощи другого Стража перейти на следующую ступень. На моей памяти это происходило впервые, другие Стражи этим очень заинтересовались, а многим из них более тысячи лет.

– Почему так мало? – машинально спросил я, пребывая в раздумьях. – Как ты с ними держишь связь?

– Они просто устают жить и просят, чтобы их развеяли. А связь поддерживаем просто: Астрал Оси миров. Чтобы тебе было понятнее, Астрал – это тот же неограниченный Интернет. Кстати, действительно очень похоже. Да и Интернет этот в твоём мире создал как раз Страж по подобию Астрала. Очень удобно... Продолжим. После двадцати лет стажировки тебе будет доступна эта опция, но не раньше. Там есть несколько форумов, где мы общаемся и делимся новостями. Я уже дал твоему Грише чёрную метку и отправил запрос насчёт него. Ближайший Страж примет его в следующем мире, отправив на следующее возрождение, пока его не лишат всех жизней. Главное, чтобы поблизости оказался Страж, бывает, Посредники, получившие чёрную метку, проживают полноценную жизнь, пока руки до них доходят. Не хватает нас. А по врождённым умениям добавлю, что к тем двум опциям у стажёра ещё имеется умение зависать в воздухе и изменённые скоростные характеристики. То есть ты ещё научишься очень быстро двигаться. Всего четыре опции, вот и всё.

– В принципе понятно, для стажёра самое то, чтобы набраться опыта, а у вас, полноценных Стражей, сколько опций имеется?

– Одиннадцать, но тоже умения не дальнобойные, если ты об этом, чисто для личного пользования или для тех, кто находится рядом.

– Я понял. Но почему я, ведь я мало чем отошёл от того же Гриши?

– Ты навоз с золотом не путай. В тебе, несмотря на всё, что ты делал, сохранилась человечность, а у Гриши её изначально не было. Я наблюдаю за тобой вот уже два мира, и по всем параметрам ты нам подходишь. Главное твоё достоинство – это чувство справедливости. Что бы ты ни делал, ты меряешь противника или свои дела, исходя из него. А это основополагающая черта Стража. Справедливость, честь и ответственность – девиз Стражей.

– В принципе, понятно, меня заинтересовало ваше предложение. Сейчас хотелось бы выслушать свод законов Стражей, а также перечень, чем им нельзя заниматься.

– Ты не понял, Страж – это и судья и закон. Он будет отвечать только перед своей совестью. Что Страж решит, то и будет. А задача у Стражей только одна: наблюдать за мирами и осаживать тех Посредников, что особо разошлись. Посредников в два раза больше, а Стражей мало. В случае нужды можно применять к ним крайние меры.

– И это всё? – удивился я.

– Всё.

– Мне нужно время подумать, – я не стал сразу соглашаться. – У меня есть дополнительный вопрос. С год назад я был свидетелем того, как странный Посредник с детьми на руках исчезает прямо у меня на глазах. Я не идиот и всё понимаю. Он перешёл в другой мир через невидимый портал. Я могу так делать?

– Что-что?! – не понял тот. – Такое невозможно. Стражи перемещаются из мира в мир только одним способом, так же, как и Посредники, через гибель, естественную или нет.

– Но я видел своими глазами!

– Сейчас проверю, – буркнул тот и отсоединил от бедра чёрную полуметровую палку. Разделив ее на две части, он развёл руками на полметра, и между ними засиял экран. Заметив мой взгляд, он со смущением пояснил: – Техническая штучка из развитого мира, где космические корабли и всё такое. Удобно держать связь с Астралом.

Я только хмыкнул. И так было понятно, что тот прибыл из технически развитого мира. Удивляло только то, что имущество осталось при нем, тогда как перемещение обычно происходит в обнажённом виде. Да и тот

парень раздел и себя и детей, видимо прекрасно зная о такой потере. Интересно, как этот безымянный Страж смог сохранить эти технические штучки?

– Ага, нашёл. Действительно, в архиве Астрала есть упоминание о путешественнике по мирам Михаиле Солнцева. Кстати, он из твоего мира-прародителя. Номера совпадают в личных делах. Он не Посредник. Тут замешаны высокие технологии, причём настолько высокие, что о них никто из Стражей не слышал, сейчас на форуме началось обсуждение, я сбросил туда информацию. Этот Солнцев с шестью своими детьми и одним приёмным ребёнком, используя технические штучки для поиска природных порталов, просто ищет дорогу в родной мир и, похоже, скоро найдёт. У Стражей таких возможностей нет. Помимо этого, Михаил имеет врождённое умение держать при себе огромное количество вещей. Такой способ называется или безразмерной сумкой, или пространственным мешком. Сам он называет этот способ хранения и переноски вещей пространственной щелью – результат экспериментов какого-то искусственного разума вымершей цивилизации. Кстати, вы оба исчезли из своего мира практически в один год.

– Хм, значит, для него тоже прошло больше тридцати лет, – задумчиво пробормотал я и услышал, как смеётся Страж.

– Ты не прав. В каждом мире время по отношению к Оси течёт по-разному. По времени вашего мира для него прошло чуть больше пяти лет, у тебя тоже пять, но ты жил в некоторых мирах, где скорость времени во много раз превышает стандарт. Такие миры редки, но тебе повезло попасть подряд в два таких, так что эти тридцать лет можешь вычеркнуть, для других они пролетели как год. Тебе ещё повезло, подобные миры быстро схлопываются и исчезают из списков Оси миров. В вашем родном мире сейчас две тысячи пятнадцатый год. Кстати, переломный во многих мирах Земной ветки.

– Почему? – задумчиво спросил я, прикидывая, сколько лет сейчас моему сыну.

– Ядерная война.

– Понятно. Многовато таких миров, где время течёт... А можно узнать, где он приобрёл эти умения?

– Да, номер у меня есть. Там исследовательская станция висит, она и поспособствовала. Мы, Стражи, заинтересованы в возможностях, что выдают координаты природных межмировых коридоров, поэтому решили отправить разведчика на эту станцию. Твоя кандидатура ими была одобрена.

– Подожди, – остановил я его. – Я ещё не Страж – это раз. По твоим словам, Стражи где родились, так и будут жить по тем веткам-мирам, в их отражениях – это два. Перемещаются они в третий мир только посредством смерти и перерождения – это четыре. Искать природные порталы вы не умеете – это пять. Как вы собираетесь переправить меня на ту станцию? Будете, как старик Хоттабыч, волоски на бородёнке рвать? Что-то не верится мне в ваш альтруизм и умения.

– И правильно, мы действительно не сможем тебя куда-либо переместить, однако если собрать сто Стражей, которые входят в совет Старейшин, то они, войдя в Астрал в режиме Предсказания, смогут вычислить, где появится в этом мире портал, ведущий точно на станцию.

– Если это так просто, почему чаще не задействуете этот способ?

– Он очень опасен, и заранее не известно, получится или нет. При входе в транс, треть Стражей умирает, не выдерживают напряжения. То есть не перевоплощаются, а окончательно умирают. Мы такие потери нести не можем, однако заполучить технологии перемещения в другие миры не через гибель, хоть и с потерей возраста, нас очень интересует. Если тебе будет сопутствовать успех, то через ту станцию пройдёт большая часть Стражей. Многие из них бывали в технически развитых мирах, поэтому не считают зазорным использовать всё, что там производится. Я делаю так же.

– Да, кстати, – очнулся я от раздумий. – Если всё, что на человеке, сгорает и он омолаживается, то как ты перетащил сюда эти комбез, прибор?..

– ...и мини-подлодку, на которой я добрался до твоей яхты, – с улыбкой закончил тот.

– Пусть будет так, – согласно кивнул я. – Так что?

Кстати, пока мы общались, течение пронесло яхту мимо островка. Из камбуза тянуло горелым, но потом и дым из трубы прекратил идти – наверное, топка погасла. Мельком посмотрев на солнце, я определил, что разговор длится уже три часа, и надо сказать, меня всё это жутко интересовало.

– Я же говорю, мы все используем технические средства развитых миров. Тебе известен такой термин, как пространственное сворачивание?

– Я уловил, о чём ты.

– Так вот, в одном из миров я приобрёл несколько шаров размером с голубиное яйцо. Когда они разворачиваются, то размером с гараж на большой грузовик. У меня таких шаров шесть, я переносу их в желудке. После смерти, даже если моё тело полностью уничтожают – было такое не один десяток раз, то я всё равно возрождаюсь с этими контейнерами

в желудке. Такой ответ тебя устраивает?

– Более чем, – снова кивнул я. – Вот что, буди девчат, пусть обед заново готовят, всё-таки ты у меня в гостях, а мы продолжим разговор. Хоть познакомимся нормально.

– Идёт. Меня Зиновием зовут, – протянул тот руку. – Страж Зин.

– Артур, – крепко пожал я тонкую кисть парня.

Тот быстро освободил девчат от искусственного сна, а потом убрал подлодку от борта в свой шар. Как именно, я не совсем понял, просто большой хлюп, и всё. После того как девчата встали и осознали, что у нас гость, я надавал им заданий, и пока наш повар мыла кастрюли и сковороды от сгоревшего обеда и заново разжигала топку, мы под любопытными взглядами двух девчат, что под командами Мэй поднимали часть косых парусов, продолжили беседу. Поднять паруса было необходимо: котёл погашен, на паровом ходу не уйти, а нас несло прямо на рифы. Ещё пара часов, и пробоина в днище обеспечена. Так что пока девчата, задорно ползая по вантам, уводили яхту в сторону, за штурвал встала Мэй. Зин, конечно, старался не подсматривать, но всё равно нет-нет да бросал взгляд вверх, а посмотреть там было на что. Я же говорил, девчата белья не имели и в мини-юбках.

Зин описывал мне процедуры перехода из ранга Посредника в Стража, после чего, чтобы не терять время, мы сразу занялись перевоплощением. Оказывается, процедура была довольно болезненной, так как нужно было проводить сращивание части астрального тела с моей душой. Это меня сначала остановило, но Зин посоветовал снова вызвать умение лечить и огненный меч.

– Ты просто поверь в себя, – учил он меня. – То, что якобы у тебя забрали, лишь видимость, психологический блок. Разрушь его, и всё получится.

Как ни странно, я сумел. Руки засветились привычным сиянием, и меч показался. Я даже кусок рангоута срезал для эксперимента и погасил огонь на срезе.

– Работает, – довольно кивнул я, после чего повернулся к Стражу. – Учи меня дальше.

Зин положил меня на циновку и приступил к таинству обряда. Он был прав, это заняло не больше получаса, но корёжило меня от боли так, что я пару раз даже пожалел, что дал согласие. Однако сколько бы ни длилась процедура, она всё же была закончена.

– Порядок, – крихтя, занял я сидячее положение.

Всё тело ломило, как будто я перезанимался или перележал на солнце.

Зин успокоил, что это нормально и болеть тело будет дня три-четыре. Всё же не простая процедура была.

– Ну что, попробуй вызвать все четыре умения, – велел Зин и встал, скрестив руки на груди. При этом, не забывая изредка коситься на Мэй у штурвала. Та его взгляды давно заметила, что её, видимо, изрядно забавляло, и принимала разные соблазнительные позы, отчего Зин явно начал приобретать косоглазие.

К моему удивлению, огненный меч я вызвал молниеносно и так легко, как будто годами этому тренировался. Да и мощь его была на много порядков выше. Умение лечить тоже предстало для меня с новой стороны, теперь мне не требовалось касаться больного, я мог при желании вылечить всех, кто находился на расстоянии десяти метров. Я просто попробовал сосредоточиться и почувствовал биение шести сердец – пяти наложниц и Зина. Даже стайку рыб ощутил под днищем яхты. За кормой находилась акула, ожидающая очередную подачку с камбуза. Полезное умение, мне понравилось.

– Теперь проверь скорость и возможность зависания на месте, – услышал я Зина.

Открыв глаза, я всё ещё чувствовал биение их сердец и молниеносно пробежал на нос яхты и обратно. Причём при ускорении я обнаружил одну неприятную особенность: мне как наждачкой прошлись по коже, пришлось на бегу подлечиться, так что вернулся я красный, как рак, но здоровый. Хорошо ещё, пострижен коротко, иначе бы половину шевелюры как корова языком слизнула.

– Ничего, научись. Направление мыслей у тебя правильное, – понял, в чём дело, Зин. – Теперь левитация.

Поднявшись по вантам на пару метров, я оттолкнулся и завис в полуметре от воды. Как-то сразу понял, что нужно делать.

– Но ведь я лечу, – в недоумении сказал я.

– Нет, ты планируешь, – не согласился Зин.

Рухнув в воду, я посмотрел на довольно быстро уходящую под парусами яхту и заработал ногами. Причём так, что разбил акуле челюсть, выбрался на поверхность и побежал по поверхности моря, поднимая за спиной фонтанчики, где отталкивался от поверхности моря. Сделал несколько кругов вокруг яхты – приходилось постоянно держать себя в лечебном трансе, иначе ветром кожу бы сорвало – и остановился на корме.

– Я летал, – сказал я Зину.

– Нет, – улыбнулся тот. Он с огромным интересом наблюдал за моими

кульбитами, изредка косясь на девчат.

– Ах так, да? – я взбежал на вершушку мачты, оттолкнулся и, быстро набрав скорость падения, завис в полуметре от поверхности воды, после чего демонстративно прикоснулся к воде большим пальцем ноги, изобразил дрожь и ухнул в воду.

– Я летал, – взбираясь на борт, повторил я, отряхиваясь. С меня ручьём текла морская вода.

– Нет, ты планировал, зависнув на месте.

– Ах так!

Подскочив к рундуку с запасным такелажем, нашёл большой кусок паруса для заплат, встряхнул его, сделал парус, и ветер начал меня сносить, отчего я полетел в сторону согласно дуновениям ветра.

– Я лечу-у-у! – крикнул я.

– Нет, ты всё ещё планируешь, просто используя ветер как тягловую силу, – совсем уж откровенно улыбаясь, покачал тот головой.

Вернувшись на борт, я непреклонным тоном сказал:

– Что бы ты там ни говорил, но я летал.

– Парил – будет верное определение, – засмеялся тот. – Хотя, честно говоря, ты молодец. О том, что можно бегать по воде, я узнал только через семь лет стажёрства. Догонял скоростной поезд и не заметил, как пробежал по широкой реке. Только потом сообразил, что сделал, провёл ряд тренировок и стал неплохим бегуном по воде. А у тебя как-то сразу получилось.

– Ну так могём. Что дальше? – надулся я от гордости.

– А всё, я своё дело сделал. Ты Страж теперь окончательно и бесповоротно. Сейчас Старейшины закончат, выйдут на связь, и мы узнаем, есть ли из этого мира ход на ту станцию. Если есть, они сообщат, и мы с тобой расстанемся.

– Я ведь не один в этом мире, правда? – спросил я, мельком посмотрев на Мэй.

Она немного была испугана. Ещё бы, тот, к кому девчата привыкли, показывает невозможное! Но вся пятёрка уже пришла в себя и занялась делами. Хорошо их тут воспитывают: если мужчина что-то делает, то это нужно, и не их ума дело лезть в подробности.

– Ты прав, вас тут четверо было, одного ты отправил дальше, второго я, остался один. Ты уже Страж и в сферу моих интересов не попадаешь.

– Это Мэй, не так ли?

– Да. Она сейчас в Китае, участвует в восстании против японских оккупантов. Деятельная девочка, надо сказать.

– Ты её тоже отправишь дальше?

– Нет, Мэй, как и ты, идеально подходит на роль Стража. Мне с вами повезло, в одном мире сразу двух Стражей создам.

– Так она же больная на всю голову, – удивился я.

В это время наружу выглянула мой кок и сообщила, что всё готово, так что я махнул ей рукой, чтобы накрывала на двоих.

– Ты не совсем прав, она, может, и имеет некоторые недостатки, но ответственность и чувство справедливости у неё в крови.

– Она меня убить пыталась, – угрюмо сказал я.

– Ну и что? Среди Стражей взаимная неприязнь обычное дело, и мы между собой деремся, только пух и перья летят. У меня шестьдесят семь недругов, встреча с которыми не обходится без драк, и в три раза больше друзей. Это жизнь.

– Похоже, мне многое доведётся узнать, – вздохнул я. – Ладно, хоть и поздний обед получился, но прошу к столу. А то после этих пробежек слона бы съел!

Мы прошли вниз и заняли столик у обзорного окна в гостиной. За мной ухаживала Вия-кок, за Зином – близняшки, отчего он откровенно млел. Эти паразитки как бы случайно касались его плеч то грудями, то бёдрами, отчего тому было не до ужина. Похоже, у него было долгое воздержание. Я за всем этим наблюдал с улыбкой и сметал подряд всё, что приготовила Вия. Даже сам удивился – как будто после недельной голодовки.

Когда мы уже чаёвничали, всё согласно восточным традициям, то вдруг на бедре Зина завибрировала та палка, что имела постоянный контакт с Астралом Оси миров. Можно было и без прибора через медитацию уйти в Астрал, но так было проще и быстрее. Это Зин пояснил. Мне же придётся лет двадцать подождать, прежде чем научусь входить в Астрал. Пока стажировка не пройдёт, для меня это табу. Ладно, хоть больше никакие процедуры проходить не надо, по окончании стажировки всё автоматически произойдёт.

Зин активировал прибор и прислушался. Говорили на незнакомом мне языке, по голосу и манере речи – сильный духом мужчина. Вот только в его интонациях отчётливо слышалась горечь. Через десять минут Зин убрал прибор на место и задумался, отстранённо разглядывая пиалу, что стояла перед ним на столике.

– Неприятности? – я знаком велел Вии ещё раз наполнить мою пиалу чаем.

– Что? – очнулся тот от раздумий.

– Чего задумался, говорю?

– Больше половины Стражей погибли, высчитывая открытие портала в этом мире в тот исследовательский центр. Двенадцать из них были моими друзьями.

– Да-а, фигово, – согласился я, делая глоток чая.

– Ты не понял, это были лучшие из лучших, многие были моими наставниками в Астрале. Очень тяжело потерять их.

– Я понял. Так что там, они получили нужную информацию?

– Да, но тебе она не даст ничего. Портал открывается через три дня на территории России в окрестностях города Ржев. Это единственное, что они смогли выяснить с полной достоверностью. Координаты у меня есть, но смысла тебе их давать я не вижу. Всё равно не успеешь. А свой глайдер я разбил недавно: на выходе из шторма меня атаковала шестёрка японских истребителей, повредили два движка из трёх. Хотел сесть на вынужденную на одном из островков, да пропорол о скалу компенсатор. Запасного у меня нет, вернее, там как раз и стоял запасной, так что быстро добраться до точки не получится.

– Это мы ещё посмотрим, – нахмурился я. Мне не нравилось настроение Зина, да я и не хотел терять такой шанс. – Давай координаты.

Тот на листке блокнота написал их, выучить было несложно. Деревня Верхние Петухи, находится в тридцати километрах от Ржева, два метра на север от туалета местного полицая Еремея. Время срабатывания портала – одиннадцатое мая в шестнадцать часов семнадцать секунд по московскому времени, действует всего шесть секунд. Портал будет висеть в двадцати сантиметрах от поверхности земли, высота – три метра. Сложно, но переправиться в чужой мир возможно.

– Ничего невыполнимого не вижу, – я быстро принял решение. – Значит, так. Эту яхту и девчат оставляю тебе, всё равно девать их мне некуда, а ты позаботишься. Потом прямо по поверхности океана через филиппинские острова бегу в сторону Манилы, там японцы засели, угоняю у них самолёт, а дальше дело техники. Через Китай отправляюсь в Союз, можно сказать на перекладных, но используя авиацию, и я на месте. Главное, чтобы были топливо и возможность угонять самолёты. Ну, ты как?

Зин оживал на глазах и, как только я закончил, энергично закивал. Его подкосило то, сколько Стражей погибло зря. Мне-то они как-то побоку, всё равно ни одного не знал, поэтому успокаивал только свою «мамочку». А кто он ещё? Вылупил меня из яйца, сделал Стражем, так что какой-никакой, а наставник.

– Точно успеешь? – спросил тот.

– Уверен, – убеждённо ответил я. – Отправляюсь немедленно. Сейчас вещи соберу, эх, жаль много взять нельзя, а то я бы свой велосипед прихватил, сколько дорог со мной прошёл!

Собрался я действительно быстро, тут каждая секунда дорога, передал всё во владение Зина, после чего поправил сидор за спиной – я был в одних трусах, один чёрт одежду порвёт ветром, так что сразу упрятал её в мешок, который, я надеялся, выдержит. В общем, быстро попрощавшись со своими девушками и Зином, строго-настрого велел тому девчат не обижать, а им – быть поласковее с новым хозяином, прыгнул в воду, мгновенно набрав большую скорость, и побежал вперёд. Двигался я прыжками, отталкиваясь от верхушек волн. Правда, тут они были мелкими. Молодой – но дурной. Взял и рот на бегу открыл, и мне обе щеки порвало. Залечил на бегу, куда деваться? Теперь только носом дышал, да и им тоже осторожно. Ноздри ветром трепать начало, как бы и их не порвать. Нет, прав был Зин, много так не пробежишь, ресурсов организма на восстановление и на энергию не хватит.

У меня в мешке были карты не только этой акватории, но и других, а карты Китая не было. Я надеялся позаимствовать её у японцев на аэродроме.

Бежал я полночи и миновал несколько десятков островов. Трижды мне повстречались японские корабли, один раз это была эскадра, я даже подумывал увести с борта авианосца один истребитель, но у меня скорость и так была за тысячу километров в час, так что я к трём часам был на месте. И это с учётом того, что пару раз отдыхал на безлюдных островах и пил воду в родниках. Всё хорошо, но вот пить очень хотелось после этих пробежек, а уж про голод я и не говорю. То-то Зин мне советовал побольше еды взять. За эту ночь я всю её съел, но есть все равно хотелось так, как будто ничего в желудок и не перепало. Теперь было понятно: быстрое движение – штука хорошая, но долго её использовать не получится. Вообще удивительно, что я до Манилы добежал и кроме лёгкой худобы ничего не приобрёл. Правда, я незаметно для экипажей ограбил камбузы двух торговых судов и подкрепился. Надеюсь, они не в претензии.

Про свою фигуру скажу так, я эти семь месяцев тоже не просто так провёл, по несколько часов занимался, доводя себя до кондиции. Поэтому тело у меня было атлетически стройно и красиво. Девчатам очень нравилось.

Где находится крупный военный аэродром японцев, я узнал от жителя оккупированных территорий. Тот с охоткой это рассказал, так как японцев очень сильно не любил. Понятное дело, на ночной дороге особо людей не

встретишь, а я уже пересёк почти весь остров и был на полпути к Маниле, поэтому нашёл «языка» в первой попавшейся деревушке в крайнем доме. Ну да, разбудил, поднял из кровати и очень внимательно слушал, что тот мне скажет. Наречие это я более-менее знал.

Дальше добежал до нужного места. Аэродром действительно был тут. Я проигнорировал истребители и направился к длинному ряду бомбардировщиков. Меня интересовали с приличной скоростью и максимальной дальностью. А так как в этих машинах я мало что понимал, то есть вообще не понимал, то мне требовался советчик. Аэродром был большой, на стоянках больше сотни аппаратов. Тут, похоже, у японцев авиадивизия смешанного состава расположилась.

В общем, я направился к зданию штаба, где находился дежурный с помощниками и отдыхающая смена караула. Часовые меня всё равно не видели, я быстро перемещался, хотя и тратил на это силы, но зато был незаметен, поэтому ликвидировать никого не требовалось. Кстати, я забежал на склад продовольствия и набил сидор сухпайками и консервами. Да и на месте подкрепился, пожертвовав на жор пятнадцать минут. В общем, со склада я направился к штабу, вырубил всех япошек, взял за горло офицера – самурая, судя по мечу – и провёл допрос. Сломать его не получилось, этот гад себе язык откусил и кровью захлебнулся. Я этого фанатика оживлять не стал, поэтому привел в чувство старшего техника и допросил того. Техник не был таким фанатиком, хотя и пытался кочевряжиться, но всё же дал честный ответ:

– Есть «Талия», грузовой цельнометаллический двухмоторный моноплан. Максимальная скорость – четыреста километров в час, крейсерская скорость чуть больше трёхсот пятидесяти, дальность – три тысячи триста километров. Дополнительных подвесных баков нет, да и конструкцией не предусмотрены. Заправлена полностью. Груза нет. Находится на стоянке номер шестьдесят три. Подготовлен к завтрашнему вылету.

– Ещё что есть? – я обдумывал сообщение японца.

Да, японского я не знал, пришлось задействовать для перевода одного из местных, что работал тут в качестве обслуживающего персонала – дворника, если проще.

– Есть ещё «Лиз». Не очень хорошая четырёхмоторная машина, переделанная из дальнего бомбардировщика в транспортник. Прилетел три дня назад с грузом медикаментов. Машина заправлена и готова к вылету, трюм пуст. Максимальная скорость на высоте – четыреста двадцать километров в час, но падает дальность полёта. Крейсерская скорость на

высоте – триста двадцать километров в час. Практическая дальность – четыре тысячи двести пятьдесят километров.

Просмотрев карты, сваленные на столе – там и Китай и Союз были, точнее до границы, – я быстро прикинул, какую машину брать. Какой-никакой опыт управления четырехмоторными машинами у меня был, до Нью-Дели как раз хватит. По расчётам выходило, что у меня в запасе топлива ещё на пятьсот километров, но я особо на это не рассчитывал. Просто в Дели расположен крупный аэродром, оборудованный для приема таких больших самолётов. Судя по картам, там можно заправиться, и лететь уже до конечной точки. Ещё один перелёт, и я до Москвы доберусь.

Собрав полезные мне карты, я прихватил механика и переводчика и направился к нужной стоянке. Один из них нёс мои вещи в мешке. Я не забыл пробежаться и ликвидировать всех часовых, а заодно и зенитчиков. В общем, нам никто не мешал добраться до этого «Лиз». Монстром тот оказался тем ещё! Я повертелся в кресле пилота, слушая объяснения механика через переводчика, после чего выгнал обоих, вырубил и связал, и запустил моторы. Японская техника, конечно, отличалась от привычной мне, но не настолько, чтобы я не мог с ней справиться. Чем-то этот аппарат напоминал «Дуглас».

Прожекторы загорелись и засуетилась охрана, когда тяжёлая машина, ревя всеми четырьмя моторами, оторвалась от полосы и начала карабкаться в ночное небо. До рассвета час, но я успел угнать самолёт. Практический потолок, как мне сообщил механик, у этого типа машин был чуть больше семи тысяч, до него я и поднимался, держа курс точно на Дели.

Я выбрал высоту семь тысяч, перевёл машину на крейсерскую скорость для экономии топлива и несколько расслабленно откинулся на спинку кресла. Если погоня и была, то найти меня сложно. Конечно, уже начало светать, но прошёл час, так что японские истребители уже выработали топливо и повернули обратно. За рассветом я наблюдал с высоты. Ну, что я скажу, просто восхитительно, по-другому и не опишешь.

Машина оказалась на удивление валкой и сложной в управлении. И это когда борт идет пустым, а как же он себя ведёт, когда летит с грузом! Охохонюшки.

Подтянув к себе сидор, я развязал горловину и приступил к насыщению, а есть хотелось постоянно.

Автопилота, естественно, не было, и требовался постоянный контроль полёта. Однако из веревки я сделал растяжку штурвала, и этот импровизированный самодельный пилот не давал штурвалу уйти

в сторону, вёл самолёт по курсу. Я лишь изредка подправлял его. На высоте был боковой ветер.

Спать, конечно, хотелось, но я крепился, убирая руками сон. Пришлось воспользоваться возвращёнными способностями. Машина шла нормально, хотя показания одного из двигателей, на мой взгляд, были излишне высоки. Похоже, механик ничего не сообщил мне о том, что моторы на этом самолёте не так уж хороши, и они, похоже, часто выходят из строя.

Когда до Дели оставалось около тысячи километров, один движок все-таки сдох, и мне пришлось отключить его, продолжая полёт на трёх моторах, благо это было возможно, даже высоту не потерял, лишь скорость стала ниже на сорок километров в час. Правда, пришлось убрать свой «автопилот» и брать пилотирование в свои руки.

Как бы то ни было, я добрался до Нью-Дели и, на английском запросив разрешение, с некоторым трудом совершил посадку. В конце взлётной полосы меня уже ждал комитет по встрече. Кроме местных чиновников там были и британцы. Узнал по форме.

Пока самолёт катился по полосе, я уже осмотрелся, и внимание привлёк вполне приличный на вид «Дуглас». Таких было три на аэродроме, но этот поновее и не такой затасканный. Возьму с собой дополнительно топлива, и вперёд, продолжать полёт. Тем более эти штатовские машины вполне надёжны, в японских я, честно говоря, разочаровался.

Как только самолёт остановился – тормоза у этой машины неплохи, – встал, где надо, я покинул кабину, не забыв прихватить пустой сидор, так как успел схарчить все припасы, и направился к боковой дверце. Покинув машину, сразу зашагал к местным, что спешили ко мне. Я до них не докатился всего метров триста и встал неподалёку от выбранного «Дугласа».

– Добрый день, господа, – первым поздоровался я. – Не подскажите, кому принадлежит тот самолёт? И не согласится ли хозяин обменять его на трофей, что я угнал у японцев?

– Комендант аэродрома, майор Фабер, – козырнул один в мундире. – Вы не представились, молодой человек.

– Ах да, извините, Артур Александров, – я слегка склонил голову.

– А не тот ли вы молодой человек?.. – начал было задумчиво майор, но тут его глаза расширились, и он приказал солдатам взять меня на прицел, что те молниеносно и проделали, показывая высокую выучку.

Меня это разозлило, я и так спешил, а тут ещё британцы показывают характер. В общем, я ушёл в скоростной режим, и скоро все военные

стояли в позе кладущего земные поклоны, а из их поп торчали приклады оружия. Насколько мог, настолько и запихнул, лишь майору повезло, в его кобуре был револьвер, винтовки ему не досталось.

Потом я застращал местных чиновников. Они видели, что я сделал с военным комендантом, и были впечатлены. В общем, они вызвали к «Дугласу» машину с бочками топлива и моторного масла, а я пробежался и убрал часовых, а также обезвредил шесть зениток. Перед погрузкой бочек трюм транспортника пришлось освободить от груза предыдущего хозяина. Взлетев, я направился в сторону Москвы. Кстати, эта машина действительно была лучшей на аэродроме Дели. Так образом, на скорости в триста километров в час я с каждой минутой приближался к Москве.

Топлива взял по максимуму, не забыв шланги и ручной бензонасос. То есть в салоне стояло десять бочек с топливом и одна с маслом. Взял бы больше, грузоподъёмность позволяла, но не влезло.

На середине маршрута пришлось искать место для посадки. Нашел пустынную долину с ровной и крепкой поверхностью. После заправки выкинул пустые бочки, распределил остальные. Тяжело было кантовать, но я справился, хотя силы у меня не было, видимо, эту опцию я получу, когда перешагну в следующий ранг.

Несмотря на бессонную ночь и довольно тяжёлый день, я сразу взлетел и направился дальше. Можно было и поспать, всё же я шёл с опережением графика, у меня впереди ещё два дня, даже чуть меньше, но всё равно еды не было. Местность вокруг пустынная, ни одного дерева вблизи, кого тут поймаешь и приготовишь! Доберусь до Москвы, там уж высплусь, и отправлюсь дальше.

Пролетев нашу Среднюю Азию и краем зацепив Каспийское море, в полночь с девятого на десятое мая я был над Москвой, поэтому решил сесть в лесу на поляне. Там я думал замаскировать самолёт. Изучу, что произошло в столице, пока меня не было, интересно же, потом уже двину дальше. Топлива до Ржева мне хватит. В общем, пока не прощупаю обстановку, ничего планировать дальше не буду. Нужно узнать, где пролегает линия фронта, а то я в тропиках был оторван от информационной соски, и сведения об этой войне доходили туда очень редко и наверняка перевернутыми. Ну вот что за чушь – Москва взята немцами?

Темень вокруг была полнейшая, но я смог, оставив Москву правее, найти поляну и совершить вполне благополучную посадку. Причём даже не включая прожекторов – воспользовался ночным зрением. Видно было как днём, я просто с помощью своих лечебных умений немного изменил восприятие глаз и стал видеть всё в серых тонах. Кстати, со стороны Москвы даже лучика света не было, неплохо они там светомаскировку соблюдают, проверил, ни огонька. Хотя я далековато, мог и не рассмотреть.

Изменение глаз было временным, скоро всё должно прийти в норму, поэтому я подготовился для быстрого взлёта – заправил полные баки и замаскировал самолёт. После этого неторопливо побежал к опушке. Вот будет нормальная дорога без единого дерева, в которое можно влипнуть на полном ходу, и пробегусь нормально. Тут недалеко, километров тридцать до окраины столицы.

Не успел я отдалиться и на километр от точки засады, как почувствовал

приближение людей. Необычное ощущение: я чувствовал ритм их сердца, работу многих органов и излучение мозга. Группа из восьми человек быстрым шагом, изредка переходя на бег, явно спешила к моей поляне. Терять свой «Дуглас» я не хотел, машина мне нравилась и пока исправно работала. Догнав группу, я дистанционно погасил их сознания, после чего внимательно осмотрел. И изрядно озадачился. Это были не немцы, у части наша форма, у других гражданская одежка, но все при оружии. Треть наше, даже ППШ есть, остальное немецкое, включая МГ. Кто по лесу с пулемётом багет? Разве что партизаны.

Обыскивал тела на ощупь: зрение вернулось в норму, и я стал видеть не лучше любого другого человека. Во время полёта я изучал свой организм и частично понял, как тот работает, история с глазами была первым экспериментом, но я чуял, что частое использование этого инструмента может привести к беде. Ослепнуть мне, конечно, сложно, но на некоторое время возможно, с учётом того что восстановить даже с помощью моих умений будет трудно, пока само не пройдет. В общем, рисковать я не стал. Найдя в карманах командира группы фонарик, использовал его, а также привёл в сознание командира. Вот тот полностью был в нашей форме, с телогрейкой и треугольниками старшего сержанта в петлицах. Судя по эмблемам, артиллерист.

Банда? Дезертиры? Почему у сержанта орден Красной Звезды под телогрейкой? Непонятно. Я изучил потрёпанную явно трофейную карту с нанесёнными обозначениями, а когда разбуженный командир очнулся, я поднял на него удивлённые глаза и с возмущением спросил:

– Вы что, уроды, Москву сдали?! – дальше последовала неперевожимая игра слов.

Партизанский отряд, с ребятами которого мне повезло повстречаться, действовал в тылах немецких войск. Наносил булавочные уколы по транспортным магистралям, но в этот раз попал в засаду. Столица находилась в тридцати шести километрах от леса, куда я совершил посадку.

– Вот там в землянке командир наш находится, – указал рукой сержант. – Сейчас я его разбужу и доложу.

Пока мы шли к базе партизанского отряда, уже достаточно рассвело. Наша встреча прошла практически без эксцессов. Оказалось, обо мне знали и помнили, Артур Александров был национальным героем Советского Союза. Партизаны и бойцы на фронтах знали из газет, что я не только подарил десять истребителей армии, но и сам истреблял нацистских

захватчиков. В газетах даже об истреблении лётчиков было, причём с подозрительно подробными деталями. Такое можно было разузнать только у немецких криминалистов, сам я никому не сообщал. Так что, как только я назвал свои данные, на меня вылупились со щенячьим восторгом, даже перестали пробовать незаметно вырваться из пут. И это взрослый повоевавший мужик, который начал войну летом под Житомиром. Почти год ведь воюет, награду имеет.

Насчёт того, что сдали Москву, я немного ошибся, линия фронта уже шесть месяцев проходит через середину Москвы. Здесь не было Сталинграда, была Москва, и надо сказать, кузницей кадров она стала не слабее Сталинграда. Шесть месяцев здесь перемальвались советские и немецкие дивизии, и выжившие бойцы и командиры теперь сто очков дадут другим фронтовикам. По словам сержанта Чернобуркина, в Москве погибло примерно три стрелковые армии, но немца дальше не пустили. Как я понял, трагедия произошла только потому, что немцы в битве под Москвой внезапно совершили рывок вперёд с помощью скрытно подведённых резервов и вышли на окраины. Сибирские дивизии не успели. Вот такие дела.

Чую, Гриша тут постарался, рассказал, как немцев отбросят от Москвы, вот те и подготовились. Странно, что Генштаб и Сталин это не предвидели, я же дал всю выкладку по мне и Грише. Остальная история тоже шла не так, как в моём мире. Ленинград захвачен не был, да и блокады как таковой тоже не было, так что голод городу не грозил. В остальном дела даже хуже были, немцы далеко отбросили наши войска. Но зато у Союза появилось время, чтобы запустить заводы на Урале, и теперь в войска поступала новейшая техника. Танки, пушки и самолёты потоком шли. Так что немцы хоть и были в Москве, но полностью её не захватили.

Всё это я узнал от сержанта. Ах да, Ржев давно был под немцем. И таких боёв, как в моей истории, там не было, немцы под Тверью стояли, но город взять не смогли пока. Фронтом на линии Москвы командовал Жуков. Этот справится, я уверен.

Помочь нашим я хотел, но вроде как не мог. Страж не Посредник, вмешиваться в мирские дела не может, если это не касается его лично, то есть возникает угроза жизни. Посредники помогают мирному населению, а Стража следит за ними и уничтожает самых отморожков. То есть в войне я действительно помочь не мог. Только одно не противоречило кодексу Стражей: я мог лечить раненых. А если мне проехать по всем подмосковным госпиталям и больницам? Так это целая армия получится, причём сплошь фронтовики, знающие, почём фунт лиха. Обрадуется

Жуков такому пополнению? Думаю, очень даже. Резервы-то все уже перемололи, маршевых рот немного, так что основное пополнение – из подростового молодняка да фронтовиков, что выписываются из госпиталей. А моё умение отрачивать утраченные конечности? У-у-у, чую, весело скоро немцам будет. По кодексу, помогать ни одной из сторон я не имел права, это удел Посредников, а вот так, не явно, мог.

Именно об этом я думал, пока поисковая партия сержанта рассаживалась по удобным чурбакам, а я ожидал появления командира партизанского отряда. Между прочим, капитана милиции этого района. Я собирался сразу отправляться в Москву, там в одном из подвалов был штаб фронта, однако сержант уговорил меня навестить их отряд, между делом сообщив, что они недавно понесли серьёзные потери при нападении на колонну противника. Нападали на тыловиков, а это оказались фронтовики. Вот им и врезали. Одиннадцать погибших, два десятка раненых, ладно, пулемётчики дали отойти отряду и эвакуировать раненых. Сами погибли, но отряду время отвоевали. Поэтому я решил навестить базу и поднять ребят на ноги.

Командир отряда появился на лесной полянке минут через пять. База была отлично замаскирована: часть землянок вырыты в склонах оврага, часть – полуземлянки. Из одной такой вышел сотрудник милиции в довоенной форме, ещё какой-то мужик с неприятным лицом и сержант, командир группы реагирования. До места моей посадки отсюда было километра четыре, вот они и прибежали. Я их сам случайно навёл, когда делал круги перед посадкой, сбрасывая скорость. Надеюсь, немцы проморгали мой прилёт, всё же я сбросил газ на подлёте и практически крался, но вряд ли мне так повезёт, наверняка знают обо мне. Да уж, не думал, что тут тылы немцев, а до линии фронта двадцать пять километров.

Когда вся тройка приблизилась, тот, что с неприятным лицом, вдруг выхватил из-под полы кожаного пиджака наган и трижды выстрелил в меня, четвёртый раз не успел, сержант сбил его с ног, выкручивая руки. А тот орал что-то бессвязное и плевался.

Командир партизанского отряда несколько секунд смотрел на меня, ожидая, когда я упаду, а заметив, что все три пули я кручу в пальцах, только удивлённо поднял брови.

– Что за хмырь? – я бросил пули на палую листву и кивнул на типчика.

– Секретарь парторганизации нашего района, у меня в отряде исполняет обязанности комиссара, – махнув рукой, чтобы успокоить своих людей, пояснил капитан. – Он вас не ранил?

– Видите ли, за все мои дела Бог, который сейчас смотрит на нас с неба,

сделал меня архангелом. Причём не простым, а архангелом мщения. За пару проступков – я оприходовал пару его наложниц и райский сад объел – он отправил меня на Землю. Помочь я вам не могу, сами понимаете, связан некоторыми правилами, но могу лечить раненых. Хочу вылечить ваших, а потом тех, что в госпиталях под Москвой лежат. Три-четыре дивизии на ноги подниму, а это уже сила.

– Хм, такую чушь говорите, а всё равно верить хочется, – капитан задумчиво наблюдал, как бьющегося в истерике комиссара уносят в землянку. – Сейчас мои люди его допросят, но хотелось бы услышать вашу версию произошедшего. Афанасий себя так никогда не вёл.

– Он одержим демонами, – не моргнув глазом, быстро ответил я. – Я от Бога, он от демонов, почувствовал во мне святость, вот и решил кардинально изменить ситуацию. Кстати, он сосуд для демона, тот заперт у него внутри. Расстреляете, значит, разобьёте сосуд, и демон вырвется на свободу, завладев душой одного из вас.

– Что же тогда делать? – растерянно спросил один из зрителей. Вокруг собралось достаточно народу, и многие явно были из деревень, для них-то я и нёс эту пургу.

– Сжечь живём. Очистительный огонь не только сожжёт сосуд, но и уничтожит демона, тогда никто из вас не станет одержимым.

Капитан внимательно выслушал этот бред, но быстро пришёл в себя и, разогнав возмущённо загудевшую толпу, пригласил меня пройти в другую землянку. К раненым. Там я задержался всего на пять минут. За мной следом потянулись когда-то раненные. Одному я отрастил три отстрелянных пальца, а другому деду – ногу, он поваром был, в гражданскую её потерял, и теперь пробовал встать на нее с таким детским удивлением, что многих пробрало. Только после этого капитан Зиновьев пригласил меня в свою землянку поговорить по душам.

– Ладно, я видел, как вы восстанавливаете людей, и в часть ваших слов поверил, но неужто Афанасий действительно одержим?

– Да бред, конечно, – я широко зевнул, аккуратно прикрывая ладонью рот. – Вот на костёр его ваши тёмные люди отправят, будет знать, как в меня стрелять. А так мне и самому интересно выяснить, чем я ему так не понравился.

– Ну, я примерно так и думал, – довольно кивнул Зиновьев, с некоторым облегчением улыбнувшись. – Какие у вас сейчас планы?

– Сбегаю к Жукову. Пообщаюсь, всё равно ваше правительство в Куйбышеве, там дальше решим. Кстати, Сталин ваш молодец, два месяца сидел в Кремле, не обращая внимания на артиллерийский обстрел, пока

крепость не снесли вместе с Мавзолеем. Другой бы давно в Куйбышев убрался, а он держался, и только когда немцы приблизились к Красной площади, вынужден был сменить местонахождение.

– Да, согласен, – кивнул капитан и задал неожиданный вопрос: – А почему вы каждый раз, когда упоминали о Боге, поднимали правую руку и показывали небу средний палец?

– Это знак, что я его очень сильно уважаю, – не моргнув глазом соврал я. Не говорить же, что у меня это уже вошло в привычку.

– Понятно, – протянул тот, но добавить ничего не успел, в землянку спустились двое, Чернобуркин и кто-то мне не известный. – Что удалось выяснить?

– Молчал как партизан, пришлось колоть, – стянув пилотку и вытерев ею лицо, ответил неизвестный. – Оказалось, он ещё с тридцать девятого на немцев работает, а когда те подходили к Москве, ему дали задание найти Александра и уничтожить. Видимо, всю агентурную сеть задействовали. Вот и не сдержался, столько времени ждал, а тут цель перед лицом. Кстати, о нашем отряде и где мы находимся, немцы знают, и на засаду он нас навёл. Только не трогают из-за него же. Тут ещё двое его людей. Их всех взяли. Ближайшая связь с резидентом через сутки.

– М-да, весело, – протянул Зиновьев и велел: – Собирай людей, уходим.

– Подождите, – поднял я руку. – Тут рядом с вашим лесом вроде как целый батальон на постое, заодно не дают вам покинуть лес. Вокруг торфяные болота, сухой путь только через село. Так вот что я предлагаю. Я сейчас направлюсь в Москву и по пути пройду через это село. Вы через полчаса всем отрядом вступаете туда и собираете вооружение и всё, что вам пригодится.

– А немцы? – спросил не представленный мне неизвестный.

– А они к этому моменту будут мертвы... все. Это ещё не всё. О самолете, что я угнал у британцев в Индии, вы знаете. Там есть топливо, хватит до конечного пункта, обратно, и ещё останется. Я заметил у вас трёх летунов и предлагаю вот что. Они полетят со мной до нужного мне места, а потом самолёт я подарю вашему отряду, на нем и вернутся. Как, принимается?

– Принимается, – кивнул Зиновьев.

– Тогда через полчаса топайте за мной, раненых у вас теперь нет, все активные штыки. Так что собрать можете уйму вооружения и техники. Всех умеющих водить, подготовьте. Ваша задача – охранять самолётную площадку до моего возвращения, ну и потом получить «Дуглас».

– Идёт, только особист летит с вами.

– Да мне без разницы, – вставая со скамейки, пожал я плечами. – Ещё мне нужна красноармейская форма.

Присутствующие с интересом осмотрели мою одежду. Кроме порванной по шву штанины, она было нормальной.

– Зачем? – поинтересовался капитан.

– Чтобы у немцев появилось желание на меня напасть. Самому мне это делать нельзя, точнее не рекомендуется, только в порядке самозащиты. Так что собирайте меня так, чтобы я выглядел как молоденький красноармеец.

– Сделаем, – кивнул особист.

За десять минут меня полностью собрали, только сидор остался свой. Проверив, как сидит форма – откуда только маломерку эту нашли! – я также проверил и сапоги. Форма была подогнана на высокого, но худощавого парня, то есть как раз под меня. Проверив пилотку, я поправил ремень с чехлами под патроны и повесил на плечо карабин Мосина. Выдали мне всего пять патронов, да и те, думаю, не пригодятся, хотя в карабин обойму и вставил. Всё, со стороны я действительно натуральный красноармеец. Главное, чтобы одежда не порвалась, когда я носиться по селу буду, но вроде крепкая, может, и выдержит.

С отрядом я дошёл до опушки. Те остались на месте, а я вышел на дорогу, на ходу снимая карабин и подсоединяя штык. Колоть я собирался им, хотя в голенищах было по ножу. Спать хотелось так, что я готов был лечь прямо на дорогу и вырубиться, но помогли светящиеся руки, на два часа всего, но всё же.

Да ещё эти партизаны, чтоб им, повеселили. Я, когда покидал опушку, обернулся на прощание, так они мне все как один средний палец показали. Надо будет в следующий раз следить за своей речью.

***Опушка леса. Подмосковье.  
10 мая, восемь часов утра***

*Сидящий на корточках капитан Зиновьев следил с помощью трофейного бинокля за действиями этого непонятого парня. Как к нему относиться, капитан не понимал до сих пор. С одной стороны, тот нёс полную ахинею: Бог, архангелы и демоны, – но при этом поднял два десятка раненых, из них шесть тяжёлых. Да что там, двоим конечности утраченные отрастил. Каково?*

*– Эх, была бы у нас рация для связи с Большой землёй, не мучились бы, как поступить, – невольно вслух произнёс Зиновьев.*

*Стоявший рядом особист, действующий сержант ГБ, который тоже попал в окружение, а потом прибил к отряду Зиновьева, бросил на него быстрый взгляд и вернулся к наблюдению. Он был с ним полностью солидарен. Две группы, посланные для связи с Большой землёй, так и не вернулись, видимо не дошли. Немцы крепко контролировали этот лес. Сейчас-то понятно, почему не дошли, комиссар сдал обе группы, а ведь на них была большая надежда.*

*А парень в это время танцующей походкой приблизился к околице, до которой было метров шестьсот. Там находился усиленный танком пост. Вот ему дорогу заступили шестеро немцев, и Александров им что-то сказал, отчего вся шестёрка полегла, держась за животы от смеха. Что было дальше, никто понять не смог, они вдруг действительно легли, да и головы, мелькавшие над мешками блокпоста, тоже пропали. Лишь чуть позже снова показался этот паренёк. Он махнул рукой явно партизанам и двинул в центр села.*

*– Ни одного выстрела, и все немцы мертвы, – ошарашенно пробормотал Зиновьев.*

*– Если только это не игра, – впрочем, особист и сам не верил в эти слава. Они отчетливо видели кровь, растекавшуюся под убитыми.*

*– Разведгруппа, вперёд, – скомандовал Зиновьев. Семеро бойцов, прикрывая друг друга, перебежками добрались до поста и замахали руками, подзывая остальных. Путь был свободен и безопасен.*

*Через час Зиновьев и особист встретились у здания администрации. Рядом находилось здание районного отделения милиции, в котором Зиновьев проработал шестнадцать лет, последние три – начальником.*

*– Ну, что скажешь?*

*– Шесть танков, восемь бронетранспортёров, сорок шесть автомобилей, более семи сотен единиц трофейного оружия, включая*

*тяжёлое, – устало вытирая лоб, ответил особист. – Этот Александров тут как Мамай прошёлся, только всё цело, а немцы перебиты. Причём у всех повреждения одинаковые – от штыка нашей винтовки. Там след характерный, специально смотрел.*

*– У него карабин, – вздохнул капитан и, осмотревшись, добавил: – Кажется, третья партия трофеев в лес отправляется, пора и нам. Всё, что можно, мы забрали, остальное и так не нужно, так что снимаем посты охранения и отходим. Нужно создать узел обороны, немцы не простят нам уничтожение целого батальона, бывшего у них в резерве.*

*– Грузовики с трофеями, танки и бронетранспортёры в лес угнали, ни к ним, ни к четырём зениткам у нас людей нет. Из танкистов-окруженцев еле-еле на один танк экипаж наскребли.*

*– Ничего, чую я, недолго нам в окружении находиться, – пробормотал Зиновьев, и они направились к грузовому «Опелю», тархтевшему на малых оборотах. В кузове стояли коробки с патронами для пулемётов – ценное приобретение! Заняв место водителя, Зиновьев сам повёл машину к лесу, за ним двигался второй грузовик, с особистом за рулём.*

*Техники в селе не осталось, вся была загнана в лес, сосредоточена и замаскирована на дороге. А на опушке разворачивалась трофейная миномётная батарея. Пока из трёх орудий – по количеству подготовленных артиллеристов. Руководил Чернобуркин. Левее маскировали противотанковое орудие.*

Покинув опушку, я направился к въезду в село по небольшой, но хорошо накатанной дороге. Карабин на плече, сидор за спиной, пилотка набекрень. В общем, красавец воин, солнце играет на штыке. Дорогу мне перегородили немцы в количестве шести голов.

– О, на ловца и зверь бежит, – на немецком сказал я. – Значит, так, я беру всех вас в плен. Всех, кто находится в селе.

После моих слов немцы почему-то стали ржать. Пришлось успокоить, пробежался и приколол их всех. Тут неполный взвод был, человек двадцать, плюс экипаж «двойки». Подозвав партизан, я направился вглубь села, после чего перешёл на скоростной режим и так и работал штыком карабина. Очень удобно, кстати говоря. Почти семь сотен немчиков отправились в мир вечной охоты, это всё заняло у меня минут двадцать, после чего я покинул село и побежал по дороге в сторону Москвы. Что делать в селе, партизаны и так знали, я видел, как они начали собирать трофеи. «Двойку» успели отогнать на опушку и завести в лес по непроторённой узкой дороге, где раньше ездили одни телеги.

Но это их дела. Я бежал по дороге, причём перепрыгнул через десятиметровую речку прямо над остатками моста. От него оставались лишь обожженные пеньки, в стороне понтонный мост, и немцы по которому спокойно ездили. Противник мне встречался постоянно, тылы были забиты плотно, даже склад засёк в стороне. Всё это я не забывал наносить на карту, что взял в штабе.

Чем ближе к передовой, тем громче грохотала канонада. А чуть позже я и ружейно-пулемётную стрельбу стал слышать. Окраину Москвы я пробежал быстро, да от нее ничего и не осталось, кроме воронок. Ближе к центру тоже ни одного целого дома, только обгоревшие кирпичные коробки. Однако немцев тут хватало. Тысяч триста точно было. Это не предположение, а подтверждённый факт, я незаметно побывал в штабе командующего немецкими войсками, руководившего полным захватом Москвы, там и спер карту со всеми метками, а потом добрался до передовых позиций и незаметно перешёл уже на нашу сторону.

Найти штаб Жукова оказалось несложным делом. Всего час понадобился, даже спрашивать никого не пришлось. Посыльные постоянно шныряли туда-сюда. Вот и проследил их до штаба фронта, а там уже сам напросился на встречу. Ну, как напросился? Прошёл в небольшой закуток, где спал на застеленной койке невысокий крепкий мужик с уставшим лицом, взял его за грудки и хорошенько потряс:

– Эй, генерал! Генерал, ты не спишь?

Тот спросонья замахал руками, пока, наконец, не проснулся, замычал что-то нечленораздельное, быстро переходящее в мат с последующим:

– Кто посмел?

– Я и посмел, не видишь, что ли? – усаживаясь на единственный табурет, ответил я.

– Кто такой, что надо? – рявкнул тот.

– Артур Александров, решил вам немного помочь. Не только отбить назад Москву, но и откинуть подальше нациков.

К нам ворвалась охрана. Но генерал отозвал их и велел позвать начальника штаба и члена военного совета фронта. После этого подхватил трофейные карты, как батальона, так и штаба немецкой армии и прошёл в зал. Расстелил их на столе и стал с интересом изучать. Также он распорядился, чтобы мне принесли новую форму по размеру и сапоги. Я осмотрел свои лоскуты – даже сидор порвался, – а также сапоги без подошв, и с завистью вспомнил комбинезон Зина. Уверен, в таком без проблем можно бегать на любой скорости. И не поделился, гад, хотя наверняка у него был запасной, а ведь знал, что тот мне нужен. Ну да

ладно, сам добуду.

– Чем ты ещё хотел помочь? – не отрываясь от карты, спросил Жуков.

– Я смотрю, тот полковник-танкист обгорел серьёзно, лицо изуродовано, да и тело, наверное, тоже. Так вот, на его примере я покажу, что могу. Пока своими глазами не убедитесь, не поймёте моей задумки. Полковник, подойдите, – велел я.

Пока я переодевался, в штабе стало заметно больше людей. Многие командиры соединений прибыли, чтобы изучить трофейные карты, был среди них и этот полковник. Да ещё генерал с рукой на преревязи. Вот их обоих я при всех и вылечил.

– Оба-на, – невольно воскликнул я, разглядывая восстановленное лицо танкиста. – Так это же Катуков! Не ожидал.

– Вы меня знаете? – удивился тот, надевая форму.

– А то, я ваши мемуары читал, как вы, командир гвардейской танковой армии, брали Берлин в сорок пятом. Хорошо написано, толково.

Жуков меня перебил. Он действительно оказался очень умным человеком.

– Вы предлагаете нам помощь в излечении раненых?

– Да. На каждый госпиталь я буду тратить не больше двадцати минут. Ни раненых, ни увечных не будет, даже ампутированные конечности отращу. Только у вас не больше суток. Завтра в десять часов я вас покину, уже навсегда. Думаю, вы не будете против нескольких дивизий излеченных фронтовиков.

– Ещё как не буду, – кивнул тот. – С резервами совсем плохо. Когда приступите?

– Мне нужны координаты всех госпиталей на сто пятьдесят километров вокруг. Также предупредите персонал о моём прибытии, начну с ближайших. У меня есть сутки.

– Не успеете, – покачал головой другой генерал, начальник штаба. – Их многие сотни.

– Я бегаю быстро, успею, – криво усмехнувшись, ответил я. – Машину и сопровождающего не надо. Просто дайте координаты госпиталей. Чтобы не тратить время понапрасну, дайте координаты десяти ближайших, пока я работаю в них, следующий список будет в десятом, так и будем работать.

– Сделаем быстро, – кивнул начштаба. – Начальник медицинской службы фронта уже прибыл, с ним мы быстро составим список.

Я успел едва-едва. Особисты в штабе пытались меня заблокировать, да ещё две машины подошло с бойцами НКВД, но я со списком в руках покинул штаб и убежал. Уже через минуту я был в первом госпитале. Он

находился на окраине Москвы на контролируемой советскими войсками стороне в подвале школы, так как первые этажи были разрушены обстрелом и бомбёжкой. Москва со стороны представляла печальное зрелище, такое же, как и Сталинград после освобождения. Или перед ним, как посмотреть. Бои-то до сих пор идут.

В большом подземном каземате с целым комплексом комнат находилось три тысячи раненых, видимо тут основной пересыльный пункт. Здесь оставались в основном легкораненые или средней тяжести, остальные дальше. Никого из персонала я посвящать в свои дела не стал, похоже, до них не дозвонились, возможно, связь была повреждена, и меня никто не встречал. На этот гигантский госпиталь у меня ушло не двадцать минут, а все сорок. Я там чуть не заблудился, зато раненых не осталось, вылечил даже тех, что лежали на операционных столах. Правда, так торопился, что руки одного хирурга вместе с инструментами остались в брюшной полости одного из раненых. Пришлось извиняться и помогать извлекать их. Только потом я покинул это место и побежал по остальным. К обеду закончил. Но к счастью, в десятом госпитале меня ждал горячий обед на четверых – я его ещё в восьмом попросил, сказав, что так могу восполнить силы. Ну, и список с координатами других госпиталей вручили. Я за это время вылечил десять тысяч раненых, но упадок сил был такой, что я сомневался, что смогу продолжить. Видимо, непрерывно я так работать не мог, силы у меня тоже не бесконечны. Однако от Жукова мне пришла благодарность, те бойцы, что уже прошли излечение, серьезно усилили обескровленные подразделения. Фронтвиков было больше половины.

Кстати, мне ничего не говорили, но вдруг началась мощная канонада. Думаю, пока немцы не меняли позиции, по ним нанесли удар всей фронтовой артиллерией, и пехота при поддержке танков серьезно потеснила их. Три часа как пополнение пошло в войска, и нате вам, наступление. Молодец Жуков, воспользовался ситуацией. Интересно, каковы потери немцев, в том числе в артиллерии и технике? Кстати, канонада не уменьшилась, а кажется, даже усилилась. Но потише стало, неужто фронт двинулся? Обо всем этом я мог только догадываться, докладов мне не делали.

До главврача дошло, что его оставили без работы – я даже три грузовика со свежими ранеными отправил обратно, – он прошёл в столовую, где я под ошарашенными взглядами персонала уминал уже третий комплекс блюд, и сел напротив меня.

– А вы знаете, Артур, что из десяти ваших истребителей целыми

осталось два? Немцы с такой злобой охотятся за ними, что наши лётчики специально начали организовывать засады, используя их как приманки, и вы знаете, получается, потери у немцев огромные. Да и в небе над Москвой постоянно гремят воздушные бои. Больше двух сотен набили, а они всё не переводятся.

– Печально, – согласился я, пододвигая к себе щи из четвёртого комплекса и подхватывая хлеб из тарелки.

Главврач ещё что-то хотел сказать, но его попросили освободить место, да и вообще покинуть помещение столовой вместе с персоналом. Тот, кто это сделал, мне был знаком – особист, что командовал в штабе Жукова.

– Ну, и долго ты от нас будешь бегать? – спросил он.

Оторвавшись от щей, я с изумлением захохотал.

– Да на хрена вы мне сдались, бегать от вас?! Что мне надо, я получил, большего мне и не нужно. Я ведь не первый попаданец из будущего, с которым вы беседуете, видел я другого, что с детьми был, так что не надо нагнетать обстановку. Общаться с вами я не собираюсь. Да ещё хочу добавить, что и возможности нет. Завтра в четыре мне нужно быть в одном месте на оккупированных территориях, где откроется портал в другой мир. Это мой шанс, и упускать я его не собираюсь. В общем, насколько хватит сил, подлечу ваших бойцов, и всё, отправляюсь в другой мир. Так что мы с вами больше не увидимся. А если судить по тому, что миров, похожих на ваш, миллионы, то с гарантией.

– Мне приказали задать вам вопрос о человеке, который пошёл к немцам в услужение.

– О Грише, что ли? – уточнил я. – Забудьте. Ликвидирован ещё в конце июля. Сперва мне двойника подсунули, но потом я понял свою ошибку и закончил дело. Второй точно Гриша был, с гарантией ухлопал. Три пули. Две в грудь, одна в голову.

– Вы уверены? Может, это тоже был двойник. Немцы чутко реагируют на все наши наступления, да и появилось новое вооружение. Наши подразделения гвардейских миномётных дивизионов очень неплохи, немцы их налётов очень боятся, но и у немцев начало появляться что-то подобное. Причём массово, хотя бы одно подразделение этой реактивной артиллерии в каждой дивизии вермахта появилось.

– Это так. Оказалось, Гриша ещё в Союзе до его развала в девяносто первом учился на военного инженера по этим ракетам, и видимо, оставил записи немцам. У него было время. Так что немцы знают, куда стремиться. Почти такие же записи я передал и вам, но без подробностей. Как эту ракету обезвредить, я знаю, учили, а вот как построить, в отличие от

Гриши, не знаю. Думаю, у немцев скоро появится серьёзное серийное оружие, вам нужно поторопиться и освободить как можно больше своей территории. Но и о партизанском движении не забывайте, оно может полностью купировать транспортные артерии противника. Такие большие пространства контролировать сложно, и крепкие партизанские отряды могут освободить от захватчиков целые области.

Всё это я говорил, не отрываясь от второго блюда. Куда в меня лезло, непонятно, однако несмотря на объём съеденного, мой живот округлился немного, я бы сказал чуть-чуть, а приток сил пошёл, но всё же внешне было незаметно, что я поел. Видать, метаболизм подстёгнут резким упадком сил, и организм мгновенно усваивал всё, что я ел.

Мы ещё немного поговорили, пока я не закончил обед.

– А теперь извините, мне нужно спешить. Делу время, а потехе час. Всего хорошего.

Не успел старший майор госбезопасности открыть рот, чтобы остановить меня, как я, забрав список с координатами госпиталей, рванул через открытое окно по следующему адресу. Ещё шесть госпиталей и медсанбатов, и можно уходить за территорию Москвы по окрестным населённым пунктам. Москву от раненых я уже подчистил. Правда, там Жуков совсем уж разошёлся, и пополнение пошло с фронта, где не стихали ожесточённые бои, но ничего, может, сил и на них хватит.

**Куйбышев.**

**Резервная Ставка Верховного Главнокомандующего.**

**Кабинет Сталина в недостроенном бункере.**

**1942 год, 10 мая, 16 часов 37 минут**

– Товарищ Сталин, к вам товарищ Берия, – прозвучало в динамике селектора.

– Пусть войдёт, – нажав на кнопку, приказал хозяин кабинета и велел двум секретарям райкомов перенести совещание на более позднее время.

Как только те вышли, пропустив в кабинет наркома, Сталин спросил:

– Подтвердилось? Это он?

– Да, это Оракул-1, – кивнул Берия, предварительно прикрыв дверь. – Он побывал в штабе Жукова и сбежал оттуда до того, как начальник особого отдела фронта успел окружить штаб подчинёнными ему подразделениями. Выяснилась странная особенность Оракула, о которой мы не знали, или, вполне возможно, ими не владел Оракул.

– Что именно?

– Он очень быстро перемещается, способен пробежать километр за долю секунды. И лечит. Лечит от всего. Ампутированные ноги и руки заново отрастают. Оракул, по договорённости с комфронта, посетил четыре десятка госпиталей и всех раненых поднял на ноги, отчего соединения Жукова изрядно пополнились людьми. Да и сейчас бегаёт. По примерным прикидкам, комфронта получил около двадцати пяти тысяч и сразу начал наступление. Оракул предоставил ему карту из штаба командующего армией противника.

– Вот так вот сразу ему поверили?

– Но мы ведь сами создали культ Александрова... Но Жуков не таков, чтобы верить сразу неизвестно кому. У него была некоторая информация о передовых подразделениях, воевавших в Москве, он сравнил их с добытой картой и выявил совпадения. Так что Жуков опирался только на факты. Потом была молниеносная подготовка к атакам с флангов, именно туда и шли все пополнения, ну и прорыв. Что точно там происходит, мне пока не известно.

– А вот мне, товарищ Берия, известно. Жуков лично доложил о появлении Александрова, а также о возможности благоприятного наступления и получил моё согласие на любые действия. На данный момент ударные части, пробив бреши по флангам группировки войск противника, направились в их тылы с задачей окружить войска вермахта в Москве. Не зря мы туда стрелковый корпус и четыре резервные дивизии

*перебросили, да и два танковых полка на новейших машинах, с пополнением пригодились. Так что ждём и надеемся. Если подразделения вермахта будут окружены, то фактически им нечего будет противопоставить нашему дальнейшему наступлению. Ведь в Москве не только мы потери несли, но и немцы. Резервов у них нет. А те две румынские дивизии, что находятся у них в тылу, используются как охранные, воинами их назвать нельзя. Наши дивизия прошла горнила боёв, сметет их и не заметит.*

*– Это было бы хорошо... Что с Оракулом делать? Догнать мы его не можем, остановить тоже, а общаться с нами он не желает.*

*– Где он был всё это время, выяснили?*

*– Да. Он, оказывается, отдыхал в тропических морях на собственной яхте в окружении девушек-туземок. Что-то у него там было, лечился от чего-то.*

*– Откуда такие сведения? – несколько удивился Сталин.*

*– Несколько часов назад начальник особого отдела фронта всё-таки смог его перехватить во время обеда и пообщаться. Удалось выяснить, что некто Гриша – тот, что Посредник – был им ликвидирован в Берлине, но Оракул-1 уверен, что тот оставил записи, которыми и пользуются немцы. Такая активность в новом поступлении техники объясняется именно этими записями. У нас только-только серийные автоматы Калашникова пошли в войска, а у тех уже три месяца используются иштурмовые винтовки на базе того же автомата.*

*В это время в кабинет заглянул Поскрёбышев:*

*– Товарищ Сталин, сообщение от начальника отдела фронта. Оракул-1 во время излечения очередных больных потерял сознание. У него из ушей потекла кровь. По предположению врачей, это обессиливание, он простудился. Но, к счастью, жив...*

До самого вечера я бегал по медсанбатам, больницам и госпиталям. В общем, там, куда свозили большое количество раненых, и адресам, которые у меня были. В полночь меня вырубил в одном из госпиталей для командного состава из-за полного отсутствия сил, и очнулся я уже утром. Обнаружил, что лежу под капельницей с глюкозой в одной из палат. Силы были, поэтому я незаметно для охранявших меня бойцов НКВД покинул палату, оделся на складе для выздоравливающих – форма была только командирская – и, долечив тех, кого вчера не успел, – меня вырубил в четвёртой палате, а всего было двадцать шесть, – побежал по следующему адресу. Листок пропал вместе с формой и обувью, но я помнил, куда

направляться. К обеду я снова почувствовал упадок сил, но меня покормили, после чего я велел главврачу выйти на штаб фронта с сообщением, что я закончил, больше помощи от меня не будет, и побежал в сторону передовой.

Вот там пришлось удивиться. Обегал я Москву стороной и, надеясь найти линию фронта, которую собирался пересечь и добраться до отряда Зиновьева, обнаружил пустые окопы. Я видел три чадящие на ничейной полосе коробочки танков, да две были в глубине немецких позиций, так что наши, сбив немцев, рванули дальше, охватывая тех, кто сидел в городе. Гремело отовсюду, по освобожденной передовой, по расчищенным сапёрами позициям, следом за своими войсками шли тыловые подразделения. В этот момент меняла позицию гаубичная батарея и двигалась колонна с боеприпасами. Постояв ещё пару секунд над бывшей позицией немецкого пулемётного гнезда, я побежал дальше. Толчок, который был так необходим Жукову, им получен. По моим прикидкам, я поднял на ноги около пятидесяти тысяч человек, вот он и воспользовался ситуацией. Похоже, окружение немецкой группировки в Москве дело времени. Резервов у тех тоже практически не было, так что тылы были безопасны для наступления, и наши сейчас давили всё, что встречалось на их пути, замыкая колечко.

Зиновьев ждал меня. Я получил новый комплект формы, так как от прежнего опять остались одни лохмотья. В этот раз мне дали трофейное шёлковое нательное бельё, а также немецкий комбинезон танкиста со споротыми нашивками. Капитан несколько хмуро поглядывал на меня. Пришлось спросить, чем я ему не угодил. Оказалось, пока его партизанский отряд таскал трофеи уничтоженного батальона, в лесу создавая схроны с вооружением и техникой, трое часовых на базе вытащили из землянки комиссара и, собрав сухостой, живьём сожгли его. Зиновьев всех трёх арестовал, но встретил непонимание у всего отряда. Те действия часовых одобряли.

Посмеявшись, я посоветовал наказать часовых только за неисполнение и пренебрежение воинским долгом, то есть оставление своих постов. Ну, а за то, что они сожгли немецкого агента, ругать их не надо, да и благодарить тоже. Я намекнул капитану, что в следующий раз, если он не сможет остановить бунт, то пусть его возглавит.

Дальше мы быстро попрощались, я передал Зиновьеву ящик радиостанции и бумажку с записью канала для связи со штабом фронта – об этом Жуков меня попросил, прислав машину к предпоследнему госпиталю, – после чего мы с летунами направились ко Ржеву. До момента

срабатывания портала оставалось около трёх часов, и я надеялся, что успею. Через час немецких истребителей, в связи с наступлением фронта, в небе хватало, но мы были на месте. Дважды за нами пытались увязаться «мессеры», но «ястребки», которых в небе тоже было немало, их отгоняли. Повезло, в общем. А так немцы были удивлены, откуда взялся самолёт с эмблемами британского гражданского воздушного флота.

Когда под нами оказалась нужная деревня, я попрощался с летунами и особистом партизанского отряда. Те собирались свернуть в сторону фронта, тут было чуть больше ста километров. У открытой дверцы меня поймал за плечо особист и крепко сжав пальцы, радостно прокричал в ухо:

– Радист только что поймал волну штаба! Наши замкнули колечко, немцы окружены!

Радостно похлопав его по плечу, я крикнул в ответ:

– Осталось усилить это кольцо, чтобы не вырвались, и перемолоть их там!

Получив еще одно благодарное пожатие плеча, я заметил сигнал лётчика. Мы были на месте, и я прыгнул без парашюта. Особист помахал рукой и прикрыл за мной дверцу. Ну, а я спланировал на окраине деревни. При мне был комбез, ранец с трофеями, ну и парабеллум на боку. Про ножи я и не говорю, четыре штуки было. В ранце кроме запасных портянок и белья только продовольствие, причём столько, что тот раздулся, как арбуз. Я уже знал, что самое ценное для меня во время активной работы, и заранее запасся. Не забыл и про воду, на боку висел двухлитровый немецкий термос, залитый под пробку из родника. Есть пока не хотелось, в партизанском отряде перед вылетом да и во время полёта я изрядно набил брюхо. Управлял-то самолётом не я.

На околице меня встретили четверо с повязками полицаев. Встречали с угодливыми улыбками, приняв за оккупанта, пришлось разочаровать и изрядно начистить их рожи, но не убил. Наши, когда освободят эти территории, сами над ними повеселятся. Потом я дошёл до нужного дома. Адрес мне любезно сообщили, да не просто, а отвели и, угодливо кланяясь, показали, вытирая юшку под носом.

Я поглядывал на трофейные часы, которые настроил точно на московское время, и ждал. Когда секундная стрелка указала на нужную отметку, моя рука, которая уже минуту искала портал, провалилась во что-то, послышался лёгкий свист уходящего воздуха. Видимо, был перепад давления, однако я уверенно шагнул через портал, едва успев попасть на космическую станцию до его закрытия.

Оказался в полной темноте, но приток свежего воздуха всё же был,

и я быстро заработал, чувствуя, как утекает время. Как и на любом военном или секретном объекте, есть протоколы безопасности на случай проникновения посторонних лиц. Или не лиц... Ну, не важно, в общем, обычно запускается процедура ликвидации неизвестного гостя или самого объекта. Рас много, что у каждой в голове накручено, не известно, но у всех должно быть обязательно время на то, чтобы незваному гостю подтвердить свой статус.

Я вытащил из кармана фонарик и достал бумажку, где рукой Зина был написан, по-видимому, цифровой код, но буквами и на русском языке. Примерно тридцать символов, причём некоторые такие, что язык выворачивали, что становится понятно – бывшие владельцы этой станции людьми не были. Мне вообще казалось, что некоторые звуки требовали наличия двух языков. Рептилии, или ещё кто?

Когда я закончил, у меня по лбу тёк пот и язык онемел. И как на этом неизвестном языке разговаривали бывшие хозяева? Ладно, хоть злое шипение у меня вполне получилось. Ответ пришел почти сразу, и голос из невидимых динамиков говорил на том же языке.

– Обезьяний не понимаю, переходи на русский, – велел я. Если это ИИ, то должен послушаться, вроде как я передал командный код.

– Можно и на русском, – прозвучал приятный баритон, причём в нём явственно слышалась насмешка.

– Подтвердите код доступа и мои полномочия.

– Подтверждаю правильный набор букв, всего в двух местах ошиблись в интонациях, так что ваш код «механик Жиззерриис» подтверждён. Однако так как ваше ДНК не совпадает с указанным кодом, я вынужден отдать приказ о вашей ликвидации.

– Не особо страшно, – засмеялся я. – Меня уже несколько раз убивали. Ты противоречишь сам себе, искин, сам подтвердил мой статус, а тут пытаешься увильнуть. Если статус подтверждён, то ни о какой ликвидации речи не идёт. Так?

Некоторое время ИИ молчал, видимо обдумывая ситуацию или советуясь с кем-то. Минут через десять я, поеживаясь, переступал с ноги на ногу. Обнажённым было холодно, к тому же я потерял все припасы. Наконец, прозвучал ответ:

– Ваш статус подтверждён. Нужно заново составить анкету. Ваше имя?

– Артур Кириллович Александров. Пол мужской, половозрелый... почти.

Быстро ответил на часть вопросов, на другие ответить не мог, так как не понимал, и мы, наконец, закончили.

– Раз мой статус подтвержден, ответь мне на несколько вопросов. Куда мне вход разрешён, что я могу поиметь с тебя, и где мне расположиться?

– На первый отвечу так. Жилой сектор, развлекательный модуль, доки, корабельные ангары и склады – ваш статус указан как корабельный механик, хотя вы им и не являетесь, поэтому была проведена процедура расконсервации ученого центра. Нужно сделать из вас механика.

– Хорошая идея, главное, не умори, – согласился я. – Что ещё?

– Непонятен ваш вопрос насчёт поиметь. Если я правильно перевёл его, это значит получить просто так, без оплаты?

– Именно.

– Тогда ничего, – в голосе ИИ явно появился злорадный оттенок. – Ваш предшественник забрал всё, что не числится за станцией, остался только мусор, но тот уже утилизирован согласно его приказу.

– Это был Михаил Солнцев? – с невинным видом поинтересовался я.

Пока было время, я осмотрелся, похлопывая руками по плечам. Всё же действительно было холодно, хотя с момента моего появления температуру в этом помещении подняли на пару градусов, видимо, ИИ постарался, чтобы не заморозить меня. После того как искин после ввода кода откликнулся, на стенах загорелось неяркое освещение, и я понял, что нахожусь в большом помещении, уставленном огромными агрегатами. Рядом шёл гофрированный серебристый шланг в два моих роста. В общем, где я находился, то есть куда перешёл, мне было непонятно, но то, что это какой-то машинный зал, очевидно.

– Откуда ты узнал об объекте ноль семь?! – тут же зашипел ИИ.

– Подсказали, – пожал я плечами и решил немного прояснить этот вопрос: – Меня заинтересовали его умения, особенно пространственная щель, позволяющая хранить там много разных и, надо сказать, крупных вещей. Я могу получить такую возможность?

– Ну, не знаю, – протянул тот задумчиво. Мне отчетливо представилось, как он в задумчивости поглаживает бородку.

– Есть ли возможность получить мне такую возможность?

– Нужна капля вашей крови для исследования, встаньте на тот светящийся круг... Ага, всё готово. Чуть позже я озвучу результаты и наше решение.

– Наше – так ты не один? – сразу уцепился я за явную подсказку.

– Нас тут несколько. Сейчас вас проводят в апартаменты для сотрудников станции, они уже адаптированы для человека, и вы можете там устроиться. Ответ будет в течение суток.

– Хорошо. Ещё один вопрос есть. Я могу получить только знания

механика по ремонту кораблей, которые я всё равно в глаза не видел, или ещё что-то?

– Список со специальностями будут вас ждать на столике в апартаментах, – сухо известил искин и, похоже, отключился надолго.

В это время на полу возникла светящаяся стрелка, и я последовал за ней. Похоже, стрелка вела меня в жилой сектор. Это правильно, устраюсь, обживусь, узнаю, какие тут правила, и начну потихоньку тянуть из ИИ всё, что мне нужно. Особенно умение находить природные порталы. Как-то же тот парень нашёл свой портал. Может, это прибор, а не личное свойство?..

*Два года спустя.*

*Исследовательская станция давно вымершей расы. Ангар. Рубка лёгкого крейсера сопровождения модели «Фиея»*

Весело насвистывая, я закончил штатный прогон всех систем крейсера, который три недели назад вывел из режима консервации. Я уже больше года занимаюсь боевыми кораблями станции, проводя профилактику оборудования и вооружения, меняю, в случае необходимости, вышедшие из строя узлы. К чести конструкторов и строителей, эти корабли особо ремонтировать не пришлось, так, пару десятков второстепенного оборудования заменить, благо конструкция тут модульная, вот и всё. А занимался я этими кораблями, чтобы набить руку в ремонте. После того как я получил знания механика, а в ранге специальностей это на ступень выше корабельного техника, где-то между инженером и техником, я осваивал ремонт в капсуле виртуального погружения. Тогда ещё меня до настоящих боевых кораблей не допускали. Ну, а когда дорос и до них, то начал с самого сложного, что находился в ремонтном доке полуразобранном с повреждённым обстрелом силовым набором. Ох, и помучился я, пока не привёл этот патрульный корвет в норму. Теперь ресурс всех его узлов был выше девяноста семи процентов, а ведь главный инженер станции решил не восстанавливать его и отправить на запчасти, списав этот кораблик в невосполнимые потери.

Теперь я сидел в кресле пилота и пользовался своей служебной карточкой, но не механика, а уже пилота, и проводил пробный запуск. Механик не может запустить все системы, лишь через специальный планшет провести диагностику. Но так как я ещё и пилотские знания получил, причём боевые, то понятное дело, пользовался этим, и прямо в ангарах проводил расконсервацию, делал холостой прогон всех систем. В этот момент можно было найти некоторые повреждения, которые при диагностике могли и не давать отклика. Восемь таких нашёл.

Всего на станции было двенадцать боевых кораблей и два относящихся как бы к боевым. Проще говоря, средние транспорты, с большой автономностью хода и отличным вооружением, которое могло поспорить с вооружением лёгкого крейсера. Одни были чисто десантными, со всем положенным обвесом, вооружением и материальной частью, вторые – транспорт обеспечения. Четыре боевых корабля относились к патрульным силам быстрого реагирования, три корвета, один восстановленный мной из обломков, и лёгкий крейсер.

Каждый корабль обустроен для автономной жизни экипажа в дальнем

рейде, включая медицинское оборудование, которое на Земле и не снилось. Так как все эти корабли принадлежали расе гуманоидов, но не людей, то я все выкупленные корабли переделал под себя, то есть под людей, как и всё штатное оборудование, благо запасные части на складах были. Даже капсулы медбоксов были запрограммированы на лечение людей, а не других гуманоидов, благо в настройках были такие функции, ну и управление и жилые модули тоже были адаптированы под управление и проживание людей. Кто-то спросит, почему я это делаю, так отвечу: потому что я собираюсь забрать в качестве платы все те корабли, что находятся в ангарах и складах хранения станции. Договор у нас такой с ИИ станции. Их тут действительно несколько, но страшим был тот, которого я прозвал Исследователем, именно с ним я беседовал при первом визите на борт этого центра.

Так как я за эти годы перешёл из специалиста механика в пилоты и медики, полномочий у меня стало больше, поэтому протолкнул разрешение уступить мне часть оборудования и вооружения в качестве платы за те издевательства с моим телом, что надо мной проводили в исследовательских лабораториях. Брал, естественно, не всё, так как только часть оборудования и техники можно было адаптировать под использование людьми, поэтому на остальное я смотрел с жадностью, но вздыхал. Это оборудование мне было не нужно, использовать его я всё равно не смог бы.

Наблюдая за пиковыми мощностями маневровых двигателей, я расслабленно откинулся на спинку кресла и ушёл в воспоминания. Да уж, в этот центр я пришёл лихо, пребывая фактически на птичьих правах. Если бы мне не удалось заболтать искина, даже не знаю, что бы я делал. Это уже потом, когда они закончили изучать мою кровь и поняли, что я Страж, то засуетились и были согласны на всё, лишь бы я прошёл многочисленные исследовательские тесты. Выяснилось, что местные искины давно наблюдают как за Посредниками, так и за Стражами, пометив их как объекты нулевого уровня. То есть кто они, так понять и не смогли, пришлось мне просветить.

Во время первого осмотра выяснилось, что если бы я не попал на станцию, то загонял бы себя до смерти, причём окончательной. Смерть от упадка сил у Стражей была окончательная, искины выяснили это с помощью тестов на мне. Зин мне об этом не говорил, видимо не знал, да и общались мы всего ничего. Действовать-то тогда нужно было быстро.

Ну, да ладно, рассказ о том, как меня превратили в подопытного кролика, на потом оставим, пока же я опишу, что со мной было на

территории центра, и как я устроился в жилом служебном модуле. Не в гостевом, в отличие от того, где жил мой предшественник Солнцев. О нем, кстати, я узнал всё, когда мне стала доступна нужная информация.

Так вот, к моменту, когда я устроился в апартаментах, мне действительно доставили список специальностей, которые я мог изучить. А также подробную, я бы даже сказал, разжёванную для тупых пояснительную записку, что представляет собой процедура обучения. Оказывается, ничего сложного, есть такие штуки, называются гипнограммы, с разными знаниями внутри. Знания вводятся в мозг обучаемого посредством специального оборудования и шлема. Специальностей уйма, и я мог выучить любые, уровень интеллекта позволял. Также я выяснил, что Солнцеву эти гипнограммы были недоступны, их могли получить только сотрудники станции, вроде меня, и он собрал то, что не было причислено к станции. Кстати, довольно много набрал, я просмотрел списки, даже два корабля забрал, включая атмосферные суда. Это челноки и боты.

Искины на следующий день дали согласие на проведение эксперимента по приращению мне пространственной щели, но честно сообщили, что операция может пойти не так, да и проводить ее будут не скоро. После тестов и исследований, которые шли неделю, Исследователь сообщил, что проводить надо мной любые операции не представляется возможным. Оказалось, в том мире, где я помогал, восстанавливая раненых и тратя ресурсы, я так ослабил свой организм, что на чём держалась моя нить жизни, было непонятно. В общем, требовалось не менее полугода, чтобы привести меня в порядок.

Ладно, на довольно длительное время эта дорога мне закрыта, хотя Исследователь каждую неделю педантично в течение суток проводил тесты, отслеживая динамику восстановления. Медленно, но оно шло. Так вот, раз я не могу пройти действительно серьёзную операцию, то занялся обучением, тут никаких противопоказаний не было. Начал с языка расы, создавшей этот исследовательский центр, также выучил и письменность. Зубодробительнейший язык, надо вам сказать, но потихоньку осваиваю. Блин, два года говорю, а всё равно некоторые фразы невнятно выходят, но лучше уже не будет, Исследователь тоже вынужден был признать это.

За полгода я выучил язык местной расы и практиковал его, общаясь с искинами. Также получил и другие знания. Специальность корабельного механика-универсала – месяц учил, практикуясь в капсуле виртуального погружения, чтобы усвоились. Следующими были знания «Навигатор», «Пилот-универсал», «Мед-инженер», «Врач первой категории»

и «Оператор-универсал наземных оружейных систем».

Это всё, что я успел за эти полгода. С учётом того, что на каждую, замечу, не урезанную специальность я тратил около месяца, то выходило достаточно быстро. Потом был месячный перерыв, пока надо мной ставили эксперименты. Я уже пришёл в себя и практически восстановился, так что мне приживляли пространственную щель. Осталось только ждать, пока она сама нормально встанет, а потом можно её искусственно оживить и попробовать открыть. Меня это всё так заинтересовало, что когда прошёл все процедуры, то вернулся к освоению следующих специальностей и выбрал две гипнограммы: «Учёный-исследователь» и «Учёный высоких технологий». К сожалению, нужно было ещё шесть гипнограмм, чтобы я мог использовать эти знания и действительно стать высококлассным специалистом, но их не было в наличии, а те знания, что я получил, только давали представление о том, чем я решил пользоваться.

Потом у меня был перерыв на месяц. Исследователь уговаривал меня продолжить эксперименты, но я не соглашался, торгуясь. С чего это я за просто так буду им помогать? Они и так много плюшек получили, исследуя меня как Стража, правда, не закончили с этим. В общем, мне месяц понадобился, чтобы выторговать себе некоторые плюшки. Ну да, мне банально заплатили.

Так вот, я получал четыре мобильных переносных «вариатора», оказалось, именно с помощью них Солнцев искал природные каналы. Как ими пользоваться, я узнал из гипнограмм. Правда, «вариаторы», согласно договору, я получу перед отбытием. Это Исследователь настоял, видимо, опасался, что я сбегу вместе с ним. Зря опасался, я на всю станцию рассчитывал.

Следующими плюшками были склады вещевого имущества. Там я подобрал себе комбинезоны на все случаи жизни. Как показали эксперименты, ни один из них не рвётся при скоростном движении, даже повреждений не получает. Классные штуки, между прочим, со встроенными аптечками, климатами-контролями, а у боевых ещё и со встроенными бронежилетами.

Потом я выторговал два боевых корабля: патрульный крейсер и крейсер сопровождения, вроде этого «Фиеи». Причём убеждая, что они искинам всё равно не нужны, команд у них не было. Там требовался хотя бы минимальный экипаж. Даже одного хватит, вроде меня. Они пока ещё оставались в ангарах, да и для вещей мне выделили отдельный пустой склад. В будущем я всё это планировал убрать в свой схрон, как я называл пространственную щель, тот же Солнцев прозвал её запазухой. В общем,

я потихоньку обрастал имуществом, вот только оно всё было сделано с помощью высоких технологий, и только у бронекостюмов была функция «хамелеона», в остальном особо не походишь в обычных мирах. Ручного оружия было немного, арсенал практически пустовал, но для меня одного более чем хватило, даже ручную ракетную установку взял. Размером с браслет, а там обойма на шесть ракет, каждая способна уничтожить двухэтажный дом дореволюционной постройки, то есть очень крепкое такое здание. Ну, или тяжёлый танк подбить, без возможности восстановления. Ах да, оружие это как раз и нужно было носить на кисти руки, управлялось с помощью компа бронекостюма, в случае, если того не имелось, просто вручную через экран с сенсорным управлением.

Как я уже говорил, естественно, взять я мог с собой далеко не всё. Лишь два процента того, что находилось на станции, я мог переделать под себя. С момента активации схрона я долго и упорно тренировался им пользоваться, грёб, что можно, под себя. Всё, что выторговал – два крейсера, вещевое имущество, боепитание и топливо, – отправится в схрон, я там как бы даже отдельные склады внутри создал, чтобы было удобно. Также выбил из искинов два бота и два челнока с лётной палубы, чтобы подниматься с планеты на орбиту. Ну, скафандры и остальное тоже были. Так что за эти два года я изрядно поднялся в торговле, в знаниях и в объеме имущества. Да, кроме тех крейсеров я ещё добыл один десантный транспорт и патрульный корвет. Корвет – единственный из кораблей, которым можно управлять и вести бой в одиночку. Теперь у меня было два корвета, крейсер и транспорт. Неплохой задел на будущее.

В общем, я реально заимел серьёзные возможности, но практически всё это были космические силы. В космосе я теперь силён, но наземного вооружения и оборудования у меня практически не было. Так, по мелочи. Так что благосостояние своё поднимать я собирался в путешествиях по мирам. Даже продовольствия, пригодного для людей, практически не было, лишь солдатские пайки, все остальное для меня смертельно, метаболизм другой.

Я нашёл ещё один способ, чтобы хоть немного подняться на трофеях. Исследователь говорил, что они вычистили все каюты от посторонних предметов, прежде чем перевести боевые корабли в режим консервации. Я этому не особо поверил, и как оказалось, правильно сделал. Договорившись о том, что я как механик проведу профилактические работы со всеми кораблями, я поднимал свой опыт в ремонте и профилактике оборудования, заодно чистил каюты и все прочие помещения. Когда дошёл до этого крейсера, у меня уже был огромный

опыт обнаружения тайников и схронов. Большая часть были не пусты. Дроиды забирали на склады длительного хранения лишь то, что оставалось на виду и не относилось к оборудованию или обслуживанию кают. А все скрытое я себе прибрал. Личное ручное оружие, предметы обихода, редкое оборудование виртуального погружения, семь обручей нашёл, жаль, они чисто для той расы, что вымерла, поэтому я обменял их Исследователю на полезное для себя. Ну, и гипнограммы, конечно, находил, были и такие, каких не было в архиве центра. Одним словом, я неплохо потрофеился на боевых кораблях. Жаль, ни одного шагающего робота, или как их тут называли, меха уволочь не смог. Не было их в наличии, а те, что имелись, были приписаны к станции или кораблям, и Исследователь их не отдавал. На десантном транспорте были такие шагающие машины, но всего четыре, так как эти подразделения в основном заточены на бои в космосе с захватами космических объектов, и вся техника на борту была рассчитана именно на это.

Закончив с крейсером, я активировал его переход в режим консервации и, прихватив планшет техника, на ходу убрал его в чехол на левом бедре комбинезона и направился к выходу. Этот крейсер я весь осмотрел, все помещения подчистил. Технический сканер позволял мне находить не предусмотренные конструкцией ниши, а там уже интересные находки. Я видел изображения той вымершей расы. С виду обычные зеленые человечки, и ничто человеческое им не было чуждо, выпивку и другие запрещённые предметы я находил постоянно, но среди этого барахла были и крупницы золота. Например, с этого крейсера я собрал трофеи на малый контейнер. Он уже переместился ко мне в схрон, так что я был собой доволен. Один из офицеров крейсера был коллекционером ручного дальнобойного оружия, я нашёл в трёх его схронах – в каюте, в трюме и в полу рубки связи – оружейные кофры. Эти находки серьёзно пополнили мои резервы ручного оружия. Тут даже пороховое было, но такое навороченное, что до него на привычной для меня Земле не скоро дойдут. Из него даже спутники сбивать можно без проблем. Ещё были пластинки гипнограмм, которые я убрал в личную коллекцию. Там их несколько сотен хранилось. Ну, и разное имущество, я его как мусор Исследователю отдал, всё равно пользоваться не мог.

Это был последний корабль, обучение я закончил, все тесты и исследования проведены. В общем, на другое утро я запланировал отправиться путешествовать по мирам, так как именно в этот день перед обедом открывался портал из машинного зала в один из миров, причём не Земной ветки. Очень уж мне хотелось побывать в магическом мире

и посмотреть, как там живётся. И на тот мир, где шла война, мне было интересно глянуть, как повернулась история, ведь наше с Гришей вмешательство резко его изменило. Кто теперь перетянул одеяло побед, наши или немцы? Вот и я не знаю. Но надеялся, что наши, хотя так называемые союзники, которые в моём мире хоть как-то помогали, в этом резко сократили поставки. Видимо, о нас и до них информация дошла, и союзнички были недовольны, что с ними не поделились информацией о будущем и технологиями.

Так что будет возможность, узнаю. А так планы у меня были просты. Основной – это найти любого из Стражей и с помощью него через Астрал сообщить остальным, что дело сделано и приборы для поиска порталов у меня. Дальше пусть сами решают. Посетив магом мир, направлюсь следом за Солнцевым. Не знаю, как он, а у меня сын один растёт. Сейчас-то после тридцати лет моего отсутствия он уже взрослый мужик, но я решил взять его с собой, омолодить порталом, да и узнать, нет ли у меня внуков. Может, и в тот мир попаду, где императором был. В общем, проедусь по мирам былой славы.

Я покинул ангар, из которого должны откачать воздух, сел в открытый кар на антигравях и отправился в другой сектор с ангарами. Там я задержался не надолго, убрал в схрон боевые корабли и транспорт, и заглянул на склады, очистив также и их. Всё, что нужно, теперь было при мне, в схроне, так что получаю, как и договаривались, четыре «вариатора», и всё, прощаемся. Два я собирался оставить себе, один запасным будет, два передам другим Стражам для дальнейших исследований и повторения технологий. Правда, Исследователь мне по секрету сообщил, что вряд ли кому удастся повторить это оборудование, единственная лаборатория находится на территории Центра.

Потом из жилого сектора, покинув свои апартаменты, я направился в лабораторию. Пора провести последние тесты и получить на руки, как и договаривались, мобильные переносные «вариаторы». С виду эти приборы напоминали земные ноутбуки, тоже как крышка с экраном открывались, только действие было другое, но сам предмет сверхсверхтехнологичный. Для меня он как открытая книга, я уже учился им пользоваться и знал о нём всё.

Я бежал по спортивной дорожке, раскрученной просто до невообразимой скорости, весь утыканный датчиками, отслеживающим моё состояние, и мысленно перечислял то, что успел выучить, и какие специальности подтвердил. Помимо выше перечисленного, я освоил такие знания, как «Оператор-универсал артиллерийских корабельных систем»,

«Специалист-универсал по программному обеспечению и взлому», «Штурмовик-универсал», «Тактика и планирование крупных сражений космического и наземного действия», «Наземный разведчик-универсал», «Техник-универсал наземной военной техники» и «Мастер по ремонту бытового оборудования и приборов».

Это всё я успел выучить за то время, что находился на территории станции. Ничего, на крейсере есть полное оборудование небольшого учебного центра, да и гипнограмм у меня хватало, так что продолжу обучение, благо есть, где и что.

– Ну, что, Светик, прощаемся?

Парень я общительный и люблю поболтать, а тут такой возможности не было, вот я и сдружился с искинами. Парни молодцы, несмотря на то что в Центре мне не нравилось, не люблю одиночество, только по настроению, они, как могли, меня поддерживали.

Подошло время перехода. Переносные «вариаторы» я ещё прошлым вечером получил, все их проверил, протестировал, два получше себе отложил, два в сторону убрал – это Стражам.

Прощание с искинами не затянулось. Те меня удивили, каждый преподнёс подарок. Исследователь подарил ручной искин в виде наручных хронометров, остальные кто что, но тоже не менее ценные вещи. После этого я надел специальные, лично мной сконструированные и сделанные очки – задача-то плёвая была – настроил их и стал ожидать. Наконец, появился сияющий круг портала. Убрав очки в схрон, я тут же шагнул в него, при этом с некоторым облегчением вздохнув. Не то чтобы мне тут не нравилось, но постоянное пребывание в лабораториях и те эксперименты, что на мне ставили, доведут до ручки кого угодно. Раз сорок до клинической смерти доводили, ироды, как только не перенёсся в следующий мир, непонятно. Видимо, со злости держался и не ушёл дальше путешествовать по Земной ветке, а то остался бы без заработанного имущества. Может, поэтому по договорённости искины и требовали, чтобы я его держал на складах и в ангарах?

Меня примиряло только то, что я быстро восстанавливался, так как овладел своими способностями в полной мере и знал, чего от них ожидать, а также то, что в договоре прописаны слишком солидные плюшки, чтобы от них отказываться, так что Центр я действительно покинул с облегчением. Что-что, а одно я знал точно: сюда я больше никогда не вернусь. Причин было две: тут брать больше нечего, и такие эксперименты надо мной мне не нравились. Сколько мог, терпел, а теперь всё, хватит.

Вывалился я из портала на высоте шестисот метров, что меня ничуть не беспокоило. Конечно, на высоте обнажённым было несколько холодно, но особо я не расстраивался. Похоже, тут царил раннее лето или поздняя осень. Машинально я сунул руку в привязанную ко мне пространственную щель. Ох, одна она примирила меня со всем тем, что со мной делали в лабораториях. Я достал бронекостюм и, планируя, стал надевать его, не забыв защёлкнуть замки на ботинках с высокой подошвой.

Хотя о чём это я? Свалил из Центра, и ладно, главное, не зря там был. Закончив с костюмом, я быстро осмотрелся и довольно кивнул. В ночи кое-что было видно, например, огоньки какого-то дома или небольшого населённого пункта вдали, почти у горизонта. Надев шлем и подсоединив его к костюму, я активировал режим ночного видения и присмотрелся к тому месту, где должен был приземлиться. Там был лес, густой, лиственный. Причём деревья мне казались сверху вполне земными.

Приземлился я штатно, завис над верхушкой и, оттолкнувшись от неё в сторону свободного между деревьями пространства, мягко опустился на ноги. После этого направился в сторону лесного озера, блеснувшего метрах в шестистах от точки моей посадки.

Шагал я уверенно и по возможности тихо. На мне был бронекостюм разведчика, обувь усиленная. Можно по противопехотным минам прыгать, и кроме синяков ничего не будет. В костюме встроены элементы защиты, средства наблюдения, вооружения и даже комп. Последний располагался в шлеме, работая в пассивном режиме. Бой вести я пока не собирался, так что активна была только система среднего и ближнего наблюдения, чтобы держать округу под своим контролем.

Добравшись до озера, я проверил воду и почву рядом с ней специальным прибором и довольно кивнул. Воду пить можно, да и пищу принимать, похоже, тоже.

На берегу был зелёный луг и валуны, там я и устроился и стал доставать подарки искинов. Наручный искин сразу надел на руку и стал ожидать активации. У меня такого не бывало, очень редкая и дорогая в прошлом вещица, подарком я был доволен, будет кому меня охранять во время сна. Да и вообще это очень полезная штука, да к тому же куда более мощная, чем комп бронекостюма.

После активации я спокойно прошёл опознание на владельца, Исследователь дал мне нужные коды. Немного пощипало кожу под браслетом – искин так подсоединялся к нервным окончаниям на руке, чтобы иметь со мной полный контакт и общаться не в ручном режиме,

а напрямую. С помощью Живчика, а именно так я называл искин, я мог теперь управлять одним целым крейсером без команды. Благо он относился именно к пилотскому оборудованию, и все нужные программы, уже адаптированные Исследователем под человеческую расу, а конкретно под меня, были в наличии. Живчик бросил все ресурсы на наше полное слияние, так что на два дня о нём можно забыть. Когда закончит, выйдет на связь. Потом хоть в кармане носи, связь все равно будет.

Часть подарков я убрал в арсенал, часть, посмеиваясь, на склады. Потом я задумался. Об этом мире я ничего не знал, поэтому решил сначала добыть нужные сведения. Честно говоря, я был счастлив: новый мир, и я снова сво-обо-оде-е-е-ен!

По моим внутренним часам, пора бы обедать, однако есть не хотелось, успел перекусить перед перемещением. Да, я снова скинул несколько лет и стал пареньком, но меня это мало заботило. Я был один, и никто не канючил над ухом: «Ну ещё один тест, ну самый последний распоследний!»

Судя по проскальзывающим в лексиконе Исследователя словечкам, тот долго занимался детьми Солнцева, так что нет-нет да проскальзывали их интонации. К счастью, всё это в прошлом.

– Охохонюшки-хо-хо, – вздохнул я, встал с валуна, достал из схрона заранее подготовленный рюкзак и надел его. Тот сам расположился на спине поудобнее, а я быстрым шагом направился к опушке леса. Тут идти километра три, хоть и в полной темноте, однако судя по просветлению на горизонте, скоро появится солнце, и я смогу осмотреться. Темнота мне нисколько не мешала, в шлеме имелось всё необходимое оборудование. Надо сказать, в нем можно было даже находиться в открытом космосе, хотя оно предназначалось для спецназа планетарного базирования. Хватило бы не надолго, минут на пять, но всё же.

Когда я добрался по бурелому до опушки, солнце уже наполовину выбралось из-за горизонта. Впереди было не паханное никогда поле. Судя по зелени уже высокой травы, которая не выгорела под жарким солнцем, сейчас или начало лета, или конец весны. И никаких дорог или тропинок вблизи не было. Осмотревшись, я вышел из-под тени деревьев и направился через поле в ту сторону огоньков, которые видел невооруженным глазом. Когда надел шлем, те уже скрылись за складками местности, но вроде там был открытый огонь. Свет дрожал, не электрический.

Шагал я спокойно, изредка срывал травинки или полевые цветы

и нюхал через открытое забрало. Только после двух лет пребывания на космической станции, где запах исходит только от тебя после тренировок, начинаешь понимать, какая это радость – приятные запахи.

По полю я шёл порядка шести километров. Уже давно взошло солнце, но я так увлёкся буйством цветов и красок вокруг, что не сразу заметил быстро приближающиеся точки на горизонте. Если бы не засигнализировал комп бронекостюма, так бы и попался. Всё же, думаю, меня заметили, так как два десятка всадников целенаправленно двигались ко мне. Рухнув в траву и включив режим «Хамелеон», я по-пластунски на четырёх конечностях набрал приличную скорость, но не показываясь над травой, заходя во фланг неизвестным. Когда те проскакали мимо, я привстал и озадаченно посмотрел им вслед, переводя дыхание. Пока тело у меня было не натренировано, поэтому такие нагрузки были слегка чрезмерными.

Если бы я не знал, что нахожусь в маг-мире, то подумал бы, что это Земля. Всё сходилось: деревья, растения, натуральные татаро-монголы, что в количестве семнадцати штук проскакали мимо на невысоких мохнатых лошадях в то место, где я раньше был. У троих лисьи меховые шапки с хвостами сзади, и это несмотря на жару. Сабли и луки. Разве что у всех большое количество разных амулетов и талисманов, от щепок на верёвочках до натуральных драгоценностей.

Добравшись до места, те начали рассыпаться цепью, слышались удивлённые голоса. Вот один из них взялся за талисман на воротнике, посмотрел вокруг через него и уверенно указал пальцем в мою сторону. Как заметил, гад?! Магия? Хочу-у-у стать ма-агом!

Как только тот убрал амулет, я снова на четырёх конечностях ушёл в сторону, раздумывая, уничтожить ли всадников. Пока я раздумывал, те успели окружить место, где я раньше был, часть двинула по примятой траве за мной следом, а предводитель отряда, опять воспользовавшись неизвестным мне магическим предметом, снова указал точно на меня. Опять пришлось уходить в сторону, но в этот раз я вскочил и пронёсся мимо предводителя, сорвав с его воротника тот амулет. Пальцы почти сразу онемели, и я поспешил отбросить его в сторону, догадываясь, что у того имеется защита от воров.

Онемение, быстро поднимающееся по руке, я остановил целительством, пока залегал в стороне от зоны поисков. Куда я откинул амулет, рассмотреть успел, да и запомнил, поэтому собирался его прихватить. Только в руки брать не буду, воспользуюсь ножом или ещё чем и уберу находку в специальный сверхзащищённый кофр. У меня в рюкзаке, помимо боезапаса, продовольствия, запасного десантного комбеза, таких

штук шесть было. Как раз для подобных случаев приготовил.

В это время раздалась резкая команда, и все всадники с луками наготове рванули в ту сторону, откуда прибыли. А до этого, пока я лежал в стороне и раздумывал, что делать дальше, на любое шевеление травы реагировали стрельбой. Да и было заметно, что они сильно занервничали после того, как их предводитель потерял амулет. Предположу, что он относится к поисковым, вроде моего сканера биологических объектов. Только мой сканер работал максимум на полкилометра, а на сколько этот, я не знал, и не знал, как им пользоваться. Вывод какой? Мне нужен учитель. Я хотел быть всесторонне развитой личностью, так что надеялся подучиться в магическом искусстве. Если у меня нет дара, в чём я сильно сомневался – Стражем смог же стать, – то научусь хотя бы использовать эти амулеты и накуплю их впрок. Да и вообще нужно хотя бы понять, как это всё работает, я же пока ни бум-бум.

Проследив взглядом, как те удаляются, я по-прежнему на четырёх конечностях, фактически по-пластунски, добрался до места, где выронил амулет. Найти его оказалось не трудно, когда настроил сканер на поиск драгоценных металлов. Амулет был сделан явно из золота, в виде рыбки с огромным глазом, в который вставлен рубин. Вероятно, сквозь него бывший владелец и смотрел. Дальше я действовал осторожно. Сняв рюкзак, достал и активировал кофр, оставив его пока в открытом состоянии, и ножом расчистил землю вокруг амулета. Потом специальными щипцами из комплекта кофра убрал амулет в небольшую коробочку и захлопнул её, с облегчением вздохнув. Получилось. Потом я снова прицепил щипцы сбоку к кофру и убрал его в рюкзак.

Я не собирался терять из виду всадников, поэтому побежал за ними следом. Если тут есть населённые пункты, меня к ним выведут. Кстати, это явные кочевники, так что я сомневался в них как в проводниках. Нужно главного взять, хотя бы жестами допросить его и добыть карту этих земель. Я вообще не знал, где нахожусь, но на степь округа как-то мало походила, больше соответствовала средним территориям России, вряд ли ошибусь, но похоже, кочевники в походе. Если вспомнить то, что я знаю о кочевниках Земной ветки, то они направляются за трофеями и рабами на земли соседей. Надеюсь, я ошибаюсь.

Шёл я не точно по следам отряда, а в стороне. Когда догнал их, двинулся параллельно по правую руку. Поднявшись на небольшую возвышенность, где был наблюдательный пост, кочевники направились к небольшому, окружённому деревянным тыном городку Боргу, явно захваченному ими. Тот стоял на берегу полноводной реки. Я присел на

корточки, изображая куст – опция «Хамелеон» работала, – и задумался.

То, что город захвачен с боем, бросалось в глаза. Следы огня на стенах, обломки стрел торчат из тына, тут же валяются выбитые тараном ворота, в городе полно обгорелых домов, да и трупов как лошадей, так и людей. Преимущественно кочевников. С левой стороны особенно много убитых, похоже, сеча там была. Кстати, кочевники почему-то спокойно проходили мимо убитых собратьев, явно пока не собираясь погребать их. Защитников города я тоже видел. В простых рубахах и штанах, босые и бородатые, многие с окровавленными повязками, на самодельных носилках таскали убитых из города и складывали кучей на берегу реки, другие туда же собирали дрова. Местные явно собирались устроить тризну, и кочевники им не мешали, лишь наблюдали со стороны и охраняли. Однако в стороне сидели и лежали, видимо, самые больные и воины. Много окровавленных, все связаны, охраняют четверо. Всего кочевников было не так много, чуть больше сотни, по моим прикидкам, но сотня, в принципе, с наскоку, пользуясь элементом неожиданности, могла взять этот город. В нем было всего три десятка домов, так что защитники не могли выстроить плотную оборону. Хотя, может, это оставленный отряд, а остальные захватчики направились дальше.

Изучая поле боя, я делал запись на будущее и обратил внимание на воронки сплавившейся земли. Такое впечатление, что били по кочевникам молниями, да и некоторые убитые превратились в головёшки. Похоже, кто-то применял магическое искусство, только вот это не особо помогло. Очевидно, у кочевников была защита или свои маги. Поди сейчас узнай. Хотя почему и не сходить? Я это быстро.

В это время один из кочевников вывел из городка за длинную косу обнажённую девушку и, поставив ту раком, причём так, чтобы видели связанные на берегу, начал её насиловать. Зачем он это делал, не знаю, видать, мстил за что-то, но это уже был беспредел. Я за добровольный секс.

Обдумав этот вопрос, я рванул вперёд. Первым делом, уничтожил наблюдательный пост из двух кочевников с какой-то странной трубой наблюдения. Видно, ею меня и засекли. И только потом рванул к городу. Пробежал мимо насильника, который вошёл в раж под крики и стоны жертвы. Пока они отвлекают зрителей, я поработаю в городе, а уж потом займусь освобождением пленных. Надеюсь, они в благодарность помогут мне освоиться в этом мире и сведут с магами. План был сыроват, но я уже начал его осуществлять. Действовал спокойно, особо не обращая внимания на последствия. Это в своей ветке Страж должен соблюдать некоторые правила, в других ветках могу творить, что захочу. Причина банальна:

Стражи после гибели перемещаются только по родным веткам, другое им пока не дано. Вот копируют «вариаторы», если у них, конечно, получится, смогут ходить между мирами и другими ветками, а сейчас, кроме меня и того Солнцева с детьми, никто этого делать не мог.

Работал я с такой скоростью, что не только ликвидировал кочевников, но и снимал с них все амулеты и всё, на них похожее, и убирал в кофры, а те в схрон на будущее. Уничтожив всех захватчиков в городе, я забрал у них и все трофеи. Только потом вышел из города через те ворота, что вели в сторону поля, и спокойно направился к насильнику. Именно вышел и именно спокойно. Даже опцию «Хамелеон» отключил, чтобы меня рассмотрели со всех сторон. Насильник уже закончил и повалился на жертву, тяжело дыша. А та только всхлипывала, изредка подвывая. Судя по крови на внутренних сторонах бёдер, кочевник ей всю порвал, и судя по довольному и удовлетворённому лицу, именно этого он и добивался. В городе я обнаружил девяносто три кочевника, многие явно не по первому разу насиловали горожанок, да и другими нехорошими делами занимались. Там они и полегли, а за крепостными стенами находилось восемнадцать кочевников: насильник, четвёрка, что сторожила два десятка пленных, ну и остальные, что присматривали за будущими рабами. Почти все они были в сёдлах, думаю, они вообще ступали на землю только по крайней нужде. Для сна, например.

Походя я срубил голову насильнику. Всё холодное оружие я собрал, а среди трофеев было шесть просто великолепных сабель с первоклассным балансом и сталью, вот одна такая и пригодилась. Я быстро собрал трофеи с тела. Судя по украшенной золотыми и серебряными нитями одежде, это был не простой человек в этой сотне. Потом я подлечил девушку и направился дальше. Уже раздался предупреждающий крик, и я перехватил руками на лету два десятка стрел, выпущенных в меня, и только после этого ускорившись, перебил оставшихся кочевников. Потом ещё пять минут на сбор трофеев, и наконец, я перерезал путы, что связывали пленников. Девушка уже пришла в себя, добежала до них и кинулась к крепкому мужчине с похожим на нее лицом. У него была тяжёлая проникающая рана груди.

Всех раненых я вылечил и только после этого попытался пообщаться:

– Меня кто-нибудь понимает?

На меня озадаченно поглядывали. Я снял шлем, и многие облегчённо вздохнули, увидев, что у меня есть лицо, но всё равно меня не понимали. Да и я их речь не знал. Дилемма, пообщаться хочется, но не получается. У Живчика была программа обучения языку, он мог создавать

гипнограммы. Мне нужен всего лишь один доброволец, чтобы я указывал на предмет, а он называл. Потом Живчик всю эту информацию систематизирует и запишет на пластинку гипнограммы... которую я пока выучить не смогу, хотя это и не сложно. Мне нужно вызвать челнок, подняться на орбиту, вытащить из схрона лёгкий крейсер, и только в его медбоксе я смогу пройти обучение языку. Как я уже говорил, обучиться возможно, но нужно время.

Освобожденные и вылеченные поднимались на ноги. Многие устремлялись в городок, а оттуда выбегали дети, которых я освободил из сараев, а также женщины и другие пленники. А вот стариков живых не осталось, всех закололи. Кочевникам не нужны старые рабы, и от них избавились.

Мужчина с благородной сединой на висках, к которому подбежала девушка, остался на месте. Четверо с военной выправкой встали рядом. Мужчина что-то сказал, но для меня это была, естественно, абракадабра какая-то. Однако судя по его лицу и тому, как тот горделиво приосанился, скорее всего, он представлялся, ну и поблагодарил за освобождение и излечение... наверное. Поэтому я на всякий случай тоже представился, дополнив слова ударом кулака в грудь:

– Я Артур Александров. Я хороший. Ты должен меня слушать и выполнять все мои приказы. Я твой господин. Понятно?

Не договорились, тот так меня и не понимал. Расстроено махнув рукой, я направился в сторону наблюдательного поста. Правда, не дошёл, остановился у одной из воронок и, достав рулетку, стал замерять ширину и глубину воронки, заодно анализатором взял пробы стекловидной массы, пытаюсь понять, чем тут воевали. Анализатор был уверен, что использовалось энергетическое оружие, причём даже три варианта привёл, два из них считались тяжёлым и ставились в башни броневигов, третьим был ручной десантный стрелковый комплекс. Редкая модификация, у меня такого не было.

У одной из воронок – тут работали чем-то вроде плазменных зарядов – и нашёл меня помощник того мужика с седыми висками. На война он мало походил, слишком живое и любопытное лицо, а вот должность помощника как раз для такого. Важный мужчина уже переоделся в чистую одежду. Защита из кольчуги и кожаного нагрудника была слегка повреждена, но уже вычищена. Из оружия – боевой нож на поясе, видимо, я где-то его просмотрел, да лук кочевников. Кстати, многие из горожан из-за недостатка нормального вооружения – ну да, я всё грёб – подбирали луки, которые меня не особо интересовали – я забрал всего десятка три, и почти

все стрелы, да и хватит. Судя по их обращению с луками, держат их не в первый раз и пользоваться явно умеют.

Парень подождал, пока я обращаю на него внимание, и, низко поклонившись, что-то спросил. Понимая, что мы так общаться можем очень долго, я развёл руками, тонко намекая, что всё ещё его не понимаю. Тот это тоже понял, поэтому жестами попросил меня следовать за ним, подвёл к ближайшему трупу кочевника и указал на обрывки ниток, на которых ранее крепилась разнообразная дребедень, оборванная, понятное дело, мной же.

– Да понял я, на магическую хрень, что я затрофеил, хочешь посмотреть. Ну, я не против, может, и толк будет.

Достав из схрона часть защитных кофров, я предъявлял парню на осмотр то, что там лежало, но он мог только посмотреть, не трогая руками. На шестом кофре тот издал радостный вопль и указал на амулет из простого камня, но вырезанный с немалым искусством. Тот напоминал паука, а вместо глаз были вставлены стекляшки.

Я кивком разрешил парню взять амулет в руки, убрал кофр в схрон и внимательно отслеживал все движения, готовый в случае опасности в любое мгновение отбежать в сторону, однако то, что парень делал, меня изрядно заинтересовало. Тот нажал на выступ на брюхе паука, и неожиданно каменный амулет зашевелил лапками. У меня вырвался изумлённый вздох. После этого над спиной паука засветились пентаграммы, вроде сенсорного экрана. Тыкая в него пальцами, парень что-то сделал и посмотрел на меня, после чего сказал длинную фразу, изредка указывая на паука. Видя, что я не понимаю его, он снова указал на амулет и сделал рукой жест у рта, как будто говорит.

– А-а-а, – осенило меня. – Этот предмет учит языкам. Сейчас, подожди.

Быстро раздевшись и убрав всё в схрон, чтобы меня не ограбили, я встал перед парнем и согласно кивнул. Жесты у нас были схожи, так что тот меня понял. Он без удивления наблюдал за тем, как вещи в моих руках то появляются, то пропадают. Возможно, местные маги тоже так умеют. Получив от меня разрешение, он жестами велел лечь на траву. Когда я выполнил требуемое, он положил амулет мне на лоб и отступил на два шага. Паук мелко завибрировал, и я вдруг потерял сознание после вспышки резкой боли.

«Урою», – только и успел я подумать.

Когда я очнулся, солнце, казалось, не изменило своё положение. Получалась, я был без сознания совсем недолго, не более нескольких минут. Тряхнув головой, я хмуро осмотрелся, подняв упавший на живот

амулет, машинально достал кофр и убрал его внутрь. Нечего ценными предметами разбрасываться. Парень-садист стоял рядом и с сочувствием глядел на меня. Думаю, только это и остановило меня от того, чтобы вырвать ему ноги и руки, как таракану или мухе.

– Как вы себя чувствуете, ваше магическое сиятельство? – спросил он.

Я удивлённо посмотрел на него. Язык был незнаком, но я всё понимал. И неуверенно произнес непривычные пока языку фразы:

– Понимаю нормально. Я могу общаться, писать и читать?

– Всё можете, даже складывать, – подтвердил тот. – Вы не Одарённый?

– Проясни, что это означает, и как определяют этих самых одарённых?

– Извините, мы думали, вы студент магической Академии, по возрасту похожи на первокурсника, а вы, оказывается, даже не маг. В амулетах и артефактах не разбираетесь, но умеете применять некоторые способности. Кто вы? Дикий маг?

– Путешественник по мирам – такой ответ тебя устроит?

– Вполне. Тогда вот что вам сообщу. Граф Эренст Гионг, глава полиции провинции Дион, просил поблагодарить вас свое спасение, освобождение его подданных и дочери, ещё он благодарил за излечение... Вы точно не маг?

– Нет, – коротко покачал я головой. Магом я действительно не был.

Дальше мы отошли в сторону, чтобы не мешать погребению убитых. Похоже, их просто хотели утопить в воде. Чтобы никого не смущать, я переоделся в местную одежду – мне преподнесли широкую рубаху с таким же большим воротом, штаны и сапожки. Я не отказался, только достал синтетическое, вроде шёлка, нательное бельё, изготовленное с помощью высоких технологий, и надел его. Принесенную одежду явно стирали, но уж больно грубая она была, как наждачка. Пояс я свой надел, с кобурой для игольника. Классная вещь, между прочим. Прицельная дальность игольника этой армейской модели – двести метров, есть возможность стрельбы очередями, ёмкость одного магазина – на пятьсот сорок иголок. Можно чередовать во время стрельбы на бронебойные, разрывные, сонные и отравленные.

Парня звали Зис, он действительно был помощником графа, но в сфере розыска – старший следователь полиции в городе – столице этой провинции. Видать, голова у парня варила, раз его в таком возрасте старшим над операми назначили. Городок стоял на речном торговом пути, длинные пирсы я видел, только ни кораблей, ни лодок там не было, видать, кто-то смог сбежать от нападающих через реку. Так получилось, что граф с полусотней объезжал свои владения, и прибыл в городок, когда тот уже

был захвачен. Две сотни узкоглазых сперва закидали воинов стрелами, а потом вступили в рукопашную, пока другая сотня обходила сбоку. Боевые амулеты были у многих, так что до разрядки накопителей стреляли, удерживая оборону. Потери были большие, но несмотря на внезапность нападения, кочевники потеряли порядка ста пятидесяти убитыми. Упорные оказались, обычно когда большие потери, они предпочитают уходить россypью, чтобы атаковать снова. Следы этого сражения я и видел. От полусотни осталось в живых едва десять человек, да и в крепости серьёзные потери были. Из двадцати стражников выжило трое. Горожане тоже на стены вышли, но не смогли помочь. Вот такие дела тут происходили за последние сутки.

Дочка графа тут вообще оказалась случайно. Плыла на отцовской ладье по реке из соседнего государства, где училась на магиню, и решила остановиться в Борге на день. В момент нападения команда успела отчалить и уйти, а дочка осталась в доме старейшины, там её и взяли, а узнав, кто она, сперва заставили лечить своих раненых, та на лекаря училась, а уже утром изнасиловали перед отцом. Правда, почему, Зис не знал пока. Вроде как старая вражда этого рода с графом, но пообещал разобраться. Когда Зис поминал команду ладьи, то мстительно шурился, видно, в будущем их ничего хорошего не ждёт. За то, что бросили свою подопечную, и до казни могло дойти.

Потом я получал информацию об этом мире. Назывался он Гория, магическое искусство здесь активно применялось. Правда, в последнее время оно хирело, на Гарии утверждалась вера, которая активно вмешивалась в развитие магии, отчего многие академии были закрыты и маги становились редкостью. Многим это не нравилось, но поделаться ничего не могли, большая часть правителей государств поддерживали святош и шли войной на тех, кто не придерживался их взглядов. В общем, та ещё фигня.

Мы находились на границе королевства Шеридан, в которой было двенадцать провинций. Мы находились в Дионе. Тут также было запрещено обучать магии, хотя маги свободно могли жить, работать и зарабатывать, именно поэтому дочка графа и отправилась в соседнее герцогство на обучение, там было сразу два учебных заведения – Школа и Академия. Именно так, с большой буквы. Зис особо выделил это.

Святоши были везде, даже в Борге имелся небольшой храм, но священник, который должен был поддерживать защитников, сбежал на ладье. Он как раз исповедовал пришедшую с чужбины команду и, прыгнув на палубу, ушёл вместе с ними. Та ещё личность, похоже. К местным

святошам я с безразличием относился. Всё же те пока ничего мне не сделали, а если попробуют, ответка не заставит себя ждать.

Мы общались до самого вечера, пока я, посмотрев на солнце, не сообщил, что мне пора. Всё, что нужно, я узнал, задерживаться тут нужды нет, поэтому я попросил предоставить мне лодку, попросался с графом, который слишком уж настойчиво уговаривал меня остаться, забрался в лодку-долблёнку и, работая веслами, поплыл вверх по течению. Туда, где находилось герцогство, и где были учебные заведения для магов. Если я и найду ответы на свои вопросы, то только там. Мне не мешает даже то, что сейчас лето и сезон отпусков с практикой. Найду нужных людей, я в этом несколько не сомневался. Интересно, в этом мире есть Страж, и смогу ли я его найти, чтобы через него по Астралу связаться с другими Стражами? Проблема. Об этой ветке я не знал ничего, и если тут возникнет какой катаклизм по вине Стража или Посредника, я этого не пойму и встретить его смогу только случайно. Получается, нужно переходить на ветку с Землёй, там у меня шансов больше. Решено, закончу тут, год-другой ничего не решит, и отправлюсь на Землю.

Приняв такое решение, я повеселел, тяжёлые думы ушли. Весело насвистывая, я продолжил размеренно работать веслом. Оно было двухлопастное, в принципе мне знакомое, фактически я плыл на прародителе каноэ, так что скорость, несмотря на то что шёл против течения, набрал приличную. Этот Борг стоял на границе со степями, за которыми и находилось нужное мне герцогство. Причём чтобы до него добраться, нужно было проплыть без малого тысячу километров, а на лодке ни паруса, ни другого движителя, кроме весла, не было. Но я особо не унывал, река эта – транспортная артерия, и наверняка попадётся попутное судно.

Когда городок скрылся за излучиной, я перешёл на скоростной режим работы вёслами, отчего лодка буквально прыгнула вперёд и понеслась по волнам. Меня постоянно встряхивало. Думаю, если бы та не была выжжена из цельного ствола дерева, давно бы разлетелась в щепки. За двадцать минут на скорости примерно в семьдесят километров в час я проплыл около десяти километров, пока не сломалось весло. А ведь крепким казалось. Заметив заводь в стороне, я свернул, подгребая ладонями.

Всё же и ствол не выдержал такого грубого использования, и в днище появилась щель, через которую вода медленно наполняла лодку. Едва нос зашуршал по дну, как я по бортам, чтобы не замочиться, прыгнул – тут метра два было – и оказался на берегу.

Осмотрев не состоявшееся средство передвижения, я только сплюнул и, достав из схрона рыболовный набор, стал искать удище, придирчиво изучая длинные ветви ивняка на берегу. В тайнике одного из кораблей,

в каюте старшего инженера, среди других ценных для него предметов, я нашел самый обычный на вид рыболовный набор. Котелок у меня тоже был, даже раскладной стульчик для удобства ловли имелся. Срубив тяжёлым боевым ножом длинную ветку ивы, я быстро сделал удочку и, поймав для наживки слепня, отправил того в воду. После этого натаскал с берега плавника и развёл костёр. Блин, всё есть для космоса, а для жизни на планете ничего нет. Тот Солнцев молодец, перед тем как отправиться путешествовать по мирам, сделал огромные запасы, а мне как быть?

Пока котелок закипал, я удил рыбу, и получалось неплохо. Шла на наживку одна за другой и не маленькие. Потом я нарезал самую обычную картошку, бросил крупы и кусками – почищенную рыбу, после чего посолил. Мешок с крупой, картошкой и солью мне дал Зис, когда провожал у пирса. Пригодилось, однако.

Пока уха варилась, я продолжал ловлю, бросая улов подальше от берега, а то рыба уж больно шустрая, одна ушла, две другие прыгучие успел поймать у самой кромки воды. Ловил я на будущее. Среди недостатков схрона было неприятие живой материи, поэтому я планировал рыбу заморозить и убрать в схрон на будущее. Да и вообще пора сделать нормальные запасы продовольствия. Жаль, по городу не прошёлся нормально, только оружие и ценные вещи с деньгами собирал с кочевников, но не хотелось обкрадывать простых людей, которым и так тяжело пришлось, а некоторые и кровя лишились. Так что трофеи у меня в основном именно с узкоглазых. Крупы я с них снял пару мешков, сушёного мяса, прошёлся по чересседельным сумкам, да и соли хватало. Мешочки у всех были полны, видно, где-то рядом были солевые прииски, которые они посетили. Но всё это капля в море, на месяц мне одному, а запасы хочется на годы вперёд иметь, чтобы не думать потом. Сунул руку, хоп – и горячий пирог в руке. Очень ценное приобретение этот схрон, тем более время внутри него останавливается, какой свежести предмет внутрь уберёшь, такой и получишь.

Уха была просто восхитительна, – сам себя не похвалишь, никто не похвалит, – поэтому я быстро уничтожил половину котелка и сыто отвалился, прикрыв остатки крышкой. Это мне на утро. За два часа, что я скучал на берегу, мимо не прошло ни одного торгового судна, ни одной пассажирской ладьи, однако это не значит, что я заскучал. Рыбалка меня так увлекла, особенно после двух лет каторги, что я до самой темноты удил рыбу. Насчёт заморозки я не соврал, ещё перед ужином вызвал грузовой бот и, пройдя в каюту пилота, убрал часть улова в морозильную камеру, а после заморозки убирал в схрон. Я даже ещё одно удилище срезал, но

удил одним, двумя сразу не успевал. В общем, мешка два я наловил с гарантией. Эх, сетей нет, но и так нормально, хоть отдохнул душой. Мне этого, честно говоря, не хватало.

Собравшись, я прошёл на бот с некоторым предвкушением. За те два года, что я провёл с искинами, в космос они меня ни разу не выпустили, и учился я летать многими часами по несколько раз в неделю в капсуле виртуального погружения. То есть реального опыта у меня не было, и я желал его приобрести. Несмотря на то что искины говорили, что никакой разницы нет, в капсуле даже более реалистично, я всё же решил лететь на боте. Да и что тут такого? И Стражу намекну, что тут гость появился, пусть сам меня ищет, если он в этом мире есть, ну и себя покажу не лохом каким, а крутым челом. Это я на молодежный сленг согласно своему возрасту перешёл, если кто не понял.

Да и другая мысль появилась. Я подумывал сначала узнать, есть ли у меня дар, потом займусь поисками лучшего учителя, соблазнив его тем, что омоложу до состояния подростка, ну и если за месяц-второй Страж не появится, двину дальше по мирам с учителем в комплекте. А что, и путешествую, и знания повышаю. Да и тому наверняка будет интересно. Главное, такого же, как я, найти, не домоседа, надеюсь, такие маги встречаются. Того, что в Борге оборону держал, сожгли шаманы кочевников, он был как раз домоседом и редко покидал стены крепости, да и то недалеко и лишь за редкими травами.

Мой бот с виду напоминал... Хм, даже не знаю, что и сказать, на ум приходит только жук-скарабей. Такой же чёрный матовый корпус с нашлёпками бронеклопов и энергетического оружия, всё же это военное судно, ну и опоры напоминали хитиновые лапы. Внутри отделка была на уровне, всё же делал под себя. Каюта просто отличная, пищевой блок, где в программе забиты земные блюда – не я делал, Солнцев постарался, а я просто скопировал то, что у него получилось, очень даже неплохо. Трюм огромен, всё же грузовое судно, пять КамАЗов спокойно выстроятся, а по высоте так ещё пять на них поставить можно. Ну, и рубка, естественно. Ректоры, силовая установка и остальное находилось у днища, двигатель стоял на корме спины, под ним – створки трюма. Маневровых движков не было, как на челноках, тут антигравы стояли.

В общем, пройдя в рубку, я занял кресло пилота, то тоже было адаптировано под меня. Вытерев вспотевшие руки о подаренные спасёнными горожанами штанины, я запустил все системы. После чего подождал, пока все приборы встанут на нужный уровень, вручную поднял судно, на пятидесяти метрах развернул его, набирая скорость, и полетел

к герцогству. Правда, быстро наступила ночь, да и по моему внутреннему времени уже пять часов как должен спать, поэтому я выбрал остров посредине реки с местом для моего «Скарабея» – так я назвал бот – и совершил посадку. Позади осталось около семисот километров. Первый мой полёт в атмосфере прошёл нормально, посмотрим, что дальше будет. Через пять минут после душа я уже спал на своей кровати. Если что, комп рубки меня разбудит, а так в принципе мне разве что ядерный взрыв страшен, больше никак не расколупаешь эту броню...

Как же я ошибался.

Утром меня разбудил грохот, ревун тревоги и монотонный голос компа бота, сообщавшего о повреждениях обшивки в трюме. Пока я вскакивал с кровати и бежал в рубку, мне уже сообщили, кто тут виноват. Оказалось, от герцогства шла ладья, искин не обратил на неё внимания, так как никакого вооружения на борту не было – он проверил судно сканером. Однако когда на нос поднялись двое крепких мужчин, один помоложе, другой постарше, но оба бородатые, да ещё когда в их руках засветились огненные шары, то понял, что ошибся. Ну, не было у компа программ по противодействию магам, позже, когда соберу нужную информацию, напишу, благо имею соответствующий опыт. В общем, искин тут же поднял тревогу, но было поздно: две пробоины в районе трюма и злой как чёрт хозяин.

Влетев в рубку, я кинулся запускать все системы и снова грязно выругался. Броню эту очень трудно пробить, но неизвестные маги это сделали играючи, в результате третья пробоина в шлюзовой, фактически у меня её теперь нет, четвёртая лишила меня жилого модуля. Даже сюда достало жаром, пришлось заблокировать створку рубки.

Рывком подняв бот и уводя его от третьего залпа, я рассмотрел удивлённые лица магов на носу. Я привёл всё вооружение к бою, к сожалению, треть была недоступна, видимо повреждения где-то внутри судна, и, развернувшись, активировал щиты на носу и на полную мощность врубил на внешние динамики крик Тарзана. Не уничтожу, так напугаю. Я пошёл в атаку. Бот не был штурмовым, но всё же две плазменные пушки на носу стояли. Длинными очередями я прошил ладью с кормы до носа. Маги пытались закрыться какими-то силовыми щитами, я видел, как те проявлялись, когда врезались плазменные снаряды, но это не помогло. Как и немногочисленную команду, магов вышвырнуло за борт. Оба были живы, хоть и выглядели не лучшим образом, а вот из двенадцати человек команды осталось трое, другие, прожаренные плазмой до состояния

головёшек, ушли под воду вместе с ладьёй.

Заметив при развороте, что живые ещё есть, я зло оскалился и пошёл на второй заход. В этом бою выживет только один, и это должен быть я. При приближении я заметил, как маг постарше поднял из воды руку. С его ладони в мою сторону сорвался яркий шар. Молодой поддерживал мага на воде, до берега им оставалось метров сто.

– Вот сейчас и посмотрим, кто мощнее, щиты или твой шар, ублюдок! – прорычал я, после чего бот содрогнулся, и началось неуправляемое падение.

Похожий на шаровую молнию яркий шар хоть и с некоторым трудом, но пробил как щит, так и броню, и если бы рубка находилась ниже, я бы поджарился живьём. А так уничтожил реактор и прочее оборудование. В общем, сбили меня, и бот падал прямо в реку.

Страховочные ремни были затянуты, так что я только сжался и прикрыл голову руками, а когда бот врезался в воду, то содрогнулся даже меньше, чем при попадании того шара. С такими пробоинами мой корабль за несколько секунд уйдёт под воду. Быстро отстегнув ремни, я открыл нижний люк. Всё равно створку не открыть, питания нет, значит, и резервную линию перебило. Посмотрев на оплавленную дыру внизу, куда с шипением и горячим паром врывалась речная вода, я дождался, когда мне будет по пояс, и оттолкнувшись, нырнул. Выбраться я собирался через последнюю пробоину в носу.

Едва-едва успел, бот уже опускался на дно, и меня чуть не насадило на ветку затонувшего ствола. Но обошлось, я наконец освободился и, быстро забирая руками, поплыл вверх. Вынырнув, я быстро осмотрелся. Вода после моего падения ещё не успокоилась, да и берег был мокрый, видать хорошо его волной окатило. В грязи скользили оба мага и кто-то из команды, пытаюсь выбраться на сушу.

– От меня не уйдёшь, – пообещал я и, буквально выпрыгнув из воды, на ускорении понёсся к берегу.

Но не туда, где вылезали выжившие, а точно напротив места утопления бота. Добежав до берега, я достал из схрона баллончик со специальной краской, заметной только вооружённым глазом, и спреем нанёс её на траву и землю. Сделал большой крест, чтобы с орбиты было видно – знак, куда спускаться за ботом. Бросать тот я не хотел, на крейсере отличный ремонтный док, восстановлю «Скарабей» за пару дней. К тому же опыт какой-никакой, сниму показания и так настрою щиты, что эти шары их не пробьют. У меня уже появилась парочка идей, как это сделать.

Убрав баллончик, я побежал к берегу, на который уже выбрались

выжившие. Пора отдавать долги. Подскочив к ним, я остановился, давая возможность себя рассмотреть.

– Господа, потрудитесь перед смертью объяснить, почему вы расстреляли моё судно, когда я спал?

– Что-о?! – изумлённо прохрипел молодой маг, придерживая старшего. – Судно? Так это было судно?! Но мы думали, что это огромное насекомое.

– Мне без разницы, что вы думали. Напали, так готовьтесь умереть. Я подобное не прощаю.

Мгновенно атаковав их, я сломал обе руки о появившиеся щиты, но быстро восстановил их, схватил за ноги выжившего моряка – причастен к нападению, не остановил магов, значит, виновен – и дважды с размаху ударил его о землю. В третий раз не успел, ноги оторвались от тела, и кусок мяса, вращаясь, перелетел на другую сторону полукилометровой реки. После этого я снова атаковал магов.

Я был полностью обнажён. Как поднялся из постели, так и воевал, лишь плечи расцарапал и бёдра, когда через пробоину продирался, но заживил быстро. Так что оружие я доставал из схрона, в данном случае игольник. Непрерывная очередь бронебойными иглами продавила щиты – на каждый чуть меньше сотни игл, и они лопнули. Оба мага что-то кричали, пытаюсь меня остановить, но я не слушал. Я уже разрывал старшего мага, как вдруг подумал, что компенсацию за нападение и порчу имущества мне получить будет не с кого, поэтому сложил обе части его тела и заживил. Пока тот отхаркивался, выплёвывая кровь, я сложил шесть кусков второго мага и тоже успел его оживить, душа ещё не улетела, да и прошло всего две секунды. На скорости же работал. В общем, оставив обоих магов в лужах крови приходить в себя, я направился к берегу. С ног до головы я был в чужой крови, поэтому требовалось отмыться, да и одеться не помешает. Хватит сверкать тем, чем можно гордиться.

Когда я вернулся, маги более-менее пришли в себя, всё же двадцать минут резвился у берега. Злоба уже прошла, так что я был спокоен и поглядывал на обоих магов как на свое личное имущество. Не смогут заплатить, заберу в прислужники, пусть магии учат, причём оба.

– Ну что, уроды, уже можете говорить?

Те на меня уставились, как на ожившего покойника, но всё же согласно закивали. Ну ещё бы, кому снова ботинком по роже охота получить? Я успел одеться – в тот бронекомбинезон разведчика, шлем был на голове, активирован, да и оружие при мне. Даже браслет с ракетами надел на правую руку, на левой уже как больше суток находился браслет с искином.

Тот ещё продолжал слияние. Ничего, недолго осталось.

– Молодой господин, – сказал старший маг, – мы приносим искренние извинения в том, что напали на вас и повредили ваше летающее средство. Чем мы можем искупить свои действия?

– Молодец, – удивлённо посмотрел я на него. – Смог найти нужные слова. Золото и другой металл меня не интересуют. Я и так богат настолько, что могу купить эту планету. Нет, парни, я подозреваю, что у меня есть не пробужденный Дар, и хочу убедиться в этом, а также найти учителя.

– Это не трудно, молодой человек, – слегка склонил он голову. – Я архимаг Элио Золотоголосый, ректор Академии магии в городе Зеон герцогства Мерион.

– Теперь понятно, отчего так быстро соображаешь, часто с детками общаешься, – задумчиво пробормотал я. – Меня не интересует Академия, мне нужен всесторонне развитый в магии учитель, можно, и даже нужно, преклонного возраста. Я его омоложу до полового созревания, а за это он будет постоянно со мной и учить магии. Но это, конечно, если у меня есть к этому способности.

Архимаг попробовал подняться, но силы его оставили. Он рухнул на землю и вытер обрывком мантии выступивший на лбу пот. После этого вздохнул, указывая на своего партнёра:

– Я не могу вам помочь из-за полного упадка сил и магического истощения, а мой ученик магистр магии Юрий Демиург протестирует вас на предмет способности к магии.

– Хм, смотрите, без фокусов, – пригрозил я, так как совершенно не доверял обоим.

Магистр быстро пришёл в себя. Я видел, что он пополнял силы с помощью какого-то камня, кажется горного хрусталя. По крайней мере, когда камень рассыпался пылью, выглядеть парень стал вполне ничего, даже бледность сошла.

– Давайте отойдём в сторону, где почище, – предложил он.

Там он достал два амулета, один похожий я снял с кочевников, и стал по очереди направлять их в мою сторону, после чего лицо его приняло озадаченно-задумчивое выражение.

– Ну, что там? – нахмурился я.

– Странно, по стандартной десятибалльной шкале уровня Дара у вас очень низкий уровень, восьмой, тогда как вы демонстрировали безуровневый.

– Первый уровень – это очень серьёзный боец? – уточнил я.

– У ректора первый уровень, у меня второй, и мы считаемся очень сильными магами.

– Хм, восьмой уровень – это какие специальности?

– Погодный факультет, бытовой... едва-едва на строительный дотягиваете, артефакторика, алхимия. Это всё.

– Хм, артефакторика мне нравится. Это ведь создание и применение амулетов, не так ли?

– Да. Но от силы Дара зависит и мощь созданных амулетов, некоторые вы просто не сможете сделать, сил не хватит. Да и мне неизвестен уровень вашего «истинного зрения». Какие вы будете плести магические линии? Если тоньше волоска, это не просто хорошо, это великолепно, тогда вам прямой путь в артефакторы, если толще соломинки, то хорошим магом вам не стать, и всю жизнь будете в подмастерьях.

– В принципе, я понял, уровень возможностей мага – это особенности плетения заклинаний. Чем тоньше, тем лучше – я прав?

– Да, вы правы.

– Тогда так, я сейчас вас отправлю в герцогство и высажу на виду у всего города. Ваша задача – разнести слух о том, что я из другого мира и ищу себе наставника, лучшего специалиста по созданию артефактов и амулетов. За это я его омоложу, и он побывает в других мирах, даже в тех, где совсем нет магов, лишь шарлатаны. Меня не будет примерно неделю, думаю, вам этого хватит для сбора добровольцев. Ну, а по прибытии я выберу лучшего, с которым мы сойдёмся характерами. Устраивает вас такое предложение?

– Да, но до герцогства неделя пути, и добираться дотуда...

– Это не проблема, через полтора-два часа мы будем на месте. Идите, поднимайте архимага из грязи, умойтесь, а я пока технику подготовлю. Попробуете и её уничтожить, на клочки порву, вы знаете на собственном опыте, что легко могу.

Магистр покивал, с некоторым испугом посмотрел на меня и двинул к своему учителю. Поддерживая друг друга, они направились к воде. От их одежды остались одни окровавленные обрывки, но видимо, у обоих было что-то вроде моего схрона, потому как вышли на склон берег они в чистой и целой одежде. Я же спокойно ждал их у борта челнока, черпая ложкой из котелка вчерашнюю уху. Угощать этих двоих я даже не собирался, не заслужили, да и не любил я, когда меня рано будили. Если сам не встану, злюсь, а когда я злюсь, то готов на неадекватные поступки, команда ладьи это с лёгкостью подтвердит... подтвердила бы.

Оба мага вытаращились на иглу челнока. Он имел тот же цвет, стандартный для маломерных судов расы, которая их построила, но был не в виде приплюснутого «Скарабея», а напоминал обычный земной шаттл, вроде «Бурана». Всё же это была чисто пассажирская машинка.

– Ну, и чего встали? Грузимся на борт, самолёт вылетает по расписанию.

Я показал, как через шлюзовую пройти в пассажирский отсек, пристегнул их, а то мало ли, ещё думал пелёнки подложить, вдруг не сдержат своих чувств, в данном случае испуга и ужаса, но не стал. Жаль, конечно, кресла, если испачкают, но... вылизывать заставлю. Я указал на экраны перед ними:

– Сюда пойдет картинка, и вы говорите, правильно мы летим, или нужно взять правее или левее. Я не знаю, где ваша Академия.

– Мы поняли, – переглянулся с учеником архимаг.

На всякий случай комп челнока пристально отслеживал всё, что делали маги. Я прошел в рубку, поднял машину в воздух и направился вдоль речки в сторону герцогства. Летели мы на высоте километра, и уже через сорок минут маги начали узнавать родные места. Наконец мы нашли город, сели на площади у стен Академии рядом с каким-то дворцом, распугав жителей. После чего я отстегнул ремни и прошёл в пассажирский отсек, с подозрением приюхиваясь. Похоже, штаны те не испачкали, молодцы.

– Можете выходить, и не забывайте наших договорённостей. В вашем мире я не планирую задерживаться, но хотел бы получить то, что мне нужно.

– Мы помним о договорённости, и приложим все усилия, чтобы как можно быстрее искупить вину за уничтожение вашего летательного средства.

– Вот-вот, помните об этом.

Маги спустились по раскладной лестнице на брусчатку площади и поспешили к дворцу, где группировались солдаты и маги. Я активировал закрытие шлюзовой и сворачивание лестницы, после чего поспешил в рубку. Если попытаются сбить, я превращу этот город в огромный кратер.

Мне так и не мешали взлетать. За двадцать минут поднявшись на орбиту, я стабилизировал челнок, заодно просканировав окрестности. Было чисто, ни одного постороннего предмета. Облачившись в скафандр, я покинул борт судна и тут же убрал его в схрон. От глубины космоса, в котором я оказался без защиты, было не по себе. Я извлёк тушу крейсера. Тот начал смещаться по инерции. Пришлось задействовать ранец

скафандра и догонять. Кстати, этот лёгкий крейсер относился к типу рейдера, почему я его и выбрал. Доки, ремонтные мастерские, отличная расширенная медсекция, мощное вооружение, крепкая броня и великолепные скоростные характеристики – в общем, не корабль, а сказка.

После опознавания я прошёл шлюзование, убрал скафандр в специальную нишу и побежал в рубку. Нужно остановить инерцию корабля, а лучше вообще перегнуть его на орбиту и поставить точно над ботом. Я дал магам неделю. За это время я собирался поднять бот на орбиту и отремонтировать, подходящие запчасти на складах корабля были. Две такие же машинки были приписаны к кораблю и стояли на лётной палубе. Всего на крейсере было двенадцать единиц палубного флота, больше лётная палуба просто не вмещала.

\* \* \*

Аккуратно уместив челнок на площади столицы, причём опоры встали точно там, где оставили следы неделю назад, я заглушил двигатель, но остальные системы оставил активными. Меня заметили издалека, и стражники очистили площадь от зевак. Те перебрались на соседние улицы и оттуда глазели. Даже крыши и чердаки оккупировали. Похоже, никогда подобного не встречали.

Пока открывалась наружная створка, я наблюдал за народом с помощью внешних камер. Моё внимание привлёк паренёк лет восемнадцати в дворянских одеждах и со шпагой на поясе. Зин был прав, Стражи с ходу узнают друг друга. Этот парень точно Страж, значит, моя уловка сработала, и он сам меня нашёл. Ай да я, ай да молодец!

Быстро сбежав по лестнице, я энергичным шагом направился к парню, проигнорировав встречающих. Тот не был удивлён, тоже опознал меня. Подойдя вплотную к окружившей корабль шеренге солдат – одного даже нервный тик пробил, – я посмотрел в глаза местному Стражу:

– Стажёр?

Тот покачал головой.

– Выход в Астрал есть? Пользоваться умеешь?

На этот раз кивок.

– Мне нужно передать сообщение Старейшинам, сможешь?

Снова кивок.

– Какой немногословный Страж, – задумчиво пробормотал я, после чего глянул на солдата и велел: – Этого ко мне пропустите... Идём, парень.

Почему Страж молчал, я понял чуть позже. Оказалось, мне попался

единственный немой с рождения Страж. Ладно, хоть он спокойно вышел с помощью магического амулета в Астрал и связался со Старейшинами. Общался он магическими «эсэмэсками».

Как только появилось изображение молодого парня лет двадцати пяти, видимо старшего у Старейшин, я сообщил, кто я и какое задание выполнял. Немой Страж передал мне свой прибор, так что я это делал без проблем. Мы видели друг друга, как будто стояли рядом.

– Мы в курсе, куда ты был направлен. Скажи, у тебя получилось добыть сведения о том, как перемещаться через миры порталами?

– Да. Этот прибор называется «вариатор». Я выторговал три. Один оставляю себе, два вам. Кому и как передать? Вам?

– Нет, не мне. Запиши номер мира с космической цивилизацией, где находятся два наших специалиста по внеземным технологиям, они займутся копированием. Твоя последняя задача – доставить эти приборы к ним и передать лично в руки Стражу Тину или Стражу Хору. Чуть позже Муму – так звали немого Стража, – свяжет тебя с ними, и вы договоритесь, как встретиться.

– Понял, – кивнул я, быстро записывая на листке длинный код неизвестного мне пока мира.

У меня было несколько каталогов с координатами миров, один из искинов Центра подарил на прощание, заметно облегчив мне поиски своего мира. Я тайком снял копии. Надеюсь, нужный мир есть в этих списках. Правда, искины честно признались, что они знают координаты лишь двух-трёх процентов миров. Но это не страшно, я просто не получу описания мира, а так «вариатор» его высчитает.

Потом я общался со Стражем Хору, тот просветил, каков тот мир. Ну, понятно, космическая цивилизация. А также дал свои координаты для связи. Мне нужно только сообщить, где я нахожусь, и те меня заберут, или пришлют своих людей. Потом он пытался узнать примерное время моего прибытия, но я и сам не знал. Страж найден, сообщение отправлено и получено, так что в принципе могу отправляться немедленно. Нужно лишь вычислить, где будет портал, если не в нужный мир, то в ближайший, из которого легче попасть в конечную точку.

После этого Страж Муму что-то написал на своём магическом планшете и передал его мне. Вот что там было:

«На тебя сейчас начнут охоту все, кто сможет. В Астрале прошла информация, что скопировать и повторить эти приборы невозможно. Будь осторожен в чужих мирах, сети раскинут. “Вариаторы” – это такой куш, мимо которого ни один Страж не пройдёт».

Удивлённо посмотрев на Стража, я кивнул:

– Благодарю за предупреждение. Я пока стажёр, и мне недоступен Астрал.

«Пожалуйста, – ответил тот. – Нужно поторопиться, герцог ждёт. Всё готово для торжественной встречи».

– А эти петухи с какого бока мне сдались? Я собрался встретиться с архимагом. Узнать у него, подобран ли учитель, и пройти процедуру активации Дара. Способности к магии в путешествии лишними, как я убедился, не будут. Когда два мудака раскурочили мой бот, я был очень впечатлён.

«Провести активацию могу и я. За это ты возьмешь меня в космические миры, где машинные цивилизации. Там мне могут помочь с голосом. Я общался со Стражами оттуда, они рассказывали».

Достав медицинский сканер, я проверил горло Стража и хмыкнул.

– Ну, это и я могу исправить, на корабле есть такое оборудование, в тех мирах и не снилось. Только какой смысл? При перерождении всё это вернётся, а на другие ветки ты попасть не сможешь, всё равно сюда выкинет.

«Всё же эта жизнь тоже имеет значение, и я хочу прожить её достойно. К счастью, есть с кем».

– Ну, ладно. Договор? – Мы пожали рук, договор был скреплён.

Мы прошли на корму, где было достаточно пространства для ритуала. Правда, мне всё же пришлось убрать ряд кресел в пол. Страж быстро собрал какую-то пентаграмму, на концах которой сияли драгоценные камни, написал инструкцию на планшете и дал мне ознакомиться. Ничего сложного: дождаться искусственного пробуждения Дара, этим Муму займётся, потом сплести сетку из магических линий и накинуть её на себя. Та сама ляжет как надо.

Я прошёл в пентаграмму, и тот начал творить. Силу я взял под контроль быстро и стал плести сетку. Стоило только подумать, и на указательных пальцах засияли точки, из которых потянулись нити. Сама сеть была не сложна в работе, вот только с теми волосками, что у меня получались, работать было даже легче, хотя я с некоторым трудом мог их рассмотреть. Лупу бы.

Стража это не удовлетворило, он заставил развеять эту сетку и плести её заново, но куда более толстыми линиями. На мой вопрос, зачем это надо, тот написал, что не стоит сообщать чужакам мой уровень. Это было логично, и я его послушался. Плести из толстых нитей было заметно труднее, тонкая как-то сама собой получалась, а тут пришлось

поднапрячься. Как бы то ни было, но сетка была на мне, она будет удерживать мой Дар, пока я не возьму его под контроль, и только после этого Муму отключил пентаграмму и выпустил меня наружу. Дар у меня был неплох, но сила подкачала, слабосилком я был, вот что обидно.

Пока Муму сворачивал свою пентаграмму, я тоже занялся делом, вернул всё в салоне на место, проверил, как выгляжу, после чего направился к выходу. Страж должен ждать меня на борту челнока. Где туалет, как им пользоваться и всё остальное, я показал. Если что надо спросить, посоветуется со Стражами из других веток. Где машинная или космическая цивилизация, те подскажут, на челноках и ботах всё практически одинаково.

Муму не ошибся, меня ожидала торжественная церемония встречи. Правда, я запоздал на час из-за активации Дара, но ничего, подождали. Я не стал отказываться от торжественного обеда, поскольку был уже полдень, раз пригласили, то почему нет. Сама встреча мне, в принципе, понравилась, да и блюда были неплохи, я всё анализатором проверил на наличие яда. Чуть позже, после беседы с герцогом, который расспрашивал о других мирах, я поймал за рукав архимага и поинтересовался, выполнил ли он уговор насчет учителя. Архимаг честно ответил, что частные учителя – это пережиток старого времени, и учат сейчас узкоспециализированные маги.

– Желающие есть, но они, как бы это сказать... придерживаются слишком разных теорий магии, и выбрать из них действительно хорошего учителя трудно, – закончил ректор.

– Подождите, – остановил я его. – Вы хотите сказать, что желающих нет? А те, кто есть, больше теоретики и просто шарлатаны?

– Почему? Нет, попробовать себя на новом поприще изъявили желание семь вполне неплохих магов. Но именно магов, по магическим званиям. А это всего лишь на ступень выше подмастерья, выпускника нашей Академии или Школы.

– А из вашей Академии?

– Там желающих нет, – покачал он головой. Причём несколько резковато, видимо не хотел отправлять своих учителей со мной. Мне нужен один, но лучший. А тут, я чувю, одни проходимцы решили на шару получить молодость и уйти в другой мир, а там и сбежать от меня. Я вернулся к идее, которая пришла мне в голову, пока я ремонтировал бот на орбите. Кстати, бот я восстановил за два дня, как и планировал, а потом просто отдыхал и следил за жизнью на планете. Ну и, не удержавшись, облетел на крейсере спутник планеты. Могём, однако, даже по спутнику

пострелял, наделав там дополнительных кратеров.

Так вот, идея была проста. Снять слепки памяти по специальностям магов и сделать гипнограммы, после чего постепенно обучаться. Также нужны книги по магии и конспекты. Личный опыт магов позволит мне быстро освоить на практике то, что они знают, из доступного мне, естественно.

– Скажите, ректор, а преподаватели каких факультетов находятся сейчас на этом торжественном приеме? – очнувшись от раздумий, спросил я.

Мы с архимагом спокойно беседовали за колоннами. Я лишь раз отвлекся, чтобы подхватить бокал с вином с подноса слуги, и, проверив его анализатором, сделал глоток. Очень неплохо, напоминает мой любимый херес.

– Никаких. Должностью не вышли посещать такие приемы... Хотя нет, граф Лепестин тут, но он по дворянскому сословию вхож во дворец герцога.

– А кто он по специальности?

– Кстати, лучший артефактор герцогства. Тоже восьмой уровень в начале обучения в Академии был, сейчас седьмой. Его медицинская шкатулка произвела фурор на прошлом приеме. А так тут только доценты факультетов – это отобранные мной лучшие маги, хорошо владеющие теорией и практикой.

– Отлично, – откровенно обрадовался я. – Тогда пригласите их всех в отдельную комнату, я сейчас попрошу её приготовить. Каждый мне нужен минут на пять. Граф тоже пригодится.

– Зачем они вам? – архимаг несколько напрягся. – Они всё равно не пойдут с вами.

– Это и не требуется, я просто сниму копии их знаний по магии. Так что и учитель мне не понадобится. У вас профессиональные учителя-доценты, вот их опытом я и воспользуюсь, переделав его под себя.

– Мне тоже проходить эту процедуру?

Задумчиво посмотрев на ректора, я ответил:

– А вы знаете, лишним не будет.

Мы разошлись, я подозвал распорядителя зала и попросил предоставить мне комнату. Тот организовал всё быстро, и я установил там оборудование – койку и мощное медицинское оборудование у изголовья. Чтобы было, чему всё это питать, я достал и запустил переносной реактор. Тут начали подходить маги, и я приступил к работе. Первым прошёл процедуру архимаг, потом и остальные. Как он их уговорил, не знаю, но

даже граф был тут, хоть и с недовольной миной, но выполнил все мои указания.

Чуть позже, когда я свернул оборудование и убрал скопированные на внешние носители знания в схрон – на пластинки гипнограмм потом их перенесу, работа кропотливая и явно не для дворца герцога, – направился в зал. Веселье ещё продолжалось. Я снова поймал архимага и напомнил о конспектах и учебниках факультета артефакторики. Тот сообщил, что уже отдал распоряжение и скоро всё это доставят. До самого вечера я развлекал всех гостей смешными историями и случаями, бывшими со мной, лишь на пару минут отвлёкся, чтобы забрать ящик с книгами. Только после этого я сообщил ректору, что простил долг. Всё, что нужно, я получил. Тот ушёл от меня с огромным облегчением на лице. Похоже, я изрядно запугал старичка.

Когда вечером я вернулся на борт челнока, Муму спал на разложенных сиденьях. Видно, действительно освоился, или комп челнока помог. Подняв челнок на орбиту, я проделал ту же процедуру по вызову крейсера, на орбите я его оставлять не намеревался. Когда он в схроне, мне как-то на душе спокойно.

Потом я загнал челнок на лётную палубу крейсера и направился активировать медбокс. Время терять не хотелось, Муму своё обещание выполнил, пора и мне выполнять. Чуть позже разбудив Стража, я отвёл его в помещение медбокса. Тот шёл и крутил головой, видимо не понимая, где находится, пришлось сводить его к обзорному окну и показать Горию внизу. Впечатлило.

Операция прошла штатно, но пришлось потом повозиться, помогая Муму произнести первое слово. С помощью оборудования я подправил те участки мозга, что отвечают за речь, и помог ему начать говорить. Тот глухим не был, речь осознавал чётко, так что дальше дело за ним. Когда он сказал первое слово, шёпотом, неуверенно и с хрипотцой, у него по щекам потекли слёзы.

Следующие шесть дней ни я, ни Муму не покидали борт крейсера. Я устроил его в каюте младшего офицерского состава, сообщив, какие зоны ему недоступны, и постоянно проводил осмотры. В капсуле виртуального погружения, но уже медбокса, Муму делал первые шаги, чтобы стать полноценным человеком. Лучше всего разрабатывать лёгкие и связки пением, и он тренировался в караоке. Это была моя идея, я за день записал шесть песен из первой своей жизни, наложил музыку, и Муму крутил их, сперва пытаясь подражать пению, а потом уже и сам вел. Голос

у него получился мощный, такой сочный, красивый баритон.

Стражем я занимался не всё время, а минимально, я бы сказал, всё равно за ним следил искин медбокса, в случае чего докладывал мне через Живчика. Кстати, наручный искин – это такая охренительная вещь, что я недоумевал, как жил без него раньше? Он угадывал мои желания и моментально реагировал, выдавая ответы, мониторил ситуацию, вёл запись переговоров и моих работ, напоминая, если я что-то забывал. Главное, он полностью контролировал обстановку вокруг меня в плане безопасности.

Так вот эту неделю я возился с записями по магическому искусству. Из чёртовой дюжины я успел перенести на пластинки гипнограмм всего шесть. Одну сразу отложил, решив первой использовать – это были знания артефактора графа Лепестина.

Сегодня я прощался с Муму, тот уже вполне уверенно говорил, можно было выписывать, то есть спускать на планету. Так что попрощаюсь с ним и займусь собой. Особых противопоказаний у меня не было, так что думаю, уже сегодня выучу одну базу со знаниями артефактора, а потом месяц буду её мысленно осваивать, чтобы знания улеглись.

Я приготовил торжественный обед, мы поздравили друг друга с успехами и быстро его закруглили. Страж спешил на планету, я так думаю, у него там дама сердца, да и у меня были планы на остаток этого дня. Без проблем высадив его на планете там, где он указал – в том же герцогстве, но у другого города, я вернулся на борт крейсера. А через час вставил в приёмник пластинку с базой знаний графа и лёг на учебу. Все показания свидетельствовали, что хоть и с некоторым трудом, но я усвою эти знания.

\* \* \*

Устало вздохнув, я захлопнул конспект и уже давно привычным жестом подтянул к себе электронный планшет, взял стило и зарисовал очень сложную схему. Это были плетения стационарного артефакта, использовавшегося для охранной системы дома. Такие артефакты относятся к первому уровню сложности, модель «Тля». Приходилось делать дополнительные контуры для источников питания этой конструкции, их могло быть до шести. Кропотливая и долгая – в общем, нудная работа. Несмотря на мою абсолютную неусидчивость, мне очень нравился этот раздел магии, и я весь месяц, прошедший с момента расставания со Стражем Муму, с головой отдавался освоению этого предмета. Терпел и учился. Да по-другому и быть не могло, иначе у меня

просто был бы взрыв мозга.

Я бы давно убрался из этого мира, так как получил всё, что хотел, но просто физически это сделать не мог. Та гипнограмма оказалась ошибкой. Нет, с ней всё в порядке, знания загрузились, хоть и действительно с некоторым трудом, дело оказалось в другом. Не нужно мне было действовать так рано, детскую сетку я ещё не снял, Дар свой под контроль не взял, «истинное зрение» не заработало, а тут всё разом. К тому же знания графа имели огромную теоретическую базу, всё же он учителем был, а также неслабую сторону практики и собственные разработки. Про последнее чуть позже.

Обычно как работают гипнограммы после загрузки? Сама загрузка идёт от двух до шести часов, всё зависит от объема информации, но так как у графа её было много, я впитывал его знания чуть больше семи часов. Очень тяжело было. Так вот, обычно после загрузки гипнограммы три дня спокойные, а вот потом начинает проявляться информация, и ученик, чтобы та правильно улеглась, повторяет всё или на бумаге, или в капсуле виртуального погружения. Второй вариант быстрее, но пока физически невозможен. Капсула, конечно, универсальная, но ничего о магии в её данных не было. За эти три дня, пользуясь свободным временем, я даже с помощью «вариатора» стал искать прямой путь в нужный мне мир, но, к сожалению, в каталогах такого мира не было. «Вариатор» высчитывал порталы максимум на пару месяцев, и за эти месяцы ни один портал в нужный мир не шёл, всё же другая ветка. Портал из одной ветки в другую – большая редкость. Я, например, вход в этот мир очень долго ждал. Вот и искал проходы в машинные и космические миры. Находок хватало, один даже был близкий, судя по номеру.

На третий день у меня разом произошли три события. Я почувствовал, что сила у меня под контролем, и я могу, наконец, снять сетку, сам не понимаю как, но именно понял. Потом что-то случилось со зрением: я видел всё в чёрно-белых тонах. Подсказка проявилась при взгляде на лежавший на столе неизвестный мне магический амулет, я видел тонкие линии заклинания. Кстати, у меня нити получались тоньше. Этот амулет я зарисовывал в планшет. Рядом стоял открытый кофр, так что мне пришлось даже порадоваться такому совпадению. Думаю, я быстро взял бы под контроль проявившееся «истинное зрение», но тут попёрла загруженная гипноинформация. Причём так, что я вынужден был всё убрать, схватить стило и записывать, и очень быстро. А с учётом ещё работающего «истинного зрения», это было очень трудным делом. Ладно, хоть через полчаса я умудрился отключить его, а потом снова включить, но

продолжил писать. Если я теорию не освою, то эти знания по концепции магии просто исчезнут, а этого я допустить не мог. Писал до двух часов ночи непрерывно, делая зарисовки простейших магических контуров, что изучают первокурсники. Почувствовав небольшое облегчение – информация пёрла уже не с такой силой, – воспользовался этим и лёг спать.

На следующий день стало ещё хуже, информация буквально прорывалась наружу, поэтому не поев и не умывшись, я забежал в кабинет, который стал моим классом на этот месяц, и продолжил делать записи в планшет, тот всё запоминал и откладывал в корабельный архив. Есть приходилось с ложечки, вызванный Живчиком дроид-стюард кормил меня. Так я и провёл последний месяц. На третью неделю стало легче, и я начал читать книги, конспекты и даже делал лабораторные. Для последнего был вынужден спуститься на планету. В той же Академии купил мобильную магическую лабораторию и большой запас эликсиров и других составляющих зелий. Все запасы у них выгреб. Купил также и рабочий стол мага-артефактика, там практически всё соответствовало рабочему месту ювелира. Я сделал свой первый амулет и первый артефакт. Разница между ними была только в том, что амулеты для личной защиты и бытового применения, а артефакты – боевого применения. Хотя в принципе без разницы, как называть магическую поделку.

Первым я создал погодный амулет пятого уровня для самой обычной защиты от дождя и пыли. С уровнями амулетов и артефактов дело обстоит проще, чем с уровнями Дара. У них пять уровней, которые определяются мощностью плетений встроенных заклинаний. Первый, естественно, самые мощные амулеты и артефакты. Их создание – очень сложная и кропотливая работа если не на месяцы, то на недели точно. Слабые артефактики, в зависимости от умения плести заклинания и встраивать их в заготовки, могут делать от пятого до четвёртого уровня, некоторые и до третьего дотягивают. Те, что посильнее и поопытнее, создают третий, а то и второй, ну а остальные уже делают только очень мощные маги.

Я уже сделал несколько артефактов и второго уровня. Архимаг был прав, высший порядок очень трудно мне дастся. Но трудно не значит невозможно, это ещё граф понял, и я пользовался его идеей. Сделать первый уровень я смогу, но запитать накопитель моей силы не хватит, запас у меня лишь восьмого уровня. Я, конечно, резерв свой качал, чтобы подтянуть его до седьмого, но это работа на годы. Будет у меня седьмой уровень, и резерв увеличится, но не скоро.

Так вот, граф решил, что нужно расти в умениях и опыте, а не в силе,

и проверял это на себе. Как оказалось, не зря. Он свободно создавал амулеты и артефакты первого уровня и передавал их покупателям полностью заряженными, как и требовалось согласно правилам. Причём для зарядки таких мощных магических амулетов его сил не могло хватить, год будет заряжать, если только учеников Академии привлекал, но это было не по правилам. Так вот, одним из первых разработанных амулетов графа была машина по сбору маны из пространства и загрузке её на накопителя. Дело не быстрое, но штук сорок таких артефактов и большое количество камней-накопителей ему хватало на создаваемые амулеты и артефакты.

Поясню подробнее. У графа было около сорока-пятидесяти зарядных амулетов, те питали крупные вставленные в приёмники камни от недели до месяца, там от размера зависит. А в это время граф создавал очень сложный артефакт и после окончания вставлял в него один или два накопителя, и всё было готово к продаже. Естественно, тот сначала сам проверял свою работу на полигоне. Причём чем больше граф создавал амулетов и артефактов, тем чаще к нему обращались покупатели с просьбой зарядить разрядившиеся накопителя, а у того уже другие зарядились, он их просто менял. Брал плату за работу и вставлял пустые накопителя в зарядники, ожидая других клиентов и занимаясь созданием очередного шедевра. Как ни крути, граф был гением. Другие маги работали по старинке: заполняли накопителя маной из личных источников и при этом опустошали собственные резервы.

Было приятно, что его знания усвоились и легли на мои, я уже начал создавать разработанные собственным умом артефакты. Так что мог повторить умения графа: например, уже собственноручно собрал пять амулетов зарядки накопителей. Камней у меня было не так много, на Гории это настоящий дефицит, но из запасов с исследовательской станции небольшой комплект заимел. Выковырял из украшений. Была мысль с помощью оборудования крейсера поискать алмазные месторождения на Гории, но это так и осталось в планах. Просто не было времени на это, несмотря на приближавшийся дефицит камней для накопителей.

Естественно, когда появилось свободное время, я просмотрел, что собрал с кочевников. Примерно десять процентов было откровенным мусором, который узкоглазые таскали в качестве украшений. Но вот остальное было очень даже интересным. В основном амулеты пятого уровня, но встречались четвёртого, третьего и два вообще второго. Из вторых – амулет дальнего видения, та самая труба, что я прихватил у первой встреченной банды, а также артефакт поиска живых объектов. Последний действительно имел встроенную защиту от кражи, не зря у меня тогда пальцы онемели. Когда уже совсем усвоил полученные от графа знания, я эту защиту снял. Плёвая задачка оказалась. Да и с остальными изрядно поработал. У многих накопители были на грани разрядки, я заряжал их две недели. В принципе, ещё неделя, и знания, полученные от графа, полностью усвоятся, и я уже никогда их не потеряю. Это радовало, тогда можно будет отправляться в дальнейший путь. Я изредка работал с «вариатором» в те короткие минуты, когда у меня было свободное время, и тот выдал информацию, что через восемь дней на планете возникнет портал, который выходит в соседний мир с нужным мне. Прямого пути пока ни разу не попадалось. Перейду в тот мир, а потом уже отправлюсь дальше. Там будет легче. Чаще всего природные порталы открываются как раз в соседние миры.

Следующие восемь дней я занимался освоением знаний и практикой, и надо сказать, у меня практически не было свободного времени. Однако когда я закончил, то перевёл крейсер на ту орбиту, где должен был открыться портал, убрал корабль в схрон – всё магическое было в том же схроне – и на боте спустился на поверхность планеты. Портал должен был открыться в полуметре от земли, вернее даже скалы, на одном небольшом острове, который населяло очень злобное племя каннибалов. Рисковать я не стал, к тому же от их налётов все соседи страдали, и просто проштурмовал три деревушки на разных концах острова. Был день, и некоторая часть жителей, естественно, уцелела, но спрятались они в джунглях, а мне нужна была гора, именно там открывался портал.

Убедившись, что выжившие каннибалы находятся в лесу, я посадил бот, убрал его в схрон и направился к порталу. На мне был костюм разведчика, но помимо высокотехнологичного оружия, которым я был увешан, при мне были амулеты и артефакты как атакующего, так и защитного спектра. Кстати, я теперь знал, чем мой бот сбили – плазмогоном первой и второй ступени. Естественно, я такой создать не мог, но зато я так настроил защиту, что эти плазмогоны их не пробивали.

Проверил сам. Создавать плетение этого заклинания и стрелять им, как делали это ректор и его ученик, я никогда не смогу, но тем и отличались от других магов артефактики, что их поделки, бывало, ставили их вровень с сильными магами, и в бою ещё не факт, что победит тот, у кого больше силы. Больше накопителей или энергии в собственном источнике скорее обеспечат перевес. Так вот, один из созданных моим кропотливым умом артефактов второго уровня как раз и был атакующим плазмагоном второй ступени. Помучился, пару раз ошибся, но сделал. Им и стрелял. Снова снёс защиту, но после перенастроек щит стал держать шар, и тот растекался по ней.

Так что я осознал, что магия – это очень серьёзное дело, не зря прыгнул на эту ветку, и решил продолжить всесторонне развиваться, поэтому я был не против посетить и другие миры.

Быстро раздевшись и отправив все вещи, включая Живчика, в схран, я передёрнул плечами – тропики, солнце буквально прожаривало – и мысленно сплёл над собой небольшое заклинание из арсенала погодников. Граф был теоретически развитой личностью, он собрал всё лучшее из знаний других факультетов. Я довольно вздохнул, когда плетение заработало – надо мной появилось облако, защищающее от солнца. Долго оно не продержится, мало маны в плетении, но полчаса точно есть. А с учётом того, что портал откроется через пару минут, даже с излишком.

Очки были на мне, тонкая настройка позволяла видеть контуры портала, поэтому, когда тот появился, я их снял, привычно убрал в схран и, мельком осмотревшись, шагнул на другую сторону. В этот раз я должен был попасть в космическую цивилизацию. Посмотрим, куда выкинет. Я надеялся успеть быстро передать «вариаторы» Стражам и отправиться по своим делам, но, как говорится, сообщи свои планы Творцу, и вместе посмейтесь над ними. Это поговорка из мира Гории. Муму был прав, на меня устроили настоящую охоту.

*Конец четвёртой книги  
Продолжение следует*

# Примечания

1

Автор О. Шабина.